

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

ОФИЦЕРЫ
РОССИЙСКОЙ
ГВАРДИИ
В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

Белое движение в России

**Офицеры российской
гвардии в Белой борьбе. Том 8**

«Центрполиграф»

2023

Офицеры российской гвардии в Белой борьбе. Том 8 /
«Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10014-6

Книга «Офицеры российской гвардии в Белой борьбе» представляет собой восьмой том серии, посвященной истории Белого движения в России по воспоминаниям его участников. За небольшим исключением помещенные в том материалы никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширными комментариями, содержащими несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

ISBN 978-5-227-10014-6

, 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
В. Звезгинцов1	10
Н. Волков-Муромцев218	111
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Офицеры российской гвардии в Белой борьбе. Том 8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой том серии «Белое движение» посвящен участию в Белом движении (в Добровольческой армии, Вооруженных силах Юга России и Русской Армии) возрожденных полков российской гвардии.

К 1917 году гвардия включала следующие формирования. Кавалерия: 1-я Гвардейская кавалерийская дивизия (полки Кавалергардский, л.-гв. Конный, Кирасирский Ее Величества, Кирасирский Его Величества), 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия (полки л.-гв. Конно-гренадерский, Уланский Ее Величества, Драгунский и Гусарский), 3-я Гвардейская кавалерийская дивизия (полки л.-гв. Уланский Его Величества, Гродненский гусарский, Казачий, Атаманский и Сводно-казачий), кроме того, Гвардейский запасный кавалерийский полк, Гвардейский полевой жандармский эскадрон и Собственный Его Императорского Величества конвой. Пехота: 1-я гвардейская пехотная дивизия (полки л.-гв. Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский), 2-я гвардейская пехотная дивизия (полки л.-гв. Московский, Гренадерский, Павловский, Финляндский), 3-я гвардейская пехотная дивизия (полки л.-гв. Литовский, Кексгольмский, Петроградский, Волынский), Гвардейская стрелковая дивизия (полки л.-гв. 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрелковые). Артиллерия: л.-гв. Конная артиллерия, л.-гв. 1-я, 2-я, 3-я и Стрелковая артиллерийские бригады, л.-гв. 1-й и 2-й мортирные и Тяжелый артиллерийские дивизионы, л.-гв. 6-я Донская казачья батарея. Другие части: л.-гв. Саперный полк, Собственный Его Императорского Величества Железнодорожный полк, Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк, Гвардейский экипаж и рота Дворцовых гренадер.

Большинство гвардейских офицеров в годы Гражданской войны служили в различных белых армиях, прежде всего на Юге – в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии (там было в среднем около 50 офицеров от каждого полка). Некоторое число их участвовало в борьбе с самого начала (в 1-м и 2-м Кубанских походах участвовало в общей сложности 112 офицеров только гвардейской пехоты).

Первой чисто гвардейской частью Добровольческой армии стала 3-я Офицерская (Гвардейская) рота, созданная в Новочеркасске в начале декабря 1917 года из кадра расформированной Сводно-офицерской роты. В конце декабря она была переведена в Ростов и пополнена добровольцами, записавшимися в Бюро записи добровольцев в Ростове, и тогда же выделена в Отряд полковника Кутепова, составив его ядро, участвовала в боях на Таганрогском направлении, а 29 января 1918 года была влита в 3-й Офицерский батальон. Она насчитывала 70 человек и при выходе из Ростова 9 февраля 1918 года потеряла убитыми 16 человек. Во главе с полковником А.П. Кутеповым участвовала в легендарном 1-м Кубанском («Ледяном») походе в составе Сводно-офицерского (затем 1-го Офицерского, или Марковского) полка.

19 октября 1918 года путем выделения из состава 1-го Офицерского полка чинов гвардии был сформирован Сводно-гвардейский полк, который входил во 2-ю бригаду 1-й дивизии. Первоначально в него сводились все офицеры гвардии, но вскоре кавалеристы выделились в отдельные формирования. В конце сентября 1918 года он насчитывал 1000 штыков (5 рот) и понес огромные потери в бою 2 октября под Армавиром, где потерял половину своего состава – около 500 человек, было убито до 30 офицеров. 19 января 1919 года полк был включен в состав 5-й пехотной дивизии, с 6 марта по июль входил в отряд генерала Виноградова (на 26

мая – 14 июня насчитывал 2180 человек), а 8 августа 1919 года развернут в Сводно-гвардейскую бригаду. Она состояла из 1-го и 2-го Сводно-гвардейских полков и к концу июля 1919 года насчитывала до 1000 штыков и сабель. 12 октября 1919 года бригада была развернута в Сводно-гвардейскую пехотную дивизию в составе двух бригад.

Дивизия включала сводные полки 4 бывших гвардейских пехотных дивизий, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду (о них будет сказано ниже), Запасный батальон, Отдельный артиллерийский дивизион, Отдельную гвардейскую тяжелую гаубичную батарею и Гвардейскую отдельную инженерную роту. Ее бригады и части действовали раздельно на Киевском и Черниговском направлениях в составе различных отрядов и объединений, только в январе 1920 года соединившись в районе Одессы. К 20 января 1920 года дивизия насчитывала около 1000 человек. 2 марта 1920 года она была сведена в Отдельную гвардейскую бригаду: 1-й и 2-й Сводные гвардейские полки и Сводный гвардейский артиллерийский дивизион (3 батареи) в составе 2-го армейского корпуса. Дивизия участвовала в Бредовском походе и была интернирована в Польше. 16—22 августа 1920 года ее части были переброшены в Крым.

Летом 1919 года после взятия города Константинограда был сформирован еще Сводно-гвардейский батальон (1-й Сводно-гвардейский батальон). Он включал по одной роте (до 70 штыков при 4—5 офицерах каждая) полков 1-й гвардейской дивизии: л.-гв. Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского и команду конных разведчиков (л.-гв. Егерского полка) и нес службу по охране железной дороги Полтава—Лозовая, а с 10—12 сентября 1919 года вошел в подчинение командиру 2-го Сводно-гвардейского полка и участвовал в боях за Чернигов. 8 ноября 1919 года на хуторе Фелени был расформирован, и роты переданы батальонам своих полков. Летом 1919 года была сформирована и Гвардейская запасная бригада, предназначенная для пополнения частей Сводно-гвардейской пехотной дивизии. К началу осени 1919 года насчитывала более 8 тысяч человек, но за отсутствием обмундирования и снаряжения не могла выполнять свои задачи. Комплектовалась мобилизованными Хорольского, Лубенского и Пирятинского уездов. Располагалась в Лубнах, затем в районе Николаева и распалась в конце ноября – начале декабря 1919 года.

Из входивших в состав Сводно-гвардейской дивизии полков Сводный полк 1-й гвардейской пехотной дивизии был сформирован 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 года на основе 3-го Сводного батальона 1-й Гвардейской пехотной дивизии (сформированного из рот каждого из полков дивизии в конце сентября 1919 года в Прилуках и участвовавшего в боях за Киев), 1-го батальона (Сводного) 1-го Сводно-гвардейского полка, Сводно-гвардейского батальона и отдельных рот соответствующих полков. Полк входил в состав 1-й бригады дивизии и включал батальоны трехротного состава (до 50 штыков при 4—5 офицерах) каждого из полков 1-й гвардейской дивизии Императорской армии: л.-гв. Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского. К 24 ноября 1919 года полк сократился до четырех рот (Преображенская, Семеновская и две Егерские) и насчитывал 180 штыков, 35 сабель и 12 пулеметов, 3 декабря сведен в одну роту и конно-пулеметную команду, а в середине декабря в местечке Смела переформирован в Конно-егерскую роту (80 сабель при 10 офицерах и 4 пулемета), вошедшую в подчинение командира Сводного полка 2-й гвардейской пехотной дивизии, а в январе 1920 года вошедшую в прибывший на фронт Сводный батальон полка (Преображенская и две Семеновские роты). К 21 января 1920 года полк (3 роты) насчитывал всего до 100 штыков, 80 сабель и 10 пулеметов.

Сводный полк 2-й гвардейской пехотной дивизии был сформирован к сентябрю 1919 года на базе Гренадерского и Павловского батальонов и Московской роты 1-го Сводно-гвардейского полка. Он входил с 12 октября 1919 года в состав 1-й бригады дивизии и включал батальоны полков 2-й гвардейской дивизии Императорской армии: л.-гв. Московского, Гренадерского и Павловского. К 21 января 1920 года сводный батальон полка насчитывал 200 штыков, 80 сабель и 20 пулеметов.

Сводный полк 3-й гвардейской пехотной дивизии был сформирован 12 октября 1919 года на базе 1-го и 2-го батальонов 2-го Сводно-гвардейского полка. Он входил в состав 2-й бригады дивизии и включал батальоны каждого из полков 3-й гвардейской дивизии Императорской армии: л.-гв. Литовского, Кексгольмского, Петроградского и Волынского. 9 ноября 1919 года полк был сведен в батальон, от которого к 21 ноября осталось 71 человек, сведенных в роту, которая была 23 декабря слита с остатками 1-й бригады дивизии (от всей 2-й бригады оставалось 30 солдат при 6 офицерах). В январе—феврале 1920 года остатки полка (с присоединением рот, действовавших отдельно от полка) в составе своей дивизии участвовали в Бредовском походе.

Сводный полк Гвардейской стрелковой дивизии был сформирован во ВСЮР 12 октября 1919 года на базе Стрелкового батальона 2-го Сводно-гвардейского полка. Он входил в состав 2-й бригады дивизии и включал два батальона из рот полков Гвардейской стрелковой дивизии Императорской армии: л.-гв. 1-го, 2-го, 3-го и 4-го стрелковых. 9 ноября 1919 года был сведен в батальон, от которого к 21 ноября (сведен в роту) осталось 10 человек. С 27 декабря 1919 года в Одессе полк стал вновь формироваться из стекавшихся туда чинов полка в составе четырех рот и восьми команд, но его численность не превысила 200 штыков

Начало возрождению гвардейской артиллерии было положено еще 20 августа 1918 года в Екатеринодаре, где на базе офицерского кадра л.-гв. 1-й и 2-й артбригад были созданы 1-е и 2-е орудия 3-й батареи 1-го Отдельного легкого артдивизиона. Из этой батареи 28 ноября был создан «кадр Гвардейской артиллерии» в Гвардейском отряде, а 1 января 1919 года (приказ от 4 апреля 1919 года) была сформирована Сводная гвардейская артиллерийская бригада в составе батарей 1-й, 2-й, 3-й и Стрелковой артиллерийских бригад Императорской армии. На 22 мая 1919 года она включала 1-й (1-я и 2-я батареи), 2-й (3-я и 4-я) и 4-й (7-я и 8-я) дивизионы, с 1 июля – и 3-й (5-я и 6-я батареи). К концу июля 1919 года насчитывала 20 орудий. 1 августа 1919 года в состав бригады включена 9-я (в 1-й дивизион), а 1 октября – 10-я (во 2-й дивизион) батарея. Ранее она входила в состав 5-й пехотной дивизии, а с выделением из последней в октябре 1919 года гвардейских частей – в Сводно-гвардейскую пехотную дивизию. В сентябре—октябре 1919 года ее четыре дивизиона действовали раздельно, приданные различным гвардейским частям. 17 апреля 1920 года бригада была расформирована, а дивизион батарей л.-гв. 1-й и 2-й артбригад дополнен 1-й тяжелой армейской батареей и 27 апреля 1920 года переименован во 2-й Отдельный тяжелый артдивизион.

Гвардейская инженерная рота была сформирована еще в Добровольческой армии в конце 1918 года (приказы 22 мая и 23 июня 1919 года). В мае—сентябре 1919 года она входила в состав 5-й пехотной, а затем – Сводно-гвардейской дивизии. На 7 сентября насчитывала 23 офицера и 416 солдат.

В Крыму к началу 1920 года из находившихся там подразделений гвардейских частей был сформирован Гвардейский отряд полковника Петровского, который включал Гвардейский кавалерийский дивизион и пехотные подразделения, сформированные на базе Запасного гвардейского батальона. В январе—апреле 1920 года он оборонял Перекопский перешеек, понеся большие потери. Затем чины гвардии были сведены в батальон, включенный в состав 136-го пехотного Таганрогского полка, а позже из этого батальона был развернут Гвардейский отряд полковника Эссена.

В августе 1920 года на основе прибывшей из Польши Сводно-гвардейской пехотной дивизии и этого отряда был сформирован Сводный гвардейский пехотный полк. В его составе вновь были объединены все подразделения гвардейской пехоты. Он состоял из четырех батальонов (1-й, 2-й, 3-й и Стрелковой гвардейских дивизий, преобразованных из соответствующих полков дивизии) и входил в состав 2-го армейского корпуса (нового формирования). Летом 1920 года полк имел 1200, а после отхода в Крым в конце октября 1920 года – 400 штыков. После эвакуации Русской Армии из Крыма в Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса из чинов

гвардейской пехоты и артиллерии был создан Гвардейский отряд. После преобразования армии в РОВС до 1930-х годов он представлял собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть и осенью 1925 года насчитывал 527 человек, в т. ч. 303 офицера.

Офицеры гвардейской кавалерии первоначально служили в разных частях Добровольческой армии, в основном – в 1-м офицерском конном полку и Черкесской конной дивизии, а также в команде конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. Затем возрождение полков 1-й гвардейской (кирасирской) дивизии и остальных полков гвардейской кавалерии протекало отдельно. Что касается казачьих гвардейских полков, то они воевали в составе Донской армии, а дивизион Собственного Его Императорского Величества конвоя – в кубанских и терских частях. Долго находились вне основных гвардейских формирований и подразделения некоторых других полков бывших 2-й и 3-й кавалерийских дивизий Императорской армии.

Сводный полк гвардейской кирасирской дивизии начал формироваться 26 февраля 1919 года из кадра ее полков и 24 марта вошел в состав 5-й пехотной дивизии, с 22 мая – в состав Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, а 19 июня 1919 года был преобразован в 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк. Этот полк входил в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии и в июле 1919 года включал по 2 эскадрона Кавалергардского, л.-гв. Конного, Кирасирского Его Величества и Кирасирского Ее Величества полков. На 5 октября 1919 года он насчитывал 478 сабель при 28 пулеметах, 19 ноября полк вошел в состав 1-й кавалерийской дивизии (к 8 декабря 1919 года он потерял $\frac{9}{10}$ своего состава и вместе со 2-м гвардейским Сводно-кавалерийским полком насчитывал около 60 сабель).

Офицеры ряда других полков гвардейской кавалерии с конца 1918 года стали собираться в Запасном кавалерийском полку в Крыму (он входил в состав Крымской дивизии, а с 19 января 1919 года включен в состав 5-й пехотной дивизии), где к марту 1919 года были эскадроны л.-гв. Конно-гренадерского и л.-гв. Драгунского полков. В начале 1919 года во ВСЮР был сформирован также Гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион, который с 22 мая входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. 19 июня 1919 года на базе этого дивизиона из эскадронов л.-гв. Уланского Его Величества, Конно-гренадерского и Драгунского полков был сформирован 2-й Гвардейский Сводно-кавалерийский полк, который вошел в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 года он включал по два эскадрона л.-гв. Уланского Его Величества, Конно-гренадерского и Драгунского полков и на 5 октября насчитывал 19 штыков и 258 сабель при 13 пулеметах. С 19 ноября 1919 года полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии.

Понесшие огромные потери оба гвардейских кавалерийских полка 15 декабря 1919 года были сведены в Сводно-гвардейский кавалерийский полк (в составе той же дивизии) в составе четырех эскадронов. После того как в него были влиты эскадроны л.-гв. Гусарского и л.-гв. Уланского Ее Величества полков из Сводно-горской дивизии и в январе 1920 года л.-гв. Гродненского гусарского полка из Сводно-гусарского полка, этот полк включал все кадры гвардейской кавалерии.

В начале 1920 года в Крыму из находившихся там чинов гвардейской кавалерии (преимущественно лейб-драгун) был создан Гвардейский кавалерийский дивизион (Сводный гвардейский эскадрон), который входил в состав Гвардейского отряда полковника Петровского и почти полностью погиб на Перекопе в ночь на 3 апреля 1920 года.

В Русской Армии генерала Врангеля из всей гвардейской кавалерии 16 апреля 1920 года был сформирован Гвардейский кавалерийский полк в составе 8 эскадронов, по одному от каждого из гвардейских полков Императорской армии: 1-й – Кавалергардского, 2-й – л.-гв. Конного, 3-й – л.-гв. Кирасирского Его Величества, 4-й – л.-гв. Кирасирского Ее Величества, 5-й – л.-гв. Конно-гренадерского, 6-й – л.-гв. Уланского Его Величества, 7-й (сводный) – л.-гв. Уланского Ее Величества и л.-гв. Гродненского гусарского и 8-й – л.-гв. Драгунского. Этот полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (нового формирования) до эвакуации Крыма,

а в Галлиполи вошел в состав Кавалерийской дивизии, вместе с которой его чины некоторое время несли пограничную службу в Югославии.

Хотя все гвардейские части были возрождены во ВСЮР, множество офицеров гвардии принимало участие в борьбе и на других фронтах: в Прибалтике, на Севере и на Востоке России. В течение 1917-го — 1920 годов в общей сложности погибло более тысячи гвардейских офицеров. Одни только полки гвардейской кавалерии (без учета казачьих) потеряли в общей сложности 178 офицеров (52 расстрелянными, 84 убитыми в бою и 42 умершими от ран и тифа). При этом обращает внимание, что потери полков гвардейской кавалерии в Гражданской войне были существенно выше даже их потерь в Первой мировой войне.

В эмиграции в Париже было создано Гвардейское объединение. Оно входило в состав I отдела РОВС, но имело особое «Положение», согласно которому входящие в его состав полковые объединения руководствовались своими уставами и самостоятельно избирали своих председателей, о чем ставили в известность вышестоящее руководство. В него входили объединения всех пехотных и кавалерийских гвардейских полков и других гвардейских частей. На 15 мая 1935 года в Объединении состояло более 2 тысяч гвардейских офицеров: 883 пехоты, 556 кавалерии, 214 пешей и 127 конной артиллерии, 112 казачьих, 24 саперов, 14 железнодорожного полка, 47 моряков и 9 запасного кавалерийского полка; кроме того, еще 47 человек проживало на Дальнем Востоке и 101 в США.

В настоящем издании собраны воспоминания участников боев в составе воссозданных полков: Кавалергардского, л.-гв. Конного, л.-гв. Кирасирского Его Величества, л.-гв. Кирасирского Ее Величества, л.-гв. Драгунского, л.-гв. Уланского Его Величества, л.-гв. Гродненского гусарского, Терского гвардейского дивизиона, л.-гв. Конной артиллерии, л.-гв. Финляндского, л.-гв. Гренадерского и л.-гв. Саперного. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати (помещены как фрагменты из книг, так и журнальные публикации). Все эти воспоминания (за исключением мемуаров Н. Волкова-Муромцева) никогда в России не публиковались.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к теме. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранился стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки.

Поскольку в Белой армии на Юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

В. Звегинцов^{1*}

КАВАЛЕРГАРДЫ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1918—1920 ГОДОВ²

На различных фронтах Белого движения отдельные кавалергарды приняли участие в борьбе против большевиков. Имена светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена³, командующего Северо-Западной армией Александра Павловича Родзянко⁴, гетмана Украины Павла Петровича Скоропадского⁵ и фельдмаршала Финляндии барона Густава Карловича Маннергейма⁶ вошли в историю Гражданской войны.

Но только на Юге России, в рядах Добровольческой армии, кавалергарды приняли участие в этой борьбе как строевая, боевая часть. Возродившись подобно Фениксу из пепла после того, как старый полк прекратил свое существование, кавалергардские эскадроны долг свой солдатский исполнили до конца, без всякой корысти, без всякого подлого интереса.

Сильные традициями старого полка, они пронесли, с оружием в руках, через кровавые годы этой страшной борьбы незапятнанным имя Кавалергарда, столь же грозное врагу, как было оно грозно в эпоху наполеоновских войн и в Великую мировую войну. Этому послед-

¹ **Звегинцов Владимир Николаевич**, р. 11 февраля 1891 г. в с. Петровском-Звегинцове Воронежской губ. Пажеский корпус (1910)*. Ротмистр Кавалергардского полка, служил по Управлению Государственного коннозаводства. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. в финансово-экономическом комитете Крымского центра, с мая 1919 г. адъютант штаба кавалерийской дивизии 3-го армейского корпуса в Крыму, затем в эскадроне своего полка, с июня 1919 г. начальник запасной и хозяйственной части в дивизионе своего полка, с декабря 1919 г. в Сводно-кирасирском полку. Весной 1920 г. командирован в Сербию. Полковник. В эмиграции во Франции, с 1956 г. редактор «Вестника кавалергардской семьи», сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 17(27) апреля 1973 г. в Париже.

* Здесь и далее такая запись означает год окончания указанным персонажем названного учебного заведения.

² Впервые опубликовано: Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914—1920 годов. Ч. 3. Париж, 1966.

³ **Святейший князь Ливен Анатолий Павлович**, р. в 1872 г. Кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Московский университет. Ротмистр Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. В 1918 г. участник организации добровольческих частей в Прибалтике. В январе 1919 г. сформировал и возглавил «Либавский добровольческий стрелковый отряд», с января 1919 г. командующий Либавской добровольческой группой, соединившейся с Северо-Западной армией; летом – в декабре 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии. Тяжело ранен 24 мая 1919 г., с июля 1919 г. за границей. Полковник (с 6 августа или 22 мая 1919 г.). В эмиграции в Париже и Латвии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г., в 1931 г. возглавлял Общество взаимопомощи военнослужащих в Латвии. Умер 3 апреля 1937 г. в Кеммерне (Латвия).

⁴ **Родзянко Александр Павлович**, р. 13 августа 1879 г. Пажеский корпус (1899). Полковник Кавалергардского полка, командир полка Офицерской кавалерийской школы. В Северо-Западной армии; с 20 ноября 1918 г. в Отдельном Псковском добровольческом корпусе Северной армии, командир формируемых русских частей в Риге, с 23 ноября 1918 г. генерал-майор, с марта 1919 г. начальник Южной группы, с мая 1919 г. командир Северного корпуса, с 19 июня 1919 г. командующий Северо-Западной армией; с октября по 23 ноября 1919 г. помощник Главнокомандующего Северо-Западной армией генерала Юденича. Генерал-лейтенант (к августу 1919 г.). В эмиграции на Восточном побережье США, на ноябрь 1951 г. представитель полкового объединения в США, к февралю 1954 г. председатель отдела Союза пажей. Умер 6 мая 1970 г. в Нью-Йорке.

⁵ **Скоропадский Павел Петрович**, р. 3 мая 1873 г. в Висбадене. Праправнук гетмана Украины в начале XVIII в. И.И. Скоропадского. Пажеский корпус (1893). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

⁶ **Барон Маннергейм Карл-Густав-Эмиль Карлович**, р. 4 июня 1867 г. Гельсингфорский лицей, Николаевское кавалерийское училище (1889). Генерал-лейтенант, командир л.-гв. уланского Его Величества полка, начальник отдельной гвардейской кавалерийской бригады, командир 6-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Финляндии. Главнокомандующий Белой армией, к маю 1918 г. очистил Финляндию от красных, до июля 1919 г. регент Финляндии, с 1939 г. Главнокомандующий финской армией. Фельдмаршал. Умер 27 января 1951 г. в Швейцарии.

нему боевому служению кавалергардов посвящается последняя часть истории кавалергардов в Великую и Гражданскую войну.

Начало формирования. Первые боевые действия. Отход Крымско-Азовской армии на Ак-Манайские позиции

28 октября 1918 года (все числа по новому стилю) в Новороссийске командующий Сводно-гвардейским пехотным полком⁷ полковник Моллер⁸ предложил представителям полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии начать формирование своих частей при Сводно-гвардейском пехотном полку в качестве команды конных разведчиков. Это предложение, разрешавшее много различных препятствий, связанных с вопросом самостоятельного формирования гвардейских кавалерийских полков, было принято с большим удовлетворением.

На него сразу откликнулись представители трех полков: Кавалергардского⁹ и обоих кирасирских.

Через шесть дней в Новороссийск приехал полковник кирасир Ее Величества Данилов¹⁰ и принял должность начальника команды конных разведчиков.

⁷ Сводно-гвардейский полк (гвардейский Сводный пехотный полк, Сводный гвардейский пехотный полк). Сформирован в Добровольческой армии (приказ от 19 октября 1918 г.) как полк обычного солдатского состава путем выделения чинов гвардии из состава Марковского полка. Входил во 2-ю бригаду 1-й дивизии. Первоначально в него сводились все офицеры гвардии, но вскоре кавалеристы выделались в отдельные формирования. В конце сентября 1918 г. насчитывал 1000 штыков (5 рот). В бою 2 октября 1918 г. под Армавиrom потерял половину своего состава – около 500 человек, было убито 30 офицеров. 19 января 1919 г. включен в состав 5-й пехотной дивизии, с 6 марта по июль входил в отряд генерала Виноградова. На 26 мая – 14 июня насчитывал 2180 человек. 8 августа 1919 г. развернут в Сводно-гвардейскую бригаду. Командиры: полковник Н.Н. Дорошевич (до октября 1918 г.; убит), полковник А.А. Морозов (октябрь 1918 г.), генерал-майор П.Э. Тилло (25 октября 1918-го – 11 мая 1919 г.), полковник Михайлов (врид; весна 1919 г.), полковник Г.В. Сакс (врид, с 30 марта 1919 г.), полковник Е.Ф. Мантуров (врид, 22 мая – 17 июня 1919 г.), генерал-майор барон Н.И. Штакельберг (с 16 мая 1919 г.).

⁸ **Моллер Михаил Николаевич**, р. 22 апреля 1889 г. Офицер с 1909 г. Полковник л.-гв. Преображенского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; в декабре 1917 г. в 3-й Офицерской роте; в январе 1918 г. командир гвардейской роты в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир отделения гвардейского взвода, с 17 марта 1918 г. командир гвардейского взвода 3-й роты Офицерского полка. В июне 1918 г. в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. начальник хозяйственной части того же полка, с октября 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в январе – марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, к 1931 г. в Версале. Умер в 1964 г.

⁹ Кавалергардский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Офицеры полка осенью 1918 г. служили в основном в Черкесской конной дивизии. С конца октября 1918 г. кавалергарды составили взвод (с января 1919 г. эскадрон) команды конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. С 24 марта 1919 г. эскадрон полка (18 офицеров) входил в состав Сводного полка гвардейской Кирасирской дивизии. Дивизион полка с 19 июня 1919 г. входил в состав сформированного 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, где в июле 1919 г. кавалергарды были представлены 2 эскадронами. 3-й эскадрон, сформированный в Лубнах, присоединился к полку в декабре 1919 г. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии (II) и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 1 мая 1920 г. стал 1-м эскадронном гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 16 офицеров (7 расстреляно, 5 убито и 4 умерло от болезней). Командиры (н. ст): полковник Д.В. Косиковский (январь – 18 ноября 1919 г.), штабс-ротмистр (ротмистр) Г.Г. Раух (19 ноября 1919-го – 8 ноября 1920 г.), поручик Б.А. Чичерин (с 9 ноября 1920 г.). Командиры эскадронов: штабс-ротмистр барон Г.А. Остен-Дризен, штабс-ротмистр граф И.Д. Толстой, штабс-ротмистр граф А.Д. Толстой, штабс-ротмистр А.Н. Шебеко, штабс-ротмистр граф Р.В. Мусин-Пушкин, штабс-ротмистр А.А. Тимашев, штабс-ротмистр А.В. Чичерин. Начальники пулеметной команды: штабс-ротмистр А.Н. Шебеко, штабс-ротмистр П.А. Рогович, корнет М.А. Рогович, штабс-ротмистр А.А. Пашков. Полковое объединение в эмиграции – «Кавалергардская семья». Председатели: генерал кавалерии В.М. Безобразов, генерал-майор князь А.Н. Эрстов, полковник Д.И. Звегинцов; заместитель председателя – генерал-майор Н.Н. Шипов, секретарь и казначей – полковник барон К.Н. Розен, полковник В.Н. Звегинцов; представитель в Югославии – генерал-майор А.П. Половцев, в США – генерал-лейтенант А.П. Родзянко. В 1938—1968 гг. издавало на ротаторе ежегодный журнал «Вестник кавалергардской семьи», редакторы: полковник барон К.Н. Розен (до 1956 г.), полковник В.Н. Звегинцов. На 1939 г. насчитывало 110 человек (в т. ч. 85 во Франции, 71 в Париже), на 1949 г. – 60 (25 в Париже, 15 в США), на 1951 г. – 59 (22 в Париже), на 1958 г. – 41 (17 в Париже). На 1938 г. в объединении состояло также 12 кандидатов.

¹⁰ **Данилов Михаил Федорович**, р. 11 апреля 1879 г. Орловский кадетский корпус (1897), Николаевское кавалерийское училище (1899). Полковник, командующий л.-гв. Кирасирским Ее Величества полком. В Добровольческой армии с октября

Несмотря на свое название, команда конных разведчиков не имела ни одной лошади и первоначально состояла из трех кавалергардов: полковника Д.В. Коссиковского¹¹, штабс-ротмистров графа И.Д.¹² и графа А.Д. Толстых¹³ и 12 офицеров обоих кирасирских полков.

Через месяц, 28 ноября, весь Сводно-гвардейский пехотный полк был отправлен в город Ставрополь, в состав 1-й пехотной дивизии¹⁴ генерала Казановича¹⁵. Пока полк принимал участие в боевых действиях, команда была оставлена в Ставрополе для дальнейшего формирования. Но ни район, ни условия, с которыми пришлось столкнуться, не способствовали формированию. Все попытки достать оружие, седла и лошадей не увенчались успехом, и после краткого пребывания в Ставрополе команда была возвращена в Новороссийск, где и оставалась до отправки в Крым.

1918 г. командир Сводно-гвардейского эскадрона при Сводно-гвардейском полку, с 14 ноября 1918 г. по 26 февраля 1919 г. командир эскадрона своего полка, на 24 марта 1919 г. командир дивизиона своего полка в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку, с 13 апреля по 3 августа 1919 г. командир Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, с 4 августа 1919 г. командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, с 15 декабря 1919 г. по 12 марта 1920 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка. В Русской Армии командир 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, с 18 апреля 1920 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор (с сентября 1919 г.). Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции во Франции, председатель (старший руководитель) объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Париже. Умер около 11 сентября 1943 г. в Венгрии.

¹¹ **Коссиковский Дмитрий Владимирович.** Сын действительного статского советника. Училище правоведения (1903). Полковник Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с января 1919 г. в Сводно-кирасирском полку, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. командир эскадрона Кавалергардского полка, с июня 1919 г. в дивизионе своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 4 августа 1919 г. по 16 апреля 1920 г. командир 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, с апреля 1920 г. помощник командира гвардейского кавалерийского полка; 16—24 апреля, 15—19 мая, 10—11 июля врид командира того же полка. Генерал-майор. В эмиграции в Югославии. Умер 21 апреля 1944 г. в Белграде.

¹² **Граф Толстой Иван Дмитриевич.** Александровский лицей (1912). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с июня 1919 г. командир 2-го эскадрона того же дивизиона, с марта 1920 г. командир эскадрона Кавалергардского полка. В Русской Армии командир эскадрона и кирасирского дивизиона в гвардейском кавалерийском полку. Полковник. Ранен 30 июля 1920 г. у д. Черньской. На 1 июня 1921 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, в 1929—1938 гг. в Париже.

¹³ **Граф Толстой Андрей Дмитриевич.** Поручик Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с августа 1919 г. командир эскадрона, с сентября 1919 г. командир взвода. Штабс-ротмистр. В эмиграции в США. Умер 22 мая 1963 г. в Нью-Йорке.

¹⁴ 1-я пехотная дивизия. Сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. как 1-я дивизия (с 21 мая 1919 г. – пехотная). Состав: 1-й Офицерский, 1-й Кубанский стрелковый, 1-й Офицерский конный полки, 1-я Инженерная рота, 1-я Офицерская батарея и Отдельная конная сотня. Участвовала в 2-м Кубанском походе. В сентябре 1918 г. стала включать Марковский, Корниловский, Дроздовский, Партизанский и Самурский полки. 19 октября 1918 г. с выделением из Марковского Сводно-гвардейского полка стала включать две бригады. С 15 ноября 1918 г. вошла во 2-й, с 15 мая 1919 г. – в 1-й армейский корпус. Летом и на 5 октября 1919 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские, 1-й, 2-й и 3-й Марковские полки, запасный батальон (полковник Коновалов; 1122 штыка, 7 пулеметов), 1-ю артиллерийскую бригаду, 1-й запасный артиллерийский дивизион и 1-ю инженерную роту, до 27 августа – также Кабардинский полк, до 1 сентября 1919 г. – Алексеевский полк. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 7170 штыков при 148 пулеметах. 14 октября 1919 г. расформирована и разделена на Марковскую и Корниловскую дивизии. Начальники: генерал-лейтенант С.Л. Марков (до 12 июня 1918 г.), генерал-майор Б.И. Казанович (12 июня – 15 ноября 1918 г.), генерал-лейтенант С.Л. Станкевич (15 ноября 1918-го — 11 марта 1919 г.; умер), генерал-майор А.П. Колосовский (с 21 марта 1919 г.), генерал-майор Н.С. Тимановский (до 27 октября 1919 г.). Начштаба: полковник В.И. Гейдеман (до 19 ноября 1918 г.), полковник А.Н. Кардашенко (с 19 ноября 1918 г.), полковник В.А. де Роберти (до 22 июля 1919 г.), А.А. Биттенбиндер (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: генерал-майор Н.С. Тимановский (1-й, октябрь 1918-го – 31 января 1919 г.), полковник Р.М. Туненберг (2-й, 19 ноября 1918-го – 11 марта 1919 г.), генерал-майор А.Н. Третьяков, полковник Н.В. Скоблин.

¹⁵ **Казанович Борис Ильич,** р. в 1871 г. Из дворян. Могилевская гимназия (1890), Московское пехотное юнкерское училище (1892), академия Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае—июне командирован в Москву для связи с Национальным центром. С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919-го по начало 1920 г. командующий войсками Закаспийской обл. С мая 1920 г. в резерве чинов Русской Армии, с августа 1920 г. начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, с 1939 г. председатель Общества офицеров Генерального штаба, председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчеве (Югославия).

За это время число кавалергардов увеличилось прибытием штабс-ротмистров В.В. Шебеко¹⁶ и графа Р.В. Мусин-Пушкина¹⁷ и вольноопределяющихся В.К. Львова¹⁸, графа С.Д. Шереметьева¹⁹ * и графа В.В. Мусин-Пушкина²⁰.

Тогда же, на совещании старших представителей полков 1-й гвардейской кирасирской дивизии, были намечены последовательные этапы, которые стали руководящими при дальнейшем формировании. На этом совещании было решено развернуть команду в 4-взводный эскадрон, по числу полков, входящих в кирасирскую дивизию. Каждый из этих взводов являлся кадром для предстоящего его разворачивания в эскадрон и в своих внутренних полковых делах был совершенно самостоятелен. Командиром этого будущего полка оставался полковник Данилов. Что же касается других полковых команд – связи, пулеметной и комендантской, то они считались пока общеполковыми.

В начале декабря стало известно о предстоящей отправке Сводно-гвардейского пехотного полка в Крым, в состав Крымско-Азовской армии²¹ генерала Боровского²². 26 декабря, на трех пароходах: «Черномор», «Стерлей» и «Анатолий Молчанов», полк покинул Новороссийский рейд и 27-го прибыл в Феодосию, где в состав Кавалергардского взвода были зачислены

¹⁶ **Шебеко Владимир Вадимович.** Поручик Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, затем в дивизионе Кавалергардского полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, затем адъютант генерала Слащева. Штабс-ротмистр. Убит в январе—апреле 1920 г. бомбой на ст. Джанкой.

¹⁷ **Граф Мусин-Пушкин Роман Владимирович.** Поручик Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, затем (март 1919 г.) в дивизионе своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с мая 1919 г. ординарец начальника кавалерийской дивизии 3-го армейского корпуса, с октября 1919 г. корнет в дивизионе своего полка, в феврале, летом 1920 г. штабс-ротмистр (ротмистр). В эмиграции в Австралии. С 4 июня 1969 г. начальник Австралийского отдела РОВС. Умер 27 ноября 1971 г. в Сиднее (Австралия).

¹⁸ **Львов В.К.** Вольноопределяющийся Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, затем в дивизионе своего полка. Корнет (август 1919 г.). Убит 4 августа 1919 г. у с. Петровка на Хороле.

¹⁹ **Граф Шереметев Сергей Дмитриевич.** Учащийся Александровского лицея (4-й класс). Вольноопределяющийся Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, затем в дивизионе своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В эмиграции во Франции, к 1929 г. в Париже.

* Здесь и далее фамилии приводятся в авторском написании. Общепринятый официальный облик этих фамилий представлен в комментариях.

²⁰ **Граф Мусин-Пушкин Владимир Владимирович,** р. 22 января 1898 г. Гимназия. Вольноопределяющийся Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. в команде конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с марта 1919 г. в дивизионе Кавалергардского полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку; эстандарт-юнкер, с 7 марта 1919 г. унтер-офицер, с сентября 1919 г. прапорщик Кавалергардского полка. Ранен 21 февраля 1919 г. под Благодатным, к 24 марта 1919 г. корнет. В начале 1920 г. в Сводно-гвардейском эскадроне в Крыму. Ранен 3 апреля 1920 г. на Перекопе. В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку. Ранен в октябре 1920 г. Поручик. В эмиграции во Франции. Умер после 1991 г.

²¹ Крымско-Азовская Добровольческая армия. Образована во ВСЮР 10 января 1919 г. (в результате разделения Добровольческой армии на нее и Кавказскую Добровольческую) на базе Крымско-Азовского корпуса. В мае 1919 г. туда входили 5-я пехотная и Сводная конная (Сводно-кирасирский, 2-й конный, 2-й Таманский казачий, гвардейский Сводно-кавалерийский дивизионы, Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии и гвардейская конно-артиллерийская батарея) дивизии. 22 мая 1919 г. преобразована в 3-й армейский корпус. Командующий – генерал-лейтенант А.А. Боровский. Начштаба – генерал-лейтенант Н.Д. Пархомов (до 12 мая 1919 г.).

²² **Боровский Александр Александрович,** р. 6 июня 1875 г. Из дворян. Псковский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище (1896), академия Генштаба (1903). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и командир Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с 17 марта 1918 г. командир Офицерского полка. С июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, с 7 января по 31 мая 1919 г. командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской обл., затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918 г.). Уволен от службы 29 октября 1919 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии. Умер 14 декабря 1938 г. в Нише или 22 апреля 1939 г. в Скопле (Югославия).

юнкера Николаевского кавалерийского училища И.Н. Чудово-Адамович²³ и Одесского пехотного – К.А. Шендель.

1 января 1919 года эскадрон конных разведчиков отделился от полка, погрузился в эшелон и на следующий день выгрузился на станции Рыково, в 70 верстах к югу от Мелитополя, и стал в экономии Старого Люца.

Прибытие эскадрона в Мелитопольский уезд совпало с усилением деятельности различных шаек и банд: Махно, Григорьева, Зубкова, Щуся, Апанасенко, Колоса, Левка Задова и прочих, более мелких воровских атаманов. Все эти банды, прикрываясь различными «политическими лозунгами и платформами»: анархистов, коммунистов, социал-революционеров, самостийников, имели одно, связывающее их воедино общее – грабеж населения. Немцы-колонисты, русские хуторяне, татары, богатые села и местечки жили под вечным страхом воровского налета, насилия и грабежа.

Одновременно с мобилизацией и получением лошадей по конской повинности эскадрон должен был поддерживать порядок в уезде и вести борьбу со всеми этими бандами. И это – при почти полной неподготовленности всего строевого состава, как людей, так и лошадей, и отсутствии вооружения, обмундирования и конского снаряжения.

Все приходилось добывать самим и с огромными трудностями. Особенно остро стоял вопрос седел и шашек. Что же касается винтовок, то они были самых различных образцов. Были русские, трехлинейки и берданки, немецкие и австрийские, японские, попадались старые французские, системы Гра, и даже итальянские, захваченные при разбитии банды Зубкова. Все это разнообразие сильно осложняло вопрос питания патронами.

Вопрос вооружения и пополнения армии снарядами и патронами в начале Гражданской войны являлся самой трудной задачей для белого командования не только на Юге России, но и везде, где только велась борьба против большевиков.

Трудность заключалась в том, что почти вся военная промышленность России была сосредоточена в трех главных районах: в Петроградском, в Поволжском и в Центральной России. В главном из них, в Петроградском, находились: Путиловский, Обуховский, Ижорский и Петроградский оружейные заводы, патронный и трубочный заводы и арсенал. В пригородах столицы, в Охте, было два завода: пороховой и взрывчатых веществ, в Сестрорецке – оружейный завод. В Поволжском районе имелись оружейные заводы в Ижевске, Воткинском и в Симбирске. В Перми – оружейный, в Самаре – трубочный и взрывчатых веществ, в Казани – пороховой. В Центральной России, в Туле, было сосредоточено все производство пулеметов и большинства винтовок. Там же имелся патронный завод. В Тамбове был пороховой завод, в Брянске – арсенал.

Вся эта военная промышленность, при тогдашнем состоянии воздушной техники, была вне досягаемости белых армий, и только Луганский патронный завод, на границе Войска Донского, Шостенский пороховой завод, в 25 верстах к северу от Глухова, да Киевский арсенал были захвачены силами Юга России. Кроме того, в руках большевиков имелись все запасы, оставшиеся от старой Императорской армии, что, все вместе взятое, давало им несоразмеримое преимущество перед всеми белыми армиями.

Последние, в особенности в первое время борьбы, могли получать вооружение исключительно за счет противника, беря его с бою, ценою крови.

²³ Адамович (Чудово-Адамович) Иван Николаевич, р. в 1895 г. Кадетский корпус. Юнкер Николаевского кавалерийского училища. В Добровольческой армии (прибыл в Новочеркасск 2 ноября 1917 г. с генералом Алексеевым); адъютант генерала А.П. Богаевского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; с 14 декабря 1918 г. в эскадроне Кавалергардского полка в Сводно-гвардейском полку, с 1919 г. в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Георгиевская медаль 4 степени. Корнет (к октябрю 1919 г.). В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В эмиграции во Франции на декабрь 1963 г. казначей гвардейского объединения, с 3 июня 1947 г. по ноябрь 1951 г. также и его Распорядительного комитета. Поручик. Умер 8 июля 1976 г. в Париже.

Несмотря на все эти затруднения, дело формирования благодаря умению и усилиям всех успешно продвигалось вперед. Когда же в конце декабря приехали первые офицеры лейб-гвардии Конного полка^{24*}, эскадрон конных разведчиков скоро развернулся в 4-эскадронный полк²⁵.

Ко всем формированиям Гражданской войны совершенно неприменимы масштабы регулярных армий. Все эти дивизии, бригады, полки, роты, эскадроны и батареи по своему боевому составу ничего общего со своими наименованиями не имели. Так было и у кавалергардов. Временами они имели три, иногда два, чаще всего один эскадрон, боевой состав которого редко превышал 100—120 шашек, падая часто до трех-двух десятков. Все это зависело не столько от пополнения людьми, сколько от наличия конского состава.

Первоначально в Сводном полку эскадронами командовали: 1-м кавалергардским – полковник Коссиковский, 2-м конногвардейским – штабс-ротмистр князь Оболенский²⁶, 3-м – кирасир Его Величества штабс-ротмистр Вик²⁷, 4-м – кирасир Ее Величества штабс-ротмистр Рубец²⁸. Одновременно были сформированы общеполковые команды: пулеметная, нестроявая

²⁴ Лейб-гвардии Конный полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Офицеры полка осенью 1918 г. служили в основном в Черкесской конной дивизии. С января 1919 г. конногвардейцы составили эскадрон команды конных разведчиков Сводно-гвардейского полка. С 24 марта 1919 г. эскадрон полка входил в состав Сводного полка гвардейской Кирасирской дивизии. Дивизион полка с 19 июня 1919 г. входил в состав сформированного 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, где в июле 1919 г. конногвардейцы были представлены 2 эскадронами. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии (II)* и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 1 мая 1920 г. стал 2-м эскадронам гвардейского кавалерийского полка. В сентябре 1920 г. эскадрон расформирован и вошел в конвой Главнокомандующего. Полк потерял в Белом движении 18 офицеров (5 расстреляно, 12 убито и 1 умер от болезней), по другим данным – 23 (в мировой войне – 12). Командиры: штабс-ротмистр князь А.С. Оболенский (январь 1919 г.), штабс-ротмистр С.И. Таптыков (декабрь 1919 г.). Командир эскадрона – штабс-ротмистр Буда-Жемчужников. Полковое объединение в эмиграции («Союз конногвардейцев», с 1939 г. – «Конногвардейское объединение») создано в 1923 г. в Париже, к 1931 г. насчитывало 105 человек, к 1939 г. – 64 (в т. ч. 27 во Франции, 12 в Париже), к 1949 г. – 51 (12 в Париже, 7 в США), к 1951 г. – 50, к 1958 г. – 55 (14 в Париже). Почетный председатель – Великий Князь Дмитрий Павлович; председатели: генерал-лейтенант А.А. Мосолов, генерал-майор граф Ф.М. Нирод, камергер Г.И. Вуич (с 1951 г.), штабс-ротмистр барон В.А. фон дер Пален; секретари: камергер Г.И. Вуич, полковник В.Ф. Козлянинов 1-й (к 1951 г. хранитель музея), ротмистр А.П. Тучков, казначей – ротмистр князь К.А. Ширинский-Шихмагов, представитель в Югославии – полковник Г.Г. Стенбок, в США – штабс-ротмистр князь С.С. Белосельский-Белозерский 2-й, старший в Париже – полковник А.А. Клюки фон Кругену. В 1953—1967 гг. издавало на ротаторе ежегодный журнал «Вестник конно-гвардейского объединения» (редактор – ротмистр А.П. Тучков).

* Здесь и далее так обозначается порядковый номер формирования воинского соединения с таким номером и названием.

²⁵ Сводный полк гвардейской кирасирской дивизии. Начал формироваться во ВСЮР 26 февраля 1919 г. Сформирован 24 марта 1919 г. в составе 5-й пехотной дивизии Крымско-Азовской армии из кадра полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии Императорской армии. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса (II). 19 июня 1919 г. преобразован в 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк. Командир – полковник М.Ф. Данилов (с 13 апреля 1919 г.), врид полковник Н.А. Петровский (18 мая – 4 июня 1919 г.).

²⁶ **Князь Оболенский Александр Сергеевич**, р. 11 декабря 1895 г. в Пятигорске. Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. командир эскадрона своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 21 февраля 1919 г. под с. Благодатным у Мелитополя.

²⁷ **Фон Вик Петр Алексеевич**, р. 7 марта 1894 г. Из дворян Симбирской губ. Симбирский кадетский корпус (1910), Николаевское кавалерийское училище (1912). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; осенью 1919 г. в эскадроне конных разведчиков в Сводно-гвардейском полку, с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с 9 ноября 1918 г. в эскадроне своего полка, с 30 декабря 1918 г. командир того же эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 24 марта и на 12 мая 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, весной 1920 г. начальник хозяйственной части полка до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в Константинополе, в Чехословакии и Франции, секретарь полкового объединения л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Париже, на ноябрь 1951 г. заведующий музеем полка. Умер 3 мая 1955 г. в Париже.

²⁸ **Рубец Иван Филиппович**, р. около 1889 г. Николаевский (2-й) кадетский корпус (1909), Николаевское кавалерийское училище (1911). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1918 г. в ячейке своего полка, с декабря 1918 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. помощник командира того же эскадрона в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. С 6 января по 14 апреля 1919 г. командир эскадрона. Контужен 14 апреля 1919 г. В Русской Армии с августа 1920 г. в Запасном кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Полковник. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. – в США, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 8 июня 1972 г. в Найке (США).

и комендантская, все три под начальством кирасир Ее Величества штабс-ротмистров Гончаренко²⁹, Деконского³⁰ и Спешнева³¹.

В январе кавалергарды получили 70 лошадей завода Фальц-Фейна, прекрасных статей, но совершенно невыезженных, прямо из табуна, незнакомых даже с недоуздом.

Кроме офицеров и незначительного числа кавалергардов, все остальные члены эскадрона могли в лучшем случае только сидеть на лошади. Понятно, что на первых порах «кооперация» этих двух «элементов», неумелого всадника и невыезженной лошади, была донельзя слабая.

Когда же с эшелом беженцев прибыл старый кавалергард, старший унтер-офицер Гневшин³², назначенный вахмистром, то с этого момента эскадрон быстро принял внешний строевой вид и внутреннюю крепкую спайку.

Первоначально рядовой состав эскадрона состоял наполовину из немцев-колонистов, вступивших в ряды эскадрона сразу по прибытии полка на станцию Рыково. Другую половину составляли мобилизованные жители Мелитопольского уезда и добровольцы.

Если о колонистах и о мобилизованных можно было иметь всегда исчерпывающие данные, то не всегда можно было быть уверенным в правдивости тех сведений, которые давали о себе добровольцы.

Три случая в самом начале формирования подтвердили ту сугубую осторожность, которую надо было соблюдать в отношении поступающего пополнения. Хорошо знающий строевую кавалерийскую службу, отличный ездок, старший унтер-офицер Н-ского полка Мак оказался в колонии Эйгенфельд, он начал вести с другим, тоже якобы добровольцем из Одессы, Гвоздевым, советскую пропаганду в эскадроне. Оба были расстреляны в Эйгенфельде. Третий случай произошел с кавалергардом Гумбертом. Отправленный в хозяйственную командировку в уезд вместе с другим кавалергардом Руденко, он был им убит. Сам Руденко перешел к красным.

В начале 1919 года кавалергарды имели в строю 80 всадников и столько же пеших при хозяйственной части полка. Приблизительно такое же число имели и другие эскадроны, и для разросшегося Сводно-кирасирского полка экономия Старого Люца стала тесна.

22 января полк, официально – еще команда конных разведчиков, перешел в немецкую колонию Эйгенфельд, она же – графа Киселева, красиво расположенную на берегу реки

²⁹ **Гончаренко Николай Михайлович**, р. 16 февраля 1893 г. Пажеский корпус (1912). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; с августа 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с 14 ноября 1918 г. в эскадроне своего полка, с декабря 1918 г. начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, 6 января – 14 апреля, 6 июля – 24 декабря 1919 г. и 9 февраля —14 марта 1920 г. начальник пулеметной команды в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии (1-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку), ротмистр. Ранен 14 апреля 1918 г. и в феврале 1920 г. В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма (с 7 августа 1920 г. командир эскадрона, 18—28 августа 1920 г. врио командира полка). Полковник. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на корабле «Истерн-Виктор». На 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Югославии. В эмиграции во Франции. Умер 15 января 1969 г. в Париже.

³⁰ **Деконский Федор Алексеевич**. Александровский лицей (1910). Поручик запаса л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (переведен в полк 7 ноября 1918 г.), с декабря 1918 г., на 12 мая 1919 г. начальник нестроевой команды в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Ранен 4 апреля 1919 г. 15 июля – 15 сентября 1919 г. командир эскадрона в 1-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Штабс-ротмистр (март 1919 г.). Убит 15 сентября 1919 г. у с. Британы Черниговской губ.

³¹ **Спешнев Георгий Николаевич**, р. в 1887 г. Штабс-ротмистр запаса армейской кавалерии. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. начальник комендантской команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с января 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, переведен в полк 20 апреля 1919 г., с 24 марта и 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с апреля 1920 г. комендант тылового района в гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Югославии, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка; на 1938 г. представитель полкового объединения в Югославии.

³² **Гневшин Афанасий Никифорович**, р. 1 мая 1885 г. в с. Борисовка Курской губ. Старший унтер-офицер Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января, в ноябре 1919 г. вахмистр в эскадроне Кавалергардского полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, подпрапорщик. Ранен 12 августа 1919 г. у Британ. Корнет. В эмиграции с 1923 г. в США. Основатель в 1929 г. и до января 1938 г. председатель Всероссийского крестьянского союза. Умер 25 июля 1938 г. в Лейквуде (США).

Большой Утлюк. Кавалергарды вместе с кирасирами Его Величества заняли Эйгенфельдскую школу, большое двухэтажное здание. Там же находилось и общее для всех эскадронов полковое Офицерское собрание, что не могло не иметь огромного значения для снабжения и спайки в общую полковую семью всех офицеров четырех полков, столь разных по своему внутреннему укладу и обычаям.

1 февраля полку пришлось впервые выполнить боевую задачу. В этот день под командой кирасира Его Величества штабс-ротмистра князя Черкасского³³ с 15 кирасирами было отправлено 11 конногвардейцев с штабс-ротмистром Таптыковым³⁴ и 18 кирасир Ее Величества с поручиком Веселовским³⁵ с двумя пулеметами. Отряду было приказано разведать район деревень Ивановка, Верхние и Нижние Серагозы, в которых, по агентурным сведениям, находилась одна из банд атамана Григорьева. Сильнейшая пурга и 20-градусный мороз продолжались во все время работы отряда. Присутствия банд нигде не было обнаружено.

17 февраля, спасаясь от бандитов, в Эйгенфельд бежали милиционеры села Ивановка. Немедленно для ликвидации банды Зубкова был выслан отряд под командой полковника Косиковского – 30 кавалергардов при штабс-ротмистре графе А.Д. Толстом, столько же конногвардейцев с поручиком князем Козловским³⁶ и 10 кирасир Его Величества с штабс-ротмистром князем Черкасским с двумя пулеметами.

Пройдя при страшной распутице за ночь больше 40 верст, отряд подошел 18 февраля к селу Ивановка. Согласно полученным сведениям, атаман Зубков и его штаб занимали школу и сельское правление. Прочие члены банды расположились в соседних домах. На колокольне и у церковной ограды стояли часовые. К сожалению, сведения эти оказались не совсем точными. Когда шедшие в голове отряда кавалергарды с штабс-ротмистром графом Толстым и эстандарт-юнкером (паж) Шрамченко вошли в село и подошли к церкви, то ими действительно были захвачены часовые в указанных местах. Всего 6 человек. Сам же Зубков с большей частью банды помещались на окраине села и успели бежать, пользуясь густым туманом, неожиданно заволочшим всю окрестность. Все же при тщательном осмотре дворов удалось уничтожить около 20 бандитов, захваченных с оружием в руках. Это первое дело показало полную надежность и боеспособность всего кавалергардского состава. Затем, пройдя через Акимовские хутора, отряд вернулся в Эйгенфельд.

По агентурным сведениям, село Рубановка, в 75 верстах на северо-запад от Эйгенфельда, служило главной базой различным бандам Зубкова, откуда высылались карательные отряды, иногда очень большие, для сбора с местного населения денежных, вещевых и продовольственных контрибуций. Сводно-кирасирскому полку было приказано выслать в это направление усиленную разведку для проверки полученных сведений.

³³ **Князь Черкасский Игорь Михайлович.** Пажеский корпус. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г., с января 1919 г. в эскадроне своего полка; с 24 марта и 12 мая 1919 г. помощник командира того же эскадрона в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, затем командир эскадрона, ротмистр; с марта 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Подполковник. В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку. Ранен в августе 1920 г. В эмиграции в Бельгии. Умер 5 марта 1975 г. в Брюсселе.

³⁴ **Таптыков Сергей Иванович.** Училище правоведения (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, ранен в феврале 1919 г. под Благодатным; с 24 марта 1919 г. помощник командира эскадрона л.-гв. Конного полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с сентября 1919 г. командир дивизиона, с декабря 1919 г., в мае 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Конного полка. Полковник. В эмиграции в Германии, затем в США. Умер 18 июля 1977 г. в Нью-Йорке.

³⁵ **Веселовский Мстислав Антониевич.** Офицер с 1916 г. Поручик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в эскадроне своего полка, с января 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском полку в Крыму, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, 5—7 июня 1919 г. командир эскадрона. Контужен 6 мая 1919 г. Убит 9—10 июня 1919 г. у с. Андреевка в Крыму.

³⁶ **Князь Козловский Андрей Владимирович,** р. в 1897 г. Корнет л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Поручик. Убит 21 февраля 1919 г. под д. Благодатное Таврической губ.

3 марта, дождавшись возвращения с разведки кирасирских эскадронов, полковник Данилов выслал отряд под командой полковника Коссиковского в составе Кавалергардского эскадрона, 40 шашек при штабс-ротмистрах М.В. Безобразове³⁷ и графе А.Д. Толстом, столько же от Конной гвардии при штабс-ротмистрах князе Оболенском и Тучкове³⁸, корнете князе Козловском и прапорщике бароне Рауше фон Траубенберге³⁹. Кроме двух кавалергардских пулеметов Люиса, отряду были приданы еще два таких же пулемета кирасир Его Величества с штабс-ротмистром Максимовым⁴⁰.

Полковнику Коссиковскому было приказано дойти до села Благодатного, откуда выслать сеть разъездов по фронту Шотовка—Агайман, в общем направлении на село Рубановка. По возвращении в Эйгенфельд кирасир отряд выступил уже с темнотой и, пройдя всего лишь 10 верст, заночевал в колонии Александерфельд. На следующий день, нигде не обнаружив красных, отряд остановился на ночлег в Свинолупских хуторах.

Было далеко за полдень, когда 6 марта отряд подходил к селу Благодатному. Во всех пройденных хуторах бандиты не были обнаружены, и только под самым Благодатным были замечены, верстах в 3—4 к северу, какие-то всадники, идущие параллельно отряду.

Полковник Коссиковский решил остановить отряд в селе Благодатном и выслать разведку на рассвете следующего дня. На колокольню и на всех въездах в село были поставлены часовые. Кроме дежурного взвода кавалергардов штабс-ротмистра Безобразова, отряд завел лошадей во дворы, расседлал и распряг пулеметные тачанки. Приблизительно через час часовой с колокольни дал знать, что верстах в трех, со стороны хутора Белый Ключ, показалась густая цепь, идущая в направлении на Благодатное. На ее флангах маячили небольшие конные группы, а за нею в пыли виднелось несколько запряжек.

Отряд был поднят по тревоге, и, пока запрягали пулеметные тачанки и седлали лошадей, полковник Коссиковский выслал на северную окраину села дежурный взвод штабс-ротмистра Безобразова с двумя пулеметами Люиса.

Красные наступали двумя волнами, захватывая фронт протяжением более версты. То, что показалось часовому повозками, оказалось орудием, открывшим по селу редкий и совершенно безвредный огонь.

Встреченная ружейным и пулеметным огнем дежурного взвода, передовая цепь красных замялась, приостановилась и стала отходить на свою вторую цепь.

³⁷ **Безобразов Михаил Владимирович**, р. в 1895 г. Из дворян, сын генерала. Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В январе 1918 г. участвовал в боях на Перекопе в составе 2-го Крымско-татарского конного полка, с апреля 1918 г. начальник Ялтинского Крымского пограничного дивизиона, с конца 1918 г. в Добровольческой армии; в эскадроне Кавалергардского полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с 24 марта 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 1919 г. ротмистр, адъютант полка. В Русской Армии с апреля 1920 г. адъютант гвардейского кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Подполковник. В эмиграции с 1936 г. в Ницце (Франция). Во время Второй мировой войны в России, затем в Зальцбурге, с 1947 г. в бельгийском Конго в Институте научного исследования Центральной Африки, с 1955 г. в Бельгии. Умер 8 мая 1957 г. в Брюсселе.

³⁸ **Тучков Дмитрий Павлович**, р. в 1893 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. Участник боев в октябре 1917 г. в Москве. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Убит 18—21 февраля 1919 г. под д. Благодатное Таврической губ.

³⁹ **Барон Рауш фон Траубенберг Георгий (Юрий) Евгеньевич**, р. в 1900 г. в Смоленске. Гимназия (1916), Пажеский корпус (1917). Прапорщик л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии; с января 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Корнет. Убит 21 февраля 1919 г. у д. Благодатное.

⁴⁰ **Максимов Петр Иванович**. Николаевское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии; осенью 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с 22 октября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с 27 октября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку. В январе 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, весной 1920 г. ротмистр, командир Сводно-кирасирского эскадрона гвардейского отряда на Перекопе, с октября 1920 г. помощник командира эскадрона до эвакуации Крыма, с 27 октября 1920 г. врио командира гвардейского кавалерийского полка. Подполковник. Ранен 27 октября 1920 г. на Литовском п-ве. В Галлиполи командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Полковник. В эмиграции во Франции. Умер 14 февраля 1939 г. в Париже.

Заметив остановку в наступлении красных, полковник Коссиковский, оставив два пулемета кирасир вести огонь, посадил взвод штабс-ротмистра Безобразова и отправил его с двумя кавалергардскими пулеметами в охват правого фланга красных. Обстрелянные пулеметами с фронта и с фланга, все цепи начали быстро отходить. Когда же из села вытянулись лавы взвода штабс-ротмистра графа Толстого и Конной гвардии, отход красных превратился в бегство. Преследуя красных, лавы врубались в цепи и доскакали до высоты хутора Белый Ключ.

В самом хуторе засела часть красных, открывших из-за плетней и заборов, окружавших хутор, огонь, почти в упор по Конной гвардии.

Бандиты понесли большие потери, и только наступающая темнота прекратила бой. Было подобрано много винтовок и полушубков, брошенных красными для облегчения бегства. Но достигнутый успех был куплен несоразмерно дорогой ценой.

Конногвардейцы потеряли четырех офицеров: командира эскадрона князя Оболенского, Тучкова, князя Козловского и барона Рауша фон Траунбенберга. Раненым – Таптыкова. Кавалергарды, кроме двух раненых, эскадрон-юнкера графа Вл. Мусин-Пушкина и унтер-офицера Шпонько, потеряли убитыми ефрейтора Понамаренко, кавалергарда Трубку и только что, за несколько дней, поступившего в эскадрон 18-летнего добровольца, лицеиста Илью Бибикова⁴¹.

Унтер-офицер Шпонько по выздоровлении вернулся в строй, но при отходе из Северной Таврии в Крым перебежал к красным и впоследствии занимал командную должность в конном корпусе Жлобы.

Понесенные потери помешали полковнику Коссиковскому выполнить возложенную на отряд задачу, и 8 марта отряд вернулся в Эйгенфельд.

В середине февраля в разведку Крымско-Азовской армии начали поступать сведения о предстоящем в ближайшем будущем наступлении Красной армии на Крым. К концу месяца стал уже обозначаться все усиливающийся нажим красных в районе Мелитополя.

К этому времени боевой состав Крымско-Азовской армии был очень незначителен, и части, входившие в армию, за редким исключением были еще в периоде формирования. Ввиду неизбежности отхода Мелитопольского отряда, было приказано отправить все обозы заблаговременно в Крым.

Обоз и хозяйственная часть Сводно-кирасирского полка были отправлены частью по железной дороге на станцию Джанкой, частью – походом на колонию Дюрмен. Эта часть шла под прикрытием кавалергардов.

12 марта полком было получено приказание: «Ввиду создавшейся на фронте обстановки, прикрыть железнодорожную магистраль Мелитополь—Джанкой и обеспечить отход Мелитопольского отряда на Чонгарский полуостров». Все четыре эскадрона получили самостоятельные участки. Кавалергарды перешли в колонию Дармштадт для наблюдения полосы от северной оконечности озера Молочного до села Чехарад. Конногвардейцы, прикрывая погрузку хозяйственной части и полковых грузов на станции Акимовка, вели наблюдение полосы Чехарад—Ефремовка. Кирасирские эскадроны наблюдали железную дорогу от станции Великий Утлюк до станции Рыково.

14 марта кавалергарды были отозваны к станции Акимовка для сопровождения отходящего в Крым колесного обоза. С ним они дошли 17 марта до колонии Дюрмен, неподалеку от села Мамут.

Странное зрелище представлял собою обоз полка, напоминавший скорее бродячий цирк или переселение народов, чем движение воинской части. Тачанки, повозки всех видов, преимущественно добротные пароконные фуры немцев-колонистов, татарские арбы, запряженные

⁴¹ **Бибилов Илья Николаевич**, р. около 1901 г. Учащийся Александровского лицея (4-й класс). Вольноопределяющийся. В Вооруженных силах Юга России; с февраля 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Убит 21 февраля 1919 г. под Благодатным.

волами и верблюдами, отара, все увеличивающаяся в пути приплодом ягнят, подводы, перегруженные всяким скарбом, с беженцами, покидавшими перед красными насиженные места, с домашней птицей и скотом...

19-го кавалергарды присоединились к полку и заняли 20-го на правом фланге полка село Ново-Григорьевка. За пять дней, что кавалергарды были в отделе, красные значительно продвинулись и к 21-му оттеснили полк на линию село Ново-Григорьевка – хутор Рыково—Ново-Алексеевка.

22-го красная пехота выбила кавалергардов из Ново-Григорьевки и принудила их отойти на деревню Стокопань. Эскадрон потерял смертельно раненным в живот 16-летнего пулеметчика Байкова. Байков был семинаристом, сыном сельского священника, замученного красными с женой и двумя дочерьми.

Все усилия Сводно-кирасирского полка выбить красных из занятой ими 21-го Ново-Дмитриевки успеха не имели, и полк отошел 23-го за проволочное ограждение на Сальковском перешейке.

Почти на плечах отходившего за сводно-кирасирами эскадрона 2-го Офицерского конного полка⁴² появились густые цепи красных, пытавшихся, но безуспешно, захватить с налета наши окопы, обороняемые ротой преображенцев и всеми эскадронами Сводно-кирасирского полка. Все атаки красных были отбиты с большими для них потерями. Поздно ночью полк отошел на ночлег в деревню Джам Булук, Васильевка тож.

Простояв весь день 24-го в резерве за пехотой, полк ушел через Чонгарский мост на ночлег в Тюб-Джанкой.

25-го полк был оттянут в колонию Дюрмен, куда подошло из запасной части пополнение, а больные люди и лошади были отправлены в обоз. Среди отправленных лошадей было много больных чесоткой. Несмотря на крайне ограниченные средства, эскадронный ветеринарный фельдшер Скирда своей энергией и прямо «братской» любовью к лошади добился скорого и полного излечения всех лошадей.

26-го полк стоял в резерве в хуторе Чирике, кавалергарды в Большой Магазинке, откуда перешли на следующий день в сторожевое охранение на Чучанском полуострове.

⁴² 2-й конный генерала Дроздовского полк (2-й Офицерский конный полк, с 10 октября 1919 г. – 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротмистром Гаевским 5 марта 1918 г. как Конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Яссы—Дон. 29 апреля 1918 г. переформирован в Конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая – 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В середине июня 1918 г. насчитывал 650 человек (6 эскадронов.). К 7 августа состоял из 7, к концу августа – из 9 эскадронов. К 11 января 1919 г. в полку осталось только 78 сабель. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. С 19 июня по осень 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польшу. Дивизион полка (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. вошел в 5-й кавалерийский полк. Из Польши полк прибыл 25 июля в составе 650 человек. 8 августа 1920 г., соединившись со своим крымским дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона. В начале августа 1920 г. насчитывал до 600 сабель, в середине октября – 500. Полк нес довольно большие потери (например, 14 мая 1919 г. – 71 человек, 5 июня – 87, 2 ноября 1919 г. у Жуковки – 50, 19 октября 1920 г. у Отрады – 30). Всего этот полк, каждый эскадрон которого в 1918-м – первой половине 1919 г. на три четверти состоял из офицеров, потерял за войну убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Для чинов полка в эмиграции установлен нагрудный знак в виде гербовой формы черного щита (копия нарукавной нашивки, носимой на левом рукаве у плеча) с серебряными буквами: в центре «Д», сверху «2», справа «о», слева «к», внизу «полка», т. е. «2-й офицерский генерала Дроздовского конный полк». Командиры: ротмистр Б.А. Гаевский, генерал-майор И.И. Чекотовский (с 11 июля 1918 г.), полковник Шумов (август 1918-го – 11 января 1919 г.), ротмистр Поспелов (с 11 января 1919 г.), полковник Б.П. Гаттенбергер, полковник И.Г. Барбович (1 марта – 7 июля 1919 г.), полковник Б.А. Гаевский (врио; 5 июня, 7—17 июля 1919 г.), полковник А.Г. Шапрон дю Ларре (7 июля — 26 ноября 1919 г.), подполковник (полковник) Д.А. Силкин (26 ноября 1919-го – 8 августа 1920 г.), полковник В.А. Амбразанцев (до августа 1920 г.), полковник М.А. Кабаров (с августа 1920 г.). Командиры эскадронов: полковник Кушелев, есаул Фролов (убит), ротмистр Михайловский (убит), ротмистр Сыкалов (убит), ротмистр Войцеховский (убит), штабс-ротмистр Малиновский (убит), ротмистр Спицын, капитан Галицкий, ротмистр Полторацкий и др.

Полк перешел в деревню Пасюрман, откуда эскадроны по очереди занимали сторожевое охранение. В хуторе Чирике в распоряжение начальника пехотной дивизии полковника Слащева⁴³ был оставлен эскадрон кирасир Ее Величества.

4 апреля красные прорвали нашу оборону у Армянского Базара и начали свое продвижение в глубь Крымского полуострова.

Гвардейский Кавалерийский дивизион⁴⁴, по эскадрону конногренадер⁴⁵, лейб-драгун и улан Его Величества и гвардейская конная батарея были подчинены полковнику Данилову, которому было приказано прикрыть железную дорогу Таганаш—Джанкой и ее ветку на Керчь. Главная линия сторожевого охранения была оттянута на высоту деревень Курчи Гирей—Кир Уйшун—Кокчегез—Кипчак Алгазы. Последние две деревни занимали кавалергарды.

В ночь на 7-е красные сбили кавалергардскую заставу в деревне Кокчегез и принудили все охранение эскадрона отойти на хутор Барак. Вследствие этого 8-го все охранение было оттянуто на линию деревень Бьюк Сунак—Той Тобе.

Между тем пехота, занимавшая станцию Таганаш, отошла, не оповестив полковника Данилова. В образовавшийся прорыв просочилась конница красных и заняла узловую станцию Джанкой, в 12 верстах к тылу от штаба отряда, стоявшего в хуторе Богемка.

Ввиду создавшейся угрозы быть отрезанным от своих главных сил, полковник Данилов отозвал всю свою разведку и охранение к хутору Богемка и отвел весь отряд в наступившей темноте на деревню Бий Су. Ночью отряд пересек железную дорогу у станции Карангут и утром 9-го пришел в деревню Бек Казы, где измотанным лошадям был дан отдых.

11-го наша пехота занимала деревни Баш Киргиз—Берекет. За исключением кавалергардов, полк стал на правом фланге пехоты, неся охранение и разведку на побережье Сиваша, в направлении на станцию Колай. Кавалергарды на левом фланге пехоты у деревни Мешен держали связь с частями армии, действующими южнее, на реке Салгир, у Нового Чамбая.

13-го пехота продолжала свой отход за реку Салгир. Полк вел наблюдение и охрану переправ через реку Бьюк Кара Су у колонии Брудерфельд деревни Джала Шибаш; кавалергарды – у колонии Дорте.

⁴³ **Слащов Яков Александрович**, р. 29 декабря 1885 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), академия Генштаба (1911). Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, с 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920 г.). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в СССР и служил в Красной армии. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

⁴⁴ Гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион. Сформирован во ВСЮР в начале 1919 г. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. 19 июня 1919 г. преобразован во 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк. Командир – полковник Д.А. Ковалинский.

⁴⁵ Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Эскадрон полка в октябре 1918-го – марте 1919 г. входил в Запасный кавалерийский полк (I), с весны до июня 1919 г. – в состав гвардейского Сводно-кавалерийского дивизиона. С 19 июня 1919 г. дивизион полка входил в состав сформированного 2-го гвардейского Сводно-кавалерийского полка, где в июле 1919 г. конногренадеры были представлены 2 эскадронами. С 15 декабря 1919 г. эскадрон полка входил в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии (II) и Сводную кавалерийскую бригаду, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. стал 5-м эскадронам гвардейского кавалерийского полка. Запасный, Сводный гвардейский дивизион. Полк потерял в Белом движении 18 офицеров (3 расстреляно, 12 убито и 3 умерло от болезней). Полковое объединение в эмиграции – «Общество старых офицеров л.-гв. Конно-гренадерского полка» (Париж). Председатели: генерал-майор Е.А. Вилламов, генерал-лейтенант В.Е. Марков, генерал-майор П.П. Гротен; заместитель председателя – полковник А.В. Дурасов; секретарь – ротмистр Г.С. Панютин, ротмистр А.А. Скрыбин, казначей – штабс-ротмистр князь А.Е. Трубецкой; заведующий музеем – ротмистр А.А. Скрыбин, полковник Г.Н. Вилламов; представитель во Франции (к 1962 г. возглавляющий Европейский отдел) – генерал-майор А.В. Попов, в Югославии – полковник Р.К. Дрейлинг, в США – полковник Ф.С. Олферьев. На 1939 г. насчитывало 59 человек (в т. ч. 24 во Франции), на 1949 г. – 42 (14 в Париже, 4 в США), на 1951 г. – 41 (6 в Париже), на 1958 г. – 25.

Прикрывая медленный, но безостановочный отход пехоты, полк вел арьергардные бои 14-го и 15-го у станции Грамматиково, под колонией Окречь и на реках Булганак и Индол. То же самое продолжалось 16-го и 17-го у станции Ислам-Терек, при отходе пехоты за ручей Киет. Среди высланных в эти дни разъездов целиком погиб разъезд кирасир Его Величества штабс-ротмистра Похвиснева⁴⁶ у колонии Ней-Хофнунг (Киянлы).

18-го полк перешел в район деревни Владиславовки, откуда вел наблюдение в сторону города Старый Крым.

20-го полк отошел на деревню Тулумчак. Рано утром 22-го красные на всем протяжении перешли в общее наступление. Сводно-кирасирский полк на своем участке, прикрывая вялую оборону пехоты и ее безостановочный отход, медленно отходил, цепляясь за все рубежи, на укрепленную позицию у Ак-Маная и стал на ночлег в колонии Киет.

Отход Крымско-Азовской армии на Ак-Манайские позиции поставил полку новую задачу, а именно: вопрос дальнейшего пополнения и организации запасной части, где должно было вестись обучение людей и выездка лошадей.

Когда полк находился в Мелитопольском уезде, пополнение производилось главным образом за счет немцев-колонистов, хуторян-собственников и мобилизаций. Край был богат лошадьми хороших статей. Колонисты и хуторяне охотно сами приводили лошадей, и вопрос пополнения конским составом не представлял большого затруднения.

Пока полку приходилось иметь дело почти исключительно с бандами местных атаманов, вопрос строевой подготовки разрешался сам собой, главным образом практикой. Другое дело было, когда пришлось столкнуться с Красной армией. Поэтому устройство запасной части стало совершенно необходимым, и уже немедленно при переходе обоза и хозяйственной части в колонию Дюрмен было приступлено к ее формированию. Запасная часть, названная сначала «депо эскадронов», была сформирована на тех же основаниях, что и полк. Запасный эскадрон, первым командиром которого был кавалергард, штабс-ротмистр Безобразов, был разделен на четыре взвода, являвшихся запасными частями соответствующих эскадронов.

Запасный эскадрон передвигался вместе с хозяйственной частью, служа одновременно ее прикрытием.

При отходе армии на Ак-Манайские позиции, запасная и хозяйственная части отошли на полустанок Сальнь. Впоследствии, когда появилась угроза оставления всего Крыма, они перешли на Кубань, в станицу Старо-Титоровскую, где оставались до окончательного очищения Крыма от большевиков.

Большинство чинов рядового звания Сводно-кирасирского полка в коннице никогда не служили. Поэтому в ближайшем тылу был устроен манеж с препятствиями и станками для рубки и уколов пиками. Там, одновременно с несением службы в окопах, велось усиленное обучение езде и владению холодным оружием. На полковом стрельбище велась учебная стрельба из винтовок и пулеметов.

Усиленные занятия скоро превратили полк в отличную боевую часть, спаянную не только одной внешней дисциплиной, но и боевым товариществом и тесной дружбой всех его чинов. Таким полк неизменно оставался за все время его существования.

⁴⁶ **Похвиснев Борис Владимирович**, р. около 1895 г. Офицер с 1914 г., штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1918 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с января 1919 г. хозяин Офицерского собрания полка. Убит 3 апреля 1919 г. с разъездом у колонии Ней-Хофнунг (Киянлы) в Крыму.

Ак-Манайские позиции. Поиск конницы в тылу красных. Переход в наступление. Взятие Армянского Базара. Выход в Северную Таврию и охранение на Днестре

Керченский полуостров, то есть та часть Крыма, которая оставалась еще в руках Крымско-Азовской армии, представлял собой вытянутую кишку длиной около 75 верст, отрезанную от остального Крыма линией фронта, идущего от Арабатской стрелки, на севере, почти перпендикулярно к югу, на побережье Черного моря, протяжением приблизительно в 20 верст.

Единственным портом, через который шло все снабжение армии, была Керчь, связанная с фронтом железной дорогой Керчь—Владиславовка. Степь, занимавшая весь полуостров, была совершенно безлесна, сильно волниста и пересечена многими оврагами, ярами и балками. За исключением нескольких озер к югу от шоссеиной дороги Керчь—Феодосия, степь была бедна хорошей питьевой водой, зато изобиловала малопригодными для питья солеными, железистыми и серными источниками.

На этой небольшой площади скопились все тыловые учреждения армии. Ее обозы, хозяйственные части, гражданские управления, госпитали, беженцы из Северной Таврии и кадры формирующихся частей. Для последних, в особенности для конницы и артиллерии, создались тяжелые условия формирования.

Для разгрузки тыла и облегчения формирования командование армии решило перебросить на Таманский полуостров в первую очередь запасные и хозяйственные части конницы и артиллерии. Стоявшие у станции Салынь хозяйственная часть и запасный эскадрон Сводно-кирасирского полка были переведены в станицу Старо-Титоровскую, на Кубань, оставив в Керченском порту у Брянского завода небольшую часть обоза, как промежуточную базу, через которую проходило все снабжение полка.

Фронт, на котором закрепилась армия, начинался на берегу Сиваша у Арабатской стрелки, шел дальше вдоль по почти всегда сухому ручью Парпачу до озера того же названия, пересекая железную и шоссеиную дороги. К югу от озера фронт проходил западнее деревни Кунгели и упирался своим левым флангом в Черное море. Оба фланга армии прикрывались судами англо-французской эскадры и теми остатками Черноморского флота, которые еще находились в руках Добровольческой армии. Огонь этих эскадр имел подавляющее значение при отбитии атак Красной армии и при переходе в наступление 3-го армейского корпуса⁴⁷. Линия фронта не изменилась в течение тех двух месяцев, что предшествовали прорыву укрепленной позиции красных.

Район действий полка за этот период, кроме дня 27 апреля, когда он участвовал в рейде конницы на красные тылы, был исключительно северный отсек фронта Арабат—Ак-Манай. Впереди этого участка полк высылал ночные и дневные дозоры и секреты, а в глубь Арабатской стрелки наблюдение и разведку. В ночь на 27 апреля все конные части Крымско-Азовской армии: Сводно-кирасирский и 2-й Офицерский Дроздовский полки и гвардейский кавалерий-

⁴⁷ 3-й армейский корпус. Образован 22 мая 1919 г. из Крымско-Азовской Добровольческой армии. Включал 4-ю пехотную дивизию и Отдельную кавалерийскую бригаду, которая 19 июня переформирована во 2-ю кавалерийскую дивизию, а 9 июля исключена из состава корпуса, кроме 2-го Таманского и Сводно-драгунского полков. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывал 7693 человека (в т. ч. 751 офицера, 4497 строевых, 980 вспомогательных и 1465 нестроевых нижних чинов). 20 августа 1919 г. на его основе были развернуты войска Новороссийской области. Вновь сформирован 6 декабря 1919 г. в составе 13-й, 34-й пехотных дивизий. В начале 1920 г. включал также Славянский стрелковый, 1-й Кавказский стрелковый (около 100 штыков), Чеченский сводный (около 200 шашек) полки. В январе 1920 г. отошел в Крым и, включив в свой состав находившиеся там части, стал именоваться Крымским корпусом. Командиры: генерал-лейтенант С.К. Добrorольский (врид, 28 мая – 10 июля 1919 г.), генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг (10 июля – 26 августа 1919 г.), генерал-майор Я.А. Слащев (с 6 декабря 1919 г.). Начштаба – генерал-майор В.В. Чернавин (31 мая – 19 августа 1919 г.). Инспекторы артиллерии: генерал-майор М.Н. Папа-Федоров (27 июня – 15 октября 1919 г.), генерал-майор М.С. Росляков (с 14 декабря 1919 г.).

ский дивизион с гвардейской конной батареей, – выступили под начальством командира Дроздовского полка полковника Барбовича⁴⁸ для поиска в тылу красных, в районе узловой железнодорожной станции Владиславовка. Рейду конницы должна была содействовать 5-я пехотная дивизия⁴⁹, наступая по обеим сторонам железной дороги, в общем направлении на станцию Владиславовка.

На рассвете конница, имея в голове Дроздовский конный полк, подошла к деревне Камыши на Черноморском побережье и, при поддержке огня союзной эскадры, стремительным ударом прорвала охранение и фронт красных и глубоко врезалась в их тылы.

Красные начали спешно отходить на станцию Владиславовка, очистив не только Ближние и Дальние Камыши, но и деревню Аджигал. В самой Феодосии началась паника.

Однако, воспользовавшись прекращением огня судовой артиллерии, красные у деревни Тамбовки пытались остановить движение своднокирасир, шедших в правой колонне. Кавалергарды и кирасиры Ее Величества были спешены и высланы в цепь. Когда цепи подошли почти вплотную к деревне, красные начали отходить, преследуемые лавами конногвардейцев и кирасир Его Величества. Начальник полковой пулеметной команды, кирасир Ее Величества штабс-ротмистр Гончаренко, был ранен пулей в руку.

Сама станция Владиславовка была занята пехотой, понесшей довольно значительные потери, в том числе раненым начальником 5-й дивизии генерала Шиллинга⁵⁰.

⁴⁸ **Барбович Иван Гаврилович**, р. 27 января 1874 г. в Полтавской губ. Из дворян, сын офицера. Полтавская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище (1896). Полковник, командир 10-го гусарского полка. Георгиевский кавалер. Летом-осенью 1918 г. сформировал отряд в Чугуеве и 19 января 1919 г. присоединился с ним к Добровольческой армии; с 19 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. командир 2-го конного полка, 5 июня – 7 июля 1919 г. врид начальника конной дивизии в Крыму, с 5 июня 1919 г. командир Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса, с 3 июля 1919 г. командир 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с 19 ноября 1920 г. командир конной дивизии, с 11 декабря 1919 г. генерал-майор, с 18 декабря 1919 г. командир 5-го кавалерийского корпуса. В Русской Армии с 28 апреля 1920 г. командир Сводного (с 7 июля Конного) корпуса. Генерал-лейтенант (19 июля 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. В Галлиполи начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции почетный председатель Общества бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища в Белграде. С сентября 1924 г. помощник начальника, с 21 января 1933 г. начальник 4-го отдела РОВС, председатель объединения кавалерии и конной артиллерии. С октября 1944 г. в Германии. Умер 21 марта 1947 г. в Мюнхене.

⁴⁹ 5-я пехотная дивизия. Сформирована 19 января 1919 г. во ВСЮР как 5-я дивизия (с 21 мая 1919 г. – пехотная). Включала Сводно-гвардейский полк, Мелитопольский (из Мелитопольского отряда; с 27 января 1919 г. полк), Бердянский (из Бердянского отряда) и Перекопский (из Перекопского отряда) пехотные батальоны, 1-й (из формирующегося 1-го гвардейского), 2-й (из формирующегося 2-го гвардейского), 3-й (из формирующегося гвардейского сводного тяжелого) артиллерийские дивизионы, Отдельную конно-горную (из Горной батареи Сводно-гвардейского полка) и Запасный кавалерийский полк; с 26 февраля по 22 мая – также Сводный полк гвардейской кирасирской дивизии. С 21 мая входила во 2-й армейский корпус и включала Сводно-гвардейский и 1-й Сводный полки, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду, Гвардейскую инженерную роту и Запасный батальон, летом 1919 г. – 1-й и 2-й Сводно-гвардейские полки, Сводный полк 19-й пехотной дивизии, Сводный полк 20-й пехотной дивизии, 80-й пехотный Кабардинский полк, запасный батальон, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду, Отдельный артиллерийский дивизион (сформировался с 2 июля, включен 7 сентября 1919 г.; полковник Шпигель), Отдельную гвардейскую тяжелую гаубичную батарею (полковник Казачинский) и гвардейскую инженерную роту (полковник Белый). 16 июля в ее состав включен отряд генерал-майора Виноградова. В конце июля 1919 г. входила в Группу генерала Промтова. На 20 сентября 1919 г. насчитывала 3085 штыков при 48 пулеметах и 35 орудиях. 14 октября 1919 г. из дивизии была выделена Сводно-гвардейская дивизия, и в ней остались только 80-й Кабардинский и сводные полки 19-й и 20-й пехотных дивизий (с 11 ноября – 75-й, 76-й, 77-й, 78-й и 80-й полки), а также 5-я артбригада, инженерная рота и запасный батальон. Участвовала в Бредовском походе и была интернирована в Польше. В июле—августе 1920 г. перевезена в Крым и расформирована. Начальники: генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг (22 января – 28 мая 1919 г.), генерал-майор М.Н. Виноградов (28 мая – 10 июля 1919 г.), генерал-майор П.С. Оссовский (с 16 июля 1919 г.). Начштаба: полковник Б.Н. Сергеевский (с 24 января 1919 г.), полковник А.М. Шкеленко (май—июнь 1919 г.), полковник К.З. Ахаткин (октябрь 1919-го – март 1920 г.).

⁵⁰ **Шиллинг Николай Николаевич**, р. 16 декабря 1870 г. Из дворян. Николаевский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 17-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 г. в гетманской армии в распоряжении Главнокомандующего. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 сентября 1918 г. в Киевском центре, в ноябре—декабре 1918 г. заместитель представителя Добровольческой армии в Киеве, с 1 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, с 28 мая 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 10 июля 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с 12 июля одновременно главноначальствующий Таврической (с 11 августа также и Херсонской) губ., с 26 августа 1919 г. командующий войсками Новороссийской обл., освобожден 18 марта 1920 г. В эмиграции в Чехословакии, председатель кружка Георгиев-

Захватив большое количество оружия, конница вернулась на свои биваки, а полк был отведен в армейский резерв в колонию Кенегез.

На рассвете 30 апреля под покровом густого тумана красные прорвали фронт нашей пехоты, выбили ее из окопов и захватили в тылу деревни Ак-Манай и Огуз-Тобе.

Полк был спешно вызван на поддержку пехоты, но еще до его подхода к Огуз-Тобе положение на фронте было восстановлено контратакой частного резерва и главным образом огнем судов, стоявших в Азовском море. Несмотря на это, полк оставлен в резерве в брошенной жителями деревне Ак-Манай.

Татарская деревня Ак-Манай, живописно расположенная на высоком, крутом берегу Азовского моря, сравнительно мало пострадала от артиллерийского огня. Дома-сакли были чисты. В них не было ни стульев, ни столов, а по татарскому обычаю на глинобитном полу, на войлоке и циновках, было много подушек и невысокие резные столики.

1 мая полк должен был перейти в Огуз-Тобе. На переходе было получено известие, что красные вновь перешли в наступление и, несмотря на огонь эскадры, захватили окопы севернее железной дороги на Керчь и продолжают продвигаться в наш тыл.

Не дожидаясь приказа, полковник Данилов немедленно повернул полк и повел его на выстрелы. Рядом последовательных атак, пеших – кавалергарды, кирасиры Его Величества и конногвардейцы, конных – кавалергарды и кирасиры Ее Величества, продвижение красных было остановлено. Под дождем, в несокошеных хлебах перемешавшиеся цепи своднокирасир и сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии на плечах отступающих красных вновь заняли окопы и повсеместно восстановили положение. Но союзная эскадра, не разобрав ракетные сигналы, еще некоторое время продолжала бить по только что занятым окопам. Ночью весь полк отошел на Огуз-Тобе, куда пришел на рассвете совершенно промокшим под проливным дождем.

После этой вторичной, неудачной попытки прорвать наш фронт красные больше ни разу не тревожили наши части. Только изредка красная разведка и наша встречались в никем не занятой деревне Джанторы, куда и те и другие заходили главным образом для поимки домашней птицы.

Но если на фронте царило такое почти мирное затишье, то нельзя было сказать того же про тыл армии. В районе Ак-Маная, Аджимушкая и Керчи, в непосредственной близости самого города, находились огромные каменоломни. С незапамятных времен скифов, киммерийцев и греков велась в них разработка камня. За это время каменоломни протянулись под землей на много, много десятков верст. Выходы из них находились в разных местах: в старинной турецкой крепости Ени-Кале, в деревнях Ак-Манай, Аджимушкой, в поселке Новый Карантин, у Брянского завода и в самой Керчи.

В последние годы каменоломни стали притоном контрабандистов, дезертиров, а в Гражданскую войну – различных шаек бандитов и местных большевиков. Из этих каменоломен красные предпринимали целый ряд вылазок. Особенно в начале апреля, когда они захватили Царский Курган, при отбитии которого был ранен кирасир Ее Величества штабс-ротмистр Деконский. Затем 15 мая, когда им удалось временно захватить обоз Сводно-Кавказского полка и вплотную подойти к нашей полковой базе. При отбитии этого нападения в ночной темноте перемешались наши и красные цепи, и красными был взят в плен кавалергард Агафонов. Через несколько дней ему удалось обмануть бдительность бандитов и бежать, унося с собой в эскадрон две винтовки.

Но самое сильное выступление каменоломщиков было поздно вечером 8 июня. Около 23 часов красные, числом более двух тысяч с пулеметами, произвели вылазку из Аджимушкской каменоломни и двинулись в центр города. К ним присоединились местные керченские

большевики. Одно время можно было опасаться, что весь город будет в их руках. Им удалось захватить вокзал, почтамт. Сам штаб армии, помещавшийся в центральной гостинице, едва не попал целиком в их руки. Отовсюду неслись крики и беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба.

В кромешной тьме чинам штаба удалось отойти на Митридатский холм и организовать там оборону. В ней приняли участие начальник связи Сводно-кирасирского полка, штабс-ротмистр кирасир Ее Величества Гросман с шестью кирасирами, кавалергарды: адъютант штаба кавалерийской дивизии ротмистр Звегинцов и штабс-ротмистр Безобразов, везший из Старо-Титоровской в эскадрон три пулемета Люиса с восемью кавалергардами пополнения.

Остаток ночи и весь день 8-го все атаки красных на холм Митридата неизменно отбивались с большими для них потерями. Когда же ночью на 9-е в Керчь пришел вызванный с фронта 2-й Дроздовский конный полк, восстание было окончательно подавлено. Последние каменоломщики были окружены на городском кладбище и все уничтожены.

Постепенно все выходы из каменоломен были обнаружены, закурены серой и забиты. В дальнейшем никаких выступлений из них больше не производилось.

25 мая в Огуз-Тобе был получен приказ Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России от 7(20) апреля за № 617, в котором Сводно-кирасирский полк считался официально сформированным с 24 марта (6 апреля). В полученном одновременно приказе по 5-й дивизии от 6(19) мая за № 36 командиром полка утверждался полковник Данилов.

В тот же день в полку был приказ № 1, в котором перечислялся весь списочный состав полка, людей и лошадей.

В Кавалергардском эскадроне состояли: командир эскадрона, полковник Д.В. Коссиковский, офицерами: ротмистр Г.С. Воеводский⁵¹, штабс-ротмистры барон Г.А. фон дер Остен-Дризен⁵², граф И.Д. Толстой, М.В. Безобразов, Г.Г. Раух⁵³, А.Н. Шебеко⁵⁴, поручики граф А.Д. Толстой, граф Р.В. Мусин-Пушкин, корнеты П.А. Рогович⁵⁵, И.Ф. Лодыженский, граф В.В. Мусин-Пушкин, В.С. Воеводский⁵⁶ и П.А. Струков⁵⁷.

⁵¹ **Воеводский Георгий Степанович**, р. 8 марта 1891 г. в Санкт-Петербурге. 1-й кадетский корпус, Пажеский корпус (1910). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с осени 1918 г. в ОСВАГе; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Полковник. В эмиграции в Константинополе, с 1920 г. во Франции, 3 года в Берлине, снова во Франции, затем в США. Умер 8 июля 1954 г. в Лейк-Форесте (США).

⁵² **Барон фон дер Остен-Дризен Георгий Александрович**. Сын генерал-майора. Александровский лицей (1912), офицером с 1913 г. Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта 1919 г. помощник командира эскадрона своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с июня 1919 г. командир 1-го эскадрона в дивизионе Кавалергардского полка, с 24 марта 1920 г. штаб-офицер для поручений при Главнокомандующем ВСЮР, ротмистр. В Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции во Франции, в 1929—1938 г. в Париже. Умер 3 июля 1985 г. в Лондоне.

⁵³ **Раух Георгий Георгиевич**, р. 16 октября 1895 г. Сын генерала от кавалерии. Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с 24 марта 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с октября 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка, в январе—марте 1920 г. командир эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, ротмистр. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с 27 октября 1920 г. врид командира гвардейского кавалерийского полка. Ранен. Подполковник. В эмиграции во Франции (в Париже и его окрестностях), к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 11 августа 1971 г. в Париже.

⁵⁴ **Шебеко Александр Николаевич**, р. в 1892 г. Александровский лицей (1913). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с июня 1919 г. начальник пулеметной команды кавалерийского дивизиона 3-го армейского корпуса, с октября 1919 г. командир эскадрона, с ноября 1919 г. командир дивизиона Кавалергардского полка, с сентября по 7 декабря 1919 г. командир 1-го гвардейского сводно-кирасирского полка. Подполковник. В эмиграции во Франции. Умер 13 июля 1927 г. в Нейи под Парижем.

⁵⁵ **Рогович Петр Алексеевич**. Училище правоведения (1914). Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; на 24 марта 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с октября 1919 г. начальник конной-пулеметной команды 1-й кавалерийской дивизии, штабс-ротмистр; с декабря 1919 г. адъютант в гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован. После 17 июля 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь). В эмиграции во Франции. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921

Прикомандированными к эскадрону: 13-го гусарского Нарвского полка корнет Черница и запаса армейской кавалерии 57-летний корнет, директор Полтавского Императорского музыкального училища Ахшарумов. Вахмистром эскадрона утверждался подпрапорщик Гневшин, взводными унтер-офицерами: старший унтер-офицер Данилейник, младший унтер-офицер Гришин и эстандарт-юнкер (паж) Шрамченко. Каптенармусом старший унтер-офицер Васильев, помощником каптенармуса ефрейтор Беккер, ветеринарным фельдшером младший унтер-офицер Скирда, эскадронным фельдшером младший медицинский фельдшер Гвозденко.

В дальнейшем офицерский состав эскадрона увеличился в мае вернувшимся из отпуска по болезни поручиком В.В. Шебеко, из Чеченской дивизии ротмистром графом Г.А. Шереметьевым⁵⁸ и из Управления Государственного коннозаводства ротмистром В.Н. Звегинцовым и прикомандированным к эскадрону гвардейской конной артиллерии поручика Сидорова.

Строевой состав эскадрона также сильно увеличился мобилизацией и поступлением добровольцев. Среди них четыре лицеиста: Исаков⁵⁹ (убит), Герард⁶⁰ (ранен), Скаржинский⁶¹ (ранен) и Мартынов⁶² (ранен); девять кадет Полоцкого кадетского корпуса: Ситковский⁶³, Трубников (тяжело контужен), Короткий, Красиков, Вурумзер⁶⁴ (ранен), Былецкий, Стойчев, Ташкевич (убит), Критский и гимназист 2-й Киевской гимназии Бухарин⁶⁵ (ранен). Все они доб-

г., в 1938—1945 гг. в Париже (член объединения л.-гв. Егерского полка), затем в Германии. Умер в 1957 г. в Вальдперлахе (Мюнхен).

⁵⁶ **Воеводский В. Степанович.** Сын адмирала. Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В Русской Армии в июле 1920 г. командир взвода в том же эскадроне в гвардейском кавалерийском полку, прикомандирован к Американской миссии Красного Креста. Поручик. Взят в плен 17 октября 1920 г. на ст. Ново-Алексеевка.

⁵⁷ **Струков Петр Ананьевич.** Александровский лицей (1906). Чиновник Государственной канцелярии. Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне Кавалергардского полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. Умер в марте 1920 г. в Новороссийске.

⁵⁸ **Граф Шереметев Георгий Александрович,** р. 29 ноября 1887 г. в Санкт-Петербурге. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1909 г. Ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии в Чеченской конной дивизии, затем в эскадроне своего полка, с мая 1919 г. адъютант кавалерийского дивизиона 3-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции, секретарь Великого Князя Николая Николаевича, с 1950 г. священник, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 12 мая 1971 г. в Лондоне.

⁵⁹ **Исаков Николай Сергеевич.** Учащийся Александровского лицея (5-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. в дивизионе Кавалергардского полка, летом 1920 г. командир пулеметного взвода в гвардейском кавалерийском полку. Корнет в прикомандировании к Кавалергардскому полку. Убит 13 июля 1920 г. у д. Щербатовки.

⁶⁰ **Герард Николай Николаевич,** р. в 1899. Из дворян, сын действительного тайного советника. Учащийся Александровского лицея (4-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии; с весны 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен. В Русской Армии в гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Корнет. В эмиграции в Германии (к 1929 г. в Берлине). Штабс-ротмистр. Умер 12 ноября 1963 г. в Гамбурге.

⁶¹ **Скаржинский Виктор Викторович.** Учащийся Александровского лицея (5-й класс). В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен 7 ноября 1919 г. Ефрейтор. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Корнет в прикомандировании к Кавалергардскому полку. Умер в декабре 1920 г. в Галлиполи.

⁶² **Мартынов Борис Викторович.** Учащийся Александровского лицея (5-й класс). Вольноопределяющийся. В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен 12 августа 1919 г. у Британ (ефрейтор, осенью 1919 г. унтер-офицер). Корнет в прикомандировании к Кавалергардскому полку. В эмиграции во французском Конго. Умер после 1929 г.

⁶³ **Ситковский Вадим Иосифович.** Сын полковника. Кадет Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка, с августа 1919 г. младший унтер-офицер. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. С 1920 г. прикомандирован к эскадрону Кавалергардского полка. Корнет (1920 г.). Служил в Русском Корпусе. Умер 9 августа 1995 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

⁶⁴ **Вурумзер Евгений Вячеславович,** р. в 1891 г. в Вильне. Из дворян, сын полковника. Кадет Полоцкого кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России; с весны 1919 г. доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Ефрейтор. Ранен в июне 1919 г. В Русской Армии вольноопределяющийся в гвардейском кавалерийском полку. Младший унтер-офицер. Корнет (с 15 июля 1920 г.). Ранен 19 сентября 1920 г. у колонии Софиевка Нассауская под Каховкой. В эмиграции в Югославии. Чиновник. Умер в 1972 г. в Нови-Саду (Югославия).

⁶⁵ **Бухарин Евграф.** Гимназист 2-й Киевской гимназии. В Вооруженных силах Юга России с весны 1919 г.; доброволец в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен. В Русской Армии вольноопределяющийся в Гвардейском кавалерийском полку.

лестно несли боевую службу, большинство было произведено в офицеры и прикомандировано к Кавалергардскому эскадрону.

В середине мая войска Добровольческой армии в Крыму подверглись коренному реформированию. Крымско-Азовская армия была расформирована, и все ее части вошли в состав 3-го армейского корпуса, командиром которого был назначен генерал Добrorольский.

Вся конница была сведена в дивизию под начальством кавалергарда, бывшего командира улан Ее Величества, полковника И.М. Миклашевского⁶⁶. В состав дивизии вошли: Сводно-кирасирский полк (полковник Данилов), 2-й Офицерский Дроздовский конный полк (полковник Барбович), гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион (полковник Ковалинский)⁶⁷, Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии⁶⁸ (полковник Попов)⁶⁹ и гвардейская конная батарея полковника Лагодовского⁷⁰. Входивший одно время в дивизию 2-й Таманский казачий полк⁷¹ находился постоянно в отделе на левом, черноморском фланге корпуса и в боевых действиях дивизии участия не принимал. Что же касается Сводного полка Кавказской дивизии, то он был еще пешим.

Начальником штаба дивизии был назначен Генерального штаба полковник Шукевич⁷², адъютантами: кавалергарды, ротмистр Звегинцов – строевым, ротмистр граф Шереметьев –

Старший унтер-офицер. Корнет (с 15 июля 1920 г.). Ранен 19 сентября 1920 г. у колонии Софиевка Нассауская под Каховкой.

⁶⁶ **Миклашевский Илья Михайлович**, р. 15 декабря 1877 г. Александровский лицей (1899), сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1900). Полковник Кавалергардского полка, командир л.-гв. уланского Ее Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13(30) мая 1919 г. командир бригады Сводно-гвардейской кавалерийской дивизии (кавалерийской бригады 4-й пехотной дивизии). Ранен 5 июня, с 25 июля 1919 г. начальник 2-й кавалерийской дивизии, затем в резерве чинов при военном управлении ВСЮР, осенью 1919 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии 5-го кавалерийского корпуса, с 13 мая 1920 г. генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». Генерал-майор (14 ноября 1919 г.). В эмиграции во Франции, на ноябрь 1951 г. председатель объединения л.-гв. уланского Ее Величества полка. Умер 14 октября 1961 г. в Ницце (Франция).

⁶⁷ **Ковалинский Дмитрий Алексеевич**. Ротмистр л.-гв. уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с января 1919 г. начальник самообороны немцев-колонистов Пришибского района и командир Сводно-гвардейского дивизиона, затем командир дивизиона л.-гв. уланского Его Величества полка в Запасном кавалерийском полку, с весны 1919 г., в мае 1919 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, с 14 декабря 1919 г. командир 2-го Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с весны 1920 г. командир 7-го кавалерийского полка, с 10(14) октября 1920 г. командир гвардейского кавалерийского полка. Орд. Св. Николая Чудотворца. Полковник (к декабрю 1918 г.). Убит 19 октября 1920 г. у с. Рождественского.

⁶⁸ Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 2 февраля 1919 г. (формирование произошло при Инородческом полку). С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса (II). С 19 июня 1919 г. входил в состав 3-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 16-го Тверского, 17-го Нижегородского и 18-го Северского драгунских полков. В сентябре—октябре 1919 г. сведен в Сводно-Кавказский кавалерийский дивизион. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польшу. Командир – полковник П.В. Попов (май—октябрь 1919 г.).

⁶⁹ **Попов Петр Викторович**. Генштаба полковник, начальник штаба 2-й Забайкальской казачьей бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. командир Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии.

⁷⁰ **Лагодовский Борис Аркадьевич**, р. 29 марта 1892 г. Суворовский кадетский корпус (1909), Михайловское артиллерийское училище (1912). Офицер л.-гв. Конной артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 г. командир 1-й гвардейской конной батареи; с 11 октября 1919 г. командир 1-й батареи отдельного дивизиона л.-гв. Конной артиллерии 5-го кавалерийского корпуса. Полковник. В эмиграции во Франции, председатель полкового объединения, на ноябрь 1951 г. заведующий Музеем объединения л.-гв. Конной артиллерии. Умер 9—10 февраля 1972 г. в Париже.

⁷¹ 2-й Таманский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. 19 января 1919 г. включен в состав 4-й пехотной дивизии Крымско-Азовской Добровольческой армии. С 22 мая 1919 г. прикомандирован к Отдельной кавалерийской бригаде 3-го армейского корпуса (II). Участвовал в Бредовском походе. Командиры: полковник Чернов (27 ноября 1918-го – 28 января 1919 г.), полковник Б.И. Закрепа (с 28 января 1919 г.).

⁷² **Шукевич Николай Людвигович**, р. в 1886 г. 1-й Московский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1906), академия Генштаба (ускоренный курс). Офицер 16-го уланского полка, преподаватель Александровского военного училища. В Вооруженных силах Юга России; с апреля 1919 г. начальник штаба Сводно-гвардейского кавалерийского полка, в июле 1919 г. – начальник штаба 2-го Сводно-гвардейского кавалерийского полка, с 2 августа 1919 г. старший адъютант штаба 2-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма, организатор Николаевского кавалерийского училища в Крыму. Полковник. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». Умер 9 октября 1971 г. в Монфермее (Франция).

хозяйственным. Ординарцем начальника дивизии – кавалергард, поручик граф Р.В. Мусин-Пушкин.

К концу мая Добровольческая армия, после упорных боев в каменноугольном районе, заняла Мариуполь и начала свое выдвижение в сторону Мелитополя. Стало ясно, что в самом ближайшем будущем и 3-й армейский корпус должен будет перейти в наступление.

К этому все готовились и ждали с нетерпением наступления этого дня. Наконец, в ночь на 18 июня штаб дивизии разослал частям диспозицию.

По этой диспозиции коннице полковника Миклашевского была поставлена задача: «Перейти в наступление по фронту: побережье Сиваша – деревня Тулумчак, в общем направлении на станцию Ислам-Терек. После прорыва фронта красных и взятия деревни Тулумчак направить 2-й конный полк к югу, в сторону железной дороги. Сводно-кирасирский – к северу, на деревню Кият. Связь между этими двумя полками поддерживает гвардейский Сводно-кавалерийский дивизион. Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии наступает во втором эшелоне, служа поддержкой конным частям».

Арабатскому отряду полковника Римского-Корсакова⁷³, в составе конного эскадрона лейб-драгун и пешего полуэскадрона кирасир Ее Величества, было приказано прикрыть тыл наступающих частей, перейдя в наступление вдоль по Арабатской стрелке в направлении на город Геническ. Полковнику Римскому-Корсакову, кроме английского легкого крейсера «Калипсо», должны были содействовать русские суда Азовской флотилии отряда мичмана Севастьянова: вооруженные двумя пушками Гочкиса и четырьмя пулеметами пароходы «Граф Игнатъев» и «Гидра» и легкие вооруженные катера «Барабанщик» и «Вера».

В своем продвижении отряд сбил 26-го красных у деревни Чакрак и занял 30-го брошенный красными город Геническ, где было захвачено огромное количество обмундирования, снаряжения, вооружения и продовольственные склады.

Было еще совершенно темно, когда, в половине второго утра, полк подходил к сборному месту дивизии у Арабата... За малым исключением, все рядовые чины полка шли в огонь впервые, и у всех настроение было нервно приподнятое. В три часа утра, за час до полного рассвета, по взвившимся на фронте зеленым ракетам открыли ураганный огонь союзные эскадры Азовского и Черного морей и наши полевые батареи. Рев пушек всех калибров, от 3 дюймов, полевых, до 12 дюймов с английских броненосцев, разрывы снарядов – все это слилось в несмолкаемый гул, от которого содрогался воздух.

После часового непрерывного обстрела по сигнальным красным ракетам флот перенес огонь на дальние тылы красных. Одновременно все части 3-го армейского корпуса перешли в общее наступление.

Дивизия полковника Миклашевского, имея в голове 2-й конный полк, миновав никем не занятую деревню Джанторы, прорвала проволочное ограждение и захватила деревню Тулумчак. Пройдя деревню, Сводно-кирасирский полк повернул на деревню Кият.

Но в это время красные, не находясь больше в сфере огня Азовской эскадры, сами перешли в энергичное контрнаступление и отбросили полк до самой деревни Тулумчак. Там, на буграх перед деревней, полк спешил и, поддержанный огнем «Калипсо», сдерживал наступление красных до подхода Сводно-Кавказского полка. С его прибытием красные были отброшены, и оба полка продолжали свое наступление на деревню Кият.

Своднокирасирам было приказано атаковать деревню в конном строю. Полк сел на коней и перестроился в два эшелона. В первом шли кирасиры, во втором – кавалергарды и конно-гвардейцы.

⁷³ **Римский-Корсаков Владимир Петрович.** Пажеский корпус. Полковник л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в конце 1918 г. начальник пограничной стражи в Крыму, затем командир эскадрона своего полка, в июне 1919 г. командир Арабатского отряда. В Русской Армии с апреля 1920 г. командир запасного эскадрона в гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец.

Обойдя деревню, головные эскадроны лихой атакой сбили красных с занятых ими бугров и захватили деревню. Преследуя отходящих красных, полк повернул на колонию Барак, но, встреченный огнем с ее окраины и обстрелянный красным бронепоездом со стороны станции Ислам-Терек, спешился и повел наступление цепями.

Уже в сумерках надвигавшейся ночи и при громовых раскатах приближавшейся грозы 2-й конный полк неудержимой конной атакой захватил станцию Ислам-Терек, а Сводно-кирасирский полк, совместно с подошедшей пехотой, – колонию Барак. В 10 часов вечера полк отошел под проливным дождем на ночлег в деревню Кият.

Первый день наступления закончился. Фронт красных был прорван, и они были всюду сбиты с занимаемых позиций. За этот день эскадрон потерял убитым кавалергарда Мосса, несколько легкораненых и шесть убитых лошадей. В штабе дивизии был ранен начальник дивизии, полковник Миклашевский, пулей в плечо и его ординарец, кавалергард поручик граф Р.В. Мусин-Пушкин, в поясницу. В командование дивизией вступил полковник Барбович.

На рассвете 19-го красная конница под покровом густого тумана атаковала и сильно потеснила нашу пехоту у колонии Барак. В 7 часов утра полк был вызван для восстановления положения, но ко времени подхода полка к колонии Барак последняя была уже целиком занята красными.

При поддержке огня гвардейской конной батареи после трех часов боя сопротивление красных было, наконец, сломлено, колония Барак вновь занята, и красные отброшены к деревне Бой-Ходжа и колонии Унгут.

Подошедший Сводно-Кавказский полк продолжал наступление, а Сводно-кирасирский полк остался в колонии в резерве. Но к 15 часам полк был вызван в Бой-Ходжа, где полковник Данилов получил приказание выбить, совместно с кавказцами, арьергарды красных, занимавших деревни Коп-Отуз, Собкин и Джамичи.

Развернувшись на левом фланге кавказцев, атакующих Коп-Отуз, цепи полка атаковали Джамичи и заняли деревню после довольно упорного сопротивления. Деревня Собкин была очищена красными без боя. Командир кавказцев, полковник Попов, был ранен, и в командование полком вступил полковник Счастливцев. На ночлег полк отошел на колонию Барак.

Оставив довольно значительные арьергарды по обеим сторонам железной дороги, главные силы красных отошли на линию рек Бьюк Карасу—Салгир, где и закрепились. Для облегчения продвижения 3-го армейского корпуса было решено выслать конную бригаду дивизии полковника Барбовича в тыл красных, в район деревни Новый Чембай.

Утром 20-го полки Сводно-кирасирский и 2-й Дроздовский с гвардейской конной батареей выступили на переправы через деревню Конрат и Эссен-Эки. На переходе командир 3-го армейского корпуса горячо благодарил полки за боевую работу минувших дней. В одном из разъездов Кавалергардского эскадрона у станции Грамматиково был ранен начальник разъезда ефрейтор Вурумзер.

На следующий день после ночлега в Эссен-Эки бригада, минуя под проливным дождем Русский и Немецкий Менгермен, Салгир и Новый Аблеш, стала на ночлег в деревне Чату, на переправах через реку Бьюк Карасу.

22-го бригада продолжала движение под безнадежно непрерывным дождем, от которого дороги совершенно размокли, и батарея с трудом вытягивала орудия из непролазной грязи. Движение бригады было этим сильно замедлено, и только поздно ночью полки подошли к реке Салгир и стали на ночлег в деревне Новый Чембай.

Предполагавшееся ночное движение в тыл красных, ввиду опоздания батареи и ее парка, было отложено на утро 23-го. Ночные разъезды, в том числе кавалергардский разъезд корнета Воеводского, обнаружили красную конницу в деревнях Владиславовка, Ардагин и Будуй.

При переправе через реку Салгир у хутора Митрофановка полк попал под редкий артиллерийский обстрел. Перейдя реку Салгир вброд, полк развернулся для конной атаки. Но крас-

ная конница боя не приняла и очистила Владиславовку. Высланный на деревню Кипчак Конногвардейский эскадрон никого в ней не обнаружил.

Все деревни и хутора, через которые проходил полк, были очищены красными, и только на обратном пути у деревни Андреевки головной эскадрон кирасир Ее Величества, на переправе через реку Бьюк Карасу, был встречен сильным огнем. В конной атаке кирасиры потеряли убитым поручика Веселовского.

На бивак полк стал в деревне Саурчи вместе с батареей и простоял там до 25-го, когда вновь выступил на Новый Чембай.

На ночлег полк стал в колонии Либенталь. Там под командой полковника Коссиковского был выделен отряд в составе двух эскадронов, кавалергардского и кирасир Ее Величества, взвода кирасир Его Величества, полковой подрывной команды и пушки Гочкиса, обслуживаемой кирасирами Ее Величества.

Полковнику Коссиковскому было приказано взорвать железную дорогу Джанкой—Симферополь, разведать полосу между этой железной дорогой и шоссе Армянский Базар—Симферополь, после чего присоединиться к полку 28-го в районе деревни Юшунь.

Полковник Коссиковский выступил на рассвете 26-го и, пройдя деревни Чалбаши и Музгляр-Кемельчи, подошел к деревне Даниловке, между которой и станцией Курман-Кемельчи было взорвано железнодорожное полотно. После короткого привала отряд продолжал свое движение через деревни Ташлы-Кипчак, Бьюк-Караджа и Александровка на Сеид Булат, где стал на ночлег. Население всюду встречало отряд цветами.

27-го, пройдя деревни Мамут-Ходжа, Джан-Сокаль и Мангут, отряд заночевал в хуторе Воронцова, на шоссе Армянск—Симферополь. Красные нигде не были обнаружены. Утром 28-го отряд присоединился к бригаде в деревне Юшунь.

Коннице полковника Барбовича было приказано сбить красных, занимавших окопы на перешейке между солеными озерами на подступах к Армянскому Базару, и взять город.

Полковнику Данилову с Сводно-кирасирским полком, без Кавалергардского эскадрона, с приданной ему гвардейской конной батареей и эскадром улан Его Величества, надлежало сбить красных из оплетенных проволокой окопов на перешейке Карт-Казак, между Черным морем и соленым озером Старым.

Кавалергарды были направлены на перешеек между солеными озерами Старое и Красное, где красные занимали окопы у Пироговского хутора.

2-й конный полк, правее кавалергардов, должен был атаковать красных на перешейке между озерами Красное и Сиваш и выбить их из хуторов Тимошенко, Домузгла и Карпова Балка.

Около 15 часов красные, выбитые полковником Даниловым из окопов, начали отходить на Армянск. Немного раньше кавалергарды и Дроздовский конный полк также сбили на своих участках красных, очистили от них перешейки и вышли во фланг и тыл отступающим на Армянск.

Погода стояла невероятно жаркая в день прорыва последних позиций красных на Крымских перешейках между солеными озерами. Все кругом в степи было выжжено. Густая солончаковая пыль, поднимаемая кавалергардами при движении на Пироговский хутор, облепила людей и лошадей и висела красным облаком над эскадромом. Впереди, между блестящими, словно большие зеркала, солеными озерами, едва виднелись подернутые дрожащим маревом постройки Пироговского хутора.

Высланный от эскадрона разъезд корнета графа Вас. Мусин-Пушкина обнаружил красную пехоту, занимавшую впереди хутора окопы, оплетенные проволочными заграждениями.

С очень далекой дистанции по эскадрону был открыт ружейный огонь. Красные, видимо, нервничали, стреляли плохо, излетные пули свистели высоко над головами.

Эскадрон перестроился в линию колонн по три. Пулеметные тачанки вынеслись вперед на карьере и, после крутого заезда налево – кругом, открыли огонь по хутору. Эскадрон разомкнулся для атаки. Красные не выдержали и, бросая оружие, бросились бежать.

Преследуя бегущих, кавалергарды проскакали хутор и ворвались в Армянск. Одновременно с ними Дроздовский конный полк, во главе с начальником дивизии и его штабом, выбил красных и также ворвался в Армянск, где совместными усилиями был полностью уничтожен еврейский интернациональный батальон. В конной атаке Дроздовского полка разрывом гранаты был сильно контужен адъютант штаба дивизии ротмистр Звегинцов и эвакуирован в запасную часть полка.

На ночлег полк стал в Армянском Базаре, где простоял до 1 июля, собирая огромное имущество, брошенное в городе и его окрестностях.

В газете «Феодосийский вестник» от 18 июня (1 июля) было сказано: «Доблестные части Крымской группы, перейдя в наступление на Перекопском направлении, атаковали в конном строю противника, оказавшего сильное сопротивление. Разбив противника на этом направлении, наши доблестные кавалергарды и кирасиры преследовали противника, изрубив более 600 человек и захватив 250 пленных, 4 пулемета, пулеметные ленты и тысячи патронов. Продолжая преследование бегущего противника, наши части овладели селом Булганак, где захватили одно действующее орудие с зарядным ящиком, обоз, околоток и прочую военную добычу. Воодушевленные сильным порывом, наши части продолжали преследовать огромную добычу».

1 июля полк покинул Армянский Базар и, минуя Перекоп, Чаплинку и Черную Долину, нигде не встретив крупных красных частей, стал на бивак в местечке Большая Каховка, на левом берегу Днепра. В этом районе полк простоял до 25-го, неся сторожевое охранение и разведку вверх по Днепру, через село Большая Лепетиха до деревни Ушкалки, протяжением около 80 верст.

За это время кавалергарды, подобно прочим эскадронам полка, развернулись в дивизион, сформировав свой 2-й эскадрон и дивизионную пулеметную команду. 2-й эскадрон был сформирован почти исключительно из пленных красноармейцев. Они оказались отличными солдатами, стойкими при обороне и с большим порывом при наступлении. Всего кавалергарды получили около ста пленных и столько же лошадей под седло и в пулеметные запряжки. Большинство лошадей были завода Фальц-Фейна из Аскания-Нова и Белокриницкого конного завода.

Полковник Косиковский вступил в командование дивизионом, штабс-ротмистр барон Г.А. Остен-Дризен – 1-м эскадронам, штабс-ротмистр граф И.Д. Толстой – 2-м и штабс-ротмистр А.Н. Шебеко – дивизионной пулеметной командой.

3-го генерал Деникин отдал в приказе по Вооруженным силам Юга России Московскую директиву. В приказе было объявлено начало наступления на Москву.

Все войска были разделены на три группы: правофланговая, Кавказская армия⁷⁴ генерала барона Врангеля⁷⁵, должна была наступать вверх по Волге на Царицын—Саратов; сред-

⁷⁴ Кавказская армия. Образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Первоначально включала 1—3-й конные и Сводно-Донской (4-я и 13-я Донские дивизии) корпуса, Астраханскую бригаду и 6-ю пехотную дивизию. После реформирования – 1-й и 2-й Кубанские, Сводный и 4-й (бывший 3-й) конные корпуса. В оперативном подчинении был Сводно-Донской корпус. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 23 234 человека (в т. ч. 1120 офицеров, 17 434 строевых, 2180 вспомогательных и 2500 нестроевых нижних чинов). В середине октября 1919 г. 2-й Кубанский корпус был переброшен в Донскую и потом в Добровольческую армию. Кроме того, в армии были Нижне-Волжский и Заволжский отряды, Отдельная Кубанская казачья бригада, 2-я Терская пластунская бригада, Ставропольский конно-партизанский дивизион, 1-й Отдельный тяжелый гаубичный дивизион, 1-я Кубанская инженерная сотня (полковник Д.Г. Галушко), 1-й Кавказский радиотелеграфный дивизион, 4-я отдельная телеграфная рота и 1-й автомобильный батальон. К 5 октября 1919 г. армия имела в своем составе также 1-й бронепоездной дивизион (см. Бронепоездные части ВСЮР), 1-й и 4-й танковые отряды 1-го и 6-й отряд 2-го танкового дивизиона, 2-й броневой дивизион (1-й, 2-й и 3-й отряды), 1-ю Кавказскую отдельную инженерную роту (117 человек), 1-й Кубанский казачий авиаотряд (3 самолета), 3 английских авиаотряда (12 самолетов), Раздорскую отдельную сотню (охрана железной дороги), донские бронепоезда «Степной», «Казак Землянухин»,

няя, Донская армия⁷⁶ генерала Сидорина⁷⁷, наступала по двум направлениям: на Воронеж и

«Атаман Платов» и «Илья Муромец», 1-й железнодорожный батальон Добровольческой армии, Морской отряд особого назначения (капитан 1-го ранга Заев), Морской отдельный батальон (165 штыков, 8 пулеметов, 2 орудия), Отдельную Кубанскую батарею (4 орудия), Отдельный взвод гаубиц (2 орудия), 4 дивизиона Морской тяжелой артиллерии: особого назначения – 1-я (в ремонте) и 2-я (3 орудия) батареи, 2-й – 3-я батарея (2 орудия), 4-й – 7-я (2 орудия) и 8-я (1 орудие) батареи и 6-й – 12-я батарея (2 орудия), а кроме того – 6-й (7 катеров: «МК» 1—5, 7 и 10) и 7-й (7 бронекатеров: «Казак», «Черкес», «Пластун», «Линец», «Черноморец», «Атаман Чепига», «Антон Головатый») дивизионы речных катеров и 1-й дивизион канонерских лодок. Насчитывала к 5 октября 1919 г. 8640 штыков, 6115 сабель, 324 сапера, 384 пулемета, 85 орудий, 15 самолетов и 7 бронепоездов (в октябре 1919 г. 14,5 тысячи человек). В начале июня 1919 г. в боях под Царицыном понесла тяжелые потери (потеряла 5 начальников дивизий, 3 командиров бригад, 11 командиров полков). Расформирована 29 января 1920 г. с обращением на формирование Кубанской армии. Командующий – генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель (8 мая – 22 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант В.Л. Покровский (22 ноября 1919-го — 21 января 1920 г.). Начштаба: генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович (8 мая — 27 июля 1919 г.), генерал-лейтенант П.Н. Шатилов (27 июля – 1 декабря 1919 г.), генерал-майор Д.М. фон Зигель (с 1 декабря 1919 г.). Генерал-квартирмейстеры: полковник П.А. Кусонский (с 8 мая 1919 г.), генерал-майор Д.М. фон Зигель (до 1 декабря 1919 г.). Дежурный генерал – генерал-майор В.П. Петров. Инспектор артиллерии – генерал-лейтенант М.В. Макеев. Начальник военных сообщений – генерал-лейтенант П.С. Махров. Начальники снабжений: генерал-майор А.Г. Фалеев (до 11 ноября 1919 г.), генерал-майор П.А. Вильчевский (с 11 ноября 1919 г.).

⁷⁵ **Барон Врангель Петр Николаевич**, р. 15 августа 1878 г. в Ростове. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын директора страхового общества в Ростове. Ростовское реальное училище, Горный институт (1901), офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1902), академия Генштаба (1910). Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-майор, командующий сводным конным корпусом. В Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией. Эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя на корабле «Посадник». С 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР и Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 22 ноября 1918 г.). В эмиграции, с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского Общевоинского союза (РОВС). С сентября 1927 г. в Бельгии. Умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе.

⁷⁶ Донская армия. Создана весной 1918 г. в ходе восстания донского казачества против большевиков на базе повстанческих частей и отряда генерала П.Х. Попова, вернувшегося из Степного похода. В течение всего 1918 г. действовала отдельно от Добровольческой. В апреле состояла из 6 пеших и 2 конных полков Северного отряда полковника Фицхеллаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросанных по всей области. Полки имели станичную организацию с численностью от 2—3 тысяч до 300—500 человек – в зависимости от политических настроений в станице. Они были пешие, с конной частью от 30 до 200—300 шашек. К концу апреля армия имела до 6 тысяч человек, 30 пулеметов, 6 орудий (7 пеших и 2 конных полка). Она (с 11 апреля) состояла из трех групп: Южная (полковник С.В. Денисов), Северная (войсковой старшина Э.Ф. Семилетов; бывший Степной отряд) и Задонская (генерал-майор П.Т. Семенов, полковник И.Ф. Быкадоров). На 12 мая 1918 г. войсковому штабу было подчинено 14 отрядов: генерал-майоров Фицхеллаурова, Мамонтова, Быкадорова (бывший Семенова), полковников Туроверова, Алферова, Абраменкова, Тапилина, Епихова, Киреева, Толоконникова, Зубова, войсковых старшин Старикова и Мартынова, есаула Веденева. К 1 июня отряды были сведены в 6 более крупных групп: Алферова на Севере, Мамонтова под Царицыном, Быкадорова под Багайском, Киреева под Великокняжеской, Фицхеллаурова в Донецком районе и Семенова в Ростове. В середине лета армия увеличилась до 46—50 тысяч человек, по другим данным, к концу июля – 45 тысяч человек, 610 пулеметов и 150 орудий. К началу августа войска распределялись по 5 войсковым районам: Ростовский (генерал-майор Греков), Задонский (генерал-майор И.Ф. Быкадоров), Цимлянский (генерал-майор К.К. Мамонтов), Северо-Западный (полковник З.А. Алферов), Усть-Медведицкий (генерал-майор А.П. Фицхеллауров). С августа 1918 г. станичные полки сводились, образуя номерные полки (пешие 2—3 батальона, конные – 6 сотен), распределенные по бригадам, дивизиям и корпусам. Осенью 1918-го – в начале 1919 г. войсковые районы переименованы в фронты: Северо-Восточный, Восточный, Северный и Западный. Тогда же завершилось формирование Молодой армии. Офицерами в полках были уроженцы тех же станиц. Если их не хватало, брали и из других станиц, а в случае крайней необходимости – офицеров-неказаков, которым первое время не доверяли. Летом 1918 г., не считая постоянной Молодой армии, под ружьем находилось 57 тысяч казаков. К декабрю на фронте было 31,3 тысячи бойцов при 1282 офицерах; Молодая армия насчитывала 20 тысяч человек. В составе армии имелись Донской кадетский корпус, Новочеркасское (см. Атаманское) училище, Донская офицерская школа и военно-фельдшерские курсы. К концу января 1919 г. Донская армия имела под ружьем 76,5 тысячи человек. Донские полки в 1919 г. имели в строю по 1000 сабель, но после трех месяцев боев их состав сокращался до 150—200. Морским управлением ВВД (контр-адмирал И.А. Кононов) была образована Донская флотилия. После объединения с ВСЮР 23 февраля 1919 г. армия была преобразована. Фронты преобразовывались в 1-ю, 2-ю и 3-ю армии, а группы, районы и отряды – в корпуса (неотдельные) и дивизии по 3—4 полка. Затем (12 мая 1919 г.) армии были преобразованы в отдельные корпуса, корпуса сведены в дивизии, дивизии – в бригады по 3 полка. После реорганизации армия состояла из 1-го, 2-го и 3-го Донских отдельных корпусов, к которым 28 июня добавился 4-й. В августе 1919 г. последовала новая реорганизация: четырехполковые дивизии превращались в трехполковые бригады, которые сводились в девятиполковые дивизии (по 3 бригады в каждой). Осенью 1919 г. армии был также временно придан 3-й Кубанский корпус. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 52 315 человек (в т. ч. 2106 офицеров, 40 927 строевых, 3339 вспомогательных и 5943 нестроевых нижних чинов). На 5 октября 1919 г. имела 25 834 штыка, 24 689 сабель, 1343 сапера, 1077 пулеметов, 212 орудий (183 легких, 8 тяжелых, 7 траншейных и 14 гаубиц), 6 самолетов, 7 бронепоездов, 4 танка и 4 броневедомоцикла. В армии, в отличие от других составных частей ВСЮР, действовала прежняя наградная система русской армии. 24 марта 1920 г. из частей армии, вывезенных в Крым, сформирован Отдельный

на Оскол; левофланговая, Добровольческая армия⁷⁸ генерала Май-Маевского⁷⁹, наступала по фронту Харьков—Бахмач—Киев.

16-го Сводно-кирасирский полк сдал свой участок охранения частям 34-й пехотной дивизии⁸⁰ и отошел, сначала на село Рубановка, затем на село Михайловка, где простоял десять дней.

За время боев на Крымском полуострове запасная и хозяйственная части были переведены из станицы Старо-Титоровской сначала в колонию Окречь на Крымский полуостров, у

Донской корпус, а 1 мая все донские части сведены в Донской корпус. Командующие: генерал-майор К.С. Поляков (3—12 апреля 1918 г.), генерал-майор П.Х. Попов (12 апреля – 5 мая 1918 г.), генерал-майор С.В. Денисов (5 мая – 2 февраля 1919 г.), генерал-инф. В.И. Сидорин (2 февраля 1919-го – 14 марта 1920 г.). Начштаба: генерал-майор С.В. Денисов (3—12 апреля 1918 г.), полковник (генерал-майор) В.И. Сидорин (12 апреля – 5 мая 1918 г.), полковник (генерал-майор) И.А. Поляков (5 мая – 2 февраля 1919 г.), генерал-лейтенант А.К. Кельчевский (2 февраля 1919-го – 14 марта 1920 г.).

⁷⁷ **Сидорин Владимир Ильич**, р. 3 февраля 1882 г. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Донской кадетский корпус (1900), Николаевское инженерное училище (1902), академия Генштаба (1910), Офицерская воздухоплавательная школа (1910). Полковник, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса, затем в распоряжении начальника штаба Западного фронта, заместитель председателя Союза офицеров армии и флота. Георгиевский кавалер. В ноябре 1917 г. участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца ноября 1917 г. на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина, в декабре 1917-го – январе 1918 г. начальник штаба Северного фронта донских войск, с января 1918 г. начальник штаба походного атамана. Участник Степного похода (с 12 марта 1918 г. начальник штаба отряда), с 12 апреля по 5 мая 1918 г. начальник штаба Донской армии. С 5 мая 1918 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры. С 2 февраля 1919 г. командующий Донской армией; с 24 марта до 6 апреля 1920 г. командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (2 февраля 1919 г.). Вышел в отставку 12 апреля 1920 г. В эмиграции с мая 1920 г. в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе). Умер 20 мая 1943 г. в Берлине.

⁷⁸ Добровольческая армия (в составе ВСЮР). Образована во ВСЮР 8 мая 1919 г. в результате разделения Кавказской Добровольческой армии. Включала к середине июня 1919 г. 1-й армейский и 3-й Кубанский корпуса, 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду, а также части Таганрогского гарнизона и штаба армии, к концу июля в нее были включены Группа генерала Промтова и вновь сформированный 5-й кавалерийский корпус. К 15 сентября 1919 г. из 5-й и 7-й пехотных дивизий был образован 2-й армейский корпус. 14 октября 1919 г. была сформирована еще 1-я отдельная пехотная бригада. К 5 октября в ее составе (помимо приданных частей) остались только 1-й армейский и 5-й кавалерийский корпуса. Кроме того, в состав армии входили: Сводный полк 1-й отдельной кавалерийской бригады, 2-й и 3-й отдельные тяжелые гаубичные дивизионы, Отдельный тяжелый пушечный тракторный дивизион, 2-й радиотелеграфный дивизион, 2-я, 5-я, 6-я отдельные телеграфные роты, 1-й и 2-й дивизионы танков и 5-й автомобильный батальон. Армии были также приданы 1-й авиационный дивизион (2-й и 6-й авиаотряды и 1-я авиабаза), броневые автомобили: 1-й дивизион, 1-й, 3-й и 4-й отряды. 6 января 1920 г. сведена в Добровольческий корпус. К середине июня 1919 г. армия насчитывала 20 тысяч штыков и 5,5 тысячи сабель, в конце июля – 33 тысячи штыков и 6,5 тысячи сабель, на 5 октября – 17 791 штык и 2664 сабли при 451 пулемете и 65 орудиях. В начале декабря 1919 г. в Добровольческой армии было 3600 штыков и 4700 сабель; весь Добровольческий корпус имел 2600 штыков, 5-й кавалерийский – 1015 сабель, Полтавская группа – 100 штыков и 200 сабель, в конной группе – около 3500 сабель. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывала 57 725 человек (в т. ч. 3884 офицера, 40 963 строевых, 6270 вспомогательных и 6608 нестроевых нижних чинов). О численности собственно Добровольческой армии имеются также такие данные: до 1-го Кубанского похода – 4 тысячи, под Екатеринодаром – 6, к июню 1918 г., на начало 2-го Кубанского похода, – 8—9, в августе – около 35 тысяч штыков и сабель, к сентябрю – 30—35, к походу на Москву в июне 1919 г. – 40, в начале 1920 г. (сведенная в корпус) и Добровольческий корпус в Крыму – 5 тысяч. Командующие: генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский (8 мая – 14 ноября 1919 г.), генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель (с 22 ноября 1919 г.). Начштаба: генерал-лейтенант Н.П. Ефимов (8 мая – 1 декабря 1919 г.), генерал-лейтенант П.Н. Шатилов (с 1 декабря 1919 г.). Генерал-квартирмейстер – полковник А.А. фон Гоерц. Дежурный генерал – генерал-майор Бенсон. Инспектор артиллерии – генерал-майор Лахтионов. Начальник снабжений – генерал-майор Деев. Начальник военных сообщений – генерал-майор Месснер.

⁷⁹ **Май-Маевский Владимир Зенонович**, р. в 1867 г. Из дворян. 1-й кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1896). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-майор, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческой армии с 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 19 ноября 1918 г. врид. командующего 3-й дивизией, с декабря 1918 г. начальник 3-й пехотной дивизии, с 15 февраля по 1 июня 1919 г. командир 2-го армейского корпуса, с апреля 1919 г. командующий Донецкой группой войск, с 22 мая по 27 ноября 1919 г. командующий Добровольческой армией, с 26 ноября 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант. Умер 30 октября 1920 г. в Севастополе.

⁸⁰ Имеется в виду Сводный полк 34-й пехотной дивизии. Сформирован во ВСЮР 22 мая 1919 г. на базе пехотных частей Екатеринославского отряда (состав которых ранее принадлежал к кадрам этой дивизии Императорской армии), входивших первоначально в Крымский сводный пехотный полк. В него были влиты расформированные 11 апреля Мелитопольский и Бердянскский пехотные полки и Перекопский отдельный батальон. Входил в состав 4-й пехотной дивизии. Позже развернут в два полка. На 20 сентября 1919 г. 1-й полк насчитывал 955 штыков при 14 пулеметах, 2-й – 2236 штыков при 10 пулеметах. В Русской Армии в мае 1920 г. на их основе была развернута 34-я пехотная дивизия.

станции Грамматиково, затем в село Михайловка, откуда они пошли по железной дороге на станцию Люботин.

Еще в колонии Окречь произошло разделение общеполковой хозяйственной и запасной частей на четыре самостоятельных дивизионных. Начальником кавалергардской запасной и хозяйственной частей был назначен ротмистр Звегинцов.

26-го все конные части дивизии выступили на станцию Пришиб для погрузки в эшелоны и следования на станцию Люботин, близ Харькова.

Бои в Бахмачском направлении. Взятие города. Переход в Нежин и бои в его окрестностях

29 июля головной эшелон 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка⁸¹ – кавалергарды – высадился на станции Люботин в окрестностях Харькова.

Время прибытия полка в Люботин совпало с разными преобразованиями Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), в числе которых было сформирование 5-го конного корпуса⁸² генерал-лейтенанта Юзефовича⁸³ в составе двух дивизий: 1-й⁸⁴, генерал-майора Чекатовского⁸⁵, и 2-й⁸⁶, полковника Миклашевского.

⁸¹ 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк. Сформирован во ВСЮР 19 июня 1919 г. из Сводного полка гвардейской Кирасирской дивизии. Входил в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона Кавалергардского, л.-гв. Конного, Кирасирского Его Величества и Кирасирского Ее Величества полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 478 сабель при 28 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. 15 декабря 1919 г. влит в Сводно-гвардейский кавалерийский полк (к 8 декабря 1919 г. потерял $\frac{9}{10}$ своего состава и вместе со 2-м гвардейским Сводно-кавалерийским полком насчитывал около 60 сабель). Командиры: полковник М.Ф. Данилов (19 июня – 3 августа 1919 г.), полковник Д.М. Косиковский (4 августа 1919 г. – 16 апреля 1920 г.); врид: полковник Н.А. Петровский (22 июня – 12 июля 1919 г.), полковник граф А.П. Беннигсен (5 августа – сентябрь 1919 г.), ротмистр А.Н. Шебеко (сентябрь – 7 декабря 1919 г.), полковник барон Ф.Н. Таубе (8—15 декабря 1919 г.).

⁸² 5-й кавалерийский корпус. Сформирован во ВСЮР 27 июня 1919 г. Включал 1-ю и 2-ю кавалерийские дивизии и 10-ю отдельную телеграфную роту (на 5 октября 1919 г. также Отдельный конно-артиллерийский и Сводно-конный дивизионы, 7-ю и взвод 8-й конно-артиллерийской батареи). Во время осеннего отступления вел арьергардные бои на Украине вместе с частями войск Киевской и Новороссийской областей. Некоторые полки корпуса отошли на Одессу с войсками Новороссийской области и затем в ходе Бредовского похода – в Польшу. Остальные сохранившиеся полки были сведены к 19 ноября 1919 г. в 1-ю кавалерийскую дивизию (1-я бригада корпуса (дивизии) на 28 ноября 1919 г. имела 146 шашек, 29-го после пополнения – 206, а 2 декабря – 141; в рапорте командира корпуса говорилось: «При столь ограниченном пополнении и числе рядов кадры офицерского состава гибнут, незаметно исчезают»), которая 30 декабря 1919 г. переформирована в Сводную кавалерийскую бригаду. 14 февраля 1920 г. эта бригада вновь развернулась в 1-ю кавалерийскую дивизию. Управление корпуса было расформировано 6 января 1920 г. Командир – генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович, генерал-майор И.И. Чекатовский (с 4 декабря 1919 г.). Начштаба – генерал-майор П.А. Кусонский. Инспектор артиллерии – генерал-лейтенант М.И. Репьев (до 13 ноября 1919 г.).

⁸³ **Юзефович Яков Давидович**, р. в 1872 г. Из дворян. Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893), академия Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 г.; с 1 января 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, командир 3-го конного корпуса, с 8 мая по 27 июля 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кавалерийского корпуса, с 28 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апреля 1920 г. руководитель строительством укреплений в Северной Таврии, в июне – сентябре 1920 г. генерал-инспектор конницы. В эмиграции с 1921 г. в Эстонии. Умер в 1929 г. в Тарту.

⁸⁴ 1-я кавалерийская дивизия. Сформирована во ВСЮР 27 мая 1919 г. Входила в 5-й кавалерийский корпус. Состав: 1-й конный генерала Алексеева, 10-й гусарский Ингерманландский (1-я бригада), Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии (2-я бригада), Сводно-уланский и Сводно-гусарский (3-я бригада) полки, Изюмский и Черниговский гусарские дивизионы и 3-й конно-артиллерийский дивизион (полковник князь Авалов) – 6-я конная (в сентябре – октябре 1919 г. вместо нее – Сводная батарея Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона и 1-я Отдельная конно-горная генерал-майора Дроздовского батареи). Начальник – генерал-майор И.И. Чекатовский. Начштаба – полковник В.В. Крейтер (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: полковник И.Г. Барбович, полковник Самсонов (с 15 октября 1919 г.), генерал-майор Зубов.

⁸⁵ **Чекатовский Игнатий Игнатьевич**, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895. Генерал-майор. В Добровольческой армии с 24 июня 1918 г. во 2-м конном полку, с 11(13) июля 1918 г. командир того же полка, в июле – августе 1919 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии. В эмиграции во Франции, начальник объединения Кавалерийской дивизии и Союза

Преобразования коснулись непосредственно и Сводно-кирасирского полка. Он был переименован в 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк, и штат его был утвержден в четыре дивизиона по два эскадрона каждый.

Значительно увеличилось в полку число пулеметов, сформированием еще четырех дивизионных конно-пулеметных команд в 4—6 тяжелых пулеметов на тачанках. Кроме того, каждый эскадрон имел свой пулеметный взвод из 2—4 легких пулеметов Люиса. Число пулеметов изменялось в зависимости от их порчи и от поступления новых, в большинстве случаев взятых с боя.

5-му конному корпусу была поставлена задача: связывая внутренние фланги частей Добровольческой армии, наступавших на Курском и Киевском направлениях, выдвинуться в сторону города Бахмача, овладеть его крайне важным железнодорожным узлом, прервав таким образом непосредственную связь Киева с Москвой. Во исполнение этой задачи конный корпус выступил из района Люботина 4 августа.

Начался новый период в Гражданской войне, ознаменовавшийся для Сводно-кирасирского полка вообще, а для кавалергардов в частности целым рядом конных атак, тяжелых ночных и дневных переходов, в палящий зной, в снежные метели при 20—30 градусах мороза. Все это было тесно связано с маневренной войной 1919—1920 годов, в которой коннице пришлось играть огромную, иногда первенствующую роль.

Оставив при хозяйственной части 2-й эскадрон и дивизионную конно-пулеметную команду, находившиеся еще в периоде формирования кавалергарды выступили с полком 4 августа.

Несметная, почти непрерывная сеть богатых хуторов, утопавших в зелени фруктовых садов, деревни, зажиточные села, густые леса и левяды, обилие речек и запруд, как все это было не похоже на только что покинутую Таврию, с ее выжженной палящим солнцем солончаковой, безлесой степью, такой бедной питьевой водой! При своем движении полк всюду встречал самое приветливое, радушное отношение всего населения, в особенности его женской части.

Губы алые, очи карие, по ночам задорный смех...
Хороши дивчата в Таврии, но хохлушки лучше всех!

Переночевав последовательно в деревнях и селах Ковяги, Коломак, Рябково и Рублевка, пройдя более 125 верст, дивизия полковника Миклашевского подошла на четвертый день похода к селу Опошня.

Только на подступах к этому селу, на переправах через реку Мерлю у села Рубановка и через Ворсклу у самого села Опошня, красные оказали авангарду гвардейской бригады – дивизиону кирасир Его Величества – упорное сопротивление. После форсирования Ворсклы, артиллерия – на плотах, конница – вплавь, полк стал на бивак и на дневку в Опошне.

Большому селу, по своим размерам походившему скорее на местечко, суждено было стать центром небывалого даже в эпоху Гражданской войны события.

В заштатном городе Котельва сосредоточились многочисленные банды разных местных атаманов, грабивших, по установившемуся в те времена обычаю, население. Не проходило дня, чтобы окрестные хутора, деревни и села не подвергались бы, под различными предлогами и без

Инвалидов в Париже, к 1934 г. председатель Общества друзей «Часового». Умер в 1941 г.

⁸⁶ 2-я кавалерийская дивизия. Сформирована во ВСЮР 19 июня 1919 г. из Отдельной кавалерийской бригады 3-го армейского корпуса. Состав: 1-й гвардейский Сводно-кирасирский, 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский (1-я бригада), 2-й и 3-й конные (2-я бригада), Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии и Сводно-драгунский (3-я бригада) полки, Отдельный дивизион гвардейской конной артиллерии (2 батареи) и 7-я конная батарея. До 9 июля 1919 г. входила в 3-й армейский корпус, затем – в 5-й кавалерийский корпус (кроме Сводно-драгунского и 2-го конного полков, оставшихся при 3-м корпусе). Начальник – полковник И.М. Миклашевский. Начштаба – капитан (полковник) Б.М. Иордан (с 22 июля 1919 г.). Командиры бригад: полковник М.Ф. Данилов, полковник барон Л.К. Притвиц.

них, вооруженным набегам и реквизициям. В особенности полюбилось бандитам небольшое, но зажиточное село Глинск, расположенное на реке Ворскле, на полпути между Котельвой и Опошной.

Местные советские власти, все эти новосозданные различные сельские, уездные, чрезвычайные, революционные комитеты, не могли, а может быть, и не хотели справиться с набегам грабителей.

И вот какой-то доведенный до полного отчаяния богатый глинский хуторянин, Иван Гордиенко, решил, что если новая советская власть не в состоянии защитить население, то он возьмет эту защиту в свои руки и сам станет властью. Не теряя времени, собрал он несколько таких же доведенных до отчаяния хуторян, перебрался с ними в Опошню, подальше от Котельвы, организовал там нечто вроде собственной банды, объявил себя верховным комиссаром и не только отразил, но и наголову разбил несколько банд.

Слух об его успехах быстро разнесся по всей округе. К нему начали стекаться жители разных сел, деревень и хуторов, и скоро его «армия» достигла значительных размеров. Все это окончательно вскружило ему голову. Звание верховного комиссара его больше не удовлетворяло. Он решил короноваться.

Несчастному священнику села Опошня вопрос коронования был поставлен ребром: или коронуй, или немедленный расстрел его и всей его семьи. И вот, при огромном стечении народа, под перезвон колоколов, в большой, красивой, старинной опошненской церкви состоялось коронование Ивана Гордиенко «царем Глинским и всея правобережной Воросклы».

Жена его, простая деревенская баба, совершенно не подходила к высокому сану «царицы», и бедному священнику, под той же угрозой расстрела, было приказано расторгнуть брак. Новой «царицей», опять же под угрозой расстрела, становится местная сельская учительница.

И «царь» и новая «царица» всюду появляются не иначе как в «реквизированных» в церкви свадебных венцах, заменявших им короны. «Царь Иван» идет от успеха к успеху. Слава о нем гремит на много сотен верст. Не только такие богатые, большие местечки, как Будище, Диканька и Рублевка, признают его власть, но сама Котельва «бьет ему челом» и присылает богатые дары.

Он повсюду разъезжает в забранной у какого-то помещика коляске, запряженной четвериком серых рысаков, сплошь увешанных лентами и бубенцами. В церковь он не входит – его вносят на большом, обитом красным бархатом кресле.

В самом «царстве» – мир и тишина. Нет больше самочинных реквизиций, нет больше грабежей и налетов, и о самых бандах давным-давно ничего не слышно. Это благоденственное и мирное житие продолжается несколько месяцев. Затем картина резко меняется. Фронт сначала медленно, затем скорее неизменно приближается к Опошне. Уже близится то время, когда появятся отступающие части разбитой Красной армии, а за ними и белые. «Царство» начинает терять свою прелесть, и оставаться на «престоле» становится небезопасно. «Царь Иван» издает «манихвест» народу, отказывается от «престола», бросает «царицу» и с немногими приверженцами уходит в приворсклые леса, где след его теряется.

Через два дня после ухода полка из Люботина хозяйственная и запасная части полка были переведены на станцию Искровка, на Харьковско-Полтавской магистрали.

После дневки в Опошне дивизия продолжала свое движение. 11 августа гвардейская бригада ночевала в селе Деикаловка. На следующий день авангард полка, кавалергардский эскадрон штабс-ротмистра барона Остен-Дризена, сбил заставы красной конницы, занимавшие переправы через реки Грунь и Ташань, и выбил эскадрон красных из деревни Лютенское Будище. 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк⁸⁷ шел севернее, на село Великая Пав-

⁸⁷ 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк. Сформирован 19 июня 1919 г. на базе гвардейского Сводно-кавалерий-

ловка, 2-й Дроздовский конный с 1-й гвардейской конной батареей – еще севернее, на город Зеньков.

После занятия своднокирасирами Лютенского Будища было получено донесение от 2-го гвардейского Сводно-кавалерийского полка, что по большаку на Гадяч отходят большие обозы красных под прикрытием значительных сил пехоты. Атаки лейб-драгун и лейб-улан на эти обозы были отбиты со значительными потерями. В конной атаке был убит лейб-улан корнет Линицкий⁸⁸.

Полку было приказано выйти на большак между деревнями Зеньков и Гадяч и отбросить красных с большака. Оставив в Лютенском Будище кавалергардский эскадрон в прикрытии тыла гвардейской бригады, полк со 2-й гвардейской конной батареей повернул на север, на село Великая Павловка, где был встречен огнем красной пехоты и пулеметов. В результате целого ряда атак конногвардейцев и кирасир, огня 2-й батареи сопротивление красных было сломлено и Великая Павловка была взята после тяжелого ночного боя. Были захвачены пленные, пулеметы и огромный обоз. Дорога на Гадяч была перехвачена, и красные отброшены с большака.

Почти одновременно с этим 2-й Дроздовский конный полк при поддержке блестящего огня 1-й гвардейской батареи захватил севернее Зенькова у села Тарасовка 5 орудий и пулеметы.

Под утро 13-го кавалергарды были подтянуты в Великую Павловку, где полку была дана дневка. Впервые было получено английское обмундирование, придавшее полку однообразный облик. Пики в каждом дивизионе расцвелись флюгерами своих полков, отчего фронт полка стал еще более нарядным и красочным.

14-го, сбивая слабые части красной конницы, гвардейская бригада перешла вброд реку Псел и стала на ночлег в деревне Рашевке, куда подошли 1-я гвардейская батарея и Дроздовский конный полк.

Ночные разъезды обнаружили красную пехоту в селе Березовая Лука, на западном берегу Хорол. На следующий день село было занято авангардным дивизионом полка, кирасирами Ее Величества, одновременно с двумя эскадронами дроздовцев, поддержанными огнем гвардейских батарей. В этом селе дивизия простояла до 17 августа, ведя усиленную разведку.

В числе высланных в эти дни разъездов разъезд кавалергардов обнаружил 15 августа у станции и в селе Верниславовка значительные силы красной пехоты. Во время перестрелки у станции начальник разъезда, один из лучших разведчиков эскадрона, унтер-офицер Цвиникдзе, был убит.

16-го из запасной части пришло пополнение. Кавалергарды получили 20 человек с унтер-офицером Висгаленом и прикомандированным к дивизиону подпоручиком гвардейской конной артиллерии Мирковичем.

17-го, в исполнение поставленной задачи – сбить красных с железной дороги Гадяч—Лохвица, командир гвардейской бригады отправил Сводно-кирасирский полк для занятия станции Верниславовка, а 2-й гвардейский полк – на станцию Петровка для захвата переправы через Хорол у этого села.

Своднокирасиры, переправившись в свою очередь через Хорол у села Ручки, сразу обнаружили наступление очень крупных сил красной пехоты и конницы. При поддержке огня 1-й

ского дивизиона из эскадронов бывших л.-гв. Уланского Его Величества, л.-гв. Конно-гренадерского и л.-гв. Драгунского полков Императорской армии. Входил в состав 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона л.-гв. Уланского Его Величества, л.-гв. Конно-гренадерского и л.-гв. Драгунского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 19 штыков и 258 сабель при 13 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Командиры: полковник Д.А. Ковалинский, полковник Ф.Ф. Грязнов (сентябрь – октябрь 1919 г.).

⁸⁸ **Линицкий Михаил Александрович.** Корнет л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Вооруженных силах Юга России; в июне 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском дивизионе, затем во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку 5-го кавалерийского корпуса. Поручик. (?) Убит 29—30 июля 1919 г. в д. Бобровке под Сумами.

гвардейской батарее кирасиры Его Величества очистили от красных хутора южнее села Верниславовка, потеряв тяжелораненым командира дивизиона полковника фон Баумгартена⁸⁹.

Конногвардейцы с полковым и кавалергардскими пулеметами были отправлены на подкрепление сильно теснимого на переправе через Хорол у села Петровка 2-го гвардейского полка. В резерве бригады остался один эскадрон кавалергардов.

Когда обнаружился обход правого фланга полка и возможный прорыв красных на стыке обоих гвардейских полков, то для противодействия им был вызван эскадрон кавалергардов. Один взвод с штабс-ротмистром графом А.Д. Толстым был оставлен при командире полка.

Два взвода с командиром эскадрона, штабс-ротмистром бароном Остен-Дризенем, и корнетом В.К. Львовым разомкнулись в лаву. Третий взвод с подпоручиком Мирковичем шел в поддержке.

Пройдя по сжатому, но еще неубранному полю, лава перешла железнодорожное полотно и атаковала красную пехоту, которая, увидев кавалергардов, остановилась и открыла по лаве залповый огонь. Но когда лава доскакала до цепей, красные стали бросать винтовки, сдаваться и убегать.

Унтер-офицер Висгален занес шашку над одним красноармейцем. Львов его остановил: «Не руби, он же сдался!» Но не успела лава пройти еще несколько шагов, как тот же красноармеец поднял винтовку и выстрелом в спину убил наповал Львова. Висгален повернул коня и зарубил красноармейца.

Во время атаки командир эскадрона барон Остен-Дризен был ранен пулей в ступню. В командование эскадрона вступил штабс-ротмистр граф Толстой.

Атака барона Дризена имела решающее значение на исход боя. Красные отступили с большими потерями на всем фронте гвардейской бригады. Наступившая темнота остановила преследование. На ночлег полк стал в деревне Когановщине после 10-верстного преследования красных.

В последующие дни дивизия продолжала свое безостановочное движение на Бахмач. Ночуя последовательно в деревне Андреевке, городе Глинске, у которого переправилась через реку Сулу вброд, селах Гавриловка и Крапивное, бригада, выбив своим авангардом из деревни Терешиха Журавчик довольно крупные части красной конницы, стала на ночлег в колонии Большой Вердер.

Для занятия сторожевого охранения – станция Варваровка – село Хвостовцы – был отправлен Сводный дивизион, по эскадрону от кавалергардов и кирасир Его Величества, под командой полковника князя Девлет-Кильдеева. Не доходя села Варваровка, разъезды обнаружили огромный обоз красных с очень крупным пехотным прикрытием, шедший из деревни Мартыновки на бивак бригады в Большой Вердер.

Дивизион спешил и вступил в бой, продолжавшийся до подхода бригады. С ее приходом красное прикрытие было рассеяно, частью взято в плен. Было захвачено около ста повозок. Станция и село Варваровка были прочно заняты.

23-го дивизия выступила задолго до рассвета и, перейдя железную дорогу Бахмач—Нежин, продолжала свое движение в обход города Бахмач с запада. Сбив упорное сопротивление красных у деревни Стрельники, дивизия подошла к железнодорожной магистрали Бахмач—Городня. Гвардейская бригада со 2-й гвардейской батареей была направлена на станцию Дочь, 2-й Дроздовский и 3-й конные полки с 1-й гвардейской батареей – на станцию Чесноковка.

Обе колеи железнодорожного пути в направлении на Городню были забиты сплошной вереницей воинских поездов, уходивших из Бахмача. Метким огнем 1-й батареи, подбившей

⁸⁹ Воспоминания А.А. фон Баумгартена публикуются ниже.

паровоз в одном эшелоне, был остановлен целый ряд поездов. 2-й конный полк захватил броневой поезд красных.

Гвардейская бригада атаковала станцию Дочь, где 2-й батареей было разбито и подожжено несколько поездов.

Из 15 эшелонов, захваченных дивизией, большинство было гружено боевым и продовольственным имуществом. Пленных было захвачено очень мало. Непрерывная цепь разбитых и горящих вагонов не дала коннице возможности вовремя настичь разбежавшихся в окрестных лесах красных.

Под вечер полки 5-го конного корпуса с разных сторон вошли в Бахмач, завершив поставленную корпусу задачу, пройдя в 20 дней с боем около 700 верст. На следующий день в Бахмаче состоялся смотр конному корпусу, на котором генерал-лейтенант Юзефович горячо благодарил полки и батарею за их боевую работу. В Бахмаче полк простоял до 29-го, неся гарнизонную службу и охрану железнодорожного узла. Из запасной части пришло пополнение людьми и лошадьми.

За это время армейская группа генерала Драгомирова заняла Киев, и для более тесной и непосредственной связи с нею в конном корпусе и, в частности, во 2-й дивизии была сделана перегруппировка. Сводно-кирасирский полк со взводом 1-й батареи был отправлен для занятия города Нежина. 2-му Дроздовскому полку с другим взводом той же батареи было приказано выдвинуться в сторону Чернигова и очистить от красных весь левый берег реки Десны и прилегавший к нему район.

На рассвете 29-го полк под командой полковника графа Беннигсена⁹⁰ (лейб-гвардии Конного полка) выступил из Бахмача и, пройдя 40 верст по тяжелой песчаной дороге, стал на бивак в село Хорошее Озеро.

Высланный вперед в сторону Нежина дивизион кирасир Его Величества для занятия у станции Круты железнодорожного узла Чернигов—Прилуки и Бахмач—Нежин выбил, совместно с подошедшим из Бахмача броневым поездом, красных из села и станции Круты и прочно занял железнодорожный узел. На следующее утро полк выступил на город Нежин.

Был жаркий солнечный день, когда полк, пройдя пригород Могилевку, вступил в Нежин, встреченный перезвоном всех нежинских церквей и монастырей и несметной толпой горожан, засыпавших полк цветами.

Все улицы, по которым проходил полк, были покрыты густым ковром цветов. Цветы были повсюду: на пиках, на касках, на седлах, оголовьях, на пушках, на пулеметных тачанках. По обеим сторонам улиц за полком следовали тысячи горожан: дети, женщины, подростки, взрослые и старики. Гремело несмолкаемое «Ура!». У многих, у очень многих на глазах были слезы радости. Как в Светлый праздник, со всех сторон слышалось пасхальное приветствие «Христос воскрес!».

Когда эскадроны и орудия выстроились на городской площади, из Яворовского монастыря, основанного знаменитым проповедником царствования Петра Великого, вышел крестный ход во главе с архимандритом, с хоругвями, иконами и с духовенством многих других церквей. После молебна обошел и окропил ряды под пение «Спаси, Господи, люди Твоя», подхваченное всей толпой, запрудившей площадь и прилегающие улицы. С трудом развели эскадроны и артиллерию по квартирам. Все жители наперебой хотели иметь своего постояльца.

⁹⁰ **Граф Беннигсен Адам Павлович**, р. 27 июня 1882 г. Офицер с 1901 г. Офицер л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии; с 5 августа по сентябрь 1919 г. врид командира в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку, с ноября 1919 г. врид командира Сводно-кирасирского полка. В Русской Армии в Крыму. Полковник. В начале ноября 1920 г. на о. Проти. В эмиграции во Франции. Умер 16 ноября 1946 г. Жена Феопания Владимировна (Хвольсон; 14 августа 1887-го – 23 апреля 1969 г. там же), 2 сына (в т. ч. Александр, служил во французской армии; 20 марта 1913-го – 3 июня 1988 г. там же) – эвакуированы до осени 1920 г. на американском миноносце 125, летом 1920 г. на Принцевых о-вах.

Уже день клонился к вечеру, начинало смеркаться, а улицы по-прежнему были полны людьми. Кавалергарды, конногвардейцы, кирасиры и артиллеристы, девушки в ярких летних платьях не расходились до поздней ночи. Слышался веселый смех, пение и звуки гармоники. На фоне иссиня-черного неба южнорусской ночи четко выделялась Большая Медведица, горели Стожары, и тысячи миллионов звезд Млечного Пути прорезали небосклон.

А севернее города, всего в десяти верстах по большой Черниговской дороге, на опушке прилегавшего леса лежали трупы замученных и повешенных городских жителей, жертв расправы Нежинской чеки при ее бегстве из города. И между ними, при слабом свете мерцающих фонарей, тени несчастных родственников, разыскивающих своих родных и близких...

Утро следующего дня прошло в обычной обстановке прифронтового отдыха кавалерийского полка. Проверяласьковка, седловка, сушились потники, чистились винтовки. Пулеметчики набивали пулеметные ленты и круги, смазывали пулеметные тачанки и приводили в порядок сбрую.

Большинство офицеров находилось на железнодорожной станции, отстоявшей, как во многих русских городах, в нескольких верстах от города, для разбора брошенных красными огромных запасов. Туда же были отправлены повозки обоза и наряд пеших людей.

Утром пришло пополнение из запасной части. Для более тесной связи с Киевской армейской группой в город Козелец был отправлен эскадрон кирасир Ее Величества.

Но это почти мирное благополучие продолжалось недолго. Около часа дня на город был сделан чрезвычайно смелый налет красного отряда Крапивянского. Крапивянский, кадровый офицер, дослужившийся до чина полковника, до прихода полка в Нежин входил со своим отрядом в состав гарнизона города. Во время чистки Красной армии от контрреволюционного элемента в связи с делом маршала Тухачевского Крапивянский, будучи в чине генерала начальником 60-й стрелковой дивизии, был расстрелян.

Неожиданность нападения и полное отсутствие со стороны Сводно-кирасирского полка намека на охранение и дальнюю разведку позволили Крапивянскому не только подойти незамеченным к пригородам, но и захватить часть самого Нежина. Полком была выставлена всего одна застава кирасир Его Величества на северной окраине города, у выхода на Черниговское шоссе. О том, что, кроме севера, существуют еще три другие части света, штаб полка забыл.

Только благодаря сравнительно небольшому числу красных, около 500—700 человек при одном оружии, и хотя разрозненной, но быстро организованной обороне эскадронов, взводов и команд удалось избежать катастрофы и полного уничтожения всего 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка.

Около часа дня на западной окраине Нежина неожиданно послышалась стрельба. Скоро она распространилась по всему городу, и к отдельным ружейным выстрелам присоединились резкая чечетка пулеметов, разрывы ручных гранат и оружейные выстрелы.

В расположение кавалергардов прибежал подпоручик Миркович и поднял тревогу. Унтер-офицер Ситковский (кадет Полоцкого корпуса) выбежал с пулеметом на улицу и открыл огонь по красным всадникам. Под прикрытием огня пулеметов эскадрон поседлал и запряг пулеметные тачанки. Корнет фон Адеркас⁹¹, как старший, принял команду над кавалергардами.

Киевская улица, по которой надлежало идти к вокзалу, простреливалась красными. Адеркас свернул эскадрон на боковые улицы и благополучно отвел его на станцию. Там уже находилось одно орудие со штабс-капитаном В.П. Родзянко и подходили другие эскадроны. Наряд кавалергардов, стоявший в Яворовском монастыре, в банке и на городском почтамте,

⁹¹ **Фон Адеркас Алексей.** Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в августе – октябре 1919 г. в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку (Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии). Поручик. Ранен. Эвакуирован 8 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Херсон». Умер от тифа весной 1920 г.

был отведен на станцию корнетом Чудово-Адамовичем одновременно с эскадром Конной гвардии штабс-ротмистра Буда-Жемчужникова.

К этому времени красные заняли город. Закрепившись на его южной окраине, в пригородах Могилевка и Авдеевка, они перешли в наступление на вокзал. Под прикрытием блестящего огня взвода 1-й батареи спешенные эскадроны сами перешли в контрнаступление и к вечеру вновь заняли Нежин. Кавалергарды потеряли убитым унтер-офицера Кулагина.

2 сентября утром, при огромном стечении народа, в Яворовском монастыре состоялось отпевание павших в бою с отрядом Крапивянского и похороны их на монастырском кладбище.

Сопоставляя сведения, полученные от ночных разъездов, с теми, что дали местные жители, выяснилось, что отряд Крапивянского скрывался в деревнях, прилегавших к лесистой и сильно болотистой полосе реки Остера, в 20 верстах от Нежина.

На рассвете 2 сентября сводный дивизион, эскадрон кавалергардов штабс-ротмистра графа А.Д. Толстого и эскадрон кирасир Ее Величества штабс-ротмистра Полянского⁹², под командой был отправлен в эти деревни для розыска отряда Крапивянского. Пройдя село Мыльники, дивизион обнаружил красных, занимавших высоты у села Плоского. Конной атакой дивизиона, поддержанной огнем пулеметов, красные были сбиты с высот, село Плоское занято и захвачены пленные, лошади и повозки. Преследуя красных, дивизион настиг их вторично на переправе через Остер и в селе Мрин нанес им полное поражение. При бегстве красных, от скопившихся на нем повозок мост через реку Остер провалился, и пулеметная команда почти в упор всех перестреляла. Только самому Крапивянскому с несколькими людьми удалось еще при первом столкновении с дивизионом у села Плоского уйти через болото Смолеж в леса.

Возвращаясь 3-го в Нежин, дивизион разведкал деревни Колесники и Взруб и болото Смолеж, но нигде не обнаружил следов красных.

Все же под впечатлением налета на город полк во все время своего пребывания в Нежине нес постоянное охранение на юг и запад от города, вдоль реки Вьюницы, высылая в том же направлении разъезды. К этому времени, 3 сентября, в село Веркеевка, в 8 верстах к северу от Нежина, отошел после ряда боев под Черниговом Дроздовский конный полк и взвод 1-й гвардейской батареи.

К началу сентября красные, остановившись и закрепившись на рубеже реки Десны, получили значительное подкрепление. С их западного, Польского фронта красные перебросили Латышскую стрелковую бригаду червонных казаков В. Примакова.

Воспользовавшись растянутым расположением 5-го конного корпуса, красные перешли против него в наступление и заняли вновь Батурин, Бахмач и Конотоп, перерезав важную для снабжения армий рокадную магистраль Киев—Ворожба. Угроза прорыва фронта принудила добровольческое командование произвести перегруппировку своих сил.

Из Киева в Нежин был переброшен 2-й гвардейский пехотный полк, а Сводно-кирасирский отозван 13 сентября к своей дивизии и погружен в эшелоны для следования в Бахмач. Но дошел полк только до станции Плиски, 30 верст не доходя до Бахмача. Там полк был остановлен, выгружен и отправлен в село Красиловка.

В этом районе, ограниченном с востока реками Дочь и Борзна, с севера рекой Десной, с запада большой дорогой Нежин—Чернигов и с юга железнодорожной магистралью Бахмач—

⁹² **Полянский Георгий Алексеевич.** Из дворян, сын генерала. Гимназия, Московский университет (не окончил), Николаевское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; 14 апреля – 5 июня, 19 августа – 23 октября, 11—17 декабря 1919 г. и 7—17 марта 1920 г. командир того же эскадрона, с октября 1919 г. адъютант дивизиона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В марте 1920 г. ротмистр. Ранен 5 июня 1919 г. и 17 марта 1920 г. у ст. Средний Егорлык. Эвакуирован из Новороссийска. Подполковник. В эмиграции в Бельгии и Франции; на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, член правления Союза Инвалидов во Франции. Умер 29 декабря 1961 г. в Париже.

Нежин, полк вел в течение трех недель частые, порой тяжелые, но всегда успешные бои, облегчая вторичное занятие Бахмача и содействуя гвардейской пехоте в защите Нежина.

До 19-го полк оставался в селе Красиловка, неся охранение и усиленную боевую разведку к северу и востоку от села. 16-го и 17-го сторожевое охранение несли кавалергарды, имея главную заставу в хуторе Расине, на дороге в город Борзну. По донесению кавалергардского разъезда корнета Адеркаса, город был занят красной конницей, силу которой жители определяли в полк.

Левее кавалергардов, на линии Сиволож—Евлашевка—Британы, стояло охранение 2-го гвардейского пехотного полка. Правее, в районе села Великая Заговоровка, охранение 3-го конного полка.

19-го началось вторичное наступление 5-го конного корпуса на Бахмач. Для облегчения атакующих частей привлечением на себя возможно больших сил красных полк вел усиленную боевую разведку. 20-го полк перешел в наступление на станцию Дочь, старую знакомую по бою 23 августа. Красные не оказали почти никакого сопротивления ни на переправе через реку Борзну, ни у самой станции Дочь.

Только под самый вечер прошедший со стороны Макошина бронепоезд «Советская Россия» обстрелял станцию Дочь и шедший на бивак в село Шаповаловка полк. В ночном разъезде у села Высокого был ранен кирасир Ее Величества штабс-ротмистр Кожин⁹³.

После тяжелых ночных боев вторичное наступление на Бахмач закончилось занятием города, во время которого деятельное участие приняли бронепоезда обеих сторон. Добровольческие «Орел» и «Князь Пожарский» понесли тяжелые потери.

21-го эскадрон кавалергардов штабс-ротмистра графа А.Д. Толстого вел разведку южного берега реки Сейма. Разъезд корнета графа Вас. Мусин-Пушкина, высланный на местечко Новый Млин, атаковал у села Головенки отступающую пехоту красных. Подошедшие красные пулеметы не позволили разъезду развить достигнутый успех. На ночлег эскадрон стал на хутор Церковный, наблюдая дорогу на село Великий Устюг. На следующее утро эскадрон продолжал разведку берега реки Сейма совместно с подошедшим эскадронам Конной гвардии. Красные нигде не были обнаружены. Мосты у Батурина и Нового Млина и паром у Крупецкого монастыря были найдены в полной исправности. Вечером эскадрон присоединился к полку.

Пользуясь своим численным превосходством и тем, что части 5-го конного корпуса были почти все привлечены к Бахмачу, красные перешли в энергичное наступление на Нежин, которому сменившая полк гвардейская пехота не могла противостоять. Для облегчения ее положения в район Нежина был вновь отправлен отряд под начальством командира гвардейской бригады генерала Данилова, в составе Сводно-кирасирского полка, эскадрона Новороссийских драгун 3-го конного полка и Дроздовской конной батареи. 23-го отряд ночевал в городе Борзне. 24-го в 2 часа утра выступил в направлении Нежина, в тыл наступающих на город красных.

Пройдя села Оленовка и Берестовец, отряд подошел к селу Комаровка, в тылу красных. Комаровка была взята конной атакой дивизиона кирасир Ее Величества, захвативших пленных, обоз и пулемет, кирасиры потеряли ранеными корнетов Стеценко⁹⁴ и Дзахсорова⁹⁵.

⁹³ **Кожин Алексей Александрович.** Из дворян Воронежской губ. 6-я Санкт-Петербургская гимназия, Николаевское кавалерийское училище (1915). Поручик л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с октября 1918 г., с 24 марта и на 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; 23 июня – 15 июля 1919 г., 17 февраля 1919-го – 7 августа 1920 г. командир эскадрона (штабс-ротмистр). Тяжело ранен 10 августа 1919 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма; с 1 мая по 27 сентября 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен 9 сентября 1919 г. Ротмистр. После эвакуации в охране русского посольства в Константинополе, на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В эмиграции в Чехословакии, окончил Пражский политехнический институт, затем в бельгийском Конго, до 1946 г. инженер. Умер 21 февраля 1965 г. в Брюсселе.

⁹⁴ **Стаценко Юрий Вадимович.** Офицер с 1917 г.(?), корнет л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Вооруженных силах Юга России; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. С 23 июня по 3 июля 1919 г. командир того же эскадрона. Тяжело ранен 11 августа (сентября)

Продолжая свое движение, отряд подошел к занятым крупными силами красной конницы селам Евлашевка и Смолеж. Наступившая темнота и проливной дождь не позволили генералу Данилову продолжать наступление. На ночлег отряд стал в село Комаровка.

Присутствие отряда в тылу красных, действовавших на Нежинском направлении, не могло не обеспокоить красное командование. На рассвете 24-го охранение отряда – Новгородские драгуны⁹⁶ – было прорвано, и бригада червонных казаков Примакова почти на плечах отходившего охранения ворвалась в западную окраину Комаровки.

Предупрежденные перестрелкой в охранении полк и батарея, несмотря на стремительный налет красной конницы, успели вовремя поседлать и запрячь орудия и пулеметные тачанки и не только выйти в полном порядке из села, но и закрепиться на его северной и восточной окраинах.

Эскадрон кирасир Его Величества был отправлен на село Евлашевка, куда скоро подошла гвардейская пехота. Другой эскадрон того же дивизиона выбил из села Смолеж красную конницу. Обеспечив, таким образом, отряд со стороны Нежина, генерал Данилов перешел в наступление. После упорного, длительного стрелкового боя, при блестящей поддержке огня Дроздовской батареи, цепи кавалергардов, конногвардейцев и кирасир Ее Величества вновь заняли все село. На ночлег отряд стал в селе Евлашевка, вместе с гвардейской пехотой. В сторожевое охранение пошли новгородцы с ротой преображенцев.

На рассвете 25-го отряд продолжал наступление на станцию и село Британы. Дивизион Ее Величества был отправлен западнее железной дороги Круты—Чернигов для охвата Британ с юга. Дивизион атаковал лаву червонных казаков, отбросив ее от Кошелевки.

В атакующую Британы часть было выделено по эскадрону кавалергардов, конногвардейцев и кирасир Его Величества под командой полковника князя Девлет-Кильдеева⁹⁷. Три эскадрона разомкнулись в лаву. На правом фланге – кавалергарды, в центре – конногвардейцы, на левом – кирасиры.

По совершенно открытому, сжатому полю, несмотря на заборы и плетни, окружавшие село, и на очень сильный огонь красных, эскадроны ворвались в село и захватили пленных, обоз и пулеметы. Кавалергарды захватили пулемет Максима с тачанкой в полной запряжке, несколько повозок, 6 пленных, 2 винтовки и 20 тысяч ружейных патронов. В атаке потеряли ранеными корнета графа Вас. Мусин-Пушкина, вахмистра Гневшина и ефрейтора Мартынова (лицеист).

Красные, только что выбитые из Британ, скоро сами перешли в наступление. Однако все их повторные атаки были отбиты огнем всех пулеметных команд, нанеся красным страшные потери. Местами их цепи лежали сплошь скошенные пулеметами.

Поражению красных помогла своим огнем Дроздовская батарея, заставившая замолчать красную артиллерию в самом начале боя. Доблестный командир Дроздовской батареи, любимый и уважаемый всем полком штабс-капитан Виноградов, был убит разрывом последней красной гранаты.

1919 г. Поручик. Умер от тифа 5 марта 1920 г. в Ислам-Тереке под Феодосией.

⁹⁵ **Дзахсоров.** Корнет Черкесского конного полка. В Вооруженных силах Юга России; с августа 1919 г. в прикомандировании к дивизиону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (до 11 сентября 1919 г.). Тяжело ранен 11 августа 1919 г., ранен 11 сентября 1919 г.

⁹⁶ 10-й драгунский Новгородский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Начал формироваться в июне 1919 г. при 10-м гусарском Ингерманландском полку. В июле 1919 г. 2 эскадрона полка входили в состав 1-го конного генерала Алексея полка.

⁹⁷ **Князь Девлет-Кильдеев Николай Михайлович**, р. 9 июля 1886 г. в Глухове. Николаевское кавалерийское училище, Офицерская кавалерийская школа. Ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В сентябре 1918 г. в Киеве. Во ВСЮР с 17 февраля 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 12 мая 1919 г. помощник командира дивизиона своего полка, затем (август 1919 г.) командир дивизиона; в Русской Армии; весной 1920 г. командир запасной части до эвакуации Крыма. Полковник. В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Бельгии. Умер 30 сентября 1965 г. в Брюсселе.

Захватив инициативу в свои руки, генерал Данилов решил продолжать наступление и выбить красных из села Великая Кошелевка. В селе Британы были оставлены дивизион кирасир Ее Величества и кавалергарды для обеспечения тыла наступающих на Кошелевку. Впервые в атакующие цепи конногвардейцев и кирасир были влиты все легкие пулеметы полка.

Во время наступления цепей красные, для облегчения положения оборонявшихся в Кошелевке, направили в тыл отряда полк червонных казаков. На переезде железной дороги красная конница натолкнулась на оставленные в Британах эскадроны.

Напорвшись на неожиданное для нее сопротивление и понеся большие потери от огня спешных эскадронов и пулеметов, красная конница отхлынула в беспорядке. Все же ее появление внесло некоторый переполох в полковом перевязочном пункте-летучке, повозки которого стали уходить врассыпную.

Захваченная полком Великая Кошелевка была передана гвардейской пехоте. Отряд генерала Данилова отошел в резерв в село Евлашевка. Вечером туда пришло из запасной части из города Лубны очень крупное пополнение. К кавалергардам присоединился сформированный штабс-ротмистром графом И.Д. Толстым 2-й эскадрон, 110 шашек, дивизионная конно-пулеметная команда штабс-ротмистра А.Н. Шебеко, 6 тяжелых пулеметов на тачанках и 30 конных для пополнения 1-го эскадрона. Впервые в строю полка находились полностью 8 эскадронов и 5 конно-пулеметных команд.

Пребывание в резерве оказалось кратковременным: атакованная крупными силами красных гвардейская пехота не была в состоянии остановить их продвижение и очистила только что переданный ей район Британы – В. Кошелевка – Смоленж. Генералу Данилову предстояло вновь занять все эти места.

На рассвете 27 сентября наступление красных сказалось уже непосредственно в сторожевом охранении отряда в селе Комаровка. Дивизион конногвардейцев, занимавший охранение, был сбит красной конницей с артиллерией. Полк выступил по тревоге для восстановления положения, и к полудню, после очень упорного сопротивления, красные были выбиты из Комаровки, и село было вновь прочно занято полком. Там полк оставался до вечера и с наступлением темноты выступил на Британы.

По сведениям разведки, Британы были заняты пехотой, конницей и артиллерией красных. В Комаровке был оставлен обоз отряда с прикрытием взвода Новгородских драгун.

Длинным ночным переходом более чем в 25 верст, болотами и густым лесом, прилегавшим к берегам рек Десна и Дочь, частью совсем без дорог, лесными просеками, обойдя Британы с севера, на рассвете 28-го полк выстроился для атаки.

Высокий лесной гребень скрывал полк от взоров красных. Батарея с прикрытием Новгородских драгун стала на позицию на самом гребне, на опушке леса. Вдали, внизу, еще подернутые предрассветным туманом, виднелись заборы, плетни, окаймлявшие Британы, и желтая извилистая полоса свежеврытых окопов.

В первом эшелоне, в двух линиях, разомкнулись лавы обоих Кирасирских дивизионов. За ними, во втором эшелоне, во взводных колоннах стали кавалергарды и конногвардейцы. На флангах обоих эшелонов находились их дивизионные пулеметные команды. Полковая шла в резерве, за вторым эшелоном.

Взошедшее солнце, играя яркими, еще косыми лучами на лезвиях обнаженных шашек, на остриях пик и на развевавшихся разноцветных флюгерах, осветило начинавшийся бой.

Красная пехота показала редкую выдержку. Несмотря на неожиданность атаки, на беглый и, как всегда, изумительно меткий огонь Дроздовской батареи, красные молча подпустили кирасирские лавы на постоянный прицел и только тогда открыли огонь. Но когда кирасиры, поддержанные выскочившими вперед на карьере пулеметными командами, подошли вплотную к селу и местами уже ворвались в его улицы, оборона красных сразу потеряла свое упорство и устойчивость. Бросая окопы и оружие, они стали поспешно очищать село.

Вслед за первым в Британы вошел второй эшелон, выбивая отдельных пехотинцев, еще пытавшихся кое-где оказать сопротивление.

Пройдя село, кирасиры были встречены на его южной окраине огнем красных резервов, построившихся в каре. Все они были полностью уничтожены подошедшими на карьере всеми пятью конно-пулеметными командами.

Красные понесли огромные потери. Все улицы и поле у Британ были покрыты телами убитых людей и лошадей и брошенным оружием. Среди убитых было обнаружено много кур-сантов, чем, вероятно, и объясняется необычайно упорная и выдержанная оборона. Кирасиры Ее Величества потеряли убитым штабс-ротмистра Деконского, кирасиры Его Величества – раненым прапорщика Сомова⁹⁸.

Боевые действия полка нашли себе оценку в сообщении штаба Главнокомандующего от 15(28) сентября 1919 года. В нем сказано: «Черниговское направление: к северу от Нежина бои продолжаются. Нашими частями занято село Заинка. Своднокирасиры, выйдя в тыл противнику, занимавшему Веркеевку, разогнали три полка червонных казаков и захватили 7 пулеметов и трофеи».

Удачному занятию Британ много помог уход в ночь перед боем красной артиллерии и большей части конницы.

Под вечер полк отошел на ночлег в село Евлашевка. Сторожевое охранение, Смолеж—Заинка, заняли кавалергарды. Правее, у Комаровки, стояло охранение Конной гвардии, левее, в селе Веркеевка, гвардейская пехота.

После поражения красных у Британ на всем этом участке наступило полное затишье. В район Нежина начал подходить Белозерский пехотный полк⁹⁹ для предстоящего наступления на Чернигов, который и был им взят 11 октября вместе с Дроздовским конным полком. Олонецкий пехотный полк¹⁰⁰ сосредоточивался у станции Дочь для наступления на фронте Сосница—Макошино. Отряд генерала Данилова и приданная Дроздовскому конному полку 1-я гвардейская батарея отзывались к своей дивизии. 2 октября полк выступил на Бахмач.

На походе назначение полку было изменено. Вместо Бахмача ему надлежало идти в корпусной резерв, в город Батурин. Тогда же дивизион кирасир Ее Величества был выделен из полка и отправлен по железной дороге в город Ромны для действий против многочисленных банд атамана Шубы, пробиравшихся по тылам армии на соединение с бандами атамана Махно.

В районе Сорочинцев дивизион, вместе с приданной ему Роменской офицерской ротой и двумя орудиями 8-й конной батареи, имел бой с намного превышавшей своим числом бандой.

⁹⁸ **Сомов Николай Николаевич.** Юнкер. В Добровольческой армии; с 8 ноября 1918 г., на 24 марта и 12 мая 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. С 28 августа 1919 г. прапорщик с переименованием в корнеты. Ранен 13 августа 1919 г. у Британ. В Русской Армии до эвакуации Крыма в том же эскадроне. Трижды ранен. Поручик. В эмиграции в Константинополе, с 1921 г. член Морского клуба, к 28 апреля 1939 г. в Касабланке (Марокко). Умер после 1944 г.

⁹⁹ 13-й пехотный Белозерский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сентября 1919 г. – 9-й, затем 4-й пехотных дивизий. Сформирован 23 марта 1919 г. при Дроздовском полку, к 11 марта 1919 г. имел всего 76 человек (4 роты, в двух из них было по 11 человек), в апреле 1919 г. он имел 62 штыка, летом в нем было около 100 офицеров и две офицерские роты. Из Харькова полк выступил в количестве около 800 штыков и 15 пулеметов, к моменту штурма Чернигова он имел 2000 штыков, 200 сабель и 600 человек в запасном батальоне. За три месяца летних боев 1919 г. полк потерял 4000 человек. В полку солдатский состав на 80—90 процентов состоял из пленных красноармейцев или мобилизованных и бежавших от красных, от Харькова до Бредовского похода полк пропустил через свои ряды более 10 тысяч человек. Осенью от потерь полк уменьшился до 215 штыков. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апреля 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в батальон и влит в 1-й Марковский полк. Командиры: генерал-майор Будянский (7 апреля – май 1919 г.), полковник Чертков (май 1919 г.), полковник Радченко, полковник Б.А. Штейфон.

¹⁰⁰ 14-й пехотный Олонецкий полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Входил в состав 3-й, с 1 сентября 1919 г. – 9-й, затем 4-й пехотных дивизий. Ячейка полка формировалась при 13-м пехотном Белозерском полку. Летом 1919 г. насчитывал 250 штыков. Участвовал в Бредовском походе. Расформирован 6 апреля 1920 г. По прибытии из Польши в Крым сведен в роту и влит в 3-й Марковский полк. Командир – полковник В.Ф. Быканов (с 14 ноября 1919 г.).

Потеряв половину состава офицерской роты, оба орудия и понеся большие потери, дивизион присоединился к полку только в начале декабря, в селе Дмитровка на реке Орелье.

Безостановочное, победоносное продвижение армий Юга России к концу сентября постепенно утратило свой порыв. Огромная линия фронта протяжением на много тысяч верст, на которой остановилось наступление, начиналась у Каспийского моря и шла в общем направлении на Царицын—Урюпино—Лиски—Воронеж—Елец—Орел—Бахмач—Чернигов—Киев—Фастов, где связывалась с украинскими войсками Петлюры, занимавшими Фастов—Казаин, и далее по реке Збруч, до ее впадения в Днестр.

Без прочно организованного тыла, вынужденная выделять значительные силы для охраны железнодорожных узлов и городов, армия не была в состоянии крепко держать захваченную территорию. К тому же заметно усилилась деятельность банд различных атаманов: Махно, Тютюника, Шуся и Шубы.

Все попытки белого командования остановить продвижение красных оказались неудачными. Белая армия перешла сначала к активной обороне, затем постепенно потеряла инициативу, надолго перешедшую в руки красного командования.

Разведка к северу от Батурина. Бои под Глуховом и Рыльском. Отход на Сумы и оставление Харькова

Переброска 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка в Батурин совпала с усилением боевой деятельности в этом районе в связи с наступлением Добровольческой армии на Чернигов. 2 октября полк ночевал в городе Борзне, а 3-го стал в резерв 5-го конного корпуса в Батурине.

Некогда резиденция гетмана Украины, Батурин ничего не сохранил от своего былого величия. Только развалины огромного гетманского дворца свидетельствовали о том значении, которое город имел в минувшие века.

5 октября у станции Дочь сосредоточился Олонецкий пехотный полк для форсирования реки Десны на фронте Сосница—Макошино. Прикрывая его разворачивание, кавалергардский дивизион выступил на рассвете этого дня к северу от железной дороги Бахмач—Готня для разведки и наблюдения за переправами через Десну у Оболенья, Конятина, Зметнева и Спасского.

6-го 1-й эскадрон штабс-ротмистра графа А.Д. Толстого отбросил пешую разведку красных, переправившуюся под прикрытием артиллерийского огня у Зметнева на южный берег Десны. 7-го дивизион вернулся в Батурин.

8-го полк выступил к северу от города Кролевец, чтобы очистить от просочившейся красной пехоты район между реками Эсмань и Десна. Переночевав в деревнях Алтыновка и Лукнов, полк выбил красных из левобережных домов села Вишенька. Рано утром 9-го дивизион был отправлен из Лукнова в город Короп для наблюдения за переправами через Десну и прикрытия операции гвардейской бригады.

По дороге между Лукновом и Коропом, в лесном дефиле у моста через реку Царевку, дивизион был обстрелян красными, по всей вероятности партизанами. Густой, болотистый лес не давал возможности выслать боковые разъезды. Под прикрытием огня дивизионной коннопулеметной команды штабс-ротмистра А.Н. Шебеко, открывшей огонь по лесу в обе стороны от дороги, дивизиону удалось проскочить засаду с небольшими потерями двух раненых кавалергардов и пяти убитых лошадей.

На огромном, 35-верстном участке, от станции Жерновка до деревни Шаболино, под проливным дождем, лившим почти безостановочно и днем и ночью, кавалергарды несли разведку и охранение до 21 октября, когда были отозваны к полку в город Кролевец.

По приходе дивизиона в Короп от 2-го эскадрона были сразу высланы небольшие посты на переправы через Десну у станции Жерновка, в селах Рыботин, Сухиничи и деревне Шабе-

лино. Многочисленные хутора между этими селениями наблюдались мелкими разъездами и конными дозорами. 2-й эскадрон и пулеметная команда разместились на северной окраине города.

Не прошло и полутора часов со времени высылки наряда, как та часть города, где стояли кавалергарды, подверглась обстрелу красной артиллерии с северного берега Десны. Командир дивизиона граф И.Д. Толстой перевел эскадрон и команду на южную окраину Коропа. Но и тут через короткий промежуток времени они вновь были обстреляны гранатами. Стало ясно, что огонь красных корректируется непосредственно из города.

В это время один из высланных разъездов, унтер-офицера Малахова, обнаружил в поле, среди кустов, на дне канавы, телефонный провод, идущий, как ему показалось, из города в направлении реки. Малахов повернул разъезд и повел его вдоль провода. Провод привел разъезд к заброшенному небольшому дому, почти на самой окраине Коропа. Разбитые ворота и окна, полуобвалившийся забор, сад и двор, поросшие густым бурьяном, указывали на то, что дом пуст и давно оставлен своими хозяевами.

Несмотря на это, Малахов остановил разъезд и с двумя кавалергардами вошел в дом. Всюду висела паутина и густой слой пыли покрывал пол. Осмотр комнат и чердака ничего не дал, но когда кавалергарды спустились в подвал, то среди пустых бочек и больших чанов, в самом темном углу подвала, увидели и самого осведомителя красных. Последний был задержан Малаховым и отведен к командиру дивизиона, который отправил его в штаб дивизии. После этого обстрел больше не повторялся.

21-го кавалергарды были сменены дивизионом 3-го конного полка¹⁰¹ и ушли в село Обложки на присоединение к полку.

За время пребывания кавалергардов в Коропе гвардейская бригада вела 15-го наступление на Шостенский пороховой завод и местечко. Одно время цепи конногвардейцев и кирасир захватили вокзал и станционный поселок, а эскадрон улан Его Величества ротмистра Зубова вошел в самое местечко. Но развить достигнутый успех бригаде не удалось. Подавляющий перевес красных в артиллерии и переправа красной конницы через Десну у села Пироговка с выходом далеко за левый фланг наступающих частей принудили бригаду прекратить бой и отойти к местечку Воронеж-Глуховский. Вторичное наступление бригады 19-го также не имело успеха.

20 октября, после тяжелых боев, атак и контратак красные заняли Орел (Латышская стрелковая дивизия Калнина, стрелковая бригада Павлова и бригада червонных казаков Примакова). Вследствие этого бригада была переброшена в город Глухов.

22-го кавалергарды присоединились к полку в селе Обложки, где сосредоточилась вся бригада для дальнейшего движения на Глухов. По дороге, у деревни Тулиголовки, на обоз гвардейского конно-артиллерийского дивизиона, шедшего в хвосте колонны, напала одна из многочисленных банд атамана Шубы, которой удалось захватить временно несколько повозок, немедленно отбитых подоспевшей командой конно-артиллерийских разведчиков. В селе Обложки, кроме женщин, стариков и детей, почти никого не было. Все взрослые мужчины, вольно или невольно, находились в бандах Шубы.

23-го по совершенно раскисшей от непрерывных дождей дороге бригада пришла в город Глухов, в районе которого оставалась до 15 ноября, ведя почти ежедневно дальнюю разведку

¹⁰¹ 3-й конный полк. Сформирован во ВСЮР 1(18) мая 1919 г. в Ростове-на-Дону из Сводно-кавалерийского полка Одесской бригады Добровольческой армии Одесского района. Придан 7-й пехотной дивизии. С 6 марта 1919 г. участвовал в боях в Северной Таврии в отряде генерала Виноградова. На 14 июня насчитывал 841 человек. С 19 июня 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. На 5 октября 1919 г. насчитывал 267 штыков и 175 сабель при 24 пулеметах. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Командир – полковник Самсонов (1 мая – 15 октября 1919 г.).

боем и одновременно борьбу с многочисленными, хорошо вооруженными бандами, деятельность которых, по мере приближения фронта, значительно усилилась.

Уездный город Глухов, со своими старинными церквями, с чудным собором в древневизантийском стиле с прекрасным иконостасом серого мрамора, с казармами 175-го пехотного Батурина полка, казался после Батурина, Коропа, Кролевца и, в особенности, после мрачного, грязного Бахмача столицей.

В его окрестностях, в 20 верстах к югу, на реке Клевани, находился Петропавловский монастырь, построенный в 1230 году. В трех верстах, в глухом вековом лесу, стояла Глинская пустынь, славившаяся на всю округу особым глиняным звоном своих колоколов и в которой подвизался святой Дмитрий Ростовский. Исключительно радушное и сердечное отношение всех жителей Глухова еще более скрашивало пребывание полков в городе. Это было тем более ценно, что фронт все ближе и ближе подходил к городу.

Кавалергарды стали в бараках ремонтной комиссии, отлично сохранившихся с времен Великой войны. За все годы Гражданской войны, ни до, ни после Глухова, кавалергарды и их лошади не были так прекрасно размещены. «Совсем как в Красном Селе», – по определению вахмистров, старых кавалергардов Гневшина и Деревянкина.

На рассвете 27-го полк под командой полковника графа Беннигсена, в составе двух дивизионов, Кавалергардского и Конно-гвардейского, и одного эскадрона кирасир со всеми пулеметными командами и 10-й гвардейской конной батареей, выступил в направлении на село Маков и далее на Шостку с целью глубокой боевой разведки.

Когда авангард полка, кавалергарды и гвардейская батарея, подходили к селу Салут, из него отошел эскадрон красных. По словам местных жителей, следующее село Собачев было занято крупными силами красной пехоты. По распоряжению командующего полком авангард свернул с большой дороги и втянулся в густой лес, подхитивший с юга почти до самого Собачева.

Не выходя из леса, ротмистр граф И.Д. Толстой развернул дивизион для атаки села. Дивизионная конно-пулеметная команда штабс-ротмистра А.Н. Шебеко вынеслась вперед лавы, повернула кругом и открыла огонь с тачанок по селу одновременно с батареей.

На полевым галопе кавалергарды атаковали село, охватывая его с трех сторон широкой лавой. Сопrotивление красных было почти сразу сломлено. Ворвавшись в село, кавалергарды захватили 180 пленных и два тяжелых пулемета Максима с полными запряжками, более 300 винтовок и несколько повозок с патронами. Взятые в плен красноармейцы принадлежали к 41-й стрелковой дивизии Эйдемана.

На плечах убежавших красных конногвардейцы заняли село и станцию Маков, захватив около полусотни пленных. На ночлег полк отошел к Собачеву, выставив сторожевое охранение от кирасир. Поздно ночью красные открыли артиллерийский огонь по биваку полка.

Несмотря на неожиданность обстрела, полк и батарея вышли из-под огня в полном порядке и отошли под проливным дождем в село Слоут. Кромешная тьма и дождь много способствовали удачному выходу из села и тому, что не повторилась печальная история Нежина.

28-го в Слоут подошел второй эскадрон кирасир, и, пополнив запас патрона и снарядов, полк вторично выступил на Маков.

Авангард полка – Кирасирский дивизион – выбил из Собачева красную пехоту, захватив 65 пленных. Продолжая наступление, кирасиры заняли Маков. На ночлег полк стал в село Собачев. В охранение пошли кавалергарды. На станцию Маков была выдвинута отдельная застава поручика графа Вас. В. Мусин-Пушкина с двумя тяжелыми пулеметами. Для предупреждения возможного появления красного бронепоезда железнодорожное полотно было разобрано во многих местах и станционные стрелки были заклинены.

29-го предполагалось дальнейшее наступление на Шостку, но полк дошел только до деревни Гамалеевки, в 5 верстах после Макова, где получил приказание вернуться в Собачев

для наступления на Ямполь, в районе которого было обнаружено накапливание крупных сил красных.

На рассвете 30-го, имея в авангарде подошедший накануне из Глухова 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк и 2-ю гвардейскую батарею, бригада выступила в местечко Ямполь. После короткого обстрела батареями красные были отброшены, и местечко и станция Ямполь были заняты авангардом.

Сводно-кирасирский полк находился в резерве и остался на ночлег в селе Гремячка. Только боковое охранение конногвардейцев имело столкновение у хутора Турановка, откуда им был выбит красный эскадрон. 31-го полк вернулся в Глухов, где его ожидало пришедшее из Лубен пополнение.

Плохая погода, продолжавшаяся весь октябрь, еще ухудшилась. Температура резко упала до минус 10. По утрам стояли сильные заморозки и гололед. Пользуясь временным затишьем на фронте, кавалергарды начали перековку лошадей на зимние подковы.

В Глухове были получены газеты с описанием взятия Собачева. В сообщении Ставки упоминались имена командующего полком графа Беннигсена, командира 1-й гвардейской батареи Лагодовского и кавалергардов графов И.Д. и А.Д. Толстых и А.Н. Шебеко. Особенно подчеркивалась боевая работа Кавалергардского дивизиона.

4 ноября в составе Кавалергардского и Конно-гвардейского дивизионов и взвода 2-й гвардейской батареи полк выступил для розыска различных банд атамана Шубы, сильно затруднявших сообщение с 3-м конным полком, стоявшим в Кролевце. Разведав деревню Черториги и села Дубовичи и Тулиголовка, из которой конногвардейцы выбили красных, полк стал на ночлег в селе Обложки. На следующий день к полку присоединился эскадрон кирасир и еще взвод 2-й гвардейской батареи. Полк выступил на село Ярославец, но дальше деревни Щерби из-за проливного дождя с талым снегом и совершенно раскисшей дороги, сильно затруднявшей движение батареи, полк не пошел, а стал на ночлег в деревне Дунайцы. Красные не были обнаружены. Только кирасиры, высланные на Ярославец, были обстреляны из села пулеметами.

На рассвете 8-го полк, имея в авангарде кавалергардский дивизион, выступил на Ярославец. При подходе к селу кавалергардов в селе раздался набат, и головной эскадрон был встречен огнем с околицы села и опушки ближайшего леса. Батарея открыла огонь.

Дивизион развернулся в лаву. 1-й эскадрон пошел на село, 2-й – на лес. Атака дивизиона не дала существенного результата. В лесу было подобрано всего двое раненых и несколько винтовок. В селе было зарублено несколько красных, в том числе и звонарь, поднявший на колокольне набат. Вечером полк вернулся в Глухов.

Очищение от банд сел и деревень в тылу фронта при слабом наличии сил и невозможности прочно закрепить за собой все эти селения никакого положительного результата не давало и причиняло полкам только излишнюю трепку и изматывание людей и лошадей. Осенью 1919 года в Донском бассейне и в прилегавших районах против Добровольческой армии сражалось более 20 тысяч партизан. В Екатеринославской губернии 35 тысяч, столько же на Кавказе. Не считая непосредственной прифронтовой полосы. Борьба с ними требовала огромного количества войск и страшно ослабляла фронт.

В ночь на 22 октября Чернигов, занятый 2-м Дроздовским конным и Белозерским пехотным полками, был нами оставлен под давлением 67-й стрелковой дивизии Крапивянского, знаменитого полку по Нежину, и Таращанской бригады 44-й стрелковой дивизии Щорса. В самом Глухове начали появляться беженцы из Орла и других северных городов, первые предвестники грядущих неудач на фронте.

9-го, в 4 часа утра, к северу от Глухова послышалась сильная артиллерийская стрельба. Красным удалось сбить у села Береза сторожевое охранение 2-го гвардейского полка. Конногвардейский и Кирасирский дивизионы были спешно направлены на поддержку охранения. Кавалергарды были отправлены к югу от Глухова, в село Обложки, для наблюдения за Кроло-

векким направлением, где 3-й конный полк с большим трудом сдерживал наступление красных.

По возвращении в Глухов кавалергарды получили пополнение: 12 конных и 8 заводных лошадей, 2 легких пулемета Люиса и 80 комплектов зимнего английского обмундирования, столько же папах, перчаток, башлыков и смен теплого белья.

12-го утром обнаружился сильный и непосредственный нажим красных на Глухов в направлении на деревни Береза и Слоут, где стояло охранение 2-го гвардейского полка. Высланные на его поддержку Конно-гвардейский и Кирасирский дивизионы отбили наступление красных и захватили в конной атаке более 200 пленных, кухни, обоз и канцелярию.

Накануне 3-я отдельная кавалерийская бригада красных Соколова захватила Кроловец. Поэтому предполагаемое выступление Кавалергардского дивизиона и взвода 1-й гвардейской батареи на усиление 3-го конного полка было отменено. В дальнейшем 3-й конный полк был, подобно 2-му Дроздовскому конному, отрезан от своей дивизии и отошел с частями генерала Бредова в Польшу, где был интернирован. Только в 1920 году полк вернулся через Румынию в Крым.

Чтобы ослабить нажим красных на Глухов, 2-й гвардейский полк с 1-й гвардейской батареей выступил 13-го на село Эсмань, 20 верст по Севской большой почтовой дороге, где полк имел бой с крупными силами красной пехоты с двумя батареями. Наступившая темнота не позволила развить достигнутый успех. К вечеру вся бригада стала в Глухове.

От перебежчиков и пленных выяснилось, что красные собираются атаковать Глухов в ночь на 14-е. Ввиду невозможности для конницы ввязаться в ночной уличный бой, штаб дивизии принял предварительные меры. Все обозы были засветло сосредоточены на южной и восточной окраинах города. Обоз 1-го полка и 1-й батареи у выхода на Путивльскую дорогу, обоз 2-го полка и 2-й батареи у выхода на Рыльскую дорогу. 1-й эскадрон кавалергардов был отправлен на разведку леса, лежавшего между двумя этими дорогами на участке сел Сварково и Екатериновка, и 2-й эскадрон с дивизионной конно-пулеметной командой – в село Обложки для наблюдения за Кроловецким направлением, откуда, по словам перебежчиков, можно было также ожидать наступления красных на Глухов.

В последние дни пребывания бригады в Глухове предполагалась ее переброска в Курск, где создалось тяжелое положение. Были запрошены сведения о нужных полкам эшелонах, и был заготовлен фураж. Но ввиду невозможности получить затребованные поездные составы, отправка бригады по железной дороге была отменена.

В Кавалергардском дивизионе, после отправки в отпуск части офицеров и кавалергардов и в запасную часть слабосильных лошадей и больных кавалергардов, в командование 1-м эскадром вступил штабс-ротмистр Г.Г. Раух при офицерах: поручике Сидорове и графе Вас. В. Мусин-Пушкине и корнетах фон Адеркасе, Мирковиче и Чудово-Адамовиче. 2-й эскадрон принял штабс-ротмистр А.Н. Шебеко при офицерах: штабс-ротмистре Горяинове¹⁰² и корнетах Ф.В. Шебеко¹⁰³, М.А. Роговиче¹⁰⁴, графе Р.В. Мусин-Пушкине. Дивизионную конно-пулеметную команду принял штабс-ротмистр П.А. Рогович.

¹⁰² **Горяинов Кирилл.** Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; в октябре 1919 г. в эскадроне своего полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма в Запасном кавалерийском полку. Эвакуирован из Балаклавы на корабле «Лебедь». В эмиграции в Константинополе, с 1921 г. член Морского клуба.

¹⁰³ **Шебеко Федор Вадимович,** р. 25 июля 1898 г. Пажеский корпус (1917). Корнет Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; адъютант коменданта г. Сочи, начальник разведывательной части штаба 2-й пехотной дивизии, с октября 1919 г. в эскадроне своего полка, врид адъютанта 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка. В эмиграции во Франции (в Париже и его окрестностях). Умер после февраля 1954 г.

¹⁰⁴ **Рогович М. Алексеевич.** Сын тайного советника. Корнет Кавалергардского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с ноября 1919 г. начальник пулеметной команды. Тяжело ранен 11 ноября под с. Снагость и умер от ран 13 ноября 1919 г.

В 23 часа, в ночь на 14 ноября, красные открыли сильный оружейный огонь по городу. Согласно приказу начальника дивизии части бригады вышли без боя из города и отошли на переправы через Клевань. Сводно-кирасирский полк с 1-й батареей в село Сварково, в 8 верстах к югу от Глухова, Сводно-кавалерийский полк с 2-й батареей в село Екатериновка, на 10 верст на восток. Кавалергарды остались на своих местах: 1-й эскадрон в лесу между Сварковым и Екатериновкой, 2-й – в селе Обложки. Подступы к городу наблюдались сетью разъездов, которые вели перестрелку с разведкой красных. На этих местах полки простояли весь день 14-го и утро 15-го, когда получили приказание идти походом в Курск по маршруту Крупец—Рыльск—Льгов.

Когда полки выходили из Глухова, высланные еще засветло фуражиры 1-й батареи еще не успели вернуться. Чтобы обеспечить их возвращение, командир батареи полковник Лагодовский остался по личной инициативе со взводом своей батареи в городе. Северная часть Глухова уже была занята красными, когда фуражиры вернулись, и полковнику Лагодовскому удалось вывести своих людей без потерь под обстрелом красных.

В полдень все разъезды и 2-й эскадрон кавалергардов были отозваны и полк выступил на село Козино. В пути к нему присоединился 1-й эскадрон кавалергардов.

Красные, занятые сведением счетов с населением, грабежами и расправами, не помешали отходу полка. На следующий день полк продолжал свое движение. Ночью поднялась сильная метель, и к 7 часам утра, ко времени выступления полка, все дороги были занесены высокими сугробами. Температура упала до минус 15. Почти весь переход до села Крупец полк шел в поводу, меняя каждые полчаса головной эскадрон. Местами снег был по брюхо лошади. Вечером полк стал на ночлег в село Крупец. Туда же подошла бригада генерала Аленича¹⁰⁵ из 1-й кавалерийской дивизии, полки Сводно-гусарский¹⁰⁶ и Сводно-уланский¹⁰⁷. Бригаде была передана 2-я гвардейская батарея, и она была оставлена в Крупце для обеспечения движения гвардейской бригады на Рыльск.

Когда в 4 часа утра полк выступил с ночлега, метель еще усилилась. Пронизывающий ветер, мороз в минус 20 градусов. Дорога распознавалась только по телефонным столбам. Полк не дошел до Рыльска. Совершенно неожиданно в этой обстановке было получено из интендантства по 4 теплых комплекта английского белья на эскадрон. 18-го полк выступил на Рыльск, где уже находился пришедший накануне 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский полк.

Рыльск, небольшой, типичный старинный русский город со своими церквями, с красивым собором, построенным в XV веке при Василии Шемяке, доживал последние часы сравнительно тихой, спокойной и безмятежной провинциальной жизни. Фронт подошел вплотную к городу. Несмотря на это, несмотря на рассказы беженцев из северных городов об ужасах

¹⁰⁵ **Аленич Михаил Евграфович**, р. в 1866 г. В службе с 1884 г., офицером с 1886 г. Генерал-майор, командир л.-гв. Конного полка и 2-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 18 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 25 марта 1919 г. запасный член Особой комиссии, с 30 мая 1919 г. командир 1-й бригады Сводно-горской конной дивизии, в ноябре – декабре 1919 г. командир 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии, с марта 1920 г. командир 2-й бригады Сводно-кавалерийской дивизии. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новоросска на корабле «Спарта» на о. Халки. В эмиграции в Румынии. Умер 19 декабря 1938 г. в Аккермане (Бессарабия).

¹⁰⁶ Сводно-гусарский полк. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра гусарских полков Императорской армии. Входил в состав 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал 3 эскадрона 11-го Изюмского, 2 эскадрона 17-го Черниговского и 1 эскадрон л.-гв. Гродненского гусарских полков. Последний в январе 1920 г. передан в Сводно-гвардейский кавалерийский полк. Командиры: полковник Нелидов (до 18 июня 1919 г.; умер), полковник Б.А. Гаевский (с 25 октября 1919 г.), полковник А.Н. Зененков (до марта 1920 г.).

¹⁰⁷ Сводно-уланский полк. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра уланских полков Императорской армии. Входил в состав 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал 2 эскадрона 13-го Владимирского и по 1 эскадрону 3-го Смоленского, 15-го Татарского и 16-го Новоархангельского уланских полков, а затем также эскадрон 19-го драгунского Архангелогородского полка (?). На 5 октября 1919 г. насчитывал 310 штыков и 95 сабель при 6 пулеметах. Командир – полковник Г.И. Априлев.

расправы чекистов с населением, жители Рыльска, все без исключения, радушно и сердечно встретили полк.

В день прихода полка в Рыльск красные стрелковые дивизии, 9-я Солодухина и эстонская Пальварде, заняли Курск, и дальнейшее движение гвардейской бригады в этом направлении было бесцельно. Бригада была остановлена в Рыльске с задачей прикрыть переправу через Сейм. К этому времени красные заняли обширный район, отеснив Добровольческую армию на линию городов Тим, Фатеж, Льгов, Дмитров и Севск.

Около 17 часов в сторожевом охранении 2-го гвардейского полка поднялась сильная ружейная, пулеметная и орудийная стрельба. Сводно-кирасирский полк и батарея были вызваны на поддержку охранения. Батарея выехала на позицию и открыла огонь. Полк стал на северной окраине Рыльска. Кирасирский дивизион влился в цепи 2-го полка.

К вечеру стало ясно, что бригаде не удастся удержать Рыльский тет-де-пон. В 22 часа, пропустив 2-й гвардейский полк и батарею, полк, в свою очередь, покинул Рыльск при сильном буране и 25 градусах мороза.

Только в 5 часов утра полк стал на ночлег в деревне Луговке. Ночной переход, хотя и небольшой, всего в 6 верст, оказался очень тяжелым. Все заметающая выюга, мороз, к тому же на пути оказался овраг с неглубоким, незамерзшим ручьем, но с крутыми, обледеневшими берегами. Мост был сломан, и пришлось в полной темноте отпрягать лошадей в пулеметных тачанках и в обозе и переправлять все повозки на руках, по колено в воде. С полком отходило из Рыльска несколько сот подвод с беженцами, которым пришлось помогать на переправе.

Все это отразилось на боевом составе полка. За одну эту ночь в полку оказалось около 40 процентов обмороженных. Во всех дивизионах здоровые люди были сведены в один эскадрон. В командование кавалергардским эскадроном вступил штабс-ротмистр Раух. Из офицеров в строю остались: штабс-ротмистр Горяинов, корнеты граф Вас. Мусин-Пушкин и Сидоров. Корнет М.А. Рогович принял пулеметную команду, штабс-ротмистр А.Н. Шебеко остался на должности дивизионера. Весь лишний обоз, больные и обмороженные кавалергарды и слабосильные лошади были отправлены в запасную часть.

20-го трехэскадронный полк, но со всеми пулеметными командами, отошел на деревню Ромадоновку, оставив в деревне Поповке охранение от кавалергардов.

Прошло двое суток со времени оставления Рыльска, и только около 12 часов красная пехота подошла к охранению. Встреченные огнем и понеся потери, красные отошли. Почти четыре часа на кавалергардских заставах царила полнейшая тишина. Затем красные уже в значительно больших силах, с артиллерией, возобновили наступление.

Остальная часть полка подошла к главной заставе, чтобы усилить кавалергардов, но одновременно было получено приказание штаба дивизии – не ввязываться в бой, отойти на село Пушкарное, где закрепиться на переправе через Игруньку. Выход из боя произошел под прикрытием кавалергардов, сдерживавших наступление красных еще более часа. Кавалергарды потеряли шесть раненых, в том числе ефрейтора Скаржинского (лицеиста), раненного тремя шрапнельными пулями.

21-го без всякого давления вся бригада отошла на местечко и узловую станцию Коренево, куда подошла из 1-й кавалерийской дивизии бригада генерала Барбовича. Генералу Барбовичу удалось проскочить Льгов, уже занятый красными, ночью, в страшную метель. Под Льговом было потеряно 4 бронепоезда и почти полностью были уничтожены Дроздовский и Самурский¹⁰⁸ пехотные полки.

¹⁰⁸ Самурский полк (83-й пехотный Самурский полк). Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 г. в ст. Песчанокопской из пленных красноармейцев, захваченных 3-й пехотной дивизией как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий в бою 1 июля за Тихорецкую развернут в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 августа 1918 г. в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 штыков) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившим знамя) переименован в

Наступила зима. Не проходило дня без снежных метелей и сильного северного ветра. Понемногу все лощины и овраги заносились сугробами. Дороги стали еле заметными и труднопроходимыми. 20-градусные морозы стали обычным явлением. Повозки колесного обоза, начиная с пулеметных тачанок, были заменены санями.

22-го для обеспечения левого фланга конницы, занимавшей переправы на реке Сейме, и для связи с бригадой генерала Аленича, ведущей бой в районе Ворожбы и Белополья, Сводно-кирасирский полк выступил на село Гапоново.

За ночь намело так много снега, что полк пришел в Гапоново только к 11 часам. Охранение было выставлено от кирасир, и от них же была выслана разведка по ту сторону Сейма в деревню и хутор Юрасово, которые оказались занятыми красной пехотой.

Село Гапоново расположено на обрывистом, крутом берегу Сейма и вытянулось вдоль реки в одну, местами в две улицы. Противоположный берег низменный, и замерзшие плавни были покрыты густым кустарником. К северу и к восточной околице подходил густой лес, вдоль которого лежала единственно возможная для движения дорога. К югу, за селом, находилась станция Гапоново, на железнодорожной линии Коренево—Ворожба. В 30 верстах к западу, у деревни Теткино, бригада генерала Аленича вела бой, но связаться с нею не было никакой возможности. Дворы, занятые кавалергардами, находились на самом обрыве, и оттуда хорошо были видны и Юрасово, и ближайшие хутора. Рано утром 23-го кавалергарды сменили в охране кирасир, выставив три караула: на колокольне и на обеих околицах села.

Утро прошло спокойно. Густой туман, поднявшийся с реки, постепенно все заволоч непроглядной пеленой. К полудню туман начал рассеиваться, и пост с колокольни донес о движении у красных. На льду реки ясно выделялся хвост пехотной колонны красных, втягивающейся в лес. Небольшой заслон, около 50 человек с двумя пулеметами, открыл огонь по деревне.

Кавалергардские пулеметы, четыре тяжелых и столько же легких, были выставлены на самом овраге и, в свою очередь, открыли огонь. Эскадрон сосредоточился на второй улице, хорошо прикрытый домами от огня.

Завязавшаяся перестрелка была прекращена приказанием штаба дивизии – не ввязываться в бой, а отойти к штабу в село Снагость. Полк немедленно двинулся в Снагость. Кавалергардам было приказано снять охранение и догонять полк. Пока собирались посты и снимались с позиций пулеметы, полк был уже далеко. Наконец весь эскадрон собрался и рядами, так как занесенная снегом дорога не позволяла другого строя, рысью вытянулся из села. Незамеченные в тумане красные успели войти в лес, и когда кавалергарды подходили к его опушке, то были встречены ружейным огнем почти в упор.

Развернуть эскадрон для атаки в снежных сугробах было невозможно. Штабс-ротмистр Раух поднял эскадрон в галоп, как он шел, рядами. Корнету Роговичу приказал открыть пулеметный огонь с саней, как только эскадрон минует поворот. Увидев несущийся прямо на них эскадрон, красные оторопели, решив, что кавалергарды их атакуют, не отдавая себе отчета в том, что снежные сугробы этого не позволят. Стреляли они беспорядочно и плохо. Большинство стало убегать в глубь леса.

Самурский. На 1 марта 1919 г. насчитывал 1337 штыков и 32 пулемета, на 20 июня – 591 штык и 26 пулеметов, на 1 июля – 795 штыков и 26 пулеметов, на 5 октября 1919 г. —1304 штыка и 26 пулеметов. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 октября (реально 4 декабря) 1919 г. вошел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 г. восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галлиполи влит в Алексеевский полк. Командиры: полковник К.А. Кельнер (до 19 июля 1918 г.), полковник Н.Н. Дорошевич (19 июля – начало августа 1918 г.), подполковник (полковник) К.Г. Шаберт (начало – 14 августа, сентябрь —29 октября 1918 г.), полковник Сипягин (14 августа – сентябрь 1918 г.), полковник М.А. Звягин (29 октября – декабрь 1918 г., 18 мая – ноябрь 1919 г.), полковник Ильин (декабрь 1918-го – 18 мая 1919 г.), полковник Е.И. Зеленин (начало декабря 1919-го – 16 апреля 1920 г.), полковник Д.В. Житкевич (21 июня – ноябрь 1920 г.).

Наконец кавалергарды доскакали до поворота и пошли вдоль опушки. Пулеметные сани шли карьером за эскадроном, подпрыгивая на снежных сугробах. Пулеметы безостановочно стреляли по опушке. С ветвей падали густые хлопья снега. В лесу раздавались крики и стоны раненых. Гулко отзывалась в нем неумолкаемая чечетка пулеметов.

Заскочив за следующий изгиб дороги, эскадрон перешел в шаг. Вслед за эскадроном пулеметная команда отходила перекатами, держа под непрерывным огнем опушку леса, не давая возможности красным выйти из леса. Во время отхода начальник пулеметной команды корнет М.А. Рогович был ранен в поясницу в тот момент, когда он остановился, чтобы удостовериться, что все пулеметы следуют за ним. Под затихающим огнем красных его сняли с лошади и уложили в пулеметные сани. Кроме него, были еще легко ранены два кавалергарда, убиты две лошади и четверо ранены.

Кавалергарды догнали полк в селе Снагость, где в красивом доме-усадебке князей Барятинских стояла полковая санитарная летучка. Доктор Захаров осмотрел и перевязал раненых. Рана Роговича оказалась очень тяжелой: у него была задета прямая кишка, и он скончался через два дня.

Полк выступил на деревню Гордеевку, где стал на ночлег в теплых, широких квартирах. Весь переход дул сильный северный ветер и безостановочно мела метелица. Дорога была завалена сугробами, и полку пришлось часто спешиваться.

Вечером в Гордеевку пришла бригада генерала Барбовича. Чтобы дать возможность ее полкам стать более свободно, полк перешел на следующее утро в деревню Владимировку. Вечером в охранении бригады генерала Барбовича поднялась перестрелка, скоро замолкшая.

25-го, задолго до рассвета, полк перешел в деревню Алексеевку. На его место во Владимировку должен был перейти генерал Барбович. Под Владимировкой было решено задержаться и принять бой. В Алексеевке полк был разведен по дворам, оставаясь в полной боевой готовности.

До полудня на фронте все было тихо. Только в обед раздались первые выстрелы завязавшегося боя. Полк выстроился у выхода на Владимирскую дорогу. Красные ввели в бой крупные силы, и огонь с обеих сторон достиг большого напряжения. Очень скоро со стороны села Беловоды обозначился обход правого фланга бригады Барбовича.

Для его парирования Кавалергардскому эскадрону было приказано выдвинуться в направлении на Ново-Николаевку—Беловоды. От эскадрона был выслан головной разъезд поручика графа Вас. Мусин-Пушкина. Миновав Ново-Николаевку, разъезд продолжал движение на Беловоды, дойти до которых ему не удалось. Пройдя всего 3 версты после Ново-Николаевки, граф Мусин-Пушкин столкнулся с красной пехотой и конницей.

Тем временем штабс-ротмистр Раух занял северо-восточную околицу Ново-Николаевки всеми легкими пулеметами с небольшим прикрытием. Ядро эскадрона с тяжелыми пулеметами заняло позицию на высоком гребне, не доходя до Ново-Николаевки, откуда хорошо обстреливалось село, занесенный снегом овраг перед селом и дорога.

Очень скоро пулеметы в Ново-Николаевке открыли огонь по красной пехоте и коннице, преследовавшей отходящий разъезд и эскадрон 1-го Алексеевского конного полка¹⁰⁹, отхо-

¹⁰⁹ 1-й конный генерала Алексеева полк (1-й офицерский конный полк). Сформирован в Добровольческой армии 25 марта 1918 г. как 1-й конный (Конный, Конно-Партизанский) полк (3 эскадрона) из 1-го и 2-го (Конные отряды полковника Глазенапа и подполковника Корнилова) кавалерийских дивизионов. Состоял тогда почти исключительно из офицеров (после соединения с Кубанским отрядом офицеры и юнкера-кубанцы составили 2-ю офицерскую сотню во главе с полковником Рашпилом) и понес огромные потери в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром (в одной только сотне Рашпила убито 32 офицера). С мая—июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 14 февраля 1919 г. – 1-й конный генерала Алексеева полк. С 27 мая 1919 г. входил в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал также 2 эскадрона 10-го драгунского Новгородского и 2 эскадрона 10-го уланского Одесского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 196 сабель при 16 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. 30 декабря 1919 г. при сведении ее в Сводную кавалерийскую бригаду сведен в

дивший также на Николаевку. Несмотря на свое численное превосходство, красные действовали вяло. Пехота залегла, конница спешила. Графу Мусин-Пушкину был дослан остаток его взвода, и, вместе с алексеевцами, им была занята цепью околица села.

Под самый вечер на усиление кавалергардов был прислан эскадрон кирасир. В командование дивизионом вступил ротмистр А.Н. Шебеко. Вялая перестрелка понемногу затихла. С темнотой красные отошли. Когда совсем стемнело, кирасирам и алексеевцам было приказано отойти к своим полкам, кавалергардам же оставаться на занятой позиции до тех пор, пока все полки генерала Барбовича не пройдут через Алексеевку, после чего идти на ночлег в село Большая Писаревка.

Для обеспечения левого фланга конной группы полк рано утром 26-го перешел в село Хотень, в 3 верстах к западу от Большой Писаревки. Сильно запруженное русло реки Олешни было занято у села Хотень кавалергардами, выставившими на перекресток дорог в 3 верстах к северу взвод графа Вас. Мусин-Пушкина с двумя пулеметами. У деревень Заболотье, Кровное и Рудневка стали заставы конногвардейцев и кирасиры. В Хотень было доставлено по 50 мешков сахара на эскадрон с соседних сахарных заводов.

К этому времени бригада генерала Аленича, отходившая на Ворожбу, подошла через Виры на деревню Головачевку, у железной дороги Ворожба—Сумы. Поздно ночью полк был смнен Сводным полком 12-й кавалерийской дивизии¹¹⁰ полковника Псела¹¹¹ и ушел на ночлег в деревню Руднев. Ночью граф Вас. Мусин-Пушкин заболел тифом, став первой жертвой в полку той страшной эпидемии, которая обрушилась на всю армию. В ту же ночь он был эвакуирован.

Утром 27-го, оставив в деревне Песчаной на реке Олешне эскадрон кирасир, полк отошел на деревню Парное. Вечером полк отошел на ночлег в предместье города Сумы—Лука. В деревне Барановке, на левом берегу реки Псела, охранение было выставлено от кирасир.

После сильных морозов неожиданно наступила ростепель и проливные дожди. Снег, лежавший крепким настом, растаял, превратив все дороги и полк в месиво черной, непролазной грязи. От внезапного подъема воды реки вздулись, и левады, овраги и болота стали непроходимы.

28-го красные перешли в наступление на Сумы. Рано утром Сводно-кирасирский полк сосредоточился в деревне Барановке, куда подошли 2-й гвардейский полк и 1-я гвардейская батарея. Гвардейской бригаде было приказано переправиться через реку Псела у села Большая Чернетчина и занять у деревни Пушкаревки и села Александровка выходы из лесов на северном берегу реки.

дивизион. По прибытии в Крым дивизион полка вошел в 1-й кавалерийский полк, а 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион 6-й пехотной дивизии под названием Отдельного конного генерала Алексея дивизиона. Чины полка носили белые с красным околышем фуражки и красные с белой выпушкой погоны. Для чинов полка установлен нагрудный знак в виде черного равностороннего креста с широкой белой каймой, на который слева снизу-направо наложен серебряный меч рукоятью (золоченой) вниз; на крест навешен серебряный терновый веночек, в центре – золоченая буква «А» славянской вязи, на верхней стороне креста – белая дата «1917». Командиры: полковник К. Корсун (июнь – сентябрь 1918 г.), полковник В.П. Глиндский (сентябрь – ноябрь 1918 г.), полковник (генерал-майор) А.П. Колосовский (ноябрь 1918-го – 21 марта 1919 г.), полковник Сабуров (7 апреля – осень 1919 г.).

¹¹⁰ Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра полков 12-й кавалерийской дивизии Императорской армии, сведенных 13 марта 1919 г. в Сводный дивизион той же дивизии и выделенных из состава 2-го конного полка. Входил в состав 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 12-го драгунского Стародубовского, 12-го уланского Белгородского и 12-го гусарского Ахтырского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 396 штюков и 161 саблю. Командир – полковник Г.Н. Псиол (с 13 марта 1919 г.).

¹¹¹ **Псиол Георгий Николаевич.** Офицер с 1909 г. Полковник 12-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13 марта 1919 г. командир Сводного дивизиона, с октября 1919 г. – Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, с января 1920 г. командир 3-го кавалерийского полка. Эвакуирован. 28 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Константин». Убит 20 июня 1920 г. в хут. Шматове (22 июня 1920 г. у Корсунского монастыря) в Северной Таврии (по ошибочным данным – в марте 1920 г. в ст. Натухайской).

Дойдя до Чернетчины, выяснилось, что мост и плотина у села были прорваны водой и вся долина реки превращена в непролазную топь, исключаящую для батареи возможность переправиться через Псел. Поэтому в Чернетчине был оставлен только Сводно-кирасирский полк с двумя орудиями. Остальная часть бригады была возвращена в Сумы.

Конно-гвардейский эскадрон был отправлен в Пушкаревку, кавалергарды заняли северную околицу села вдоль реки Псела и выход на лесную дорогу в хуторе Литварева. Леса на южном берегу Псела занимали огромную, непрерывную площадь протяжением более 20 верст к югу и еще больше к западу и подходили почти вплотную к Чернетчине.

Около 16 часов наступление красных сказалось непосредственно на участке полка. От конногвардейцев было получено донесение, что красные вышли из леса и атаковали Пушкаревку крупными силами пехоты и конницы и что эскадрон не в состоянии удержать за собою деревню. Через час конногвардейцы отошли на Чернетчину.

Густой туман неожиданно заволок всю долину реки. Под его прикрытием, вскоре по приходе конногвардейцев, красные вышли из леса и подошли вплотную к западной околице села, обстреляв его из нескольких пулеметов. Кавалергарды сосредоточились на западной окраине села, кирасиры и конногвардейцы заняли северную. Красные, продолжая свое наступление, постепенно охватывали кольцом Чернетчину, стараясь отрезать полку пути отступления.

Кавалергардам было приказано прикрыть выход полка из боя. Кирасиры и часть конногвардейцев отошли на деревню Барановку, где получили приказание удерживать мост через реку Псел, пока остальные части конницы не пройдут через Сумы.

Кавалергарды, прикрывая отход полка, постепенно отходили в глубь села, ведя в сплошном тумане уличный бой, затем отошли на село Малая Чернетчина, где заняли сторожевое охранение. Кроме них, в Малой Чернетчине оказался штаб полка, два орудия и взвод конногвардейцев. В течение дня на правом, западном берегу реки Псела, южнее Сум, бригада генерала Аленича, отходя от Шпилевки на Сумскую Ворожбу, наткнулась на встречное наступление красных и, не имея возможности их отбросить, отошла на село Большая Исторопь, переправившись через Псел у Нижней Сыроватки.

29-го на рассвете, под покровом еще более густого тумана, красные повторили свой вчерашний маневр, выйдя из прилегавшего вплотную леса в тыл правофланговой Кавалергардской заставы штабс-ротмистра Горяинова, которую немедленно усилила остальная часть эскадрона, рассыпавшись в цепь вдоль огородов. Вялая перестрелка в сплошном тумане продолжалась около трех часов. Затем, легко оторвавшись от красных, кавалергарды отошли на ночлег в местечко Нижняя Сыроватка, где сосредоточилась вся гвардейская бригада. На переправе через Псел в селе Низы было выставлено охранение от кирасир.

Город Лебедин был занят красными, и тем самым обозначался глубокий и непосредственный обход обоих флангов конной группы и со стороны Суджи, и со стороны Лебедина. Для облегчения создавшейся угрозы и для расширения фронта для свободного выхода из образовавшегося почти полного кольца гвардейская бригада была сменена Сводным полком 12-й кавалерийской дивизии и оттянута 30-го на село Большая Исторопь. Стоявшая там бригада генерала Аленича была, в свою очередь, оттянута к югу от железной дороги Сумы—Лебедин для прикрытия крайнего левого фланга конницы со стороны Лебедина.

В течение всего дня 30-го на участке гвардейской бригады красные не проявили никакой деятельности. Но это спокойствие, необычайное для всех предыдущих дней, продолжалось недолго. В 3 часа утра 1 декабря красные вновь перешли в наступление и атаковали сторожевое охранение конногвардейцев. Сторожевой резерв – кавалергарды – немедленно подошел к левому флангу охранения и занял цепью западную и юго-западную околицу села, держа под пулеметным огнем Лебединскую дорогу, опушку леса и мост через реку Ревку. Затем, когда немного посветлело, штабс-ротмистр Раух выдвинул свои пулеметы, взявшие под продольный огонь красные цепи, и заставил их отойти в лес.

Когда же совершенно рассвело, армейская бригада генерала Барбовича сменила Сводно-кирасирский полк и перешла в энергичное наступление, отбросив красных за реку Псел против Сумской Ворожбы, но переправиться через реку бригада не смогла. Во время ночной перестрелки кавалергарды потеряли раненым вахмистра подпрапорщика Гневшина и трех кавалергардов.

К 10 часам утра гвардейская бригада сосредоточилась у сахарного завода в резерве конной группы. Вечером она отошла на ночлег в село Малая Исторопь, на 6 верст к югу.

В ночь на 2 декабря бригада генерала Аленича, стоявшая в районе хутора Юхнова, заняла без боя город Ахтырка. Выдвижение бригады в Ахтырку было вызвано необходимостью обеспечить конницу от более глубокого обхода ее левого фланга и сохранить за нею пути отхода. На место полков генерала Аленича была переведена гвардейская бригада, занявшая на рассвете 2 декабря ряд хуторов южнее железной дороги на Лебедин. Полк стал в хуторе Стеблянкине. От кирасир были высланы разъезды на север на деревню Батраков, село Рябушки.

В 17 часов, в наступающей темноте, гвардейская бригада получила приказание перейти в село Радомля, к западу от железной дороги Сумы—Богодухов. Подходя к местечку Белки, когда уже почти вся бригада втянулась в местечко, она неожиданно попала под ружейный и пулеметный огонь красных, подошедших почти одновременно с бригадой к Белкам.

На рысях бригада вышла из местечка на деревню Алексеевку, где ей надлежало переправиться через реку Баромлю. Прикрывать отход бригады остался эскадрон 2-го гвардейского полка с орудием гвардейской батареи. Но переправиться у Алексеевки бригаде не удалось. Мост был разрушен, и бригада пошла южнее, на село Тростянец, где, перейдя реку, стала на ночлег в деревне Смородино в полночь на 3 декабря.

4-го, в 5 часов утра, в предрассветной темноте зимнего, морозного утра, бригада выступила с ночлега на станцию Смородино для выполнения поставленной ей накануне задачи – занять село Радомля. Пройдя станцию, 2-й гвардейский полк спешил и начал наступление, цепями западнее Сумского шоссе. Прикрывая его правый фланг, вдоль опушки леса шла Кавалергардская лава. Левый фланг охранялся конными заставами конногвардейцев. Кирасиры прикрывали батарею и коноводов. Наступление бригады протекало успешно, и красные постепенно очищали свои позиции. Около 10 часов было получено донесение от генерала Аленича, что красные выбили его из Ахтырки и оттеснили на хутор Высокий, в 6 верстах по Грайворонскому шоссе.

Появление красных в 24 верстах в тылу и за левым флангом конницы создало серьезную угрозу захвата путей ее отступления. Генерал Барбович, вступивший после заболевшего генерала Миклашевского в командование сводной дивизией: гвардейская бригада, 1-й Алексеевский конный и 10-й гусарский Ингерманландский полки¹¹², получил приказание выйти из боя и перейти всей дивизией в село Пожня на реке Ворсклице, в 28 верстах от Смородина.

¹¹² 10-й гусарский Ингерманландский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. 12 офицеров этого полка в феврале 1918 г. пытались пробиться на Дон, но были схвачены, остальные, оставшиеся на квартирах полка в Чугуеве, не пожелав служить у гетмана, летом группами прибыли в Добровольческую армию. Первая из них, со спасенным поручиком Яновским полковым штандартом, прибыла в Новочеркасск 29 августа 1918 г. Ядром к восстановлению полка послужил ординарческий взвод, сформированный из офицеров кавалерии при 1-й конной дивизии; в октябре в развернутом на его основе разведывательном дивизионе было 16 кадровых офицеров полка. С 25 октября 1918 г. он (как сохранивший полковой штандарт) именовался Ингерманландским гусарским дивизионом. 27 мая 1919 г. развернут в полк (5 эскадронов) и включен в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал 2 эскадрона. На 5 октября 1919 г. насчитывал 270 штыков и 240 сабель. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (с февраля 1920 г. – дивизион в 1-м Сводно-кавалерийском полку). С 16 апреля 1920 г. дивизион полка (3 эскадрона) входил в 5-й, а с 8 августа 1920 г. – в 1-й кавалерийский полк. В Добровольческой армии воевали почти все офицеры полка, состоявшие в нем к моменту революции, – 41 офицер. Полк потерял в Белом движении 21 офицера (в мировую войну – 14). Командир – ротмистр (полковник) М.И. Тихонравов (сентябрь 1918-го – ноябрь 1920 г.). В 1927 г. создано полковое объединение, насчитывавшее на 1954 г. около 20 человек. Председатели: генерал-лейтенант И.Г. Барбович и полковник М.И. Тихонравов, секретарь – ротмистр Комаровский, председатель отдела во Франции – ротмистр Холшевников. Начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции – ротмистр С.А. Слезкин.

Преследуемые беглым огнем гвардейской батареи, при своем отступлении из Радомли красные не заметили отхода бригады и дали ей возможность легко выйти из боя. Пройдя село Люжа и деревню Ницаху, дивизия переправилась у села Солдатского на восточный берег Ворсклицы и пошла, прикрываясь ею, на Пожню. Но дойти до села дивизия не смогла. Не доходя до села Крамчатка-Тарасовка, авангард дивизии – гвардейская бригада – был обстрелян ружейным и пулеметным огнем.

2-й гвардейский полк спешился и повел наступление на село. На правом фланге цепей в конном строю шел кавалергардский эскадрон, на левом – кирасиры, конногвардейцы прикрывали коноводов и батарею.

Подойдя к Крамчатке-Тарасовке, Кавалергардская лава была встречена огнем. Несмотря на наступившую ночь и густой туман, кавалергарды атаковали и ворвались в село, зарубив несколько пехотинцев, остальным удалось уйти через огороды. Туман был настолько густой, что не только преследовать, но и видеть что-нибудь далее десяти шагов было невозможно.

Не желая ввязываться в ночной бой при полной неизвестности, где и какие силы красных находятся против дивизии, генерал Барбович отменил дальнейшее движение на Пожню и решил отвести свои полки за реку Ворсклу, в район Ямное—Большая Писаревка. Прикрывать отход дивизии были оставлены: кавалергарды в Крамчатке-Тарасовке, конногвардейцы и кирасиры в селе Солдатском. После редкой перестрелки с невидимыми в тумане красными полк отошел в арьергарде дивизии на село Долбреньское, где начал переправу по льду через Ворсклу.

Вновь наступившие морозы не успели достаточно крепко сковать лед, поэтому полки переправлялись через реку в нескольких местах. Тем не менее в Дроздовской батарее, почти у выхода на восточный берег, одно из орудий провалилось и было вытаскано лишь утром. То же самое произошло и при переправе Кавалергардского эскадрона: под одними пулеметными санями лед не выдержал и они вместе с лошадьми ушли под лед. Пулемет и сани удалось сразу вытащить, но одна из дышловых лошадей утонула.

В 5 часов утра 4 декабря, после 24 часов, во время которых полк прошел с боем более 40 верст, он стал в селе Ямном. Лошади еле шли, а всадники засыпали на ходу. Но воспользоваться отдыхом в Ямном кавалергардам не пришлось. Немедленно по приходе в село эскадрон был назначен в сторожевое охранение в селе Вольном и деревне Стрелецкой, на западном берегу Ворсклы.

Оба села, Ямное и Вольное, были очень большие, более 400 дворов в каждом. Множество пустырей, кривых, извилистых улиц, переулков и тупиков расползлись во все стороны. Оба села разделялись рекой Ворсклой, через которую лежал крепкий каменный мост. Сразу у моста большая Сумская дорога разветвлялась к югу – на Богодухов, к западу – на Грайворон.

Во время перехода пулеметчики могли хоть немного выспаться в санях, и они были в сравнении с эскадронам менее измотаны. Начинало светать. Местность впереди была совершенно открытая, и опасаться неожиданного и незаметного подхода красных не приходилось. Поэтому, чтобы дать эскадрону хоть немного отдохнуть, охранение было занято одними пулеметами. Один из них был оставлен у моста.

Прошло три часа со времени занятия охранения. За это время успели накормить людей и лошадей. Около 9 часов утра вдоль Сумской дороги показалось человек 100 красной конницы. Встреченные огнем пулеметов, красные, потеряв несколько всадников, отошли. Почти вслед за этим авангардом появились крупные силы красной конницы, которая, развернувшись на широком фронте, повела энергичное наступление на Вольное, охватывая его кольцом с востока, севера и запада. Вдали за красной лавой виднелись густые колонны конницы.

Силы, столкнувшиеся у Вольного, были настолько неравны, что всякая возможность кавалергардам удержать за собой село и его тет-депон была заранее предрешена. Оставалось

только задерживать красных как можно дольше, чтобы дать возможность полкам и обозам своевременно выйти из села.

Постепенно отходя в глубь села, кавалергарды сдерживали наступление красных около часа. Затем, когда все пулеметные ленты и круги были расстреляны, а два тяжелых пулемета заклинились, штабс-ротмистр Раух отправил эскадрон с штабс-ротмистром Горяиновым на присоединение к полку, а сам с одним пулеметом Люиса остался прикрывать отход эскадрона. Наконец эскадрон и пулеметы благополучно вышли из села. Еще несколько минут, чтобы дать эскадрону возможность отойти подальше, и можно будет последнему пулемету выйти из села. Но в ту самую минуту, когда Раух собирался окончательно покинуть село, десятка два красных всадников бросились на пулемет. Пулемет выпустил свой последний круг. Почти все всадники были убиты, а остальные ускакали, не решаясь вновь атаковать. Воспользовавшись этой короткой передышкой, последние кавалергарды вышли из села.

За это время дивизия успела выйти из Ямного и развернуться западнее большой дороги из Писаревки в Ахтырку. Кирасиры стали в прикрытие к гвардейской батарее, конногвардейцы, оставленные накануне на переправе через Ворсклу, находились еще в селе Добренском. Кавалергарды пристроились к 2-му гвардейскому полку в резерве дивизии.

Заняв оба села и переправу через Ворсклу, красная конница продолжила свое наступление, но едва ее головные части показались на выходах из Ямного, как они были загнаны обратно огнем гвардейской и двух Дроздовских батарей. Под прикрытием артиллерийского огня армейская бригада выдвинулась в сторону Ямного, и все повторные попытки красных выйти из Ямного были остановлены. Под вечер бой затих. Гвардейская бригада отошла на ночлег в деревню Иваны, верст на 9 к югу, где к полку присоединился Конно-гвардейский эскадрон.

Одновременно с боем у Ямного бригада генерала Аленича вела наступление на Ахтырку. Но взять обратно город не удалось. Бригада отошла сначала в исходное положение, а затем еще дальше, на 10 верст по Богодуховскому шоссе, в деревню Веселую, за рекой того же названия.

Ночь прошла совершенно спокойно. Красные не развивали достигнутого успеха, ограничившись занятием переправ у Большой Писаревки и Ямного. Никакого продвижения красных в сторону Богодухова охранение дивизии не обнаружило. Генерал Барбович решил нанести красным короткий удар и отбросить их за Ворсклу.

5 декабря в 5 часов утра, еле отдохнув, полк вытягивался из деревни Иваны в авангарде дивизии. Головным эскадронам шли кавалергарды. За ночь к красным в Ямное подошла пехота и артиллерия. Кавалергардские походные заставы обнаружили, не доходя до Ямного, колонну красной пехоты, шедшую навстречу дивизии. Кавалергарды спешили и, в ожидании подхода дивизии, заняли цепью гребни бугров и завязали перестрелку с развернувшейся пехотой. Подоспешшие эскадроны полка удлиннили цепь, конногвардейцы – вправо, кирасиры – влево.

Постепенно вся дивизия втянулась в бой. Три батареи открыли огонь. На участке полка его цепи начали продвигаться вперед и подошли к небольшой, замерзшей речке, притоку Ворсклы, почти у самого Ямного. Лед был настолько крепок, что цепи легко перешли речку.

В это время обнаружился обход красными левого фланга полка, настолько глубокий, что кирасирам пришлось загнуть свою цепь почти на 90 градусов. Такой же обход правого фланга дивизии обнаружился и со стороны Большой Писаревки.

Временно пренебрегая этим направлением, генерал Барбович приказал эскадрону лейб-драгун ротмистра де Витта¹¹³ – резерв гвардейской бригады – атаковать красных, охватывавших кирасир. Одновременно взвод гвардейской батареи с ее командиром, полковником Лагодовским, вынесся вперед и открыл продольный огонь по красным цепям.

¹¹³ Воспоминания Д.Л. де Витта публикуются ниже.

Коноводы полка были вызваны к цепям. Пока они подходили и полк садился, красные, сбитые метким огнем гвардейской батареи, начали спешно отходить на Ямное, увлекая за собой цепи, что находились перед полком, и те, что появились со стороны Большой Писаревки.

Кавалергарды, конногвардейцы и лейб-драгуны атаковали красных, отступающих западнее речки. Несколько армейских эскадронов атаковали их восточнее речки. Все эти эскадроны одновременно ворвались в Ямное, перерубив красные цепи и захватив в селе более 200 пленных. Но большинство красной пехоты, как и батареи, успели уйти через Ворсклу в Вольное. С темнотой бой затих. Гвардейская бригада отошла на ночлег в Иваны, армейская – на село Варваровка. В Ямном и в Большой Писаревке были оставлены слабые сторожевые заставы.

За бой 5 декабря полк потерял более 20 человек, что для трех эскадронов слабого состава было очень чувствительно. Больше всего потеряли кирасиры. Командир их эскадрона штабс-ротмистр Кучин¹¹⁴ был ранен. Кавалергарды потеряли трех человек, в их числе унтер-офицера Данилова, и шесть лошадей.

Кирасирский эскадрон был сведен во взвод и придан кавалергардам, в рядах которых он принял участие во всех боях до 20 декабря, когда крупное пополнение дало возможность вновь развернуть полк в четыре эскадрона.

Во время второго боя у Ямного бригада генерала Аленича, ведя арьергардный бой, отошла через село Каплуновка на село Никитовка, в 12 верстах к западу от города Богодухова.

Генерал Чекотовский, вступивший в командование 5-м конным корпусом, остался крайне недоволен действиями генерала Аленича. Отход бригады не оправдывался боевой обстановкой ни на фронте дивизии генерала Барбовича, ни на ее собственном фронте. 6 декабря бригада оставила село Никитовка и отошла на 6 верст к югу, за реку Мерлю, в деревню Гуты. Командир корпуса приказал генералу Аленичу восстановить положение и закрепиться в покинутом им селе Никитовка.

Но за истекшие сутки красные успели прочно занять Никитовку, и все усилия генерала Аленича занять село не удалось. Во время ночного боя село несколько раз переходило из рук в руки. В результате красные не только удержали село, но и отбросили бригаду на 25 верст к югу от Богодухова, в село Александровка, где 7 декабря сосредоточилась 1-я кавалерийская дивизия.

Таким образом, Богодухов не только был оставлен без боя, но между обеими кавалерийскими дивизиями образовался прорыв в 7 с лишним верст. Поэтому, когда 6 декабря дивизия генерала Барбовича вновь развернулась на фронте Большая Писаревка—Ямное для форсирования реки Ворсклы, штаб корпуса приказал отнюдь не ввязываться в бой, а отойти на Богодухов.

Красная конница довольно долго преследовала отходящую дивизию. На высоте села Лескова, на реке Рябине, в трех верстах к северу от Богодухова, гвардейская бригада была остановлена и заняла сторожевое охранение. Кавалергардский эскадрон был выдвинут в хутор Ахремцы, в 4 верстах восточнее Лесковки, с задачей прикрыть село Сенное и находившуюся там переправу через реку Мерлю.

7 декабря задолго до рассвета к охранению кавалергардов подошла конная разведка красных, легко отбитая огнем застав. С первыми лучами солнца вслед за конницей подошла на саях красная пехота, также легко отбитая кавалергардами. Вскоре со стороны Лесковки

¹¹⁴ **Кучин Сергей Дмитриевич**, р. в 1894 г. 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1914). Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. С октября 1918 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; младший офицер пулеметной команды, затем командир эскадрона до эвакуации Крыма. Ранен 23 ноября 1919 г. Подполковник. В эмиграции в Югославии, с 1 ноября 1922-го – 1 января 1924 г. служащий Крымского кадетского корпуса. Окончил сельскохозяйственный институт в Жамблу (Бельгия). Умер 13 декабря 1953 г. в Конго.

послышалась стрельба, постепенно усилившаяся. Около 12 часов красные обошли низкорослым лесом оба фланга эскадрона, стараясь отрезать ему дорогу на Сенное и на переправу через Мерлю. Эскадрон был принужден отойти. На буграх, не доходя Сенного, эскадрон вновь спешился, задерживая продвижение красной конницы. Здесь штабс-ротмистр Раух получил приказание отойти к полку на Богодухов.

Пройдя деревню Шейчино, эскадрон присоединился к полку поздно вечером в Богодухове. Накормив людей и лошадей, полк ночью покинул Богодухов и стал на бивак в деревне Максимовке в 12 верстах к юго-востоку от города (Богодухов был занят в ночь на 8 декабря 41-й стрелковой дивизией Эйдемана, 1-й бригадой Латышской дивизии Вайняна и 8-й кавалерийской дивизией Примакова).

День 8 декабря прошел на биваках полка совершенно спокойно. Настолько спокойно, что лошади не были поседланы. Только пулеметные команды и обоз были запряжены. Вечером полк выступил на смену сторожевого охранения 2-й бригады. Полк не успел дойти до хуторов, где стояли сторожевые заставы, как по всей линии охранения начался сильный ружейный и пулеметный огонь.

Полк подошел на рысях к сторожевому резерву, спешился и занял цепями гребни впереди и между заставами. Было совершенно темно, шел густой, талый снег, и наступающие красные цепи были заметны только по вспышкам выстрелов. Около полуночи перестрелка постепенно затихла и вся дивизия отошла в район полустанка Максимовка. Полк стал на бивак в деревню Петровское. В течение этого дня бригада генерала Аленича вела в районе села Александровка встречный бой, окончившийся для нее отходом на село Новый Мерчик, еще на 8 верст на юго-восток.

На рассвете 9 декабря в сторожевом охранении дивизии, севернее деревни Максимовки, загорелся бой, в который постепенно втянулась вся дивизия. Армейская бригада развернулась правее деревни, фронтом на север и запад, 2-й гвардейский кавалерийский полк, левее деревни, фронтом на юго-запад. На всем этом участке красные сосредоточили крупные силы пехоты с многочисленной артиллерией, и наступление велось ими очень энергично.

Около 11 часов обнаружилось продвижение красных в направлении на местечко Ольшаны, в обход правого фланга дивизии. Одновременно от 1-й кавалерийской дивизии¹¹⁵ было получено сообщение о движении красной конницы и пехоты в направлении на город Валки. Таким образом, сразу определился обход обоих флангов конного корпуса.

Когда же штаб генерала Барбовича, стоявший в постоялом дворе за деревней Максимовкой, был обстрелян с близкого расстояния, с опушки леса в полуверсте от штаба, то создалась не только угроза обхода флангов дивизии, но и опасность полного ее окружения. Генерал Барбович решил вывести полки из создавшегося мешка.

Сводно-кирасирский полк, сведенный после боев под Ямным в два эскадрона – кавалергарды и конногвардейцы – не находился в цепи. Конногвардейцы прикрывали Дроздовские конные батареи, кавалергарды находились в личном резерве начальника дивизии.

Кавалергардам было приказано задержать во что бы то ни стало продвижение красных в тыл дивизии и обеспечить ей путь отхода на село Старый Мерчик. Спешившись, кавалергарды залегли вдоль глубокой дренажной канавы и своим ружейным и пулеметным огнем сдерживали красную конницу более часа, не давая ей дебушировать из леса. Выход дивизии из боя

¹¹⁵ Речь идет о дивизии второго формирования. 1-я кавалерийская дивизия. Сформирована во ВСЮР 19 ноября 1919 г. из частей 5-го кавалерийского корпуса. Входила в состав Добровольческого корпуса. Состав: 1-й гвардейский Сводно-кирасирский, 2-й гвардейский Сводно-кавалерийский (15 декабря 1919 г. объединены в Сводно-гвардейский кавалерийский полк), 1-й конный генерала Алексева и 10-й гусарский Ингерманландский полки. 30 декабря 1919 г. сведена в Сводную кавалерийскую бригаду, а 14 февраля 1920 г. вновь развернулась в дивизию в составе (с 21 марта 1920 г.) Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го конного генерала Алексева, 1-го (полковник М.И. Тихонравов), 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских, Сводно-конного и Черноморского конного полков. Начальники: генерал-майор И.И. Чекотовский, генерал-майор И.Г. Барбович.

начался с более угрожаемого ее левого фланга. Только тогда, когда все полки дивизии отошли за железную дорогу Богодухов—Харьков, в свою очередь, последними, отошли кавалергарды.

Цепляясь за каждый рубеж, дивизия медленно отходила, отбиваясь отседавших красных. Только поздно вечером красные атаки прекратились. Ночью дивизия стала в село Старый Мерчик, куда подошла и 1-я кавалерийская дивизия. Находившаяся при бригаде генерала Аленича 2-я гвардейская батарея была возвращена своей бригаде.

10-го красные вновь атаковали охранение дивизии у станции Мерчик. Дивизия подошла к сторожевым заставам и развернулась на их высоте. Не в пример минувшим дням, красные на этот раз действовали вяло, ограничиваясь одной перестрелкой.

После полудня дивизии было приказано отойти на узловую железнодорожную станцию Майский, а затем на село Люботин, откуда 158 дней тому назад началось наступление 5-го конного корпуса. В Люботине дивизия получила приказание перейти в село Пересечное, на северо-запад от Харькова, для содействия частям Дроздовской дивизии, ведущим бой на северных подступах к городу.

Еще не начинало светать, когда 11 декабря полки дивизии вытягивались со своих биваков. Деревня Двуречный Кут была занята без боя. Продвигаясь дальше на север по Большой Богодуховской дороге, дивизия, не доходя местечка Ольшаны, встретила с наступающей на Харьков красной пехотой.

Под прикрытием огня своих трех батарей дивизия быстро развернулась и перешла в наступление цепями и лавами. На левом фланге дивизии один из армейских полков обходил лавой Ольшаны с запада. На правом фланге кавалергардская лава обходила местечко с востока.

Появление дивизии перед Ольшанами было для красных, по-видимому, совершенно неожиданно. После короткого сопротивления красные начали отходить, сначала на Ольшаны, затем, после небольшой задержки на его окраине, совершенно очистили местечко, отойдя на несколько верст к северу. Местечко было занято обходившими его лавами.

После занятия Ольшан цепями, лавы были отозваны. До самой темноты с обеих сторон велась вялая перестрелка. Ночью дивизия отошла на села Гавриловка и Пересечное, в котором стал на ночлег Сводно-кирасирский полк.

12 декабря дивизия выступила на Харьков, но, не доходя до него версты четыре, было получено донесение, что накануне вечером красные заняли город (Латышская стрелковая и 8-я кавалерийская дивизии).

Дивизия круто повернула на юг и по плохой, совершенно разбитой, узкой лесной дороге вышла на село Березовка и затем далее на села Комаровка, Артемово и местечко Мерефа.

Рано утром 13-го в сторожевом охранении к западу от Мерефы поднялась ружейная и пулеметная стрельба. Полк, то есть два слабых эскадрона, был поднят по тревоге и направлен на деревню Уткуву, в 2 верстах к югу от Мерефы, где красные перешли в наступление, стремясь захватить мост через реку Мож.

Наступление красных было легко отбито кавалергардами и конногвардейцами. Вечером, после того как Дроздовская дивизия покинула Мерефу, оба эскадрона в арьергарде дивизии отошли на бивак в село Новая Водолага.

Бои южнее Харькова. Отход за Дон. Бои у Ростова, Батайска и Егорлыкской. Отход за Кубань. Новороссийская катастрофа

С оставлением Харькова и отходом сначала на юг, на Лозовую, затем через каменноугольный район, за Дон, начался новый период участия кавалергардов в Гражданской войне.

Остатки 5-го конного корпуса отходили с боем на Ростов. Снежная вьюга и порывы ледяного ветра сливались с грохотом рвущихся снарядов, с резкой чечеткой пулеметов и с приглушенными ружейными выстрелами. А когда наступала ночь и темное зимнее небо покрывало

своей чернотой все, и людей и землю, голодные, измученные до предела человеческой выносливости полки 5-го конного корпуса продолжали свой непрерывный страданный путь отхода.

От всех этих полков, бравших в неударимых конных атаках окопы, пулеметы и орудия, укрепленные деревни и села, остались одни лишь поредевшие эскадроны полуживых призраков. От легендарной красоты легендарного безумия конных атак осталась лишь одна безумно красивая легенда.

13 декабря 1-й конный гвардейский Сводно-кирасирский полк, сведенный в два эскадрона под командой кавалергарда штабс-ротмистра А.Н. Шебеко, стал на ночлег в селе Новая Водолага, где простоял, никем не тревожимый, двое суток. За это время успели отдохнуть и люди и лошади. Успели не только выспаться, но и вымыться в бане и выстирать давно не сменяемое белье.

16-го утром оба гвардейских полка со своей 2-й гвардейской батареей перешли в село Знаменское, в 8 верстах к северо-западу от Новой Водолаги, на смену бригады Терской казачьей дивизии, перебрасываемой в город Константиноград, где обозначалось наступление красных (Константиноград был занят частями 46-й стрелковой дивизии 21 декабря).

По прибытии в Знаменское кавалергарды заняли сторожевое охранение на западной околице села, на левом берегу реки Иваны. Весь день прошел спокойно. В 2 часа утра 17 декабря красная разведка вышла на кавалергардские посты и завязала с ними перестрелку, продолжавшуюся до рассвета. Около 6 часов утра к красным подошли очень крупные силы конницы, и кавалергардам было приказано отойти на деревню Просьяное, где сосредоточилась вся дивизия генерала Барбовича.

После занятия Знаменского красные выдвинулись на Просьяное, энергично преследуя отходящее охранение. На околице этой деревни цепи гвардейской бригады, поддержанные метким огнем 2-й гвардейской батареи, не только резко остановили продвижение красных, но и принудили их к отходу.

Левее гвардейской бригады, у деревни Жидов Рог, и южнее, где развернулись полки 2-й бригады, красные также не смогли добиться успеха. Только правее гвардейской бригады, у села Новая Водолага, красным удалось выбить бригаду генерала Аленича и занять село.

В сумерки генерал Барбович отвел свои полки в село Новое, откуда после двух часов отдыха конница вновь перешла в наступление на Новую Водолагу. Подойдя к селу вдоль по обеим сторонам полузамерзшего ручья, полки спешили и, охватив село с востока и запада, короткой ночной штыковой атакой выбили красных из села, захватив два пулемета и десятка полтора пленных. В цепях 2-го гвардейского полка был ранен улан Его Величества штабс-ротмистр Римский-Корсаков¹¹⁶. Оставив в Новой Водолаге охранение от бригады генерала Аленича, конница отошла на бивак в село Новое.

18-го около полудня красные вновь заняли Новую Водолагу. Одновременно в районе Константинограда красные перешли в успешное наступление на войсковую группу генерала Кальницкого. А еще раньше, 17 декабря, у Купянска, красные прорвали фронт белых и начали свое выдвижение на каменноугольный район. Все эти неудачи на общем фронте белых армий предreshали отход конницы генерала Барбовича.

Прикрывать отход конницы за реку Берестовую была оставлена гвардейская бригада. Кавалергардский и Конно-гвардейский эскадроны штабс-ротмистра Рауха и штабс-ротмистра Таптыкова, все, что осталось от некогда восьмиэскадронного полка, заняли цепями околицы села Нового. После перестрелки с красной конницей эскадроны отошли сначала на хутор Гуса-

¹¹⁶ **Римский-Корсаков Николай Николаевич.** Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. В марте 1919 г. в эскадроне своего полка в Запасном кавалерийском полку. Ранен. В ноябре 1919 г. командир эскадрона во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Ранен 4 декабря 1919 г. Ротмистр. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. в Белграде. Подполковник (полковник). Умер 7 июля 1975 г. в Дорнштадте (Германия).

кова, затем на село Караванское, задерживая продвижение красных и заставляя их разворачивать боевой порядок на каждом рубеже: у хуторов Голопузово, Набоково и Завидовка. Под Караванским, совместно со 2-м гвардейским полком, прикрывавшим отход конницы восточнее полка, наступление красных было окончательно остановлено. В наступившей темноте бригада отошла на село Парасковья к дивизии, занимавшей переправы на реке Берестовой, от села Охочего до села Медведовка.

В сторону красных, вдоль всего течения реки, через каждые десять верст, лежала целая сеть старых, полуразрушенных укреплений. Некоторые на карте сохраняли еще свое старинное название, другие же значились просто крепостцами. На фронте дивизии такие крепостцы имелись у села Охочего, против села Парасковья лежала Парасковьевская крепостца, против села Власовка – Орловская крепостца и при впадении реки Берестовеньки в Берестовую – крепостца Иван-город. Все они были заняты сторожевым охранением.

19-го для удлинения фронта в сторону Константинограда гвардейская бригада была переведена в село Власовка. Под вечер ко всему фронту конницы Барбовича подошла красная разведка, легко отбитая огнем застав.

20-го, без всякого давления со стороны красных, вся конница, сведенная в трехбригадную дивизию генерала Барбовича, отошла с рубежа реки Берестовой на реку Орель для смены пехоты. Полк выступил в 4 часа утра и перешел на бивак в село Дмитровка. Ночью в Дмитровку подошел дивизион кирасир Ее Величества из Константиноградского отряда, где он нес сторожевое охранение с 14 декабря у деревень Староверовка, Берестовенька и Тишинок. Прибытие дивизиона, более 200 шашек с пулеметной командой, сразу увеличило вдвое мощь полка. В командование полком вместо штабс-ротмистра А.Н. Шебеко вступил полковник барон Таубе¹¹⁷.

Рано утром 21-го красные атаковали и сбили охранение 2-го гвардейского полка севернее деревни Марийнской и оттеснили охранение на самую деревню.

На поддержку охранения был выслан Сводно-кирасирский полк со 2-й гвардейской батареей. Полк занял цепями холмы севернее Дмитровки и принял на себя отходящий 2-й гвардейский полк. В течение всего дня гвардейская бригада сдерживала красных и только ночью, расстреляв все патроны и снаряды, отошла на ночлег в деревню Ново-Александровку. Под Дмитровкой был ранен улан Его Величества поручик Долино-Иванский¹¹⁸. Эскадрон кирасир, высланный в обход красных, наступающих из Марийнской, попал в тяжелое положение и потерял убитыми и ранеными более 30 кирасир.

22-го утром красные подошли к Ново-Александровке, перейдя в версте южнее ее реку Орель, и атаковали хутор Лисовинского. Чтобы остановить продвижение красных и не дать им возможности захватить дорогу на Лозовую, Сводно-кирасирский полк был спешно выслан к хутору. Перейдя, в свою очередь, реку Орель, полк развернулся в лаву с пулеметными коман-

¹¹⁷ **Барон Таубе Федор Николаевич**, р. в 1883 г. Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1902). Полковник л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Летом 1918 г. секретарь кавалерийской группы гвардейской офицерской организации в Петрограде. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в эскадроне своего полка, с 24 марта 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 19 июня 1919-го по 30 апреля 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, одновременно 16 апреля – 6 июня и 20 сентября – 8 декабря 1919 г. командир дивизиона в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии (с сентября 1919 г. врид. командира полка), 8—15 декабря 1919 г. врио командира 1-го гвардейского сводно-кирасирского полка, с декабря 1919 г. командир Сводно-кирасирского полка. Контужен 5-го и ранен 6 июня 1919 г. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции на 1 января 1921 в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Служил в Конго, затем в США, на ноябрь 1951 г. старший руководитель объединения л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 10 января 1962 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

¹¹⁸ **Долино-Иванский Сергей Андреевич**. Из дворян Тульской губ., сын офицера. Поручик л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии в эскадроне своего полка во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Ранен 7 декабря 1919 г. Умер от ран или от тифа в начале февраля 1920 г. в Симферополе.

дами впереди, атаковал красную пехоту и конницу и очистил от них хутор, отбросив красных за реку.

Тем временем дивизия отошла на село Преображенское и развернулась севернее его. Туда же, в резерв дивизии, отошли и своднокирасиры.

Около полудня красные вновь подошли к позиции дивизии, но были легко отбиты. На ночлег дивизия осталась в южной части села Преображенского, имея на северной околице охранение от кавалергардов. Провести спокойно ночь в Преображенском дивизии, однако, не пришлось. В час ночи кавалергарды были атакованы красной пехотой, подошедшей на санях. Одновременно красные подошли глубоким оврагом в западной околице и ворвались на огороды. Кирасиры и конногвардейцы успели вовремя остановить дальнейшее продвижение красных в глубь села. Кавалергарды оттянули свои заставы и посты и совместно с остальными эскадронами полка перешли в контратаку и окончательно очистили село от красных.

Тем временем дивизия успела выйти из Преображенского и отойти в деревни Беляевка и Орловка, за реку Орельку. Вслед за дивизией в Беляевку отошел и полк.

Днем 23-го полк отошел на деревню Ново-Петровку, вблизи станции Краснопавловка, где полки и батареи с избытком пополнили свои запасы снарядов и патронов. Входные стрелки на станции были взорваны. Ночью в охранении поднялась стрельба по вооруженной красной дрезине.

24-го вся дивизия отошла на станцию Лозовая для смены пехоты в долговременных укреплениях. Но по приходе дивизии в район Лозовой ни пехоты, ни малейшего намека на укрепления там не оказалось. Полк стал в хуторе Царевка.

25-го с раннего утра в сторожевом охранении дивизии у станции Панютино поднялась стрельба, скоро перешедшая в бой, в который постепенно втянулась вся дивизия. Красные ввели в бой очень крупные силы пехоты, конницы и, особенно, артиллерии, и к полудню железнодорожный узел Лозовая, в тылу дивизии, был ими занят.

На всем фронте Белой армии обстановка складывалась не в ее пользу. Особенно остро сложилась она для конницы генерала Барбовича, которой грозило быть отрезанной от армии выдвижением конной армии Буденного на Славянск. Генералу Барбовичу было приказано оторваться от противника и, делая большие переходы, отойти на Таганрог.

Дивизия постепенно вышла из боя и тяжелым сорокаверстным переходом отошла за реку Самару в деревню Башиловку. Во время боя у станции Панютино Кирасирский эскадрон понес особенно тяжелые потери. Прикрывавший отход дивизии Сводно-кирасирский полк подошел к Башиловке поздно ночью.

С этого дня, в течение двенадцати суток, делая почти ежедневно тяжелые, длинные, более 40 верст, переходы, полк продолжал свой безостановочный отход.

26-го полк ночевал в селе Спас-Михайловское, 27-го, пройдя Веровку, полк стал в селе Марьевка, где кавалергарды заняли сторожевое охранение. 28-го, после привала в деревне Казенноторгской, полк через станцию Желанная остановился на ночлег в селе Александровка. Здесь уже начался каменноугольный район.

Густая сеть железных дорог расходилась по всем направлениям. Почти все железнодорожные пути были забиты брошенными воинскими составами, большей частью уже разграбленными. Ночью небо озарялось багровым заревом горящих эшелонов. Слышались непрерывные взрывы снарядов и патронов.

Сравнительно хорошо налаженная, планомерная эвакуация армейских тылов постепенно превратилась в сплошной хаос. Перед неудачами на фронте командование белых армий оказалось совершенно беспомощным, не оценив в должной мере объем создавшегося положения и не приняв заблаговременно надлежащих мер. Огромное интендантское имущество, так скупно выдаваемое войскам, склады обмундирования, продовольствия, боевые припасы, санитарные

поезда... все было брошено на произвол судьбы. Проселочные дороги были забиты перемешавшимися обозами разных частей и сотнями тысяч подвод с беженцами.

Тиф, новое испытание, выпавшее на долю этой массы несчастных, измученных людей, косил ежедневно тысячами и тысячами смертей. Всюду лежали трупы людей и павших от бескормицы лошадей. Хоронить их было некому и некогда.

В рядах армии, потерявшей веру в самое себя, свое дело и свое командование, началось дезертирство. И только редкие боевые части, скованные внутренней дисциплиной, спаявшей в одно нераздельное целое всех своих чинов, устояли от разложения.

Такой выдающейся боевой частью оказался 1-й гвардейский Сводно-кирасирский полк. Сведенный под Харьковом в два эскадрона, 29 декабря в селе Голицыне вновь развернулся в четырехэскадронный полк.

В обед в Голицыне к полку подошло очень крупное пополнение, приведенное командиром полка, полковником Косиковским, из Павлограда, после того как там соединились все запасные и хозяйственные части полка. К кавалергардам присоединился их 3-й эскадрон — 120 пашек, сформированный штабс-ротмистром А.В. Чичериным¹¹⁹ в городе Лубны и действовавший в отделе, в Полтавском отряде¹²⁰ генерала Кальницкого¹²¹. Кирасирский взвод, прикомандированный к кавалергардам, был возвращен в свой эскадрон.

Пополнение по выходе из Павлограда шло почти вслепую, по маршруту Богуслав—Дмитровка—Николаевка—Славянка—Гришино—Юзовка—Голицыно, где случайно соединилось с полком. Полученное кавалергардами пополнение было влито в остатки действующего эскадрона, что дало возможность отправить в обоз наиболее усталых людей и лошадей, прошедших весь страданный путь от Глухова.

30-го, минуя станцию Рутченково, полк стал на ночлег в деревне Караванной. Северная часть Донецкого бассейна уже была занята красными. Где находились части белых армий, было совершенно неизвестно. Все попытки генерала Барбовича связаться со штабом армии и получить от него дальнейшие директивы были unsuccessfulы, и конница, отрезанная от всех, продолжала отходить в никуда.

31-го кавалергарды выступили северным боковым авангардом на Мостино—Даниловка — хутор Чумакова. На станцию Кутейниково был послан разъезд, вернувшийся в ту же ночь. Кутейниково уже было занято красными.

1 января 1920 года эскадрон продолжал ту же задачу. Пройдя село Петровское-Киреево, кавалергарды присоединились к полку вечером в селе Анастасьевка.

Рано утром 2-го конница выступила на Матвеев Курган, но, дойдя до деревни Новоселки, повернула на село Покровское. Матвеев Курган уже был занят красными. Что происходило на побережье Азовского моря, в частности в Таганроге, куда надлежало прибыть дивизии

¹¹⁹ **Чичерин Александр Викторович**. Поручик Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. штабс-ротмистр, командир сформированного им 3-го эскадрона в дивизионе своего полка в Полтавском отряде, с декабря 1919 г. в 1-м гвардейском Сводно-кирасирском полку. В Русской Армии с 27 октября 1920 г. командир эскадрона Кавалергардского полка в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Ротмистр. В эмиграции к 1938 г. во Франции, затем в США. Умер 15 июня 1967 г. в Нью-Йорке.

¹²⁰ Полтавский отряд. Временное оперативное объединение ВСЮР. Образован 8 июля 1919 г. в составе 7-й пехотной дивизии, 2-й Кубанской казачьей пластуной отдельной бригады, Сводно-гвардейского полка, Лабинской и Хоперской конных сотен и технических частей. В составе его действовала с 3 сентября образованная из 42-го пехотного Якутского полка Остерско-Козелецкая группа (генерал-майор Ф.П. Бернис). В ноябре—декабре 1919 г. вошел в состав Киевской группы.

¹²¹ **Кальницкий Михаил Николаевич**, р. в 1870 г. в Тифлисе. Тифлисская гимназия (1889), Московское пехотное юнкерское училище (1891), академия Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник 123-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с конца 1918 г.; с 24 июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с сентября 1919 г. командующий войсками Полтавского района, с 24 октября 1919 г. начальник Полтавского отряда, с ноября 1919 г. Главноначальствующий Полтавской губ., с конца 1919 г. и. д. командира 5-го кавалерийского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии (Загреб), затем во Франции, с 1929 г. заместитель председателя, с 1932 г. председатель Союза Инвалидов в Кламаре. Умер 29—30 июня 1961 г. в Париже.

генерала Барбовича, было неизвестно. Для выяснения положения в Таганроге туда был послан разъезд кирасир Его Величества корнета Розеншильд-Паулина¹²².

Простояв в Покровской до 17 часов, полк выступил ночным переходом на деревню Самбек и далее, в сторону Азовского моря. На рассвете 4-го полк пришел в Самбек, где ему было дано два часа отдыха. Затем полк снова выступил и к обеду пришел в деревню Синявку, на берегу Азовского моря, на железнодорожной линии Таганрог—Ростов. Там к полку присоединился разъезд корнета Розеншильд-Паулина. Таганрог был уже эвакуирован, но присутствия частей Красной армии поблизости замечено не было.

В Синявке была, наконец, получена директива штаба армии. Дивизии генерала Барбовича надлежало оставаться в Синявке, на левом фланге Дроздовской дивизии, стоявшей у Мокрого Чалтыря, и вести разведку и охранение впереди Синявки.

Синявка, большое село, вытянувшееся вдоль Азовского моря. Пересекая его во всю длину, проходит железная дорога Ростов—Таганрог. В середине села – железнодорожная станция. Бивак полка находился в самом центре села.

В Синявке произошло переформирование остатков 5-го конного корпуса, сведенного в двухбригадную дивизию¹²³. В 1-ю бригаду вошли 1-й и 2-й конные полки, оставленные из всех полков армейской конницы, во 2-ю бригаду вошли оба гвардейских полка, Сводно-кирасирский и Сводно-кавалерийский. Второй бригадой командовал генерал Данилов. Взводы 2-й гвардейской и 7-й конной батарей были приданы 1-й бригаде, взводы 1-й гвардейской батареи – 2-й. 5 января командир Сводно-кирасирского полка, полковник Коссиковский, выступил со всеми больными и слабосильными людьми и лошадьми в обоз 2-го разряда, стоявший на Кубани.

Утром в Синявку пришел из Ростова наш бронепоезд, всего один бронированный вагон, вооруженный тремя пулеметами и одним 3-дюймовым орудием, и две платформы с запасными рельсами, шпалами и балластом. Бронепоезд был сильно поврежден в предыдущих боях. Он направлялся в сторону Таганрога для вывоза запасных частей танков, но, ввиду занятия города красными, он ограничился одной разведкой в этом направлении.

6-го кавалергарды сменили охранение кирасир в хуторах впереди западной околицы села. До смены кирасиры были обстреляны красным бронепоездом.

7-го, в Рождество, кавалергардское охранение было обстреляно красным бронепоездом, но потерь не понесло. Одновременно красная пешая разведка вышла на линию полевых караулов и была ими легко отбита. Вечером кавалергарды были сменены и ушли на ночлег в Синявку.

На рассвете 8-го два красных бронепоезда, «Коммунист» и «Красный Кавалерист», обстреляли село и сторожевое охранение. Одновременно довольно крупные силы красной пехоты и конницы оттеснили сторожевое охранение к селу. Сводно-кирасирский полк был вызван на поддержку охранения. Цепи полка заняли западную околицу села. Но еще до выхода цепей пулеметный взвод кавалергардов был выслан вперед. Младший унтер-офицер Илларион Данилов, «несмотря на сильный пулеметный огонь бронепоезда, подбежал со своим пулеметом вплотную к железнодорожному полотну, открыл огонь и сбил наблюдателя бронепоезда, не дав возможности высадиться десанту, и тем облегчил выход бригады на позицию» (Приказ

¹²² **Фон Розеншильд-Паулин Владимир Анатольевич**, р. 20 июня 1898 г. Пажеский корпус (1917). Корнет л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, к декабрю 1919 г. поручик того же эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в Запасном кавалерийском дивизионе. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции, казначей и хранитель музея л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Париже. Ротмистр. Умер 26 ноября 1949 г. в Париже.

¹²³ Имеется в виду 1-я Кавалерийская дивизия второго формирования (см. выше).

по Отдельному Добровольческому корпусу № 26, от 22 января 1920 года). Младший унтер-офицер Данилов был награжден Георгиевским крестом 3-й степени.

Несмотря на введение в бой значительных сил, красные не смогли занять Синявку и с темнотой отошли.

Ночью 7-го было получено приказание штаба армии коннице генерала Барбовича «перейти в район хуторов Монастырский и Кошкарев, к западу от Ростова». В исполнение этого приказа 1-я бригада выступила на Хопры. Гвардейская бригада была временно оставлена в Синявке для прикрытия передвижения конницы к Ростову и для обеспечения связи с пехотой.

После выступления 1-й бригады красные вновь атаковали Синявку, но, отогнанные огнем дроздовцев, начали отходить. Полк был вызван вперед и, выйдя из села, развернулся в лаву и атаковал отходящие красные цепи. Гололед и наступившая темнота остановили преследование. Полком было захвачено полтора десятка пленных и подобрано два брошенных пулемета и около двухсот винтовок.

Впервые за всю кампанию пришлось коннице видеть наши танки: два старых, английских, шедших в цепях дроздовцев.

Вечером гвардейская бригада сменила у Мокрого Чалтыря дроздовцев, ушедших в Азов. 9-го, задолго до рассвета, бригада перешла в Хопры и выступила, вслед за 1-й бригадой, на Ростов. Дождь и оттепель предыдущих дней сменились сильнейшим морозом. Промокшие шинели покрылись толстой ледяной корой и совершенно одеревенели.

Конница шла рысью, но движение было неровное, с частыми перебоями. Чувствовалось, что в головной бригаде не все идет так, как надлежало. Начинало светать. Было получено приказание выслать на Ростов квартирьеров, но не успели они отъехать, как в головной бригаде поднялся сильный орудийный и пулеметный огонь. Стреляли с самой окраины Ростова.

Для выяснения обстановки было выслано несколько разъездов. Разъезд 2-го гвардейского полка, корнета улан Ее Величества Некрасова, погиб целиком. Донесения всех разъездов подтвердили предположение штаба дивизии: Ростов занят красными, и мост через Дон в их руках. Движение на хутор Монастырский в обход Ростова было невыполнимо. Перед генералом Барбовичем стала дилемма: пробиваться ли через город, к мосту, со всем риском, связанным для конницы с уличным боем, или переправиться через Дон по льду? Последнее решение осложнялось тем, что накануне, чтобы помешать красным переправиться через Дон, вниз по реке был пущен ледакол.

Между тем стрельба со стороны Ростова все усиливалась. Пехота, шедшая впереди, не в силах пробиться через город к мосту, повернула к реке. Это повлияло на решение генерала Барбовича, и он повернул головную бригаду к Дону.

Огонь красных достиг наивысшего напряжения. Гранаты и шрапнели рвались по всему фронту. А вдали показались красные лавы, покрывая собой все поле.

1-я бригада разомкнулась. Перемешавшиеся эскадроны, батареи, различные обозы неудержимой лавиной устремились к Дону. Гвардейская бригада повторила маневр 1-й.

На большак, только что покинутый конницей, вышла красная лава и бросилась преследовать отходившую массу обозов и конницу. Шедший в арьергарде дивизии Сводно-кирасирский полк повернул и, строя на ходу фронт, пошел в контратаку, поддержанный беззаветно лихим выездом на открытую позицию своей 1-й гвардейской батареей.

Отогнав красную лаву, полк занял цепями рубеж между Ростовским большаком и Доном. Сзади, насколько видел глаз, малое русло Дона и его плавни, все было покрыто переходившими обозами, батареями и полками. А посередине главного Донского русла синела только что затянувшаяся за ночь полоса, пробитая накануне ледаколом.

До этого места лед был крепок и держал не только всадника, но и повозки и орудия. Далее переправа осложнялась. Мороз не всюду и не в одинаковой степени сковал реку. Орудия,

повозки распрягались и на руках перетягивались канатами. В наиболее опасных местах наваливался камыш, доски и все, что можно было найти под рукой. Переправа длилась до самой ночи.

Если не считать нескольких слабых попыток красных сбить своднокирасир с последней арьегардной позиции впереди станицы Гниловской, конница Буденного не проявила сколько-нибудь сильного напора на всю эту массу перемешавшихся людей, лошадей и повозок. Ростов со всеми брошенными складами всевозможных запасов, как магнит, притягивал к себе 1-ю конную. Это и жестокий мороз, своевременно сковавший разрезанное русло Дона, спасли пехоту Кутепова¹²⁴ и конницу Барбовича от полного уничтожения.

Под вечер на позиции у Гниловской остались лишь кавалергарды и кирасиры Его Величества, оттянувшие свои пулеметы и цепи почти к самому обрыву реки. Во время отхода от Ростова в Кавалергардском эскадроне особенно отличились старший унтер-офицер Василий Яковенко, атаковавший со своим дозором левофланговый дозор красной лавы и полностью ее уничтоживший, и младший унтер-офицер Иван Манн, который по собственной инициативе выдвинулся с пулеметом вперед своей лавы и, несмотря на сильный артиллерийский и пулеметный огонь, подпустил красную лаву на 100 шагов и внезапным и метким огнем нанес красным большой урон и заставил отойти. Оба были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени (Приказ по Отдельному корпусу Добровольческой армии от 22 января 1920 года № 26).

С темнотой, когда солнечный шар скрылся в туманной дали Азовского моря, кавалергарды начали переправу. Вслед за ними, уже ночью, перешли Дон и кирасиры.

У станции Гниловская весь железнодорожный путь был забит горевшими эшелонами. Ежеминутно рвались снаряды, прорезая блеском своих зарниц темноту зимней ночи. Тут же валялись остатки подорванных нами английских танков.

Пройдя еще верст десять через мелкие протоки и плавни Дона, кавалергарды присоединились к полку в Койсуге. Физическая и моральная усталость достигали последнего предела. Подавленное настроение, чувство горечи от постигшей армию неудачи сплетались с сознанием, что весь этот ужас позади. Что ожидало всех в дальнейшем, никто не знал, и об этом никто не думал. Единственное ближайшее желание всех было – спать.

Следствием тяжелых неудач, постигших Вооруженные силы Юга России, явилось расчленение Добровольческой армии на три части: левый фланг армии – войска генералов Бредова¹²⁵ и Шиллинга, отступая из района Киева и Чернигова на Одессу, очутились в Польше, где они были интернированы; центр, под командой генерала Слащева, отошел на Крымский полуостров; правый фланг армии через Донецкий бассейн отошел на Дон.

¹²⁴ **Кутепов Александр Павлович**, р. 16 сентября 1882 г. в Череповце. Из дворян Новгородской губ., сын лесничего. Архангельская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты, с декабря 1917 г. командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, Корниловского полка, с начала апреля 1918 г. командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, с 23 июня 1919 г. генерал-лейтенант, с декабря 1919 г. – Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920 г.). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. С 1928 г. начальник РОВС. Убит 26 января 1930 г. при попытке похищения в Париже.

¹²⁵ **Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич**, р. в 1873 г. Из дворян. 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), академия Генштаба (1901). Генерал-лейтенант, командир 21-го армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 25 ноября 1918 г. в Киевском центре, с 24 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР; с 13 июля 1919-го – 2 марта 1920 г. начальник 7-й пехотной дивизии, затем начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе, в начале 1920 г. возглавил поход из Одессы в Польшу. С июля 1920 г. в Крыму. В эмиграции в 1930—1931 г. в распоряжении начальника РОВСа, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х годах заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 г. вывезен в СССР и погиб в лагерях.

Все части Добровольческой армии, как и части Донской и Кубанской армий, понесли огромные потери ранеными, убитыми, тифозными и от дезертирства, не говоря о том колоссальном военном имуществе, которое было брошено при отступлении.

Все части Добровольческой армии, отошедшие за Дон, были сведены: пехота – в 1-й армейский корпус¹²⁶ генерала Кутепова – Корниловская¹²⁷, Дроздовская¹²⁸, Марковская¹²⁹ и

¹²⁶ Имеется в виду Добровольческий корпус, в который была сведена Добровольческая армия.

¹²⁷ Корниловская дивизия (Корниловская ударная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе 3 Корниловских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Корниловских полков, запасного батальона, отдельной инженерной роты и Корниловской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. К 22 января 1920 г. включала также Запасный полк (сформирован 29 октября 1919 г.), Корниловский и Горско-мусульманский конные дивизионы. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские ударные полки, Корниловскую артиллерийскую бригаду, Запасный батальон, Отдельную генерала Корнилова инженерную роту (подполковник В.В. Добровольский) и Отдельный конный генерала Корнилова дивизион (полковник Ковалевский). Батальонами и ротами в дивизии командовали, как правило, младшие офицеры, например, в составе сформированных летом 1919 г. 2-го и 3-го Корниловских полков не было ни одного штаб-офицера. Младшие офицеры рот (1—3 на роту) в основном были прапорщиками. В момент наибольших успехов, к середине сентября 1919 г., состав Корниловской дивизии (в полках по 3 батальона, офицерской роте, команде пеших разведчиков и эскадрону связи) был таков: 1-й полк – 2900, 2-й – 2600 (в т. ч. вместо офицерской роты – офицерский батальон в 700 человек), 3-й – 1900 человек. К январю 1920 г. во всех трех полках дивизии осталось 415 офицеров и 1663 штыка. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым части дивизии насчитывали 1860 штыков и сабель. Являясь одним из наиболее надежных соединений, обычно действовала на направлении главного удара и несла наибольшие потери. За время боев у Б. Токмака летом 1920 г. потеряла до 2000 человек. В конце августа 1920 г., после того как дивизия почти полностью полегла на проволочных заграждениях у Каховки, в ее полках осталось по 90—110 человек; всего в Каховской операции за семь основных боев потеряла примерно 3200 человек. Корниловские части носили красные фуражки с черным околышем и черно-красные (черная половина – ближе к плечу) погоны с белыми выпушками, для офицеров предусматривалась форма черного цвета с белым кантом. Всего в рядах корниловцев погибло около 14 тысяч человек. Начальники: полковник (генерал-майор) Н.В. Скоблин, генерал-майор М.А. Пешня (врид, 1920 г.), генерал-майор Л.М. Ерогин (врид, с 26 октября 1920 г.). Начштаба: капитан (полковник) К.Л. Капнин (6 ноября 1919-го – август 1920 г.), капитан (полковник) Е.Э. Месснер (с августа 1920 г.).

¹²⁸ Дроздовская дивизия (Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия, с апреля 1920 г. Стрелковая генерала Дроздовского дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе созданной 30 июля Офицерской стрелковой генерала Дроздовского бригады 3-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Дроздовских полков, запасного батальона, Дроздовской инженерной роты и Дроздовской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. В середине октября 1919 г. насчитывала свыше 3000 штыков и 500 сабель в конном полку. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрелковые генерала Дроздовского полки, Дроздовскую артиллерийскую бригаду, Дроздовскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Дроздовского дивизион. Отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым Дроздовские части насчитывали 3260 штыков и сабель. Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери (например, в десанте на Хорлы дивизия потеряла 575 человек, 14 августа 1920 г. у Андребурга – 100 человек). Общие потери дроздовцев исчисляются в 15 тысяч убитых и 35 тысяч раненых. Среди убитых свыше 4,5 тысяч офицеров. В Галлиполи сведена в Дроздовский стрелковый полк. Дроздовские части носили малиновые фуражки с белым околышем и малиновые с белой выпушкой погоны с желтой буквой «Д». Начальники: генерал-майоры В.К. Витковский, К.А. Кельнер (июль – август 1920 г.), А.В. Туркул (август – 28 октября 1920 г.), В.Г. Харжевский (с 28 октября 1920 г.). Начальник штаба – полковник Ф.Е. Бредов.

¹²⁹ Марковская дивизия (Офицерская генерала Маркова дивизия, с апреля 1920 г. – Пехотная генерала Маркова дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. на базе Марковских полков 1-й пехотной дивизии в составе 1-го, 2-го и 3-го Марковских полков, запасного батальона, Марковской инженерной роты и Марковской артиллерийской бригады. Входила в состав 1-го армейского корпуса. В середине января 1920 г. дивизия насчитывала 641 офицера и 1367 солдат (по 30—35 в роте), но после 17 февраля ее состав снова сократился до 500 штыков, и она с 17 февраля по март 1920 г. была временно сведена в Сводно-офицерский генерала Маркова полк. В марте 1920 г. насчитывала 900 человек (в т. ч. 245 офицеров). С 4 сентября 1920 г. включала 1-й, 2-й, 3-й и 4-й генерала Маркова пехотные полки, Марковскую артиллерийскую бригаду, запасный батальон (полк), Марковскую инженерную роту и Отдельный конный генерала Маркова дивизион (образован 21 августа 1920 г.). В начале октября 1920 г. в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, во всей дивизии 1000 штыков и сабель. В 4 запасных батальонах дивизии в течение лета 1920 г. было по 1000 человек, запасный полк в конце октября – 2000. Была одним из наиболее надежных соединений и несла особенно тяжелые потери. При окружении 18 декабря 1919 г. в с. Алексеев-Леонове потеряла около 500 человек убитыми (в плен попало 67 офицеров и около 400 солдат), в течение всего 1919 г. – свыше 10 тысяч человек, при обороне ст. Ольгинской 13—17 февраля 1920 г. – до 1000, всего же у Ейска, Ростова и Ольгинской – до 1500 (в т. ч. 500 раненых), причем среди офицеров потери достигали 50 процентов – до 275 человек. При выходе в Северную Таврию один день боя 25 мая 1920 г. стоил дивизии до 600 человек. В непрерывных боях с 12 июля до 20 августа потеряла до 2000 человек, в заднепровских боях 25 сентября – 2 октября – 500, у Днепровки 14 октября – 800 (в т. ч. 300 ранено), 16 октября у с. Большая Белозерка – более 200, у с. Ново-Григорьевка – 100, 21 октября в Геническе – 750, всего в последних боях в Северной Таврии до 1850; запасные батальоны потеряли до 1500 человек. Общие потери марковцев исчисляются до 30 тысяч человек кровавых потерь, в т. ч. 20 процентов – 6 тысяч – убитыми, кроме того, 1—2 тысячи дезертиров, несколько сот без вести пропавших и несколько тысяч пленных. После сбора в Галлиполи всех марковцев (с техническими ротами) их набралось 2030 человек (в т. ч. 500 человек артдивизиона). Дивизия

Алексеевская¹³⁰ пехотные дивизии; конница – в бригаду генерала Барбовича¹³¹ – гвардейский полк, под командой генерала Данилова, в который вошли все эскадроны гвардейской конницы, и 1-й конный, из всей армейской конницы. Впоследствии, по мере получения пополнений, бригада была развернута в четырехполковую дивизию.

10 января бригада генерала Барбовича перешла в станицу Ново-Николаевку, где она простояла в резерве 1-го армейского корпуса до 14 января, высылая разъезды в хутор Злодейский, в Койсуг, Батайск и Азов. 1-й армейский корпус занимал вдоль восточного берега Дона линию от Нахичеванской переправы до Азова. Правее корпуса стояли части Донской и Кубанской армий.

15-го, чтобы дать место Кубанской коннице генерала Топоркова, бригада Барбовича, уже к этому времени трехполковая, перешла в район Зеленый Мыс, гвардейский полк стал в станице Пелехино, где простоял до 19-го.

18-го поздно вечером бригада Барбовича была поднята по тревоге для перехода в Батайск. В этот день красные, после постигшей их 17-го неудачи у станицы Ольгинской, вновь переправились через Дон и перешли в энергичное наступление на участке Ольгинская—Батайск. Последний, защищаемый корниловцами, взять им не удалось, но Ольгинская, занятая Донской конницей, была захвачена 4-й и 11-й кавалерийскими дивизиями Конной армии Буденного и 16-й стрелковой дивизией 8-й армии.

Сильнейшая метель, ветер и мороз задержали выступление бригады. Ночью метель улеглась, и задолго до рассвета бригада выступила на Батайск, куда подошла с первыми лучами солнца. Батайск обстреливался из Ростова тяжелыми снарядами. Пройдя на рысях через Батайск, бригада генерала Барбовича перешла железную дорогу.

Впереди, главным образом со стороны станицы Ольгинской, доносился сильный орудийный и пулеметный огонь. Ольгинская накануне была занята красными, и они продолжали свое наступление к югу от станицы и в направлении на Батайск. Наступление красных на самый Батайск с трудом сдерживалось корниловцами и только что подошедшей дивизией Кубанской конницы.

Ко времени перехода бригадой через железнодорожное полотно кубанцы уже развернулись для атаки. Генерал Барбович остановил бригаду. Один из полков был весь развернут на широких интервалах, непосредственно в затылок кубанцам. Остальные два полка были поставлены в резервных колоннах за невысокими буграми за левым флангом. Там же были сосредоточены все пулеметные команды бригады и обе конные батареи.

была сведена в Марковский пехотный полк. Марковские части носили белые фуражки с черным околышем и черные (для офицеров – бархатные, рядовых – суконные) с белой выпушкой погоны, форма – черного цвета с белым кантом. Начальники: генерал-майор Н.С. Тимановский (14 октября – 17 декабря 1919 г.), полковник А.Г. Биттенбиндер (врио, 18—22 декабря 1919 г.), полковник А.Н. Блейш (врио, 22 декабря 1919 г. – 6 января 1920 г.), генерал-лейтенант П.Г. Канцеров (6 января – середина февраля 1920 г.), полковник А.Н. Блейш (середина февраля – начало марта 1920 г.), полковник В.П. Машин (врио, начало – 26 марта 1920 г.), генерал-майор А.Н. Третьяков (26 марта – 15 октября 1920 г.), генерал-майор В.В. Манштейн (врио, 15—21 октября 1920 г.), полковник А.Г. Биттенбиндер (врио, с 21 октября 1920 г.). Начштаба: полковник А.Г. Биттенбиндер.

¹³⁰ Алексеевская дивизия (Партизанская генерала Алексева пехотная дивизия). Сформирована во ВСЮР 14 октября 1919 г. (выделена из 9-й пехотной дивизии) в составе 1-го и 2-го Алексеевских и Самурского полков, запасного батальона, Отдельной ген. Алексева инженерной роты и Алексеевской артиллерийской бригады. По прибытии в Крым 25 марта 1920 г. переформирована в Отдельную партизанскую генерала Алексева пехотную бригаду. При десанте на Геничск на 1 апреля 1920 г. Алексеевская бригада имела 600 человек, потеряв до 340. 19 апреля 1920 г. была расформирована. Алексеевские части носили белые фуражки с синим околышем и синие с белой выпушкой погоны. Начальники: генерал-майор А.Н. Третьяков, полковник М.А. Звягин (апрель 1920 г.). Начштаба – полковник В.К. Шевченко (с 30 ноября 1919 г.).

¹³¹ Сводная кавалерийская бригада. Образована во ВСЮР 30 декабря 1919 г. из 1-й кавалерийской дивизии в составе 1-го (полковник М.И. Тихонравов) и 2-го Сводно-кавалерийских полков. Входила в состав Добровольческого корпуса. В начале января 1920 г. развернулась в 4 полка: Сводно-гвардейский кавалерийский, 1-й, 2-й и 3-й Сводно-кавалерийские. Сыграла выдающуюся роль в разгроме 1-й Конной армии красных под Ростовом 6—8 января и в Егорлыкском сражении. 14 февраля 1920 г. вновь преобразована в 1-ю кавалерийскую дивизию. Командир – генерал-майор И.Г. Барбович.

Вся местность впереди, перехваченная невысокими грядами, постепенно понижалась к Дону. Правее, в сторону Ольгинской, четко выделялись на снегу красные и Донские лавы. А еще дальше слегка подернутые туманом чернели квадраты резервов красных (4-я, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии и 16-я и 33-я стрелковые дивизии). Было хорошо видно, как Донские и красные лавы, подобно волнам прибоя, то откатывались, то накатывались друг на друга.

Всего несколько минут прошло с тех пор, как бригада заняла назначенные ей места, как вдруг кубанские лавы, встреченные сильнейшим огнем, повернули и стали отходить. За ними, почти на хвосту, показались лавы красных. Их было очень много, и они были очень близко. Но в ту самую минуту, когда последний кубанец проскочил через разомкнутый конный полк, разом заговорили пулеметы, открыв одновременно ураганный огонь во фланг атакующих красных. В одно мгновение красная конница была смята и в замешательстве отхлынула, преследуемая гвардейским и другим конным полком. Обе батареи выскочили на открытую позицию и через головы своих били по резервным колоннам красных. Правее, у Ольгинской, донцы также перешли в атаку.

Вся степь от Батайска до станицы Хомутовской покрылась скачущими всадниками. Замерзшая земля гудела от топота десятков тысяч коней. По всему фронту гремело «Ура!».

Красные лавы не приняли атаки и повернули кругом. На их плечах полки бригады Барбовича врубались в конные резервы красных, и вся масса перемешавшихся всадников обеих конниц понеслась через донские плавни к реке. Конные батареи с трудом, еле поспевая за атакующей конницей, перенесли огонь на станицу Аксайскую и на Нахичеванскую переправу, у которой столпились красные полки.

Проскочив плавни, бригада достигла Дона, где остановилась. С западного берега реки красные открыли заградительный огонь по реке, прикрывая отход своих. К этому времени донские казаки заняли Ольгинскую, выбив из нее красную пехоту – части 16-й стрелковой дивизии – и захватили 9 орудий и 62 пулемета. С своей стороны бригада генерала Барбовича взяла 5 орудий, 36 пулеметов, пленных и, что было особенно ценно, 300 лошадей.

Поздно ночью гвардейский полк, пройдя с песнями через Батайск, стал на ночлег в Койсуге, где простоял весь следующий день, перековывая лошадей и заряжая пулеметные ленты и круги.

21 января Конная армия Буденного, усиленная двумя стрелковыми дивизиями 8-й армии, снова переправилась через Дон у Нахичеванской переправы и перешла в наступление по фронту станица Ольгинская—Батайск. Заняв после упорного сопротивления донских казаков Ольгинскую, красные повели наступление на Батайск. Корниловцы, занимавшие позицию впереди Батайска, были принуждены отойти.

С первыми выстрелами завязавшегося боя на биваках конницы послышались ставшие такими обычными торопливые ноты сигнала «Тревога», и через четверть часа полк и батареи вытягивались крупной рысью по дороге на Батайск.

Не доходя железной дороги, вся бригада развернулась и, поддержанная огнем батарей, атаковала красную пехоту. Красные бежали, преследуемые полками генерала Барбовича, через плавни к самому Дону. Там полки попали под обстрел тяжелых орудий из Ростова и отошли на правый фланг своей пехоты, корниловцы и марковцы, где спешили и удлиннили и усилили стрелковую цепь.

Все попытки красных выдвинуться в сторону Батайска были неудачны, и каждый раз они неизменно загонялись обратно в плавни огнем. Так же неудачна была атака красной лавы, вышедшей между Нахичеванской и Аксайской переправами. Несмотря на значительное количество батарей, переправленных Буденным в этот раз на левый берег Дона, упорный бой, длившийся уже несколько часов, стал явно склоняться в нашу пользу. К 15 часам наступил резкий перелом: корниловцы и марковцы перешли в контратаку, в цепях спешенной конницы трубачи подавали сигналы «Коноводы» и «Галоп».

Первыми подошли коноводы гвардейского полка. Не дожидаясь подхода остальных, полк развернулся в лаву и с места пошел в атаку на отходивших в полном беспорядке красных. Орудия, пулеметные тачанки проваливались под лед в многочисленных ериках, застревали в кустарнике и густом камыше донских плавней и тщетно искали переправу.

На участке конницы Барбовича преследование остановилось лишь с темнотой, на берегу Дона. Ольгинская была вновь занята казаками, и красные были загнаны за Дон.

Поздно вечером полк пришел на ночлег в Батайск. В этот день в рядах Кавалергардского эскадрона особенно отличились и были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени пулеметчик младший унтер-офицер Вадим Ситковский, произведенный в 1920 году в корнеты и прикомандированный к эскадрону, ефрейтор Филипп Халепа и Николай Ломаковский. Ситковский, «видя, что его пулемет не может следовать в лаве по болоту, выдвинулся по собственной инициативе на фланг, был атакован красными и, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь, без выстрела подпустил красных на 500 шагов и начал расстреливать их в упор, отбил их атаку и ликвидировал фланговых в обход эскадрона». Халепа и Ломаковский «были посланы, каждый с разъездом в 5 коней, на оба фланга атакующего эскадрона и, заскочив со своими разъездами за фланги красной лавы, врубились в ее ряды, чем облегчили атаку эскадрона» (Приказ по Отдельному Добровольческому корпусу от 22 января 1920 года № 26, станция Каял).

В течение этого боя конница Барбовича взяла 11 орудий и 38 пулеметов, из которых 3 были захвачены кавалергардами в красной лаве, и более 500 пленных.

До 28 января полк простоял в Койсуге. За эти дни удалось отправить в запасную часть, в Крым, 25 кавалергардов, нуждавшихся в продолжительном отдыхе после ранений и тифа. Вместе с ними туда же переправили несколько лошадей.

28 января красные вновь перешли через Дон и повели наступление на Батайск крупными силами 9-й, 15-й, 31-й и 40-й стрелковых дивизий. Бригада Барбовича была срочно вызвана к Батайску, где полки спешили и совместно с корниловцами и марковцами развернулись в Донских плавнях.

Красные наступали очень вяло, ограничиваясь ведением редкой перестрелки. С темнотой и она прекратилась, и обе стороны отошли в исходное положение.

2 февраля полк снова, поздно вечером, седлал по тревоге. Красные, перейдя Дон у Аксайской переправы, вновь заняли станицу Ольгинскую. Ввиду очень плохой погоды, первоначально предполагалось отложить выступление до утра, но сведения, поступившие из района Ольгинской и с Маныча, были настолько тревожны, что бригада Барбовича выступила после полуночи на Ольгинскую.

25-верстный переход до Ольгинской, при 30-градусном морозе и ледящих порывах ветра, был очень тяжел. Конница шла всю ночь, часто спешиваясь и ведя лошадей в поводу. Все же за этот переход в полках было много обмороженных. В предрассветной мгле бригада подошла к Ольгинской и, охватив ее с двух сторон, атаковала ее в конном строю, без всякой артиллерийской подготовки, совместно с казаками. В станице было взято около 800 пленных, спавших по хатам, и много пулеметов. Красные пехотинцы не оказали никакого сопротивления. Преследуя отступающих в полном беспорядке красных, полк дошел до Аксайской переправы, где попал под обстрел красных бронепоездов и отошел на Ольгинскую. Поздно вечером бригада вернулась в район Батайска. Полк стал на старый бивак в Койсуге.

9 февраля бригада генерала Барбовича получила очень крупное пополнение и была вновь развернута в четырехполковую дивизию.

13-го, на поле у Батайска, состоялся смотр Добровольческому корпусу генералом Деникиным, а в ночь на 14-е красные перешли Дон у станицы Елисаветинской. Развивая свой успех, они заняли на левом берегу Дона Азов, станицу Кулешовку и хутора Усть-Койсутский и Шведов. Последний в 7 верстах от бивака полка.

Дивизия Барбовича немедленно выступила из Койсуга в сторону Кулешовки, по пути очистив от красных хутор Шведово. Авангард дивизии развернулся и совместно с подошедшими алексеевцами и дроздовцами выбил красных из Кулешовки. Преследовать красных был послан из резерва дивизии гвардейский полк.

Полк настиг красных в Донских плавнях, где им было взято около 500 пленных, 5 орудий, из которых одно кавалергардами, и много пулеметных тачанок, застрявших в плавнях. В Конно-гвардейском эскадроне был смертельно ранен штабс-ротмистр граф Стенбок-Фермор¹³². Уланы Его Величества потеряли убитым штабс-ротмистра князя Волконского¹³³.

15-го дивизия была вновь вызвана в Ольгинскую, которая была опять занята красными. Мороз по-прежнему был очень сильный, но день солнечный и без ветра, и переход до Ольгинской был совершен гораздо легче.

Подходя к станице, вся дивизия развернулась и под прикрытием огня своих батарей атаковала Ольгинскую с запада. То же сделали казаки с юго-востока, и Ольгинская была занята почти без потерь.

За конницей генерала Барбовича утвердилось навсегда данное ей в армии прозвище «пожарной команды». Простояв очень короткое время в Ольгинской, дивизия вернулась на свои биваки.

На полях у станицы лежали груды сложенных трупов людей и лошадей – следы частых боев. Земля так глубоко и крепко промерзла, что хоронить эти тысячи трупов было невозможно и некому. Чтобы предохранить местность от заразы разложения, все трупы, людские и конские, обливались водой и постепенно превращались в ледяные горы.

Утром 19-го в штабе дивизии была получена диспозиция наступления на Ростов. По этой диспозиции корниловцы должны были выступить вечером и, перейдя Дон, подойти к станице Гниловской и захватить ее коротким ударом. После чего взорвать железнодорожные пути в сторону Таганрога и Ростова, обеспечив образовавшийся тет-де-пон от подхода броневых поездов.

Вслед за корниловцами выступала дивизия генерала Барбовича, имея в голове гвардейский полк и 1-ю гвардейскую батарею. После занятия Гниловской дивизия должна была наступать на Ростов, где ей надлежало связаться с частями 3-го Донского корпуса генерала Старикова, который наступал на Ростов через Нахичевань. Со стороны Батайска, в лоб на Ростов, наступление вели алексеевцы. Дроздовцы наступали из Азова с целью занять железную дорогу Ростов—Таганрог и прикрыть тыл и левый фланг частей, наступающих на Ростов из Гниловской. Марковцы оставались в резерве Добровольческого корпуса.

К 22 часам гвардейский полк подошел к сборному месту дивизии, на западной окраине Койсуга, и через час, вместе с 1-й гвардейской конной батареей, выступил в авангарде через Донские плавни на Гниловскую.

Сильный мороз и ветер с пургой в достаточной степени замедляли и вместе с тем скрывали движение полка. Перейдя через замерзшие реку Койсуг и Орчасов ерик, полк задолго до рассвета, соблюдая полнейшую тишину, подошел с батареей к главному руслу Дона и остановился в прибрежных камышах.

¹³² **Граф Стенбок-Фермор Сергей Николаевич.** Офицер артиллерии. Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, летом 1919 г. ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Конного полка, затем командир того же эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 6 января 1920 г. под Раповом или умер от ран 6 марта 1920 г. под Ольгинской.

¹³³ **Князь Волконский В.В.** Поручик л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии; с июня 1919 г. командир эскадрона Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона. Тяжело ранен в сентябре 1919 г.; с декабря 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Конно-гренадерского полка во 2-м гвардейском Сводно-кавалерийском полку и Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Штабс-ротмистр. Убит 4 февраля 1920 г. у хут. Усть-Койсугского (по другим данным – 1 февраля 1920 г. у Кулишевки под Ростовом или 2 февраля 1920 г. под Ольгинской).

Уже близился рассвет, когда со стороны Гниловской послышалось несколько выстрелов, короткая пулеметная строчка, и вновь все погрузилось в тишину. Корниловцы успешно выполнили свою задачу. Незамеченные красными, они захватили станицу врасплох. Появление корниловцев было настолько неожиданным, что большинство пленных было ими захвачено спящими в хатах.

Начало светать, и в утреннем тумане постепенно выплывали очертания Ростова. Полк перешел рысью Дон, втянулся в Гниловскую и скрытно расположился за ее домами. На площади у церкви стояла незапряженная красивая батарея, без выстрела захваченная корниловцами.

Стало уже совсем светло, когда со стороны Ростова раздались первые выстрелы. Красные стреляли по подходившей во взводных колоннах дивизии. По мере ее приближения огонь красных все усиливался. К разрывам полевой артиллерии присоединился огонь морских орудий красных бронепоездов.

Бой под Ростовом постепенно разгорался и ширился по фронту. Уже были видны цепи алексеевцев, переходящих Дон. В самой станице Гниловской начали рваться снаряды и свистели излетные пули.

Со стороны Темерника – пригорода Ростова – показались густые цепи красных, пулеметные тачанки и батарея, наступавшие в сторону Гниловской. Наступление велось очень быстро и в полном порядке. Навстречу красным вышли цепи корниловцев.

С подходом остальных частей дивизии полк вышел из Гниловской вдоль проселочной дороги на Олимпиадовку с целью обойти фланг наступающих на Гниловскую красных. Отойдя от станицы версты на полторы, полк повернул взводами направо и пошел в атаку. Красные цепи начали смыкаться и встретили атаку залпами. Но по мере приближения полка стрельба красных становилась нервной и беспорядочной. Многие пехотинцы стали отбегать, другие втыкали винтовки штыками в землю, поднимали руки и сдавались.

Всего полком было захвачено более 800 пленных 48-й бригады 16-й стрелковой дивизии, которые были отправлены под конвоем эскадрона лейб-драгун в Гниловскую и далее за Дон. Кроме того, кавалергардами было взято два орудия: на одном ездые успели обрубить постромки и ускакать, другое, уходя от кавалергардов в Темерник, зацепило фонарный столб и опрокинулось. Ездые, бросив запряжки, бежали через заборы.

Продолжая обход Ростова, полк прошел вдоль окраины Темерника, пересек кольцевую железную дорогу у Олимпиадовки, когда со стороны Ростова показался поезд. Несколько пульмановских вагонов, площадки с рельсами и балластом, вооруженные пулеметами. 1-я гвардейская батарея немедленно поставила одно орудие прямо между рельсами и с одного выстрела подбила паровоз и остановила поезд. Из вагонов выскочило десятка два красноармейцев в черных кожаных куртках, почти все зарубленные полком. Поезд оказался базой бронепоезда «Гром», захваченного в Ростове в числе других пяти.

Продолжая свое движение в обход Ростова, полк к 14 часам подошел к кладбищу, откуда красные были выбиты огнем батареи, после чего кладбище, скаковой круг, остатки упраздненной крепости Святого Димитрия на северной окраине Ростова и все выезды из него были заняты полком. В городе еще велась непрерывная ружейная и пулеметная стрельба.

Под вечер на одну из застав полка выскочил красный броневой автомобиль «Мефистофель». Нарвавшись на огонь заставы, броневик хотел свернуть с дороги, но застрял в снегу. Два комиссара и шофер были захвачены в плен. Вечером полк был оттянут в Темерник. 21 февраля с рассветом красные перешли в наступление на Ростов. Дивизия Барбовича была выведена из Темерника и отошла под довольно сильным огнем на Гниловскую. Из Гниловской дивизия пошла в обход Ростова на хутор Лысенкова, Курень, хуторы Карапеда, Назарова, Константинов и Монастырский. Все они были легко заняты без особого сопротивления, после чего полк

выступил на Ростов. К этому времени город был окончательно занят, и полк стал на ночлег в домах на северной окраине Ростова, очень радушно принятый населением.

Весь день 22-го полк простоял в Ростове. Из Батайска пришло пополнение. Кавалергарды получили 8 конных. За последние два дня, в особенности во время атаки на 48-ю бригаду, полк потерял убитыми и ранеными более 40 человек, среди них кирасира Его Величества поручика Максимова, лейб-улана поручика Крыжановского¹³⁴ и кирасира Ее Величества штабс-ротмистра Одинцова¹³⁵.

Вечером стало известно, что достигнутый успех не только не будет развиваться, но войска отойдут за Дон в связи с неудачей в районе Тихорецкой, где конница Буденного нанесла поражение кубанцам.

В 2 часа ночи полк выступил из Ростова по пустынным улицам еще спящего города. Вместе с кавалергардским эскадром ушло из Ростова пять жителей города добровольцами и две сестры милосердия из красного госпиталя.

Перейдя по льду Дон, полк стал у полустанка Заречного в плавнях, выставив целую сеть постов наблюдать за городом. Когда последние пехотные части вышли за Дон, полки дивизии Барбовича отошли на свои биваки, оставив гвардейский полк наблюдать за Ростовом. В городе долго царила полнейшая тишина, и только около 15 часов послышались в нем одиночные выстрелы. В 17 часов, после редкой и совершенно безвредной перестрелки, полк ушел на бивак в Койсуг.

Отойдя на несколько верст от Дона, полк попал под обстрел красных бронепоездов, пришедших из Новочеркасска. Снаряды рвались довольно далеко от полка. Лишь одним из них, разорвавшимся в непосредственной близости от Кавалергардского эскадрона, была убита лошадь под штабс-ротмистром графом Р.В. Мусин-Пушкиным и другая ранена под командиром эскадрона ротмистром Г.Г. Раухом.

Четыре дня полк простоял в Койсуге. Командир эскадрона поехал в станицу Ново-Николаевскую, где стоял обоз, чтобы наладить отправку дальше в тыл больных людей и лошадей и привести пополнение.

Наступление на Ростов было вызвано желанием парировать создавшуюся на правом фланге угрозу. Но когда выяснилось, что конница генерала Павлова¹³⁶ – донские и кубанские казаки – не в состоянии удержать наступление красных, в станицу Егорлыкскую была спешно переброшена «пожарная команда», дивизия генерала Барбовича.

Бои, протекавшие до этого времени с переменным успехом на реке Маныч, а затем между реками Средний Егорлык и Рассыпная, с подходом 20-й, 34-й и 50-й стрелковых дивизий из

¹³⁴ **Крыжановский Николай Михайлович.** Александровский лицей (1903). Поручик (штабс-ротмистр) л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, в июне 1919 г. в эскадроне л.-гв. Уланского Его Величества полка во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с января 1920 г. командир эскадрона того же полка. Ранен 8—9 февраля 1920 г. под Ростовом. В эмиграции во Франции. Ротмистр. Умер 16 февраля 1937 г. в Париже.

¹³⁵ **Одинцов Глеб Николаевич.** Санкт-Петербургский университет. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1913 г. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в ячейке своего полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. адъютант Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии. С 23 октября по 24 ноября 1919 г. командир эскадрона, 8 декабря 1919 г. – 7 марта 1920 г. ротмистр, командир дивизиона и командир эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, в начале 1920 г. начальник пулеметной команды в том же полку. Ранен 7 марта 1920 г. под Ростовом. Подполковник. Эвакуирован в 1919—1920 гг. из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Югославии. В эмиграции в Бельгии, служил в Конго. Умер 5 июня 1972 г. в Канаде.

¹³⁶ **Павлов Александр Александрович,** р. 11 июля 1867 г. Из дворян Вольнской губ. Киевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1887). Офицер л.-гв. Гусарского полка, командир л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир Кавказского кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 г. командующий Астраханской армией. В Вооруженных силах Юга России; в распоряжении Главнокомандующего, командир 4-го Донского корпуса, в резерве чинов при Военном управлении, с 13 мая 1920 г. генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Умер 7 декабря 1935 г. в Земуне (Югославия).

10-й и 11-й красных армий, стали склоняться не в пользу белых армий. Разгром 22 февраля 1-го Кубанского корпуса¹³⁷ генерала Крыжановского¹³⁸ в районе станицы Белая Глина еще более усложнил уже и без того тяжелое положение конницы генерала Павлова.

25-го между станицами Средне-Егорлыкской и Белая Глина произошел встречный бой конницы генерала Павлова и 1-й Конной, усиленной тремя стрелковыми дивизиями. В результате этого боя части генерала Павлова вновь потерпели поражение и были отброшены к станице Егорлыкской. Туда в распоряжение генерала Павлова была переброшена 16-го дивизия генерала Барбовича.

Пройдя по маршруту хутор Злодейский – станицы Кагальницкая и Мечетинская в снежный буран и сильнейший мороз около 100 верст, дивизия подошла к станице Егорлыкской вечером 28 февраля.

Желая использовать достигнутый успех, красное командование решило вновь атаковать группу генерала Павлова. Для этого 4-я и 6-я кавалерийские дивизии 1-й Конной армии выступили из станицы Средне-Егорлыкской на хутор Грязнухин, откуда, обойдя станицу Егорлыкскую, они должны были атаковать конницу генерала Павлова с северо-запада. 11-я кавалерийская дивизия вместе с Кавказской кавалерийской дивизией и дивизией Блинова должны были атаковать Егорлыкскую с юго-востока. 20-я и 50-я стрелковые дивизии, следуя за и в промежуток между охватывающими Егорлыкскую дивизиями, нацеливались на Егорлыкскую с юга. 34-я стрелковая дивизия оставалась в резерве и в прикрытии тыла красных в районе станиц Белая Глина, Горькая Балка и Средне-Егорлыкской.

Около 10 часов утра 1 марта головные части 4-й и 6-й кавалерийских дивизий вышли к западу от Егорлыкской на сторожевое охранение 1-го конного полка дивизии генерала Барбовича и не смогли полностью выполнить поставленную им задачу – охват Егорлыкской с северо-запада.

К этому времени конница была собрана впереди южной окраины станицы Егорлыкской. Дивизия генерала Барбовича в составе трех полков, гвардейского, 2-го и 3-го конных, стала в резерв.

Навстречу наступающим красным лавам генерал Павлов выслал дивизию генерала Барбовича. Под артиллерийским огнем дивизия перестроилась в боевой порядок. В первой линии гвардейский и 3-й конные полки, во второй – 2-й конный. Лавы красных повернули кругом и, отходя, открыли свои пулеметы, встретившие атакующие полки сильным огнем. Во главе с командиром полка, генералом Даниловым, полк бросился в атаку, опрокинул лавы и их поддержку – пулеметы – и на их плечах, совместно с 2-м и 3-м конными полками, врубился в подходившую поддержку главных сил красных. В самом начале атаки под временно команду-

¹³⁷ 1-й Кубанский корпус. Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. как 1-й конный корпус в составе 1-й конной и 2-й Кубанской дивизий. 26 февраля 1919 г. переименован в 1-й Кубанский. Входил в состав Кавказской армии. После реформирования в него входили 1-я Кубанская, 2-я Терская казачьи и 6-я пехотная дивизии, в сентябре – октябре 1919 г. включал Сводно-гренадерскую дивизию с 2-м гусарским Павлоградским полком, 1-ю Кубанскую казачью дивизию, 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду и 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. К 5 октября 1919 г. корпусу был придан также 4-й дивизион 2-й артиллерийской бригады: 7-я (2 гаубицы) и 8-я (4 гаубицы) батареи и 3-я Кубанская пластунская бригада, и корпус всего насчитывал 6418 штыков, 762 сабли, 172 пулемета и 43 орудия. 21 февраля 1920 г. у Белой Глины погиб весь штаб корпуса, в т. ч. около 70 офицеров. Командиры: генерал-майор барон П.Н. Врангель (15 ноября — 27 декабря 1918 г.), генерал-лейтенант В.Л. Покровский (3 января – 26 ноября 1919 г.), генерал-майор П.К. Писарев (врид; 5 октября 1919 г.), генерал-лейтенант В.В. Крыжановский (1919-й – 21 февраля 1920 г.). Начштаба: полковник В.И. Соколовский (с 19 ноября 1918 г.), генерал-майор А.К. Разгонов (24 января – 10 февраля 1919 г.), генерал-майор К.К. Петерс (28 апреля – 22 июля 1919 г.), полковник И.А. Ребдев (сентябрь – октябрь 1919 г.), полковник Бастраков (врид). Инспектор артиллерии – генерал-майор В.А. Стопчанский.

¹³⁸ **Крыжановский Владимир Васильевич.** Войсковой старшина 2-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 2-го батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку; с 12 марта 1918 г. полковник, затем командир 1-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 22 января, в сентябре – октябре 1919 г. начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. С 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. Убит 21 февраля 1920 г. под Белой Глиной.

ющим Кавалергардским эскадром штабс-ротмистром графом Р.В. Мусин-Пушкиным была убита лошадь. Пока ему подавали другую, атака была уже далеко.

Между перемешавшимися всадниками обеих конниц началась беспощадная рубка. Крики «Ура!», стоны раненых, отдельные выстрелы, все слилось в сплошной гул. Смятые атакующей дивизии красных начали отходить, но в это время на казачьи полки, стоявшие левее дивизии, вышли свежие силы красных. Казаки атаки не выдержали, и красные, обойдя фланг дивизии, атаковали ее с тыла.

Не имея больше никаких резервов, генерал Барбович собрал все находившиеся поблизости пулеметные тачанки разных полков и лично повел их против красных. Огнем пулеметов красные были отброшены с большими потерями, кольцо окружения было прорвано, и полки смогли отойти за вторую речку. Там полки снова перестроились и вторично пошли в атаку. Но дойти до третьей речки, как в первый раз, дивизия не смогла и столкнулась с красными на второй речке.

Три раза ходили в атаку поредевшие полки генерала Барбовича, останавливая каждый раз продвижение красных, нанося и неся большие потери. С темнотой бой прекратился. Все атаки красных были отбиты, и поле осталось за дивизией.

Но этот частный успех на участке дивизии генерала Барбовича был куплен страшной ценой. Ценой почти полного уничтожения ее полков. Гвардейский полк потерял убитыми и ранеными больше 50 процентов своего состава, в том числе 11 офицеров. Конногвардейцы потеряли убитыми корнета Штранге и раненым ротмистра князя Накашидзе, кирасиры Его Величества – убитыми ротмистра Кучина¹³⁹ и поручика князя Черкасского¹⁴⁰, кирасиры Ее Величества – убитыми поручика Буйнова¹⁴¹ и корнета графа Гейдена¹⁴² и раненым ротмистра Полянского, конногренадеры – убитыми ротмистра Хитрово¹⁴³ и корнета Пуришкевича¹⁴⁴, лейб-драгуны – убитым князя Енгальчева¹⁴⁵ и лейб-гусары – убитым ротмистра князя Святополк-Мирского.

Несмотря на частный успех дивизии генерала Барбовича, бой под Егорлыкской, в котором на протяжении 15 верст участвовало с обеих сторон около 30 тысяч всадников, окончился

¹³⁹ **Кучин Алексей Дмитриевич.** Из дворян, сын офицера. Штабс-ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с октября 1918 г. в эскадроне своего полка; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, затем командир эскадрона в дивизионе своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. Убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской (у ст. Средний Егорлык).

¹⁴⁰ **Князь Черкасский Алексей Михайлович.** Корнет л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии с октября 1918 г. в эскадроне своего полка; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в том же эскадроне в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 22 октября 1919 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Поручик. Убит 17 марта 1920 г. под Егорлыкской.

¹⁴¹ **Буйнов Дмитрий Михайлович.** Корнет. В Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Черкесском конном полку, с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии и Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Переведен в л.-гв. Кирасирский Ее Величества полк 15 апреля 1920 г. Поручик. Убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской (у ст. Средний Егорлык).

¹⁴² **Граф Гейден Георгий Николаевич.** Корнет Кабардинского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с января 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, переведен в полк 20 апреля 1919 г.; с января 1919 г. начальник пулеметной команды Сводно-кирасирского полка, с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в пулеметной команде Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, с 24 декабря 1919 г. по 9 февраля 1920 г. начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской.

¹⁴³ **Хитрово Сергей Сергеевич,** р. 12 сентября 1896 г. Офицер с 1914 г. Ротмистр л.-гв. Конно-гренадерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне своего полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 17 февраля 1920 г. у ст. Средний Егорлык под Егорлыкской.

¹⁴⁴ **Пуришкевич Вадим Владимирович.** Из дворян Бессарабской губ., сын члена Государственной думы. Училище правоведения (1917) (не окончил; 5-й класс). Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии и ВСЮР младший унтер-офицер в эскадроне л.-гв. Конно-гренадерского полка во 2-м гвардейском Сводно-кавалерийском полку. Корнет (с 11 октября 1919 г.). Убит 17 февраля 1920 г. у ст. Средний Егорлык под Егорлыкской на Кубани.

¹⁴⁵ **Князь Енгальчев Николай Иванович.** В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне л.-гв. Драгунского полка, с начала 1920 г. корнет, командир полубатальона л.-гв. Драгунского полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской.

полным поражением конницы генерала Павлова. Около 20 донских и кубанских полков не приняли почти никакого участия в бою, оставаясь в лучшем случае пассивными зрителями, и вся тяжесть боя легла исключительно на дивизию генерала Барбовича. Только перед самым окончанием боя за флангом красной конницы появилась конная бригада генерала Агоева, чем в значительной степени была облегчена третья атака регулярной конницы.

С темной дивизия сосредоточилась в хуторах к западу от Егорлыкской. На рассвете 2-го, в связи с общей обстановкой на фронте, без всякого давления со стороны красных, она отошла через станицы Гуляй-Борисовка, Ново-Пашковская, Павловская на Челбасскую, куда пришла 7 марта.

Поражение конницы генерала Павлова, выход 1-й Конной и частей 10-й и 11-й красных армий за правый фланг и в глубокий тыл белых предreshали возможность дальнейшей обороны на рубежах Дона и Маныча и неминуемость отхода всего фронта на линию реки Кубани.

Несмотря на удачу под Егорлыкской, 1-я Конная армия только 8 марта смогла начать преследование армий Юга России. Ночью 8-го станица Челбасская была атакована красными. После короткой обороны гвардейский полк отошел на Звериную Гать, откуда дивизия, сведенная в двухполковую бригаду, отошла небольшими переходами на реку Бейсужек, где заняла 13-го оборону переправы у станицы Дедовской. Но уже 15-го, выравнивая фронт по отходившим восточнее донским и кубанским казакам, бригада отошла на станцию Медведовская. К этому времени красные успели занять станцию Усть-Лабинская и переправы через реки Лаба и Кубань. Ввиду нараставшей угрозы правому флангу белых армий, бригада была оттянута к Новороссийску. 19-го она стала в станице Крымской, в 20 верстах к северу от Новороссийска.

Вечером 1 марта, когда бой под Егорлыкской уже кончился, к полку пришло пополнение, приведенное ротмистром Раухом из станицы Ново-Николаевской. Потери в полку были настолько велики, что многие эскадроны были сведены воедино. Так кавалергарды и оба кирасирских эскадрона были сведены в один, под командой ротмистра Рауха. В течение января и февраля в несколько приемов из полкового околотка в Ново-Николаевской и из обоза 2-го разряда, стоявшего в станице Ясеньской, были отправлены больные, после перенесенного тифа, и раненые кавалергарды в Крым.

Пребывание обоза в станице Ясеньской едва не окончилось печально: в первую же ночь по прибытии в нее обоза кубанские казаки разоружили спящих кавалергардов, и только через несколько дней, после вмешательства штаба армии и кубанского правительства, оружие было возвращено.

20 марта вся бригада сосредоточилась в станице Крымской. Положение на фронте не только с каждым днем, но с каждым часом становилось все тревожнее. Главное командование, не сумевшее предусмотреть возможность отхода с рубежей Дона и Маныча, не принявшее своевременно никаких мер для эвакуации тылов армии, не озаботившееся наличием нужного тоннажа в портах Азовского и Черного морей, растерялось и не знало, на что решиться. Отходить ли вдоль Черноморского побережья, удерживать ли заранее обреченный Новороссийский плацдарм или перебросить армию в Крым? В самой армии, потерявшей веру в свое Главное командование, началось массовое дезертирство. Уходили одиночками и целыми группами к «зеленым», хозяйничавшим в горах.

Все дороги до самого Новороссийска были забиты отходящими частями, перемешавшимися воинскими обозами, обозами разных гражданских учреждений, беженцами, тысячами калмыков, покидавших целым народом вслед за армией свои юрты и станицы. По обочинам дорог лежали сотнями умирающие и мертвые люди, скошенные тифом, лошади и верблюды, павшие от бескормицы. Всюду сброшенные под откос горных дорог разбитые орудия, патронные ящики, повозки всех видов, часто груженные всяким скарбом.

Наконец последовало решение Главного командования об эвакуации в Крым.

С 21-го по 24-е бригада вела разведку и наблюдение за переправами через многочисленные русла Кубани, впадавшие в Кизилташский лиман. 25-го бригада была оттянута на станцию Тоннельная, откуда в связи с общим отходом отошла на Новороссийск.

Вечером, когда окончательно выяснилось, что штаб армии ничего не предусмотрел для погрузки бригады, генерал Барбович выслал от гвардейского полка эскадрон для приискания и занятия какого-нибудь парохода. После поисков удалось найти небольшой транспорт «Дооб», который и был занят эскадронами. Но утром 26-го к транспорту подошли остатки Кубанской армии¹⁴⁶, несколько тысяч с генералом Топорковым¹⁴⁷ во главе, для погрузки на транспорт. Между казаками и эскадроном едва не дошло до перестрелки.

Когда выяснилось, что «Дооб» действительно предназначен кубанцам, охрана была снята, но тут же заняла только что подошедший транспорт «Аю-Даг». Немедленно началась погрузка, в первую очередь – всех больных и раненых, которые по разным причинам не были еще эвакуированы в Крым.

Вся набережная и прилегавшие к ней улицы были забиты орудиями, грузовиками, броневыми машинами и всякими повозками. Под всем этим валялось втопанное в грязь продовольствие, сахар, шоколад, консервные банки, груды совершенно нового английского обмундирования, в выдаче которого еще накануне было отказано: сапоги, шинели, кожаные куртки, непромокаемые плащи, белье. Все это, выданное своевременно, было бы спасено и, в свою очередь, спасло бы жизнь не одной тысяче бойцов... Под вечер бригада, с трудом пробиваясь через весь этот хаос, подошла к причалу «Аю-Дага». Тут выяснилась невозможность погрузить лошадей.

Конь есть первое оружие кавалеристов. Этому учили в военных училищах и в полках. Гражданская война, в которой на долю конницы выпала первенствующая роль, только подтвердила и усугубила эту истину. И вот настала тяжелая минута, когда всадникам пришлось расставаться со своими верными боевыми товарищами, из которых многие прошли все блестящее наступление от Ак-Маная на Бахмач и весь страдный отход на Дон. «Полк, стой! Слезай! Расседывай! Взять с собой седла и суголовья! Выходи на погрузку!..» Последнее прости боевому другу, последняя ласка, кусок сахару, и, не оборачиваясь, полк начал погрузку...

Черные тучи заволокли все небо. Кругом раздавались взрывы снарядов, треск патронов в подожженных складах. Яркое пламя пожара озаряло жуткую картину покидаемого города. Ночью «Аю-Даг» вышел на рейд и утром 27-го покинул кавказский берег.

28-го полки подошли к Феодосии и сразу начали разгрузку.

Организация хозяйственной и запасной части. Снова в Крыму

После крупных неудач и тяжелых потерь, понесенных под Орлом, Кромами, Воронежем, Касторной, Курском и Харьковым, части армий Юга России отходили в разных направлениях. Самая значительная часть Добровольческой армии и с нею Донская и Кубанские армии отходили через Донецкий бассейн на Дон. Другие ее части, сражавшиеся на Украине, в Киевском

¹⁴⁶ Кубанская армия. Образована 31 декабря 1919 г. из Кубанских корпусов. 29 января 1920 г. в нее были влиты все войсковые части расформированной Кавказской армии. 9 апреля 1920 г. на Кавказском побережье сведена в корпус, отступивший к грузинской границе. Расформирована 1 мая 1920 г. Командующие: генерал-лейтенант И.Г. Шкуро, генерал-майор Морозов (с 9 апреля 1920 г.).

¹⁴⁷ **Топорков Сергей Михайлович**, р. 25 сентября 1881 г. Из казаков ст. Акшинской Забайкальского казачьего войска. Произведен в офицеры за боевое отличие в 1904 г., выдержал офицерский экзамен. Полковник, командир Чеченского и Татарского конного полков. В Добровольческой армии летом – осенью 1918 г. командир 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 2 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 19 января 1919 г. начальник Терской казачьей конной (1-й Терской казачьей) дивизии, с 22 июля, на 5 октября 1919 г. командир 4-го конного корпуса, в марте 1920 г. командир 3-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1922 г. атаман Донской казачьей станицы в Белой Церкви. Умер в 1931 г. в Белграде.

районе и южнее его – группы генералов Драгомирова¹⁴⁸, Бредова и Шиллинга, – отошли частью на Одессу, частью в Польшу, где были интернированы. Войска генерала Слащева, ведшие бои на так называемом «внутреннем фронте» с повстанцами Махно и другими мелкими атаманами в районе Екатеринослава, и Полтавская группа генерала Кальницкого, понеся в связи с общей обстановкой ряд неудач и потеряв всякую связь со штабом армии, отошли на Крымский полуостров.

Несмотря на слабый боевой состав – около 4 тысяч штыков, 2 тысячи шашек, 50 орудий и 5 бронепоездов, – эти части сыграли исключительную роль при создании и удержании Крымского фронта и позволили белому командованию продолжить борьбу на Юге России еще на восемь месяцев.

Кроме этих частей, в Крым отошли различные мелкие войсковые единицы, тыловые и гражданские учреждения, также потерявшие связь с руководящими органами штаба. Среди них оказались запасные и хозяйственные части всех четырех дивизионов гвардейского Сводно-кирасирского полка.

После выступления полка из Люботина 4 августа хозяйственная и запасная части Кавалергардского дивизиона, вместе с формирующими 2-м эскадром и пулеметной командой, были переброшены сначала на станцию Искровка, затем в город Ромодан и, наконец, в деревню Пески, в нескольких верстах от города Лубны. Оттуда 2-й эскадрон и пулеметная команда выступили 22 августа на присоединение к полку, а запасная часть перешла в город Лубны. Туда же перешел и формировавшийся в городе Хороле 3-й эскадрон. Эскадрон, доведенный до 120 шашек при 6 легких и тяжелых пулеметах, принял, после смерти в Харькове от воспаления легких штабс-ротмистра А.А. Тимашева, штабс-ротмистр А.В. Чичерин. Кроме обычных учений, эскадрон нес разные наряды по гарнизону города и высылал наблюдательные разъезды в его окрестности.

После принятия полковником В.Н. Звезгинцовым в Люботине хозяйственной части она была им в корне переформирована. Были созданы отдельные мастерские: шорно-седельная, портняжная, сапожная и оружейная, в которых не только чинилось, но и заново изготовлялось обмундирование, снаряжение и вооружение дивизиона. Особенно выделялась по своей работе оружейная мастерская, благодаря выдающимся оружейникам, коренным кавалергардам унтер-офицерам Волкову и Шепелявomu. Помимо починки оружия, мастерская перделывала на кавалерийский образец и пристреливала английские и русские пехотные винтовки, чинила пулеметные и обозные повозки, выковывала подковы и изготовляла шпоры.

На Юге России для перевозки свеклы на сахарные заводы употреблялись особые вагоны-платформы с высокими железными бортами. Такие две платформы были приспособлены оружейной мастерской под броневые площадки. В них были прорезаны щели для стрельбы, внутри борта были обложены мешками с песком и обшиты тесом. Прицеплены они были в голову и в хвост эшелона. При отходе хозяйственной части в Крым, когда ей пришлось вести бой у станции Кобеляки с бандой Шубы, они оказались очень полезными.

Небольшой уездный город Лубны славился своим собором, в котором находились мощи святого Афонасия, патриарха Константинопольского, умершего в Лубнах в 1654 году на воз-

¹⁴⁸ Драгомиров **Абрам Михайлович**, р. 21 сентября 1868 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Черниговской губ., сын генерала от инфантерии. Пажеский корпус (1887), академия Генштаба (1893). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал от кавалерии, Главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. С августа 1918 г. помощник верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 октября 1918 г. по сентябрь 1919 г. одновременно председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. С 11 сентября по декабрь 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Киевской обл. С 8 марта 1919 г. заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска, с 19 сентября 1920 г. председатель кавалерской думы Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1924 г. генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 г. во Франции, руководитель особой работы РОВС, председатель Общества офицеров Генерального штаба. В годы Второй мировой войны в резерве чинов при штабе РОА. Член Общества Ветеранов. Умер 9 декабря 1955 г. в Ганьи (Франция).

вратном пути из Москвы в Царьград и похороненного в полном патриаршем облачении. Чтобы скрасить рутину гарнизонной службы, в Лубнах несколько раз устраивались музыкальные и танцевальные вечера. Эти вечера пользовались огромным успехом среди местного населения, посещавшего их в большом количестве. Они позволяли хоть на время забыть братоубийственную войну и кровавый ужас разных оккупаций, чисток, от которых страдали и гибли ни в чем не повинные люди.

1 декабря было получено приказание отправить в распоряжение генерала Кальницкого в Полтаву 3-й эскадрон. Эскадрон – 150 шашек, 6 пулеметов, при четырех офицерах: командире эскадрона штабс-ротмистре Чичерине, поручике Мирковиче, корнете графе Мусин-Пушкине и прикомандированном поручике Чернеце, – погрузился 2-го в эшелон и через четверо суток прибыл в Полтаву. В Полтаве эскадрону было приказано выступить на село Жуки, откуда, после ночевки, идти на Диканьку, где, по имевшимся сведениям, находилась 2-тысячная банда атамана Шубы. На следующий день движение на Диканьку было отменено. Вместо этого надлежало разведать район сел Милорадово, Руковщина, станции Божков. В этих местах не было обнаружено присутствие ни красных, ни повстанцев. 9-го эскадрон был оттянут на станцию Божков, куда вечером подошел бронепоезд «Орел» для совместной разведки железнодорожного пути на Харьков. Разведка ничего не выяснила, и 11-го эскадрон был отозван в Полтаву. Туда же подошла хозяйственная часть из Лубен.

К этому времени эвакуация Полтавы шла полным ходом, и 12-го последние войска покинули город. 3-й эскадрон с бронепоездом «Орел» шел в арьергарде через Константиноград, Лозовую на Павлоград.

Перед отходом хозяйственной части из Полтавы обнаружилось, что часть интендантских складов осталась на железнодорожных путях. Полковник Звегинцов отправился туда, чтобы получить что-нибудь из интендантства для дивизиона. Заведующий складом заявил, что без ордера он ничего выдать не может. На это ему было сказано, что в такое время нечего думать о каких-то ордерах и что вещи будут взяты без всяких ордеров и сейчас же. «Но это самоуправство!» – возмутился чиновник. Однако присутствие вооруженного наряда сломило возмущение чиновника. В эшелон было выдано более ста комплектов теплого английского обмундирования и, что было особенно ценно, несколько сот высоких кавалерийских сапог. В эшелон было взято 20 раненых из госпиталя, о которых никто не позаботился, и десятка три институток, ожидавших на станции появления мифического поезда на юг. Были еще взяты мать штабс-ротмистра Чичерина с дочерью и двумя малолетними внуками и мать конногвардейца К.В. Ширкова.

На рассвете 13-го хозяйственная часть последней ушла из Полтавы. На одной из станций подошел директор ближайшего сахарного завода и предложил взять мешки с сахаром. «Сколько можете взять». Немного более сотни мешков удалось разместить, но от предложения взять «сколько можете» из гурта рогатого скота, к сожалению, пришлось отказаться. С трудом погрузили, вернее, втиснули десяток коров, обмененных в Крыму у населения на волов.

Все время приходилось следить и пополнять топливо паровоза, главным образом шпалами, за неимением угля.

Подошли к станции Кобеляки, где случилась непредвиденная остановка из-за порчи паровоза. Пока оружейники чинили паровоз, начальник станции сообщил, что на Кобеляки движется банда, как ему передали по телефону, атамана Шубы. Действительно, через полчаса на горизонте показались цепи, открывшие огонь по станции. Под огнем пулеметов эшелона они залегли и завязали перестрелку. К счастью, паровоз был скоро починен, и эшелон с малыми потерями: один убитый, вольноопределяющийся Н.П. Шабельский, сын кавалергарда, и два легкораненых, покинул Кобеляки. Дальнейшее движение на Павлоград, очень медленное, с большими перебоями, прошло благополучно.

20-го, в Павлограде, эшелон неожиданно встретился с 3-м эскадром и командиром полка, шедшим с пополнением в полк (четыре неполнорядных эскадрона). 3-й эскадрон был влит в пополнение, и в эшелон были переданы больные люди и слабые лошади. В Павлограде удалось набрать запас угля и прицепить два классных вагона, куда поместили больных, раненых, женщин и детей, подобранных в пути на разных остановках.

Получив приказание идти в Крым, эшелон покинул Павлоград. На станции Синельниково дальнейшее движение встретило неожиданное препятствие: на основании полученного комендантом станции распоряжения о разгрузке всех эшелонов и предоставлении всех порожняков для эвакуации полковнику Звегинцову было предложено разгрузить свой эшелон. Никакие доводы о невозможности исполнить это распоряжение, ввиду наличия огромного имущества, раненых, больных, женщин и детей, обреченных на верную гибель, казалось, не произвели никакого впечатления. Но... но несколько мешков сахару и пулеметы, поставленные на паровоз, благополучно разрешили вопрос.

Наконец, после почти месяца, проведенного в пути, эшелон пришел на станцию Грамматиково и немедленно начал разгрузку. Забронированные вагоны были сданы в штаб генерала Слащева, а все имущество, кроме мастерских, было перевезено в колонию Окречь. Работа хозяйственной и запасной частей на новом месте пошла полным ходом.

Постепенно в Окречь стали прибывать отдельные офицеры и кавалергарды. Все строевые кавалергарды были сведены в пеший эскадрон под командой полковника графа И.Д. Толстого и при нем – конный взвод с поручиком графом Вас. Мусин-Пушкиным, скоро вошедший в Гвардейский отряд¹⁴⁹ полковника Петровского¹⁵⁰.

Сведения, получаемые с Донского фронта, становились все тревожнее, и возможность его удержания армиями Юга России все более сомнительной. Под конец стало ясно, что ни на Дону, ни на Кубани армии продолжать борьбу не смогут. Отход с этих рубежей неизбежен. Но куда? Думалось – в Крым. Это предположение косвенно подтверждалось присылкой из обода действующей части, в несколько приемов, больных и раненых кавалергардов и слабых лошадей. Между тем командование с Донского фронта настойчиво требовало высылки пополнений, тогда как командование в Крыму, так же настойчиво, требовало сохранения в Крыму всего, что могло способствовать его обороне.

В предвидении возможного прибытия в Крым остатков Кавалергардского дивизиона хозяйственная часть приняла разные меры. Были выстроены бани, были выделены помещения для больных и раненых и карантин для тифозных. Благодаря личным связям удалось получить непосредственно из Английской военной миссии 120 комплектов белья и обмундирования, в том числе 20 офицерских, несколько десятков седел и большое количество медикаментов. У местного населения было куплено, выменено на сахар, вино и табак. Таким образом, ко дню прибытия кавалергардов из Новороссийска в Крым, все, что было возможно сделать для их размещения в наилучших условиях, было сделано.

¹⁴⁹ Гвардейский отряд полковника Петровского. Сформирован из находившихся в Крыму подразделений гвардейских частей. Включал Гвардейский кавалерийский дивизион и пехотные подразделения, сформированные на базе Запасного гвардейского батальона. В январе – апреле 1920 г. оборонял Перекопский перешеек, понеся большие потери.

¹⁵⁰ **Петровский Николай Александрович**, р. в 1883 г. Пажеский корпус. Полковник л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 13 марта 1919 г. командир эскадрона своего полка, с 24 марта и 12 мая 1919 г. помощник командира в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии и командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с 18 мая по 4 июня 1919 г. врио командира Сводного полка гвардейской кирасирской дивизии, с 22 июня по 12 июля 1919 г. врио командира 1-го гвардейского Сводно-кирасирского полка, осенью 1919 г. командир дивизиона в 1-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку 5-го кавалерийского корпуса, с 25 марта 1920 г. командир Гвардейского отряда в Крыму, затем до мая 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, затем командир Гвардейского кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 17 мая 1920 г.). В эмиграции в Югославии; на 1938 г. представитель полкового объединения в Югославии. Служил в Русском Корпусе (командир батальона). Пропал без вести в октябре 1944 г. под Авалой (Югославия).

Помимо упорной, неутомимой работы всего состава хозяйственной и запасной частей, все это оказалось возможным, главным образом, потому, что красное командование не оценило в должной степени важность Крымского фронта и не приняло своевременно мер для его ликвидации. Только в середине января 1920 года 13-я Красная армия, в составе 3-й и 46-й стрелковых и 8-й кавалерийской дивизий, с несколькими бронепоездами, сосредоточилась на подступах к Крыму. 22-го она перешла в наступление на Перекоп и на Чонгар. Несмотря на временный успех на Перекопе, наступление было неудачно. Понесся огромные потери под Армянском, в особенности 407-й стрелковый полк, потерявший 70 процентов своего состава, 13-я армия отошла в исходное положение. После этого на Крымском фронте наступило довольно длительное затишье, изредка прерываемое поисками разведчиков и слабой перестрелкой с обеих сторон. В эти дни на станции Джанкой был убит бомбой с аэроплана адъютант генерала Слащева, кавалергард корнет В.В. Шебеко.

13-я Красная армия была усилена Эстонской стрелковой дивизией и 13-й отдельной кавалерийской бригадой. С своей стороны войска Крымского фронта значительно пополнились мобилизацией, притоком добровольцев, артиллерией, огневыми припасами, и боевая их устойчивость соответственно возросла. Предпринятое 8 марта 13-й армией наступление на Перекоп и на Чонгар снова окончилось неудачей.

26 марта было получено сообщение об эвакуации Новороссийска. Бригада генерала Барбовича была погружена на «Аю-Даг» и «Николай 119», и ее прибытие в Феодосию ожидалось в ближайшие дни. Туда были отправлены все повозки обоза для перевозки кавалергардов в Окречь. 28-го оба транспорта подошли к пристани. Сходни были сброшены. Измученные физически от непрерывных боев и морально потрясенные только что пережитой катастрофой, исхудалые, в изношенном донельзя обмундировании, неся седла и оружие, сходили с парохода остатки Кавалергардского эскадрона, среди них больные и раненые на носилках.

Надо было видеть, чтобы понять радость этих людей, когда в толпе, встречавшей пароходы, они увидели пику с родным полковым флюгером... Все были погружены на повозки и отезены в Окречь. Раненые были помещены в лазарет, все остальные в карантин.

Сахар, вывезенный хозяйственной частью, оказался самой твердой валютой. На него в обмен можно было получить решительно все: мясо, муку, сало, вино и табак. Все прибывшие с Дона могли получить усиленное питание.

Новороссийская катастрофа оставила глубокий след во всех слоях армии. По ее прибытии в Крым в Севастополе было созвано совещание всех старших начальников, в результате которого генералу Деникину пришлось сложить должность Главнокомандующего. В приказе № 2899, отданном в Феодосии 4 апреля, своим преемником он назначил генерала барона Врангеля.

Только что пережитая катастрофа создала определенное недоверие к высшему командованию. Может быть, всего острее оно ощущалось в коннице после того, как ей пришлось лишиться своего главного оружия – лошадей. Вот почему на совещании старших представителей гвардейской конницы, собранном генералом Даниловым, было решено заранее озаботиться судьбой всех чинов полка в случае повторения новороссийского позора. Было решено послать в ближайшем времени несколько офицеров в Сербию и другие страны для выяснения на местах возможности подыскания работы чином полка, если волей судеб им придется покинуть пределы родной земли. Выбор для посылки в Сербию пал на полковника Кавалергардского дивизиона В.Н. Звегинцова, как одноклассника по Пажескому корпусу с Регентом Королевства С.Х.С., Королевичем Александром. В конце мая полковник Звегинцов был отправлен Главнокомандующим дипломатическим курьером с секретными бумагами для передачи их лично Королевичу. В результате долгих переговоров и сношений между различными министерствами было получено определенное согласие Королевства С.Х.С. на принятие на государственную службу граничарами-пограничниками возможно большого числа чинов армии Юга России.

Сразу по принятии Главного командования генерал Врангель приступил к переформированию армии. Войска Вооруженных сил Юга России, переименованные в Русскую Армию, были разделены на пять корпусов: 1-й армейский корпус генерала Кутепова (Алексеевская, Дроздовская, Корниловская и Марковская дивизии), 2-й армейский корпус генерала Слащева (13-я и 34-я пехотные дивизии и отдельная кавалерийская бригада), Донской корпус генерала Абрамова (1-я, 2-я и 3-я Донские дивизии), Сводный корпус генерала Писарева (1-я, 2-я и 3-я Кубанские дивизии и Чеченская бригада) и Конный корпус генерала Барбовича (1-я и 2-я кавалерийские дивизии). При каждой дивизии были созданы запасные полки. Было основано военное училище и различные курсы: пулеметные, инженерные и т. д.

В связи с этим приказом от 16(29) апреля № 3012 1-я кавалерийская дивизия¹⁵¹ была организована на новых началах. Штат конных полков был установлен в 6 эскадронов, за исключением Гвардейского полка¹⁵², утвержденного в 8-эскадронном составе. В 1-ю бригаду генерала Данилова вошли Гвардейский и 1-й¹⁵³ полки, во 2-ю – 2-й¹⁵⁴, 3-й¹⁵⁵ и 4-й¹⁵⁶ полки. Дивизии был придан 2-й конно-артиллерийский дивизион.

Одновременно с усилением Русской Армии 13-я Красная армия также увеличила свой состав. К концу марта в ней числились: 3-я, 42-я, 46-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии,

¹⁵¹ Речь идет о дивизии третьего формирования с этим номером. 1-я кавалерийская дивизия. Сформирована 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму из входивших в состав 1-й кавалерийской дивизии Сводно-гвардейского кавалерийского, 1-го, 2-го и 3-го Сводно-кавалерийских полков, состоявших в Крымском корпусе Туземного и Татарского полков, а также Сводной бригады Кабардинской дивизии, прибывающих из Сочи терцев и подразделений всех остальных гвардейских, 2-го Курляндского, 6-го Волынского, 11-го Чугуевского и 14-го Ямбургского уланских, 4-го Мариупольского, 5-го Александрийского, 6-го Клястицкого, 7-го Белорусского и 10-го Ингерманландского гусарских полков бывшей Императорской армии. Входила во 2-й армейский корпус, а с 7 июля 1920 г. – в Конный корпус. Состав: Гвардейский, 1-й (1-я бригада), 2-й, 3-й (2-я бригада), 4-й и 5-й (3-я бригада) кавалерийские полки, Запасный конный полк (6 эскадронов), 1-й, 2-й и 3-й конно-артиллерийские дивизионы. 28 апреля 1919 г. переформирована в 1-ю конную дивизию (с 8 августа 1920 г. снова кавалерийская) в составе Гвардейского, 1-го (1-я бригада), 2-го, 3-го и 4-го (2-я бригада) кавалерийских полков, Запасного конного полка (5 эскадронов), 1-го и 2-го конно-артиллерийских дивизионов. 7 июля 1920 г. 4-й кавалерийский полк передан во 2-ю кавалерийскую дивизию, а с 8 августа 1920 г. вместо переданного туда же 2-го кавалерийского полка в ее состав введен из этой дивизии 6-й кавалерийский полк. С 4 сентября 1920 г. включала вместо 2-го (переданного в 1-ю Кубанскую казачью дивизию) 3-й конно-артиллерийский дивизион. В середине октября 1920 г. насчитывала 1300 сабель.

¹⁵² Гвардейский кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму в составе 8 эскадронов, по одному от каждого из гвардейских полков Императорской армии: 1-й – Кавалергардского, 2-й – л.-гв. Конного, 3-й – л.-гв. Кирасирского Его Величества, 4-й – л.-гв. Кирасирского Ее Величества, 5-й – л.-гв. Конно-гренадерского, 6-й – л.-гв. Уланского Его Величества, 7-й (сводный) – л.-гв. Уланского Ее Величества и л.-гв. Гродненского гусарского и 8-й – л.-гв. Драгунского. Входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Командиры: полковник С.Н. Ряснянский (24 апреля – 10 октября 1920 г.), полковник Д.А. Ковалинский (10—19 октября 1920 г.); врид: полковник Д.В. Коссиковский (16—24 апреля, 15—19 мая, 10—11 июля), полковник М.Е. Ковалевский (6—9, 12—17 июля, 27 июля – 13, 16—17 августа), полковник М.А. Смагин (18—26 июля), полковник Н.М. Алексеев (14—15 августа), полковник Н.М. Гончаренко (18—28 августа), полковник Н.Д. Скалон (29 августа – 3 сентября), полковник С.М. Длусский (4—7 сентября, 6—11, 15—16 октября), полковник Д.С. Мартыновский (20—27 октября), ротмистр Г.Г. Раух (27 октября), поручик Н.А. Озеров (27 октября), подполковник П.И. Максимов (28—29 октября), полковник С.И. Новиков (30 октября – 12 ноября), полковник Г.А. Доленго-Ковалевский (12—15 ноября 1920 г.).

¹⁵³ 1-й кавалерийский полк включал эскадроны 6-го Волынского и 10-го Одесского уланских, 5-го Александрийского гусарского и (до 8 августа 1920 г.) 1-го конного генерала Алексеева полков, а с 8 августа 1920 г. вместо алексеевцев – дивизион 10-го Ингерманландского гусарского полка. Командир – полковник М.И. Тихонравов (с 8 августа 1920 г.).

¹⁵⁴ 2-й кавалерийский полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии, а с 8 августа 1920 г. – 2-й кавалерийской дивизии. Включал эскадроны 3-го Смоленского (до 22 августа 1920 г.), 11-го Чугуевского, 13-го Владимирского, 14-го Татарского, 16-го Новоархангельского (до 8 августа 1920 г.), 17-го Новомиргородского (до 8 августа 1920 г.) уланских, 2-го Павлоградского (с 8 по 22 августа 1920 г.), 6-го Клястицкого, 13-го Нарвского и 15-го Украинского гусарских и (с 22 августа 1920 г.) 11-го драгунского Рижского полков.

¹⁵⁵ 3-й кавалерийский полк включал эскадроны 2-го Псковского и 12-го Стародубовского драгунских, 12-го Белгородского, 16-го Новоархангельского (с 8 августа 1920 г.), 17-го Новомиргородского (с 8 августа 1920 г.) уланских, 2-го Павлоградского (до 8 августа 1920 г.), 7-го Белорусского, 11-го Изюмского, 12-го Ахтырского и 17-го Черниговского гусарских полков.

¹⁵⁶ 4-й кавалерийский полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии, а с 7 июля 1920 г. – 2-й кавалерийской дивизии. Включал эскадроны 19-го Архангелогородского драгунского, 4-го Харьковского уланского (с 22 августа 1920 г.), 2-го Павлоградского (с 22 августа 1920 г.), 4-го Мариупольского и 16-го Иркутского гусарских полков, а также (до 8 августа 1920 г.) Черноморского конного полка.

8-я кавалерийская дивизия, запасная бригада управления 1-й Конной армии, кавалерийский полк 9-й стрелковой дивизии и два авиационных отряда, 13-й разведывательный и 3-й истребителей.

13 апреля красные вновь атаковали Перекоп. Латышская дивизия захватила Турецкий вал на Перекопе, но развить этот очень крупный тактический успех красные не смогли и на следующий день были принуждены отойти.

15-го сторожевое охранение на Перекопском перешейке занимал гвардейский отряд. В ночь на 16-е, обойденный в густом тумане, дивизион Гвардейского полка подвергся неожиданной атаке красной конницы и почти целиком погиб. Убиты были полковник маркиз делли Альбицци¹⁵⁷ (кирасир Его Величества) и корнет Литвинов¹⁵⁸, пропал без вести корнет Пусторослев¹⁵⁹ (оба – кирасиры Ее Величества), ранены штабс-ротмистр граф Толстой¹⁶⁰ (лейб-драгун), поручик Костин¹⁶¹ (конногренадер) и кавалергард, корнет граф Василий Мусин-Пушкин, тремя пулями в руку.

К концу апреля реорганизация Русской Армии настолько подвинулась, что части, прибывшие с Дона, смогли принять участие в обороне Крыма. Конный корпус генерала Барбовича, в большинстве полков еще пеший, занял сторожевое охранение на побережье Сиваша. Линия сторожевого охранения дивизии была разбита на два участка. Левый, предназначенный 1-й бригаде, начался у деревни Чигеры и шел на запад, вдоль берега Сиваша, через Куксакал на Хаджи Булат. Восточнее находился участок 2-й бригады, западнее – 1-го армейского корпуса. Острова Чурюк Тюб и Куксакальский входили в участок 1-й бригады. На рассвете 4 апреля гвардейский полк сменил морскую пехоту. Кавалергарды заняли остров Чурнюк Тюб. Сообщение с материком было довольно трудное. Вода доходила до колен, было множество ям и очень липкое дно. Труднее всего было с питьевой водой, которую приходилось привозить бочками из деревни Магазинки. На этих местах дивизия простояла до 8 июня, когда, в связи с наступлением, начатым Русской Армией, она была вызвана на фронт.

Бои в Северной Таврии

Утром 6 июня части 2-го армейского корпуса генерала Слащева подошли на нескольких транспортах к деревне Кирилловке на северо-западном побережье Азовского моря, высадились под прикрытием миноносцев и двинулись на Мелитополь. В то же время, для отвлечения внимания красного командования от места высадки 2-го армейского корпуса, на побережье

¹⁵⁷ **Маркиз делли Альбицци Георгий Федорович.** Ротмистр л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Вооруженных силах Юга России; с 3 июля 1919 г. начальник пулеметной команды в дивизионе своего полка, с октября 1919 г. командир того же дивизиона, в начале 1920 г. в Гвардейском отряде в Крыму – командир Сводно-гвардейского эскадрона. Полковник. Убит 2(3) апреля 1920 г. на Перекопе.

¹⁵⁸ **Литвинов Александр Александрович.** Корнет л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с октября 1918 г.; с 24 марта, 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, 5—23 июня 1919 г. командир эскадрона, в начале 1920 г. в Сводно-гвардейском эскадроне в Крыму, с 27 февраля по 3 апреля 1920 г. командир отдельного стрелкового полубатальона. Убит 3 апреля 1920 г. на Перекопе.

¹⁵⁹ **Пусторослев Сергей Сергеевич.** Сын офицера. Юнкер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. старший унтер-офицер в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. С начала 1920 г. в Сводно-гвардейском эскадроне в Крыму. Корнет (с марта 1920 г.) в прикомандировании к л.-гв. Кирасирскому Ее Величества полку. Пропал без вести 3 апреля 1920 г. на Перекопе.

¹⁶⁰ **Граф Толстой Андрей Львович.** Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. в эскадроне своего полка, с января 1920 г. в Сводно-кирасирском эскадроне Гвардейского отряда в Крыму. Убит 3 апреля 1920 г. на Перекопе.

¹⁶¹ **Костин Петр.** Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне л.-гв. Конно-гренадерского полка (с 1920 г. переведен в полк); в начале 1920 г. в Сводно-кирасирском эскадроне Гвардейского отряда в Крыму. Убит 3 апреля 1920 г. на Перекопе у хут. Филатова под Армянском.

Джарылгацкого лимана, у города Хорлы на Черном море, была произведена морская демонстрация. Два судна с баржами на буксире подошли к городу, обстреляли порт и стали на якорь.

Высадка 2-го армейского корпуса и переход на следующий день в наступление всей Русской Армии явились для 13-й армии полной неожиданностью. Ее командование не допускало возможности столь быстрого восстановления боевой мощи Русской Армии. Уверенность эта была настолько сильна, что никаких особых мер ни по разведке, ни по укреплению занятых рубежей красные не предприняли. Когда же войска генерала Слащева уже сбили отдельную кавалерийскую бригаду, прошли через легко защищаемые дефиле между Утлюкским лиманом и озером Молочным, заняли деревню Ефремовку и продолжали свое движение на Мелитополь, красные спешно бросили против 2-го армейского корпуса одну бригаду 46-й стрелковой дивизии, сняв ее с Чонгарского рубежа и тем ослабив его оборону, направили туда же Мелитопольский гарнизон, авиацию и только что подошедшую на усиление 13-й армии 2-ю кавалерийскую дивизию Блинова. Но все эти меры оказались запоздалыми, и 9-го части генерала Слащева заняли Мелитополь.

На рассвете 7-го остальные корпуса Русской Армии перешли в наступление. 1-й армейский корпус с Перекопского, Сводный – с Чонгарского рубежей. Донской корпус оставался в резерве у Джанкоя. К вечеру красные были отброшены по всему фронту. В последующие дни наступление развивалось с тем же успехом. Ведя непрерывные и подчас очень тяжелые бои, красные были принуждены очистить весь левый берег Днепра. В центральном и восточном направлениях они отошли на линию Васильевка—Плавни—Жеребец—Пологи и далее на юг, до Бердянска на Азовском море.

В результате боев Русской Армии удалось не только выйти из так называемой «Крымской бутылки», но и занять большую часть Северной Таврии. Это дало ей возможность облегчить продовольствие войск и пополнить свои довольно сильные потери.

На рассвете 8-го кавалергарды под командой штабс-ротмистра графа Р. Мусин-Пушкина выступили в составе гвардейского полка на сборное место дивизии в Армянск. 9-го гвардейский полк принял участие во взятии сел Колончак и Ново-Алексеевка. Преследуя слабые арьергарды, дивизия дошла до Днепра и заняла сторожевое охранение на его левом берегу от Большой Каховки на Британы, Корсунский монастырь до Казачьих Лагерея. На этих местах дивизия простояла до 29-го, когда на всем фронте вновь разгорелись бои.

Обстановка, создававшаяся на фронте 13-й армии, требовала принятия решительных и срочных мер, дабы остановить дальнейшее продвижение белых. Командование Юго-Западного фронта отдало 13-й армии директиву: не позже 28 июня перейти одновременно в наступление на всем фронте, отрезать белым пути отхода в Крым и уничтожить их части, находящиеся в районе Токмака.

В исполнение этой директивы командование 13-й армии поставило своим войскам следующую задачу: на рассвете 28-го правобережной группе – Латышская и 52-я стрелковые дивизии – форсировать Днепр в районе Алешки—Каховка, установить в последнем пункте тет-де-пон и продолжать энергичное наступление на Перекоп; левобережной группе – 3-я, 15-я и 46-я стрелковые дивизии – перейти в наступление в общем направлении на Мелитополь. Ударная группа, только что сформированный конный корпус Жлобы (1-я, 2-я кавалерийские дивизии и 2-я кавалерийская дивизия Блинова) с приданной ему 40-й стрелковой дивизией, предназначалась для нанесения главного удара на правый фланг белых, в общем направлении на Мелитополь. Для усиления ударной группы на станции Волноваха были сосредоточены бронепоезда и 3-й и 13-й авиационные отряды.

Хорошо задуманный план потерпел, однако, полную неудачу. Форсирование Днепра правобережной группой не смогло состояться в намеченный срок. Отложенное на несколько дней, оно протекало недостаточно решительно, что позволило Русской Армии снять с этого участка Корниловскую дивизию и перебросить ее в район наступления ударной группы. Наступление

3-й, 15-й и 46-й стрелковых дивизий также не имело успеха, и они были отброшены в исходное положение. Только продвижение ударной группы шло вначале успешно. 28-го ее конные части сбили Гундоровский и 7-й Донской полки и прорвали фронт Донского корпуса. 30-го 40-я стрелковая дивизия имела удачный бой с 3-й Донской дивизией, но дальнейшее наступление ударной группы шло гораздо медленнее. На 2 июля ей дана была дневка. К этому времени Донской корпус сам перешел в наступление и отбросил 2-ю кавалерийскую и 40-ю стрелковую дивизии.

Успешные бои против 3-й, 15-й и 46-й стрелковых дивизий позволили командованию Русской Армии снять с этих участков Дроздовскую, 13-ю пехотную и 2-ю кавалерийскую дивизии, подвести с Каховского направления Корниловскую дивизию, сосредоточить в районе Токмака все бронепоезда и авиацию и закончить к 3 июля перегруппировку войск для нанесения решающего удара по конному корпусу Жлобы.

Утром 3-го обе стороны перешли в наступление одновременно. После полудня обстановка на фронте ударной группы сложилась не в ее пользу. Атакованные одновременно авиацией, пехотой и конницей части ударной группы вели разрозненные бои, не связанные общим руководством, на разных участках и в разных направлениях. Жлоба, командир конного корпуса, по выражению советских источников, «совершенно потерял управление частями и бесцельно метался на броневике от одной части к другой, внося беспорядок в действия войск».

В результате боев Русская Армия не только с успехом отразила наступление красных, увеличила занятую часть Северной Таврии, взяла более 2 тысяч пленных и оружие, но, что было особенно ценно, захватила более 4 тысяч коней. Вся конница была посажена на лошадей. Во всех последующих действиях, основанных главным образом на маневрировании, удалось развить быструю переброску конницы, на которую в дальнейшем легла главная тяжесть боя.

В поражении корпуса Жлобы и в отражении переправ красных через Днепр кавалергарды участия не приняли. 23-го эскадрон ушел в Мелитополь для приема лошадей, полученных по конской мобилизации. Лишь конный взвод корнета В.С. Воеводского и пулеметы с корнетом Н.С. Исаковым были оставлены при штабе полка.

В последних числах июня из различных источников в разведку Русской Армии стали поступать сведения о неминуемом наступлении красных. 29-го эти слухи были подтверждены перебежчиками 415-го стрелкового полка, указавшими срок, 30 июня. В ночь на 1 июля обе Каховки подверглись очень сильному артиллерийскому обстрелу. С рассветом огонь все усиливался и ширился по фронту, в особенности вниз по течению Днепра. Вскоре пришло донесение, что красные переправились через Днепр и, оттеснив 1-й конный полк, заняли деревни Луговая, Ключевая, Основа и Британы. 2-я бригада была вынуждена очистить Корсунский монастырь, Казачьи Лагерь и Алешки. Таким образом, на всем течении Днепра, от его устья и до Каховки, красным удалось занять левый берег реки.

Резерв дивизии, Гвардейский полк, оставив в Каховке пешие эскадроны (2-й Конно-гвардейский и 7-й сводный), выступил на поддержку 1-го конного полка. К 16 часам положение на всем участке дивизии было восстановлено. 5-й, 6-й и 8-й эскадроны Гвардейского полка заняли Ключевую и Луговую, дивизион полковника графа И.Д. Толстого (оба кирасирских эскадрона) выбил красных из Основы и Британ, захватил два десятка пленных, потеряв несколько раненых, в том числе корнета кирасир Его Величества Сомова. Вечером полк отошел в резерв дивизии в хутор Терны, где узнал, что обе Каховки заняты красными.

Утром 2-го марковцы заняли Каховки, но удержаться в них не смогли. Гвардейский полк был отправлен на Каховки. В конной атаке дивизион полковника графа Толстого занял Большую Каховку, взяв в ней 5 пулеметов и более ста пленных. Но никем не поддержанный, дивизион был принужден вновь ее очистить. В течение 3 июля обе Каховки несколько раз переходили из рук в руки, и только 4 июля дивизия несла охранение вдоль Днепра, потом была

сменена 2-м армейским корпусом и ушла в резерв Главкомандующего в деревни Калга и Ивановка.

За время боев за Каховку из строя Гвардейского полка выбыло 16 офицеров. Из них два были убиты: командир 7-го сводного эскадрона, ротмистр Лишин¹⁶², и конногвардеец, корнет Артамонов¹⁶³. Особенно тяжелые потери понес 2-й эскадрон, потерявший убитыми и ранеными 50 конногвардейцев.

Сводки разных сведений, получаемых в штабе Русской Армии от перебежчиков, от агентов контрразведки и из перехваченных радиопередач, все указывали на усиление в ближайшем будущем 13-й армии и неминуемый ее переход в общее наступление. Чтобы опередить красных и нанести им возможно больший урон до подхода к ним подкреплений, командование Русской Армии решило само перейти в наступление.

Закончив к 25 июля перегруппировку своих частей, Русская Армия занимала следующее положение: от Азовского моря, фронтом на восток, восточнее Ногайска до колонии Шпаррау, стоял Донской корпус, имея против себя 40-ю и 42-ю стрелковые дивизии, 4-ю и 5-ю кавалерийские бригады и 42-й кавалерийский полк. Левее Донского корпуса, сильно загибая фронт на север, от Черниговки на Большой Токмак, Балки, стояли Корниловская, Дроздовская, Марковская и 6-я (бывшая Алексеевская) пехотные дивизии против 3-й и 46-й стрелковых дивизий, бригады курсантов и недавно сформированной 2-й Конной армии (2-я, 16-я, 20-я и 21-я кавалерийские дивизии). Далее, фронтом на запад, от Балки до Лепетихи, Туземная конная бригада и от нее вниз по течению Днепра – 12-я и 34-я пехотные дивизии. Против этих частей, на правом берегу Днепра, стояли 52-я и Латышская стрелковые дивизии, отдельная Херсонская группа, и туда же подходили 15-я и 51-я стрелковые дивизии. Конный корпус генерала Бабиева был сосредоточен в районе колонии Мунталь, дивизия генерала Барбовича – в деревне Калге.

Ко дню перехода Русской Армии в наступление дивизия была вытребована на фронт. Пройдя в три перехода, при сильной жаре и сухове, более ста верст, дивизия подошла к вечеру 23-го в резерв конного корпуса в Большой Токмак. С утра 25-го конница генерала Бабиева¹⁶⁴ перешла в наступление, заняла на стыке 3-й и 46-й стрелковых дивизий город Орехов и прорвала фронт красных. Продолжая свое движение на север, конница вела наступление 26-го на Жеребец. Гвардейский полк в наступлении на Жеребец не участвовал, так как был выслан для содействия Марковской дивизии, наступавшей на деревни Щербаковка и Янчекрах. Полк обошел деревню Щербаковку с севера и атаковал в тыл занимавших ее красных. Несмотря на сильный огонь, полк ворвался в деревню, где захватил 3 пулемета, более сотни пленных и обоз. В конной атаке кавалергарды потеряли убитым командира пулеметного взвода корнета Н.С. Исакова и ранеными 8 кавалергардов. Не задерживаясь в Щербаковке, полк пошел на деревню Яковлевку. Первая конная атака была отбита. Только после повторной атаки удалось занять деревню и захватить в ней около сотни пленных. Большинство из них составляли венгры и

¹⁶² **Лишин Георгий Васильевич.** Ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле 1920 г. командир эскадрона своего полка, командир 7-го эскадрона в Гвардейском кавалерийском полку. Убит летом 1920 г. под Малой Каховкой.

¹⁶³ **Артамонов Сергей Александрович.** Александровский лицей (1917) (ускор.). Офицер с 1917 г. Офицер л.-гв. Конного полка. В апреле 1918 г. в Москве. В декабре 1918 г. в русских добровольческих дружинах в Киеве. Вывезен в Германию. Во ВСЮР и Русской Армии; в мае 1920 г. корнет в эскадроне л.-гв. Конного полка. Поручик (корнет). Убит 18(22) июня 1920 г. под Малой Каховкой.

¹⁶⁴ **Бабиев Николай Гаврилович,** р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской обл. Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полковника Кузнецова, в марте 1918 г. взят в плен, но освобожден. Затем в 1-м Лабинском полку, полковник, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 14 января 1919 г. (25 сентября 1918 г.) полковник, с 26 января 1919 г. генерал-майор. С 26 января, на 5 октября 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохова.

чехи, набранные среди военнопленных Первой мировой войны. Под вечер полк присоединился к дивизии и занял сторожевое охранение на реке Конская у Крылицкого аула и деревни Общей, в непосредственной близости Жеребца. Весь день 27-го конница генерала Бабиева вела перестрелку с красными, занимавшими Жеребец. На других участках фронта Русской Армии она всюду вела успешные бои. Только у города Орехова в течение трех дней шли упорные бои. Город несколько раз переходил из рук в руки. Вечером 29-го Дроздовская дивизия окончательно заняла город, выбив из него 46-ю стрелковую дивизию и бригаду курсантов, оказавшую особенно упорное сопротивление.

Одновременно с наступлением красных на фронт Орехов—Жеребец обнаружился сильный нажим южнее Орехова на Малую Токмачку, что, при удаче, выводил красных в тыл войскам, сражавшимся в Александровском направлении. Для противодействия этой угрозе 1-я кавалерийская дивизия после окончательного занятия Орехова была переброшена 30-го на Малую Токмачку.

Около 17 часов дивизия заняла Малую Токмачку и выслала сеть разъездов. Скоро они обнаружили подход красной конницы к колонии Блюменфельд в двух верстах севернее от Малой Токмачки. Дивизия немедленно выступила из местечка и, перейдя реку Конскую, развернулась впереди деревни Любимовки. Как только красная конница появилась у колонии Блюменфельд, она попала под артиллерийский и пулеметный огонь. Дивизия пошла в атаку одновременно всеми полками, смяла красных и отбросила их за колонию. Там красные под прикрытием своей артиллерии пытались снова развернуться, но, вторично атакованные дивизией, были опрокинуты. Преследование продолжалось до реки Жеребец и прекратилось только с темнотой.

31-го разведка обнаружила переправу красной конницы через реку Жеребец и движение ее на Малую Токмачку. На этот раз красную конницу сопровождали три бронемшины. Наступление красных было очень медленным, и только к 16 часам передовые части развернулись у колонии Блюменфельд и открыли артиллерийский огонь по Малой Токмачке. Эта медлительность позволила дивизии своевременно выйти из местечка.

Под очень сильным огнем дивизия атаковала красных, сбила передовые лавы и поддержки и преследовала их, как и накануне, до той же реки Жеребец. Во время преследования дивизией было взято 5 орудий, пулеметы, пленные и лошади. В атаке начальник пулеметной команды гвардейского полка штабс-ротмистр А.Н. Шебеко (кавалергард) был ранен шрапнелью в голень и бедро левой ноги. В эскадроне были ранены младший унтер-офицер Халепа и кавалергард Майн. На ночь полк отошел в Малую Токмачку.

1 августа красные временно захватили восточную часть местечка Жеребец. Дивизии генерала Барбовича было приказано, не дожидаясь смены, спешно выступить на Жеребец. На походе, не доходя деревни Васиновки, дивизия подверглась налету красной авиации, от которого несколько эскадронов, не успевших рассыпаться, понесли потери. У самого Жеребца дивизия настигла и атаковала красную пехоту, захватила 4 орудия, много пленных и заняла Жеребец. В конной атаке в Гвардейском полку были убиты лейб-драгун штабс-ротмистр де Витт¹⁶⁵ и улан Его Величества корнет Эйхгольц. На ночь полк остался в охранение у Жеребца, остальные же полки дивизии еще днем выступили в район Камышеватки, Фисаки, где шли упорные бои за обладание переправами через реку Конскую. Эти бои увенчались полным успехом. 2 августа город Александровск был занят, район Камышеватки очищен от красной конницы, а пехота отброшена на реку Мокрую Московку.

¹⁶⁵ **Де Витт Сергей Львович.** Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г., в июле, декабре 1919 г. командир эскадрона л.-гв. Драгунского полка. В Русской Армии с июня 1920 г. командир того же эскадрона в Гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр (к июлю 1919 г.). Убит 19 июля 1920 г. у с. Жеребец.

Ночью 2-го Гвардейский полк пошел на присоединение к дивизии и 3-го принял участие в боях за обладание переправами на реке Мокрой Московке. В конной атаке на деревню Беккеровку в Гвардейском полку были ранены лейб-драгун штабс-ротмистр Алехин и улан Ее Величества ротмистр Вуич¹⁶⁶. На походе дивизия вновь подверглась налету красной авиации, во время которого был ранен лейб-драгун ротмистр Ковалевский. Вечером дивизия была отягнута в ближний резерв, в Большой Токмак. Через несколько дней она была переведена в глубокий резерв, в колонию Лихтенау, где простояла до 7 августа. В колонии Гвардейский полк получил крупное пополнение людьми и, главное, лошадьми. Кавалергардский эскадрон был весь посажен на коней. В командование им вступил ротмистр Г.Г. Раух. Отличившиеся в боях этого периода были награждены Георгиевскими крестами: младший унтер-офицер Халепа – 3-й степени, Сергей Гневшин, Клементий Вайнигер, кавалергарды Федор Сергеев, Петр Майн, Эдуард Руф и Антон Шестаков – 4-й степени.

Русская Армия в своем наступлении добилась больших успехов. Кроме занятия еще большей части Северной Таврии, ею был нанесен огромный урон красным, в особенности 2-й Конной армии. Пребывание дивизии в резерве продолжалось недолго. Вечером 7-го ей было приказано перейти в район Серагозы, ввиду начавшегося наступления красных вдоль всего течения Днепра.

За время нахождения дивизии в резерве вся регулярная конница (1-я и 2-я¹⁶⁷ кавалерийские дивизии) была сведена в Конный корпус¹⁶⁸ генерала Барбовича. Тогда же с фронта были сняты Кубанские части для участия в десанте генерала Улагая на Кубань.

Операция эта, так же как и произведенные немного раньше десанты донских казаков восточнее Мариуполя и Таганрога, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Хотя на Кубани и действовали повстанческие отряды генералов Крыжановского и Фостикова¹⁶⁹, но общее настроение населения не соответствовало тем сведениям, которые имелись у Главного командования. Высадившиеся 17 августа части генерала Улагая¹⁷⁰ имели первоначаль-

¹⁶⁶ **Вуич Николай Эммануилович**, р. 28 ноября 1897 г. в Туле. Пажеский корпус (1916). Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Во ВСЮР в 3-м Кабардинском полку и Сводно-гвардейском отряде. В Русской Армии в эскадроне л.-гв. Уланского Ее Величества полка в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен в июле 1920 г. Ротмистр. В эмиграции в Югославии, Франции, Италии, Люксембурге. В 1920-х годах начальник отделения генерал-инспектора конницы КИАФ, создатель журнала «Русский клич». С 1952 г. начальник походной канцелярии Великого Князя Владимира Кирилловича. Умер 30 ноября (8 декабря) 1976 г. в Брюсселе.

¹⁶⁷ 2-я кавалерийская дивизия. Сформирована в Русской Армии 28 апреля 1920 г. как 2-я конная (с 8 августа 1920 г. кавалерийская) дивизия из Отдельной кавалерийской бригады. Входила в 1-й армейский корпус, а с 7 июля 1920 г. – в Конный корпус. Состав: 5-й, 6-й и 7-й кавалерийские полки (1-я бригада), 3-й (из 2-й Донской конной бригады и Таврического конного дивизиона) и 4-й Донские казачьи полки (2-я бригада), Запасный конный полк (из 2 эскадронов запасного полка 9-й кавалерийской дивизии и 2 запасных Донских сотен), 4-й и 5-й конно-артиллерийские дивизионы. С 7 июля 1920 г. включала 4-й, 5-й (1-я бригада), 6-й и 7-й (2-я бригада) кавалерийские полки и 4-й конно-артиллерийский дивизион, с 8 августа 1920 г. – 2-й (вместо переданного в состав 1-й кавалерийской дивизии 6-го), 4-й и Кавказский кавалерийские полки, а с 22 августа 1920 г. к ним добавился переданный из расформированной 1-й Отдельной кавалерийской бригады 7-й кавалерийский полк. С 4 сентября 1920 г. в состав дивизии возвращен 5-й конно-артиллерийский дивизион. В середине октября 1920 г. насчитывала около 1700 сабель.

¹⁶⁸ Конный корпус. Сформирован в Русской Армии 7 июля 1920 г. из Сводного корпуса в составе 1-й и 2-й конных дивизий. С 4 сентября 1920 г. включен в 1-ю армию. Состав: 1-я и 2-я кавалерийские и 1-я Кубанская казачья дивизии, Запасный кавалерийский полк и конная саперно-подрывная команда. В середине октября 1920 г. насчитывал около 4 тысяч сабель. После эвакуации Крыма сведен в Галлиполи в Кавалерийскую дивизию. Командир – генерал-лейтенант И.Г. Барбович.

¹⁶⁹ **Фостиков Михаил Архипович**, р. в 1886 г. Из казаков ст. Баталпашинской Кубанской обл., сын вахмистра, внук офицера. Ставропольская гимназия, Александровское военное училище (1907), академия Генштаба (1917). Войсковой старшина Ставропольского казачьего полка (1-го Лабинского). В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в Ставрополе при отряде Шкуро сформировал и возглавил 1-й Кубанский полк во 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 1918 г. полковник. Летом 1919 г. командир бригады 2-го Кубанского корпуса у Царицына, в сентябре—декабре 1919 г. командир 1-го Кубанского полка, с 10 декабря 1919 г. до 9 марта 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии; с 1919 г. генерал-майор. 10 раз ранен. В марте 1920 г. командующий повстанческой Армией Возрождения России на Кубани, с которой летом отошел в Грузию. В Русской Армии начальник Черноморско-Кубанского отряда до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-лейтенант. Был на о. Лемнос, командир Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии. Умер 29 июля 1966 г. в Белграде.

¹⁷⁰ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. в 1875 г. Сын офицера. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерий-

ный, временный успех. Ими были захвачены станицы Брюховецкая и Тимошевская и прервано железнодорожное сообщение Екатеринодар—Ростов. Но затем, вследствие медлительности и нерешительности начальника десанта, части перешли к обороне и 7 сентября были принуждены покинуть Кубань, все же усилившись довольно большим числом добровольцев.

Начавшееся 7 августа наступление красных на Днестре создало серьезное положение для той части Русской Армии, которая еще вела бои у Александровска. Только запоздалое и не связанное по времени с боями на Александровском направлении наступление Днепроградской группы 13-й армии, быстрое и умелое сосредоточение кулаков и своевременная переброска и ввод конницы в бой позволили Русской Армии сохранить за собой Северную Таврию.

К началу наступления 13-я армия была значительно усилена включением свежих дивизий. Ее правобережную группу составляли 15-я, 51-я, 52-я и Латышская стрелковые дивизии, отдельная кавалерийская бригада и Херсонский отряд, в который, кроме гарнизона города, входила 86-я бригада ВОХРА (войска внутренней охраны). В левобережную группу, кроме 4 дивизий 2-й Конной армии, входили 1-я, 3-я, 23-я, 40-я 42-я и 46-я стрелковые дивизии, бригада курсантов и 4-я и 5-я кавалерийские дивизии.

Ко дню сосредоточения Конного корпуса генерала Барбовича в Нижних Серагозах, 10 августа, 2-й армейский корпус, отброшенный от Днестра, вел оборонительные бои у Черной Долины, Черненькой и Большой Маячки. Переправа и глубокое выдвижение красных в Перекопском направлении создало непосредственную угрозу не только корпусу генерала Слащева, но и всей армии. Пренебрегая начавшимся одновременно наступлением красных на центр и правый фланг армии, ее командование решило прежде всего уничтожить Перекопскую группу, жертвуя для этой цели частью занятой Северной Таврии.

12-го конница генерала Барбовича перешла в деревню Константиновку и приняла участие в контр наступлении 2-го армейского корпуса. Главную роль в боях при поражении 52-й и Латышской стрелковых дивизий сыграли Конный корпус генерала Барбовича и 2-я Донская казачья дивизия генерала Морозова¹⁷¹. В конной атаке на хуторе у деревни Черненькой в Гвардейском полку были убиты лейб-драгуны штабс-ротмистры Келеповский¹⁷² и Колокольцов¹⁷³. Кавалергарды потеряли командира Кирасирского дивизиона полковника графа И.Д. Толстого, раненного в сердечную сумку пулей навывлет. Гвардейский полк захватил в хуторах 400 плен-

ское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии; с ноября 1917-го – в начале 1918 г. командир отряда Кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского пластунского батальона. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с октября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией, в декабре (до 10 декабря) 1919 г. командующий конной группой, в марте 1920 г. командующий Кубанской армией, с 8 апреля 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. После 1945 г. – во Франции. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

¹⁷¹ **Морозов Василий Иванович**, р. 30 октября 1888 г. в ст. Семикаракорской Области Войска Донского. Из казаков той же станицы. Новочеркасское военное училище (1908). Подьесаул, командир сотни 58-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в 1919 г. командир 76-го Донского казачьего полка, 6-го Донского казачьего полка, с ноября 1919 г. полковник, с января 1920 г. командир конного отряда своего имени, с февраля 1920 г. командир 2-й Донской отдельной бригады, с 29 марта 1920 г. начальник Сводной конной дивизии, с 4 мая 1920 г. – 2-й конной дивизии, с 8 августа 1920 г. – 2-й кавалерийской дивизии, с 16 сентября 1919 г. в распоряжении Донского атамана. Генерал-майор (29 марта 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца 2 октября 1920 г. Был на о. Лемнос, с 12 декабря 1920 г. командир 2-й бригады 1-й Донской дивизии. Осенью 1925 г. в составе Донского офицерского резерва в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Умер 30 января 1950 г. в Клагенфурте (Австрия).

¹⁷² **Келеповский Анатолий**. Корнет л.-гв. Драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России; с апреля 1919 г. в эскадроне своего полка. Поручик. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Штабс-ротмистр. Убит 30 июля (1 сентября) 1920 г. у хут. Черненького.

¹⁷³ **Колокольцов Аполлон Григорьевич**. Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Сводно-горской дивизии; с апреля 1920 г. в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии с 19 июля (июня) 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Драгунского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Убит 30 июля (1 сентября) 1920 г. под хут. Черненьким.

ных и 3 пулемета. Сама деревня Черненькая была взята 2-м и 4-м конными полками, взявшими орудия и много пленных. Донская дивизия захватила в хуторе Терны большой обоз. В результате этих атак начался общий отход красных за Днепр и в Каховку.

Преследуя арьергарды красных, дивизия подошла к Днепру и в течение трех дней вела тяжелые, упорные бои за обладание Ключевой, во время которых Гвардейский полк потерял в обоих кирасирских эскадронах ранеными полковника князя Черкасского, поручика Пузыревского¹⁷⁴, штабс-ротмистра Корженевского¹⁷⁵ и корнета Пащенко¹⁷⁶.

Ключевая и обе Каховки были сильно укреплены красными, согнавшими на оборонительные работы население ближайших заднепровских деревень. Оборона была еще усилена группой ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения), державшей под своим огнем все подступы к Каховке. Несмотря на все последующие неоднократные усилия Русской Армии, ей не удалось овладеть тет-де-поном, который до конца оставался в руках красных, как постоянная угроза Перекопской коммуникационной линии. 16-го конница генерала Барбовича была отведена в резерв в деревню Константиновку.

Отвод с фронта почти всех кубанских частей для предстоящей десантной операции на Кубань не мог пройти незамеченным для красного командования. Воспользовавшись ослаблением белых на Александровском направлении, красные вновь перешли в наступление, на этот раз одновременно с Днепровского направления и с Александровского. Войскам 2-й Конной и 13-й армий была поставлена все та же старая задача – окружить и уничтожить армию генерала Врангеля, отрезав ей все пути отхода в Крым.

20 августа началось наступление красных из Каховского тет-де-пона. Отбросив корпус генерала Слащева, красные в течение семи дней развивали свой первоначальный успех и глубоко продвинулись в Перекопском и Мелитопольском направлениях. Но к 27-му боевая обстановка круто изменилась на всем фронте в пользу Русской Армии. 19-го разведка Гвардейского полка обнаружила подход красных с Каховки. Утром 20-го ими была занята деревня Антоновка, в 6 верстах от расположения полка в деревне Константиновке. Продолжая свое наступление, красные подошли к Константиновке. На ее окраине заблаговременно были сосредоточены все пулеметы полка. Когда красные цепи были в нескольких сотнях шагов, пулеметы открыли огонь. Передние цепи были сметены огнем, остальные отхлынули в беспорядке на Антоновку, преследуемые лавами полка. В эскадроне кирасир Его Величества был ранен корнет Вентцель¹⁷⁷. На ночь полк вернулся в Константиновку. На 22-е полку было приказано разведать Федоровские хутора. Они оказались занятыми красными. Атака полка на левый фланг красных была удачна. Полком было взято около сотни пленных, но атака на правый фланг

¹⁷⁴ **Пузыревский Владимир Евгеньевич.** Из дворян, сын офицера. Суворовский кадетский корпус. Юнкер. В Добровольческой армии во 2-м конном (Дроздовском) полку; с 7 декабря 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии; с 24 марта (1 апреля) 1919 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с 12 мая 1919 г. командир запасного взвода, весной 1920 г. корнет в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен в августе 1920 г. Поручик. Эвакуирован на корабле «Петр Регир». В эмиграции в Югославии. Умер в 1932 г. в санатории Сурдулица.

¹⁷⁵ **Корженевский Павел Митрофанович,** р. в 1893 г. в Витебске. Московский университет, Николаевское кавалерийское училище (1916). Корнет 17-го гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с июня 1919 г. в дивизионе л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, переведен в полк 6 ноября 1919 г.; 15 сентября – 3 октября и 24 ноября – 11 декабря 1919 г. командир эскадрона. Ранен 2 августа 1920 г. Штабс-ротмистр. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. В эмиграции в Бельгии. Умер 20 января 1963 г. в Брюсселе.

¹⁷⁶ **Пащенко Иван Демьянович.** Юнкер. Из Мелитопольского уезда. В Добровольческой армии и ВСЮР; в январе 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Корнет (с сентября 1920 г.) в прикомандировании к л.-гв. Кирасирскому Ее Величества полку. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен 2 августа 1920 г.

¹⁷⁷ **Вентцель Лев Николаевич (Венцель),** р. в 1900 г. Сын действительного статского советника. Кадет 1-го кадетского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР с августа 1919 г.; в начале 1920 г. унтер-офицер в дивизионе л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Корнет (с июля 1920 г.). Трижды ранен (после августа 1920 г.). Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Болгарии.

была отбита. Полк спешил и повел наступление цепями. От брошенных красными гранат загорелось несколько стогов сена. Не имея артиллерии, полк был вынужден прекратить бой. В Кавалергардском эскадроне были ранены кавалергарды Щербин, Гебель и Прочай и убито 10 лошадей. У кирасир Его Величества ранен корнет Мейер¹⁷⁸. На ночь полк отошел к дивизии в деревню Торгаевку, где было получено пополнение. 23-го дивизия выступила в деревню Ново-Репьевку. Оставив Гвардейский полк в резерве, дивизия после артиллерийской подготовки заняла деревню. Во время боя было получено донесение, что красным удалось просочиться в тыл дивизии. Для ликвидации прорыва был послан Гвардейский полк. Лавы полка, встреченные сильным ружейным и артиллерийским огнем, отбросили пехоту, но атака на батарею не удалась. Широкий и глубокий овраг не позволил настичь уходящие орудия. В Кавалергардском эскадроне был ранен корнет Гневшин. На ночь дивизия отошла на Торгаевку. 24-го в разведывательном эскадроне кирасир Его Величества был ранен шашкой корнет фон Вальц¹⁷⁹. 25-го Гвардейский полк вел бой у села Ново-Александровка, которое взять не удалось. В Кавалергардском эскадроне были ранены: корнет Трубников, младший унтер-офицер Карплюк, ефрейторы Корнеев и Косенко и кавалергарды Зуг, Михайловский, Хомутов, Шишмаков и Ульмер. На ночь полк отошел на Торгаевку, оставив в селе Верхние Серагозы Кирасирский эскадрон. 26-го красные оттеснили кирасир и повели наступление на Нижние Серагозы, с трудом отбитое полком, главным образом благодаря огню гвардейской батареи.

К этому дню положение на фронте всей Русской Армии стало очень тяжелым. Преодолевая упорное сопротивление, красные продвинулись на 30 верст от Мелитополя. Еще более угрожающим было их выдвижение к Аскания-Нова, всего в 20 верстах от Крымских перешейков. Генерал Врангель решил повторить тот же рискованный маневр, который так блестяще удался в первых числах августа.

Против 2-й Конной армии был оставлен небольшой заслон, усиленный крупной авиацией. С этого участка были сняты Корниловская и 6-я пехотная дивизии¹⁸⁰. В район Демьяновки были переброшены 2-я кавалерийская дивизия корпуса генерала Барбовича и 2-я Донская конная дивизия¹⁸¹. Создав, таким образом, сильную ударную группу, Русская Армия обрушилась на левый фланг и тыл 5-й и 52-й стрелковых дивизий и принудила их к отходу, повлекшему за собой общий отход красных к Днепру.

¹⁷⁸ **Фон Мейер Юрий Константинович**, р. 19 сентября 1897 г. в Вольске. Из дворян, сын чиновника удельного ведомства. 1-я Самарская гимназия (1915), Александровский лицей (1918), Пажеский корпус (1917). В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. в Киеве (перешел от красных), с сентября 1919 г. рядовой дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с 24 сентября 1919 г. прапорщик. В Русской Армии летом 1920 г. командир взвода в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Тяжело ранен в августе 1920 г. у Федоровских хуторов. Корнет. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Константинополе, на 1 июня 1921 г. в Югославии (в Белграде), к 1929 г. секретарь лицейского объединения в Югославии, с 1941 г. в Германии, начальник отдела внешних сношений и финансов комитета РОА, с 1953 г. в США, преподаватель военно-морской школы. Публицист. Умер 11 декабря 1993 г. в Вашингтоне.

¹⁷⁹ **Фон Вальц Сергей Феликсович (Филиппович)**, р. в 1900 г. В Вооруженных силах Юга России; с 1919 г. эскадрон-юнкер, затем командир взвода пулеметной команды дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Ранен в августе 1920 г. Корнет. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции во Франции. Умер 8 июля 1981 г. в Париже.

¹⁸⁰ 6-я пехотная дивизия. Сформирована в Русской Армии. С 7 июля 1920 г. входила в состав 1-го, с 4 сентября 1920 г. – 3-го, а с конца октября 1920 г. – 2-го армейских корпусов. С 4 сентября 1920 г. включала Кавказский стрелковый, Самурский (1-я бригада), 25-й пехотный Смоленский и Сводно-стрелковый (2-я бригада) полки, 6-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон, отдельную инженерную роту и Отдельный конный генерала Алексея дивизион. Начальник – генерал-майор М.А. Звягин.

¹⁸¹ 2-я Донская конная дивизия. Сформирована в Русской Армии 1 мая 1920 г. из частей 2-го и 4-го Донского отдельных корпусов как 2-я Донская дивизия (две бригады, конный и конно-артиллерийский дивизионы и запасный батальон), с 4 сентября – конная. Входила в состав Донского корпуса. Состав: 3-й Калединский (полковник Г.И. Чапчиков), 4-й Назаровский (генерал-майор А.Г. Рубашкин) (1-я бригада), 5-й атамана Платова (полковник А.И. Шмелев), 6-й атамана Ермака (полковник Губкин) и Зюнгарский (2-я бригада) конные полки, 2-й Донской запасный конный дивизион и 2-й Донской конноартиллерийский дивизион. Начальники: генерал-лейтенант Н.П. Калинин (май – 18 августа 1920 г.), генерал-лейтенант Г.В. Татаркин (с 18 августа 1920 г.). Начштаба – полковник С.Я. Соболевский. Командиры бригад: 1-й – генерал-майор А.П. Попов, 2-й – генерал-лейтенант Г.В. Татаркин.

Сбитые ударной группой с рубежа деревень Покровка, Ново-Александровка и Верхние Серагозы, красные отошли 28-го на Нижние Серагозы, стремясь выйти на большой почтовый тракт Мелитополь—Каховка. 29-го Гвардейский полк выступил на Нижние Серагозы. Во время занятия села к красным подошел броневик, подбитый огнем гвардейской батареи. Но только 30-го Нижние Серагозы и соседние хутора были окончательно очищены от красных. Всюду было подобрано огромное имущество: патронные и зарядные ящики, оружие, отсталые и перебежчики.

Продолжая преследование, дивизия подошла 2 сентября к передовым укреплениям Каховского тет-де-пона. Атака пехоты, усиленной танками, успеха не имела. Оборона всего Каховского района была значительно усилена и расширена выдвижением передовой укрепленной линии. Атака гвардейского полка, несмотря на сильную артиллерийскую подготовку, на колонию Софиевка Нассауская также не удалась. Кавалергарды потеряли ранеными корнетов Бухарина и Вурумзера. На этом временно прекратилась боевая деятельность Гвардейского полка. 1-я кавалерийская дивизия была отведена на отдых в район деревень, расположенных вдоль реки Серагозы, где она простояла до 3 октября, когда была снова вызвана на фронт.

За это время в организации Русской Армии произошли большие перемены. Она была разделена на две армии: 1-ю генерала Кутепова – 1-й армейский и Донской корпуса, и 2-ю генерала Драценко – 2-й и 3-й армейские корпуса, гвардейский отряд и Терско-Астраханская конная бригада. Были созданы две конные группы, непосредственно подчиненные Главнокомандующему: группа генерала Бабиева, все кубанские конные части и генерала Барбовича, обе кавалерийские дивизии. Вследствие больших потерь в конском составе, часть полков была спешена и поступила на формирование стрелковых эскадронов. В это же время генерал Барбович был назначен инспектором конницы вместо генерала Юзефовича. В командование дивизией вступил генерал Науменко¹⁸².

В составе Гвардейского полка также произошли большие перемены. Конно-гвардейский эскадрон был назначен в конвой Главнокомандующего и передал часть своего состава кавалергардам. Эскадрон кирасир Ее Величества был расформирован. Большинство кирасир поступило на формирование броневых частей. Гвардейский полк был сведен в 6-эскадронный состав. Полковую пулеметную команду принял кавалергард штабс-ротмистр А.А. Пашков¹⁸³. Уменьшенный в числе эскадронов, Гвардейский полк значительно увеличил свой боевой состав. От спешенных полков было получено 257 лошадей, что позволило довести эскадроны Гвардейского полка до полного состава. На 3 октября в 1-ю кавалерийскую дивизию входили: Гвардейский, 1-й, 3-й и 6-й¹⁸⁴ конные полки.

Но еще большие изменения произошли в организации красных сил, действующих на Крымском направлении. Был создан отдельный Южный фронт, в состав которого вошли 13-

¹⁸² **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883 г. Из дворян. Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академия Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, с сентября 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 января 1919 г. зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. С 1919 г. командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сентября 1920 г. командир конной группы (бывшей генерала Бабиева). Генерал-лейтенант. В эмиграции. Кубанский войсковой атаман. Во время Второй мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. После 1945 г. – в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

¹⁸³ **Пашков Александр Александрович**, р. 22 декабря 1890 г. Офицер с 1913 г. Из дворян, сын офицера. Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Вооруженных силах Юга России; с марта 1919 г. в гвардейских частях в Крыму, с августа 1919 г. начальник пулеметной команды в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. В Русской Армии с сентября 1920 г. в Гвардейском кавалерийском полку. Ротмистр. Ранен в октябре 1920 г. В эмиграции в США, священник. Умер 18 марта 1868 г. в Нью-Йорке.

¹⁸⁴ 6-й кавалерийский полк. Сформирован 16 апреля 1920 г. в Русской Армии в Крыму. Входил в состав Отдельной кавалерийской бригады, с 28 апреля 1920 г. – 2-й кавалерийской дивизии, а с 8 августа 1920 г. – 1-й кавалерийской дивизии. Включал дивизионы 9-го Казанского драгунского, 9-го Бугского уланского и 9-го Киевского гусарского полков.

я и 2-я Конная армии и вновь созданная на правом берегу Днепра 6-я армия. Впоследствии была создана еще 4-я армия и туда же переброшена 1-я Конная.

Все эти изменения и усиление у красных и неизбежность перехода их в наступление стали своевременно известны штабу Главнокомандующего. Поэтому, временно обеспечив свой тыл и левый фланг, генерал Врангель решил опередить красных и самому перейти в наступление на Александровском и Мариупольском направлениях.

Начатое 4 сентября наступление в этих направлениях шло с большим успехом. 14-го Донской корпус отбросил красных за железную дорогу Бердянск—Пологи. 19-го Александровск был вновь занят 1-м армейским корпусом, 22-го Дроздовская дивизия, посаженная на подводы, совершила налет на станцию Синельниково, 29-го Донской корпус занял Мариуполь и 2 октября подошел к границам Донецкого бассейна. На этих рубежах наступление остановилось, и войска перешли к обороне.

Закончив первую часть задуманной операции и обеспечив себя на северном и восточном направлениях, генерал Врангель приступил к выполнению второй ее части: нанесению возможно большего урона правобережным войскам Южного фронта. Для этой цели намечалась переправа через Днепр в двух местах: севернее Александровска, у Кичкасской переправы, и у деревень Бабино, Ушкалка, верстах в 25 южнее Никополя. Для переправы в первом месте предназначались Корниловская, Марковская и Кубанская конная¹⁸⁵ генерала Бабиева дивизии, для переправы во втором – 6-я и 7-я¹⁸⁶ пехотные и 1-я кавалерийская генерала Науменко дивизии и Терско-Астраханская конная бригада генерала Агоева.

3 октября, задолго до рассвета, Гвардейский полк выступил на село Верхний Рогачик, где сосредоточивались все конные части под командой генерала Науменко. В этом селе кавалергарды простояли до 9-го, заканчивая перековку, прием консервов, хлеба, патронов и пулеметных лент. В ночь на 9-е 1-я кавалерийская дивизия выступила на деревню Бабино, у левого берега Днепра, где к ней присоединилась Терско-Астраханская бригада¹⁸⁷. Рано утром 10-го конница перешла в деревню Ушкалку и начала переправу по наведенному мосту. Еще в Бабино над сборным пунктом дивизии появились четыре самолета красных, сбросивших несколько бомб, не причинивших никаких потерь. Накануне пехота переправилась через Днепр и заняла на его правом берегу Грушевский Кут. Переправа у Александровска протекала так же успешно. Под прикрытием Марковской дивизии, установившей на правом берегу Днепра плацдарм, Корниловская и Кубанская конная дивизии перешли реку и двинулись на Никополь. Марковская дивизия осталась в прикрытии переправы.

На том месте, где был наведен мост, ходил раньше паром, и спуск к реке был очень удобен. Мост был наведен саперами на больших железных бочках, заменявших понтоны. Он был крепок и устойчив, но недостаточно широк, чтобы пропускать четверки пулеметных тачанок, и пришлось при переправе отпрягать пристяжных. От моста через плавни шла довольно хорошая

¹⁸⁵ Кубанская казачья дивизия. Сформирована в Русской Армии 28 апреля 1920 г. из остатков кубанских частей, эвакуированных с Кавказского побережья. Входила в Сводный корпус. Состав: Партизанский (из кубанских частей, находящихся в Крыму), Волчий (1-я бригада), Уманский, Запорожский (2-я бригада) казачьи полки, пластунский батальон и Кубанский конно-артиллерийский дивизион.

¹⁸⁶ 7-я пехотная дивизия. Сформирована в Русской Армии. С 4 сентября 1920 г. входила в состав 3-го армейского, а с конца октября 1920 г. – Кубанского корпусов. С 4 сентября 1920 г. включала 1-й Партизанский генерала Алексеева (Алексеевский полк) пехотный, Терский пластунский (1-я бригада), 1-й и 2-й Кубанские стрелковые (2-я бригада) полки, 7-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон, Отдельную Кубанскую инженерную сотню и Отдельный Запорожский Кубанский казачий дивизион.

¹⁸⁷ Отдельная Терско-Астраханская казачья бригада. Сформирована в апреле 1920 г. в Крыму из остатков терских и астраханских казачьих частей. С 28 апреля как Терско-Астраханская бригада (неотдельная) входила в состав 3-й конной дивизии, с 7 июля – отдельная бригада. Летом 1920 г. входила в состав Группы войск особого назначения, участвовавшей в Кубанском десанте. С 4 сентября 1920 г., действуя отдельно в составе Русской Армии, включала 1-й Терский, 1-й и 2-й Астраханские казачьи полки, Терско-Астраханский казачий конно-артиллерийский дивизион, Отдельный запасный Астраханский казачий дивизион и Отдельную Терскую запасную казачью сотню.

дорога. Кое-где гати. На северной оконечности плавней, против Грушевского Кута, в Днепр впадали две реки, Большой Чертомлык и Бузулук. Мостов там не было, и полкам пришлось переходить их вброд.

Переправа затянулась на весь день, и, когда полки, пройдя 15 верст плавней, подошли к реке Чертомлыку, начинало темнеть. Брод, по грудь лошади, был с тонким дном. Конные прошли его легко, но с пулеметными тачанками, орудиями и повозками пришлось долго возиться. Кавалергардская патронная двуколка завязла, дышло сломалось. Пришлось ее разгрузить и бросить. Второй брод хотя и более глубокий, но с хорошим дном и пологими берегами прошли быстро и легко и поздно ночью вошли в Грушевский Кут. Днем пехота заняла с боем деревню Грушевку и село Марьинское.

В Грушевском Куту конница простояла всего несколько часов, чтобы успеть накормить лошадей и людей и хоть немного обсушиться и обогреться. Ночью на 11-е конница выступила на Шолохово. Первоначальная задача, данная коннице, была ночью почему-то изменена. Вместо движения на узловую станцию Апостолово, ей надлежало, пройдя Шолохово, подняться вверх по реке Соленой до деревни Алексеевское, повернуть оттуда на юг, на Никополь, для соединения с Кубанской дивизией генерала Бабиева. Отряд генерала Науменко выступил двумя колоннами. Правая – Терско-Астраханская бригада, левая – 1-я кавалерийская дивизия, имея в своем авангарде 2-ю бригаду. Пехота осталась на своих местах в прикрытии переправы и тыла конницы.

Впереди были слышны глухие взрывы, конно-саперы рвали железнодорожное полотно. На походе, в полной темноте, подойдя к железной дороге, дивизия была неожиданно обстреляна орудийным и пулеметным огнем. Всего несколько безвредных выстрелов, выпущенных красным бронепоездом, пытавшимся проскочить на Апостолово. Начинало светать. Во время переправы через реку Каменку, у хутора Твердомедова, в авангарде послышалась ружейная и артиллерийская стрельба. Головной полк, 3-й конный, атаковал с налета Шолохово и захватил в нем большой обоз 1-й стрелковой дивизии и пленных.

Пройдя Шолохово, конница двинулась по правому берегу реки Соленой на Алексеевское, где, перейдя реку, продолжала движение на Никополь. Скоро в авангарде вновь загорелась стрельба. Слева показалась лава красных, отбитая 1-м конным полком. Справа, и немного в тылу, на дивизию вышли пять красных бронемашин. Три из них были сразу же подбиты гвардейской батареей, две другие захвачены 6-м конным полком. В дивизии нашлись умеющие управлять автомобилем, и обе бронемшины с артиллерийской командой вошли в состав дивизии.

Не доходя до Чертомлыкских хуторов было получено донесение, что между дивизией и правофланговой колонной, Терско-Астраханской бригадой, обнаружена большая колонна красной пехоты с артиллерией по дороге на Шолохово. Генерал Науменко повернул в это направление Гвардейский полк. От головного эскадрона – кавалергарды – был выслан разъезд корнета Герарда. Пройдя версты две, разъезд был обстрелян ружейным огнем. Почти сразу к нему подошел эскадрон, а за ним полк.

В линии колонн полк на рысях поднялся на гребень холма и увидел внизу, в ложине, не успевающую развернуться красную пехоту с двумя орудиями, которые пытались сняться с передков. Не меняя построения, полк карьером пошел в атаку. Красные не оказали никакого сопротивления. Десяток выстрелов, и через минуту все было кончено. Потери в полку были ничтожны, один раненый и три лошади выбыли из строя. Полком было захвачено 964 пленнх 3-й бригады 1-й стрелковой дивизии, 2 орудия в полной запряжке, с зарядными ящиками, и 12 пулеметов (приказ по гвардейскому полку № 163, выписка из приказа по дивизии 9(22) октября 1920 года № 74).

Когда пехота начала сдаваться, раздался крик: «Кавалерия слева!» Действительно, слева показалась конная часть. Это был 6-й конный полк, высланный начальником дивизии в под-

могу Гвардейскому полку. Подъехал генерал Науменко, поблагодарил полк за блестящую атаку и поздравил с трофеями.

Начинало темнеть, когда дивизия подходила к железной дороге, в версте от Никополя. На северо-востоке от города поднялась артиллерийская стрельба. Вдали виднелись какие-то конные части. Одновременно арьберггард донес, что к хвосту дивизии подходят крупные силы красной конницы. Дивизия повернула и начала разворачиваться. Пулеметы выехали вперед. Впереди, в сумерках наступающей ночи, виднелись густые красные лавы. Пулеметы открыли огонь, и дивизия шагом пошла на сближение. Красные остановились, повернули кругом и скрылись за горизонтом. Стало совершенно темно. Стрельба на северо-востоке Никополя прекратилась, и в город вошла Кубанская дивизия.

После отхода красных 1-я дивизия еще около часа оставалась на месте, затем свернулась и, в свою очередь, отошла на Никополь. Поздно ночью Гвардейский полк стал на бивак в предместье города, деревне Лапинки. В командование всей конницей вступил генерал Бабиев. Было получено приказание отправить на рассвете всех пленных, раненых и больных, отобранное оружие на левый берег Днепра. За неимением запаса горючего, к всеобщему сожалению, были отправлены и обе бронемашинны. За два дня дивизия прошла с боем около 80 верст, и часть конского состава была сильно измотана. Из всех слабых лошадей дивизии был собран сводный эскадрон в прикрытие и конвой управляемых пленных и трофеев.

Довольно поздно утром 12-го конница генерала Бабиева выступила на Шолохово тремя колоннами. В правой – 1-я кавалерийская дивизия, в средней – Кубанская, в левой – Терско-Астраханская бригада. Корниловская дивизия еще раньше ушла на Александровск. За несколько часов до выступления конницы в сторону Шолохова была выслана целая сеть разъездов. Кавалергардский разъезд корнета Старосельского обнаружил в районе Неплюевских хуторов присутствие крупных сил красной конницы.

Подойдя к хуторам, авангард дивизии, Гвардейский полк, был обстрелян пулеметным огнем. Впереди и справа маячили многочисленные лавы. Постепенно стали подходить и разворачиваться остальные полки дивизии. Батареи выехали на позиции и открыли огонь. С обеих сторон бой велся вяло и нерешительно. После 3—4-часовой перестрелки красная конница отошла за реку Чертомлык, кавалергардский эскадрон был выслан для занятия переправы через реку. Перейдя Чертомлык, кавалергарды продвинулись за Неплюевские хутора и снова обнаружили красную конницу. Подошли остальные полки, батареи открыли огонь, но до настоящего боя не дошло. Красные отошли далеко на север, в сторону Чертомлыкских хуторов. Дивизия их не преследовала и не продолжала движения на Шолохово. Вместо этого дивизия стала на бивак. Левее дивизии, у кубанских казаков, огонь также прекратился. От Гвардейского полка в охранение пошли кавалергарды. Во время перестрелки в штабе полка был ранен осколком гранаты кирасир полковник Бразоль¹⁸⁸.

На следующее утро, 13-го, конница продолжала движение на Шолохово. Ко времени подхода 1-й дивизии, наступавшей на Шолохово вдоль реки Соленой, кубанские и терско-астраханские казаки заняли Шолохово и вели бой фронтом на север, упираясь флангами в реки Соленая и Бузулук. Красная конница, усиленная подошедшими свежими полками, перешла в энергичное наступление, постепенно отжимая весь корпус генерала Бабиева на Шолохово, охватывая село широким полукругом. Шолохово простреливалось с трех сторон. Снаряды рвались на улицах, и некоторые постройки загорелись. Единственный возможный выход из грозившего коннице полного окружения был через хутор Твердомедов, на южном берегу реки Каменки, к тому же занятый красными. 3-му конному полку было приказано выбить красных из хутора и обеспечить коннице переправу.

¹⁸⁸ Воспоминания А. Бразоля публикуются ниже.

Река течет в глубоком овраге, окаймленная крутыми скалистыми берегами со множеством каменоломен. Через нее у самого хутора был крепкий каменный мост, но недостаточно широкий, чтобы пропустить более трех всадников в ряд. Командир 3-го полка выставил против моста свои пулеметы. Два орудия стали на открытую позицию. Под прикрытием огня пулеметов и орудий сводный эскадрон белорусцев¹⁸⁹ и стародубовцев¹⁹⁰, во главе со своим командиром, подполковником Кузьминым-Караваевым¹⁹¹, проскочил мост в колонне по три и занял хутор, повторив тот же подвиг, что некогда был совершен под Сомма-Сиерра 1-м гвардейским Польским уланским полком Наполеоновской армии. В атаке командир эскадрона был ранен.

Вслед за эскадром переправился весь 3-й полк и артиллерия. Красная пехота и конница, занимавшие хутор, были отброшены. Для конного корпуса был создан широкий плацдарм, обеспечивающий переправу. Арьергард корпуса, Терско-Астраханская бригада, все время осаживала и садилась на хвост корпусу, внося беспорядок в его движение. Нажим красных был остановлен 6-м конным полком, который в течение всей переправы сдерживал наступление красных и не давал им возможности атаковать отступающий корпус. Во время боя у Шолохова был убит командир корпуса генерал Бабиев, и в командование корпусом вступил генерал Науменко, вскоре тоже раненный.

После переправы у хутора Твердомедова конница продолжала движение на станцию Ток, откуда ее авангард, Кубанская дивизия, выбил пехоту и конницу красных. Сумерки быстро надвигались, и, когда, пройдя станцию Ток, конница подошла к колонии Николайталя, наступила ночь. Простояв там около часа, конница двинулась к Днепру. 1-я дивизия стала в Марьинское, Кубанская пошла на Грушевский Кут, Терско-Астраханской бригаде надлежало идти в Ново-Воронцовку. Было приказано отправить на рассвете раненых, больных и слабых лошадей на левый берег Днепра. Этим ограничились все распоряжения на следующий день. Пойдет ли конница на Апостолово, будет ли она переправляться обратно через Днепр или оборонять занятый рубеж, никому известно не было. Утомленные до последних пределов полки развели эскадроны по дворам.

Большое село Марьинское, растянутое полукругом на пять с лишним верст, лежало в глубокой низине, окруженное с трех сторон оврагами и грядами высоких холмов, припертое с четвертой стороны Днепровскими плавнями. С утра 14-го на всем фронте была полная тишина. К 10 часам Гвардейский полк построился на восточной окраине села на сборном месте дивизии. В томительной неизвестности, ожидая распоряжений, полки простояли там более часа. Этим временем воспользовался командир Кавалергардского эскадрона, чтобы достать на всякий случай проводника, хорошо знакомого с бродами и переходами через плавни.

Около 12 часов разведка донесла о подходе со стороны Шолохова и станции Ток больших колонн красной конницы. Вперед, на бугры, от дивизии было выслано несколько эскадронов.

¹⁸⁹ 7-й гусарский Белорусский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Почти все офицеры полка собрались в декабре 1918 г. в Одессе, где тогда же был сформирован эскадрон в составе Сводно-кавалерийского полка Добровольческой армии Одесского района (с 1 мая 1919 г. преобразованного в 3-й конный полк). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк. Полковое объединение в эмиграции – «Объединение офицеров 7-го гусарского Белорусского полка», входило в РОВС. Председатель – генерал-лейтенант Е.К. Миллер, секретарь – штабс-ротмистр А.М. Изюмов, начальники групп: полковник И.Н. Деметьев (Лион), полковник Н.Н. Фролов (Рив), полковник П.П. Четыркин (Париж), генерал-майор А.А. Кальмейер (Дубровник), полковник Нечаев (Скопье). Начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции – полковник П.П. Четыркин.

¹⁹⁰ 12-й драгунский Стародубовский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. стародубовские драгуны были представлены 2 эскадронами. К декабрю 1919 г. из 24 кадровых офицеров осталось 12 (4 ранено и 8 убито). С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк.

¹⁹¹ **Кузьмин-Караваев Всеволод Борисович**, р. в 1894 г. Штабс-ротмистр 12-го уланского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 июня 1918 г. во 2-м конном полку, весной 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка. В Русской Армии с августа 1920 г. командир эскадрона в 3-м кавалерийском полку. Ранен 30 сентября 1920 г. (всего четырежды). Орд. Св. Николая Чудотворца. Подполковник. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес».

Гвардейскому полку было приказано занять северную окраину Марьинского и связаться с Терско-Астраханской бригадой. Оставив в резерве Кавалергардский эскадрон, полк занял цепями окраину села. От левофлангового эскадрона (гродненские гусары) пришло донесение, что на северо-западной окраине села не только нет никаких следов Терско-Астраханской бригады, но что эта часть села никем даже не наблюдается. Туда был отправлен Кавалергардский эскадрон.

Заняв цепью окраину села, ротмистр Раух выслал два разезда, один в сторону противника, другой на розыск казачьей бригады. Две сотни были найдены у самых плавней, где были другие, выяснить не удалось.

Скоро по всему фронту началась сильная стрельба. Снаряды рвались на восточной окраине села. Особенно сильный огонь был слышен со стороны Грушевского Кута. Через полчаса вернулся разезд и донес, что красные лавы подходят к самому селу. Через несколько минут они были уже в селе. Эскадронные пулеметы открыли огонь. Красные в беспорядке отхлынули назад. Одновременно прискакал ординарец штаба полка с приказанием немедленно присоединиться к полку. Под прикрытием огня пулеметов эскадрон двинулся на присоединение к полку.

Красные снаряды рвались уже по всему селу. По улицам неслись отдельные всадники, пулеметные тачанки, проскочили казачьи орудия. Паника вещь заразительная, и не только для всадника, но и для коня. Сохранить в руках эскадрон и вести его далее в порядке в такой обстановке было невозможно. Кавалергарды свернули в плавни. Тут особенно пригодился проводник, выведший эскадрон к мелкому броду. Со стороны Грушевского Кута доносился сплошной гул орудийных выстрелов и разрывов. Густая масса перемешавшихся всадников разных полков, орудий, пулеметов на тачанках неслась оттуда в полном беспорядке к плавням. Всякое управление частями было утеряно.

Из Марьинского выскочило около сотни красных кавалеристов, преследовавших эскадрон. Головные всадники были скошены огнем пулеметов, остальные отскочили обратно в село. Еще несколько неглубоких бродов пройдено легко. Впереди предстояла переправа через Бузулук. Останавливаться и разыскивать полк в лавине несущихся всадников было невозможно. Эскадрон пошел дальше, временами останавливаясь и отстреливаясь от наседавших красных.

Брод через Бузулук был забит сломанными и застрявшими повозками и тачанками. На противоположном берегу никто не останавливался. Все неслись дальше. Проводник указал другой брод, немного ниже по реке, очень глубокий и с топким дном. К этому же месту свернула кучка пулеметов разных частей, задерживавших красных и отстреливавшихся до последней возможности. При переправе одна эскадронная тачанка завязла и сломалась. Пулемет сняли, лошадей отпрягли, тачанку бросили.

Пройдя реку, ротмистр Раух задержал все пулеметы и открыл огонь по наседавшим красным. Откуда-то появились два конных орудия. После небольшого колебания они согласились стать на позицию и дали несколько выстрелов. Но и этого было достаточно. После нескольких попыток форсировать брод красные, встретив некоторое подобие сопротивления, прекратили преследование и отошли на Марьинское. Только красные снаряды продолжали рваться в разных местах плавней. Постепенно огонь стих, паника тоже понемногу улеглась.

Подошла небольшая часть 6-й пехотной дивизии и заняла переправу. Эскадрон пошел дальше. По дороге встретили командира полка с ординарцами, затем Кирасирский эскадрон. Где были другие эскадроны, никто не знал. При отступлении полк попал в самую гущу, и потери в нем были велики. Были убиты командиры Уланского и Гродненского эскадронов, полковники Грегор¹⁹² и Адрианов¹⁹³, кирасир поручик Собинов¹⁹⁴, лейб-гусар корнет Само-

¹⁹² **Грегор Сергей Федорович.** Штабс-капитан л.-гв. Саперного полка (штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка). В Добровольческой армии; с января 1918 г. в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й инженерной роте. В августе 1918 г. в Запасном кавалерийском полку, с марта 1919 г. ротмистр, командир эскадрона дивизиона л.-гв. Уланского Его Величества полка в том же полку, затем до июня 1919 г. командир эскадрона Сводно-гвардейского кавалерийского дивизиона, в 1920 г. командир эскадрона л.-гв. Уланского Его Величества полка в

рупо¹⁹⁵, в команде связи поручик Блек, сестра милосердия Огданец-Обыдовская¹⁹⁶, ранены улан Ее Величества полковник Длусский¹⁹⁷, лейб-драгун ротмистр Генрици¹⁹⁸, сестра милосердия княжна Оболенская¹⁹⁹. Потеряно 8 санитарных повозок, и без вести пропал фельдшер Довгелло. В полковой пулеметной команде ротмистра Пашкова ранено 17 пулеметчиков, убито 15 лошадей и разбито огнем 3 пулемета. Кавалергарды потеряли ранеными младшего унтер-офицера Халепа, кавалергардов Яцуга, Михайлова и Елагина и убитым кавалергарда Гаммеля.

К мосту через Днепр подошли с темнотой. У моста горели костры, и энергичный комендант руководил переправой. Сначала – санитарные повозки, раненые, артиллерия, пулеметы, затем – конница. Простояв в деревне Ушкалке час, Гвардейский полк на рассвете 15-го стал на бивак в селе Верхний Рогачик.

Хорошо задуманная, блестяще начатая и позорно закончившаяся Заднепровская операция лишней раз подтвердила, что история конницы – это прежде всего история ее начальников. Отсутствие в эти дни во главе конницы генерала Барбовича тяжело отразилось на действиях конного корпуса, в особенности в последние часы Заднепровской операции.

Последние бои и оставление Крыма

Простояв неделю в селе Верхний Рогачик, Гвардейский полк перешел в Нижние Серагозы, в районе которых сосредоточивался Конный корпус генерала Барбовича. Там полк оставался до 30 октября.

За это время не только на Южном, но и на всех фронтах красных армий произошли большие перемены, отразившиеся на окончательном, неизбежном исходе Гражданской войны на Юге России. 12 октября в Риге был подписан Польско-Советский мирный договор, что сразу облегчило переброску на Южный фронт значительных подкреплений. С повстанческой армией Махно красное командование подписало 2 октября в Старобельске соглашение, в силу которого Махно обязался прекратить враждебные действия против красных и принять участие в борьбе с войсками генерала Врангеля.

Гвардейском кавалерийском полку. Полковник. Убит 1 октября 1920 г. у с. Марьинского на Днепре.

¹⁹³ **Адрианов.** Поручик л.-гв. Гродненского гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России осенью 1919 г. в 1-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии командир эскадрона л.-гв. Гродненского гусарского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Убит 1 октября 1920 г. у с. Марьинского.

¹⁹⁴ **Собиннов Юрий Леонидович.** Сын певца. Корнет. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Во ВСЮР в Глазеновском партизанском отряде, с октября 1919 г. в прикомандировании к эскадрону л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Поручик. Ранен 1 октября 1920 г. у с. Марьинского. Умер от ран 8 октября 1920 г. в Мелитополе.

¹⁹⁵ **Саморуко Мстислав Георгиевич.** Сын действительного статского советника. Училище правоведения (1917) (не окончил; 4-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии; вольноопределяющийся в эскадроне л.-гв. Гусарского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет. Убит 1 октября 1920 г. у с. Марьинского во время рейда конницы Бабиева за Днепр.

¹⁹⁶ **Огданец-Обыдовская Клавдия Ивановна.** Во ВСЮР и Русской Армии; сестра милосердия в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка в Гвардейском кавалерийском полку. Убита 1 октября 1920 г. у с. Марьинского на Днепре.

¹⁹⁷ **Длусский Сергей Михайлович.** Сын генерал-майора. Пажеский корпус (1907). Ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Уланского Ее Величества полка. В Южной армии с 27 октября 1918 г. в эскадроне своего полка. Во ВСЮР и Русской Армии; 23 января – 28 февраля 1919 г. при французском командовании в Одессе, затем в отряде Особого назначения Крымско-Азовской армии; в сентябре 1920 г. командир эскадрона и дивизиона, 4–7 сентября, 6–11, 15–16 октября 1920 г. врио командира Гвардейского кавалерийского полка. Ранен 1 октября 1920 г. у с. Марьинского. Полковник. В эмиграции в Германии. Умер 11 апреля 1948 г. в Бад-Киссингене (Германия).

¹⁹⁸ **Генрици (3-й).** Штабс-ротмистр л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1919 г. в 1-м Чеченском конном полку. В Русской Армии в эскадроне л.-гв. Драгунского полка в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен 1 октября 1920 г. у с. Марьинского.

¹⁹⁹ **Княжна Оболенская Зоя Алексеевна** (в замужестве Бакеева), р. 25 декабря 1895 г. в Чериковском уезде Могилевской губ. Сестра милосердия. Во ВСЮР и Русской Армии; сестра милосердия в Гвардейском кавалерийском полку. Ранена 1 октября 1920 г. у с. Марьинского. Награждена Георгиевским крестом 4 ст. В эмиграции в США. Умерла 20 марта 1956 г. в штате Массачусетс.

К концу октября, когда началось наступление красных, боевой состав 1-й и 2-й Конных, 4-й, 6-й и 13-й армий исчислялся в 135 тысяч против 34 тысяч армии генерала Врангеля, что давало красным преимущество почти в четыре раза.

Полная невозможность пополнить убыль в войсках, в особенности в коннице, начертание фронта в виде выгнутой к северу на 120 верст дуги длиной около 400 верст, с необеспеченными флангами и с постоянной угрозой Каховского тет-де-пона, ставили Главнокомандующего перед трудной задачей ведения дальнейших боевых действий. Для ее обсуждения генерал Врангель созвал совещание своих ближайших сотрудников, на котором присутствовали только командующие армиями, генералы Кутепов и Абрамов²⁰⁰, начальник штаба, генерал Шатилов²⁰¹, и командир Конного корпуса, генерал Барбович. Генерал Врангель предложил обсудить два решения: начать ли немедленный отход за Крымские перешейки или принять бой в Северной Таврии? Совещание единогласно высказалось за второе решение, которое, кроме возможности нанесения урона красным, давало больше времени на подготовку эвакуации, на сбор в разных портах Крыма нужного числа судов, на погрузку угля. Одновременно была намечена полная перегруппировка армий, изменение в их организации и в командном составе.

В связи с неудачей Заднепровской операции, 1-я армия генерала Кутепова (1-й и 2-й армейские корпуса) заняла левый фланг. В командование 2-й армией (3-й и Донской корпуса) вместо генерала Драценко²⁰² вступил генерал Абрамов. Генерал Барбович вновь вступил в командование Конным корпусом. Были созданы две отдельные конные группы: генерала Говорова²⁰³ (1-я, 2-я Донские конные дивизии) и генерала Барбовича (1-я, 2-я кавалерийские и

²⁰⁰ **Абрамов Федор Федорович**, р. 23 декабря 1870 г. Из дворян Области Войска Донского (казак ст. Митякинской). Полтавский кадетский корпус, Александровское военное училище (не окончил), Николаевское инженерное училище (1891), академия Генштаба (1898). Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. На Дону с января 1918 г., до 11 февраля 1918 г. командующий Северной группой партизанских отрядов. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с 10 мая 1918 г. начальник 1-й Донской конной дивизии, с 28 октября 1919 г. по 24 марта 1920 г. инспектор кавалерии Донской армии, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса, с 5 мая 1920 г. командир Донского корпуса, с 10 октября 1920 г. командующий 2-й армией Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 26 августа 1918 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Был на о. Лемнос. С 12 декабря 1920 г. командир Донского корпуса и помощник Главнокомандующего. В эмиграции с 8 сентября 1921 г. в Болгарии (11 октября 1922-го — 1924 г. в Югославии), с 1 сентября 1924-го по 22 сентября 1937 г. начальник 3-го отдела РОВС, с января 1930 г. помощник председателя РОВС, с 22 сентября 1937-го по 23 марта 1938 г. начальник РОВС. Участник формирования казачьих частей во время Второй мировой войны, КОНР и РОА. С 1944 г. в Германии, с 1948 г. в США. На ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Атаманского полка. Умер 8 марта 1963 г. в Лейквуде (США).

²⁰¹ **Шатилов Павел Николаевич**, р. 13 ноября 1881 г. в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), академия Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конных корпусов, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 27 июля по 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, состоял при генерале Врангеле, затем во Франции, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

²⁰² **Драценко Даниил Павлович**, р. в 1876 г. Из мещан. Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академия Генштаба (1908). Полковник, командир 153-го пехотного полка. В начале 1918 г. командир Русского Корпуса в Закавказье. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г. начальник 4-й Терской отдельной пластуной бригады, затем начальник 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 г. начальник Астраханского отряда, командующий войсками Западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск Астраханского направления, с 1920 г. представитель Главнокомандующего ВСЮР в Батуме. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник штаба группы войск генерала Улагая во время Кубанского десанта, затем начальник штаба 2-й армии, с 2 сентября по 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. начальник Загребского отдела РОВС и председатель комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском Корпусе. Умер в 1941—1945 гг.

²⁰³ **Говоров Алексей Владимирович**. Сын священника. Академия Генштаба (1914). Подполковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник штаба конной бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г., на 26 июня, 20 ноября 1918 г. начальник штаба 1-й Донской конной дивизии, с мая—июня 1918 г. полковник, затем

Кубанская конная дивизии и Терско-Астраханская бригада). Обе эти группы были подчинены непосредственно Главнокомандующему.

После произведенной перегруппировки войска Русской Армии занимали в общих чертах следующее положение: 2-я армия – от Азовского моря на Инзовку, Николаевку, Большой Токмак стоял Донский корпус (3-я Донская и пешая дивизия, гвардейская конная бригада и пешие части 1-й и 2-й дивизий). От Большого Токмака на Васильевку, Эристовку – 3-й армейский корпус (6-я и 7-я пехотные дивизии). Против 20 тысяч 2-й армии стояли 65 тысяч 4-й и 13-й армий. 1-я армия занимала своим 1-м армейским корпусом центральное положение от Балки, Днепровка (Марковская дивизия), Большая Знаменка, Нижний Рогачик, Большая Лепетиха (Корниловская дивизия), южнее по Днепру на Каиры-Дмитровку, запасные части генерала Черепова²⁰⁴, от Дмитровки на Казачьи Лагерь, 2-й армейский корпус (13-я и 34-я пехотные дивизии) и далее, до Черного моря, Гвардейский отряд. Против 15 тысяч 1-й армии стояли 2-я Конная и 6-я армии силой в 60 тысяч. Конная группа генерала Говорова стояла в районе Орлянска, Конный корпус генерала Барбовича, с приданной Дроздовской дивизией, составлял ударную группу и был расположен в Верхних и Нижних Серагозах.

Войска Русской Армии, правда с большими потерями, все же смогли отойти за перешейки. Пользуясь пассивностью красных, генерал Врангель начал отвод своих армий для сокращения фронта, и к началу боев войска занимали указанное выше положение.

Вечером 29-го генерал Барбович получил приказание выступить на рассвете 30-го на Агайман, остановить в этом районе продвижение 1-й Конной армии и обеспечить частям 1-го армейского корпуса и 2-й армии пути отхода в Крым.

Сосредоточившись ночью в Нижних Серагозах, Конный корпус выступил на рассвете 30-го на Агайман. Авангардным полком 1-й дивизии шел Гвардейский полк. Задолго до рассвета кавалергарды были высланы разведывательным эскадроном по пути следования корпуса. Главным разъездом был выслан от эскадрона взвод корнета Герарда. Конному корпусу был придан автодивизион на легких автомобилях Форда, вооруженных пулеметами, обслуживаемых главным образом кирасирами расформированного 4-го эскадрона Гвардейского полка.

Утром, подходя к Агайману, разъезд корнета Герарда был обстрелян с его окраины, а затем из села вышли против разъезда два эскадрона. Разъезд начал отходить на свой эскадрон. Преследуя разъезд, красные нарвались на огонь кавалергардских пулеметов и отошли. Два других эскадрона пытались охватить фланги кавалергардской лавы, медленно отходившей на авангард. Спустя час после начала перестрелки подошел Гвардейский полк и начал строить фронт. Одновременно с подходом полка вышла красная конница и, в свою очередь, стала строить фронт. Судя по интервалам между частями, против полка вышла бригада конницы. За нею из Агаймана выходили другие конные части, постепенно расширяя фронт. Полковые пулеметы

генерал-майор, начальник штаба 3-го Донского корпуса, с 25 марта 1920 г. начальник штаба 3-й Донской конной дивизии, с сентября 1920 г. начальник штаба 1-й или 2-й конной дивизии, на 1 октября 1920 г. начальник штаба Донского корпуса Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первоходников в Париже. Умер после 1941 г. во Франции.

²⁰⁴ **Черепов Александр Николаевич**, р. 17 августа 1877 г. Из дворян Курской губ. Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Генерал-майор 136-го пехотного полка, командующий 4-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 декабря 1917 г., командир сформированного им в Ростове 1-го добровольческого отряда. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир бригады 1-й пехотной дивизии. С июня 1918 г. командир бригады 2-й пехотной дивизии, с 27 ноября 1918 г. начальник 2-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 2-й пехотной дивизии и 6-й пехотной дивизии, с начала 1919 г. одновременно Черноморский военный губернатор, начальник Черноморского десантного отряда под Туапсе. В Русской Армии; в августе 1920 г. во время Кубанского десанта командир отряда у Анапы, затем командир бригады 7-й пехотной дивизии, начальник Отдельного сводного отряда у Каховки, начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первоходников в Нови-Саде. Служил в Русском Корпусе (командир 4-го полка). После 1945 г. – в Германии, председатель Союза Инвалидов, председатель Союза Первоходников, вице-председатель СЧРК. С 1950-х годов – в США. Умер 15 февраля 1964 г. в Нью-Йорке.

ротмистра Пашкова вынеслись вперед и открыли огонь. Полк шагом двинулся вперед. Справа, со стороны деревни Ново-Репьевки, показались другие густые колонны красной конницы.

Положение для полка оказалось очень тяжелое. Повернуть – значило бы подставить себя под удары всей массы красной конницы. Полк перешел в рысь. В этот момент за Гвардейским полком показались остальные полки дивизии, разворачиваясь на галопе и расширяя фронт полка. Конные батареи вынеслись вперед и открыли огонь по коннице красных и по Агайману. Обстановка круто изменилась. За несколько минут до столкновения красные повернули кругом и стали отходить, частью на село, частью в сторону подходившей справа красной конницы.

Этот неожиданный отход был вызван появлением справа главных сил корпуса, а слева – автопулеметного дивизиона. Весь конный корпус перешел в атаку. На плечах отходивших на Агайман красных полков головной эшелон атакующей 1-й дивизии, Гвардейский и 3-й конный полки, ворвались в Агайман. Красная конница была отброшена частью на юг, на Ново-Троицкое, частью на запад, на Ново-Репьевку. В селе был захвачен боевой обоз 11-й кавалерийской дивизии и полностью уничтожен эскадрон прикрытия, не успевший выйти из села.

Под вечер в Агайман подошла пехота 1-го армейского корпуса. От прилетевшего летчика были получены дальнейшие директивы и освещение обстановки на фронте, которая была тревожна и грозила тяжелыми последствиями тем частям, которые не успели отойти за перешейки. На Перекопе 2-й армейский корпус генерала Витковского в течение трех дней с успехом отбивал все атаки на Турецкий вал. Более тревожное положение создалось на Чонгарском направлении, где части 1-й Конной армии перехватили железную дорогу Мелитополь—Джанкой и вышли на линию Геничск—Ново-Алексеевка, отрезав частям Русской Армии пути отхода в Крым. На станции Ново-Алексеевка они захватили Американскую миссию Красного Креста, к которой был прикомандирован корнет В.С. Воеводский. Донской и 3-й армейский корпуса, отходившие от Мелитополя под прикрытием броневых поездов, находились еще в районе станции Утлюк, приблизительно в 40 верстах от перешейков. Генералу Барбовичу было приказано прорвать во что бы то ни стало фронт 1-й Конной армии на подступах к Чонгару и обеспечить войскам пути отхода в Крым. Вечером, оставив в Агаймане незначительный аррьергард, корпус заночевал в хуторах Бредихина и Морозова.

Утром 31-го конница генерала Барбовича выступила дальше и совместно с сильно поредевшими частями 1-го армейского корпуса подошла после полудня к деревне Отраде. Преодолев упорное сопротивление красной конницы, корпус вечером занял Отраду, отбросив красных на Ново-Троицкое.

С темнотой 1-я кавалерийская дивизия с небольшой частью Дроздовского полка была направлена на деревню Рождественское, занятую, по сведениям разведки, крупными силами красной конницы. Ночью дивизия подошла к Рождественскому и после короткого ночного боя заняла деревню. Стремительная атака дивизии была настолько неожиданной для красных, что они не оказали почти никакого сопротивления. По дворам было захвачено более сотни поседланых и неоседланных лошадей, повозки обоза и десятка три пленных, принадлежащих к 14-й кавалерийской дивизии, пришедшей накануне в Рождественское, в резерв 1-й Конной армии. На бивак дивизия стала в деревне.

В тот же день 3-я Донская и 7-я пехотная дивизии подошли к станции Ново-Алексеевка, разбили 4-ю дивизию 1-й Конной армии и отбросили ее на запад. В результате боев у Агаймана, Отрады, Рождественского и Ново-Алексеевки фронт 1-й Конной армии был прорван и отход войск на Чонгарский перешеек был обеспечен.

К утру 1 ноября ночной туман постепенно разошелся. Холодное осеннее солнце только что встало, озаряя всю степь кругом Рождественского алыми лучами. Порывистый северный ветер, дувший все предыдущие дни, стих, но мороз все еще держался. Холода в 1920 году наступили необычно рано, и морозы в Таврии достигали 10 градусов. Часам к 9 в охранении дивизии послышались первые звуки ружейной и пулеметной стрельбы. Орудия и пулеметы

были запряжены, полки начали втягиваться на северную окраину деревни. Гвардейский полк стал немного левее и уступом за 2-й бригадой. Скоро вдали показались густые красные лавы. Им навстречу пошла 2-я бригада. Развернувшись, она рысью двинулась вперед и скрылась за буграми. Через несколько минут донеслось заглушенное «Ура!» и почти сразу сильнейший пулеметный огонь. Затем, через бугры, через которые только что прошла атака, стали спускаться раненые, спешенные всадники, а за ними отходящие лавы бригады, за которыми следом, почти вплотную, шли лавы красной конницы.

Раздалась команда: «Гвардейский полк, вперед!» Не успев еще полностью развернуться, полк на галопе выскочил из ложины и сразу же попал под сильнейший пулеметный огонь. Полк выручила пулеметная команда ротмистра Пашкова. Она вынеслась вперед, на фланг атаки, и с первого же заезда уничтожила все правофланговые пулеметы красных. Полк врубился в красные лавы. Пулеметы 2-й бригады, орудия открыли огонь. Нарвавшись, в свою очередь, на ураганный огонь, красные не выдержали, повернули и наскочили на поддержки. Все перемешалось и понеслось назад в полном беспорядке. Преследование полком продолжалось недолго. Измотанные лошади, понесенные потери скоро его прекратили.

Атака, как потом выяснилось, 21-й кавалерийской дивизии 2-й Конной армии была отбита, но эта победа дорого обошлась Гвардейскому полку. Был убит командир полка, полковник Ковалинский (улан Его Величества), только четыре дня до этого принявший полк, ранены оба дивизионера, полковник князь Гагарин²⁰⁵ (кавалергард) и полковник Алексеев²⁰⁶ (улан Его Величества), полковник Багговут²⁰⁷, адъютант полка, ротмистр Муханов, ротмистр Хрущев (все трое конногренадеры). В командование полком вступил полковник Малиновский (гродненский гусар).

В начале атаки, когда 1-й взвод первым попал под пулеметный огонь и сразу потерял более половины своего состава, из смешавшейся кучи живых, раненых и убитых лошадей и людей вырвался всадник и, подняв высоко шашку, крикнул: «Не робей, хлопцы! Докажите, что вы – кавалергарды! Равняйся на эскадронный значок!» Это был взводный 1-го взвода, унтер-офицер Ефим Дробязго. Молодой доброволец, только что сам раненный двумя пулями, в критическую минуту своей жизни вспомнил свой особенный, кавалергардский патриотизм. Никогда не бывший на военной службе и, вероятно, год тому назад ничего не знавший о существовании кавалергардов, впитал в себя вековые заветы полка и всем своим существом, физически и духовно, слился с ним в одно нераздельное целое, подобно тому, как сливались воедино все чины старого полка.

1 ноября, после упорной ночной обороны, конный корпус был принужден очистить Отраду и отойти на Ново-Михайловку. Туда же на присоединение к корпусу выступила на

²⁰⁵ **Князь Гагарин Анатолий Анатольевич**, р. в 1876 г. Полковник Кавалергардского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник Общего отдела штаба армии; с 17 января 1919 г. командир Партизанского генерала Алексева пехотного полка, с июня 1919 г., январь 1920 г. командир 2-го Алексеевского полка. Эвакуирован в 1920 г. из Одессы на пароходе «Грегори». В Русской Армии; командир дивизиона в Гвардейском кавалерийском полку. Ранен в октябре 1920 г. В эмиграции. Умер в 1954 г.

²⁰⁶ **Алексеев Николай Михайлович**, р. 20 декабря 1891 г. в Санкт-Петербурге. Сын генерала от инфантерии. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1912). Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде полковника Гершельмана, затем в эскадроне своего полка, в сентябре 1918 г. в Екатеринодаре (ротмистр). В ноябре 1919 г. командир эскадрона во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с апреля 1920 г. командир дивизиона л.-гв. Уланского Его Величества полка, 14—15 августа 1920 г. и с 8 сентября 1920 г. врид командира Гвардейского кавалерийского полка. Ранен в октябре 1920 г. Полковник. В эмиграции в Югославии, с 1931 г. в Белграде. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде, затем преподаватель их. Умер 13 апреля 1960 г. в Буэнос-Айресе.

²⁰⁷ **Багговут Владимир Николаевич**. Николаевское кавалерийское училище. Штабс-ротмистр 1-го гусарского, 17-го драгунского и л.-гв. Конно-гренадерского полка. В Вооруженных силах Юга России; в июле 1919 г. командир эскадрона своего полка во 2-м Сводно-гвардейском кавалерийском полку, с октября 1920 г. в Гвардейском кавалерийском полку до эвакуации Крыма. Тяжело ранен в октябре 1920 г. Ротмистр. Эвакуирован на транспорте «Ялта». В эмиграции в Конго и Бельгии. Полковник. Умер 29 сентября 1984 г. в Брюсселе.

рассвете 2-го и 1-я кавалерийская дивизия. Дальнейший отход конницы генерала Барбовича прошел почти без всякого давления со стороны красных. Только во второй половине дня она была атакована конницей красных у Ново-Дмитровки. Не ввязываясь в затяжной бой, корпус продолжал отход, отбивая атаки огнем пулеметов и батарей. Кавалергарды потеряли ранеными начальника пулеметной команды, ротмистра Пашкова, и командира своего пулеметного взвода, корнета Собриевского²⁰⁸. Взвод принял корнет Ситковский. Пройдя по Чонгарскому мосту в Крым, дивизия стала на ночлег в Тюб-Джанкой. 3-го дивизия перешла в резерв армии в район Богемка—Войновка.

К началу последнего наступления красных на Крымский полуостров войска генерала Врангеля были сосредоточены в двух направлениях. На Перекопском: на самом Турецком валу, у Армянска и на Юшуньских передовых позициях стояли три полка дроздовцев, Гвардейский пехотный полк²⁰⁹, два полка корниловцев, и позже туда же подошел 2-й Марковский полк²¹⁰. На Литовском полуострове окопы занимала Кубанская пешая бригада генерала Фостикова. Отдельный сводный батальон, 13-я и 34-я пехотные дивизии предназначались для переброски на Чонгарский участок. Боевой состав всех этих частей немногим превышал 10 тысяч. На Чонгарском направлении и на Арабатской Стрелке стояли Донской корпус, остатки 6-й и 7-й пехотных дивизий и два полка марковцев. Их общий боевой состав не превышал 5 тысяч. Туда же должна была подойти неокончившая свое формирование, слабая по составу и не сколоченная в боях 15-я пехотная дивизия. Конный корпус генерала Барбовича, около 4 тысяч шашек, находился в районе Воинка – Большая Магазинка. Но все эти размещения и перегруппировки

²⁰⁸ **Собриевский.** Из крестьян. Старший унтер-офицер. В Добровольческой армии с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне л.-гв. Конного полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В Русской Армии командир пулеметного взвода в эскадроне Кавалергардского полка. Ранен в октябре 1920 г. Корнет (октябрь 1920 г.).

²⁰⁹ Сводный гвардейский пехотный полк. Сформирован в Русской Армии в августе 1920 г. на основе прибывшей из Польши Сводно-гвардейской пехотной дивизии, а также Гвардейского отряда полковника Эссена, развернутого из Гвардейского батальона при 136-м пехотном Таганрогском полку, находившемся в Крыму. В его составе вновь были объединены все подразделения гвардейской пехоты. Состоял из 4 батальонов (1-й, 2-й, 3-й и Стрелковой гвардейских дивизий). Входил в состав 2-го армейского корпуса (II). Летом 1920 г. имел 1200 штыков. После отхода в Крым в конце октября 1920 г. насчитывал (по советским данным) 400 штыков. Переименован в Гвардейский отряд. Командир – полковник Ф.Ф. фон Эссен (с 20 августа 1920 г.). Командиры батальонов: полковник С.М. Леонов (1-й), полковник В.П. Лукошков (2-й), полковник В.А. Жмилев (3-й), полковник Зметнов 2-й (4-й).

²¹⁰ 2-й Марковский полк (2-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. – 2-й генерала Маркова пехотный полк). Создан приказом 25 июля 1919 г. и окончательно сформирован 27 августа 1919 г. в Харькове на базе 4-го и запасного батальонов и офицерского кадра 7-й роты Марковского полка. Входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. – Марковской дивизии. Имел 3 батальона и офицерскую роту в 100 штыков (в остальных ротах было по 150 штыков при 10—15 офицерах). После взятия Курска в конце августа увеличился до 3500 штыков при 40 пулеметах (по 250 в роте и офицерская рота более 200), но в начале сентября 1919 г. в нем было около 2000 штыков, на 5 октября 1919 г. насчитывал 1174 штыка при 24 пулеметах. В середине октября в полку было около 1400 штыков и 150 сабель. На 12 декабря 1919 г. имел 550 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 250 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал 650 штыков при 15 пулеметах. (3 батальона, в т. ч. влитый Сводно-Сибирский стрелковый). К 30 июля имел около 250 штыков, в конце августа – 500, в начале октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, насчитывал 200 штыков. Потери полка: при взятии Волчанска к 20 августа 1919 г. около 100 человек, при наступлении на Ливны к 20 сентября – свыше 200 человек, 21 сентября 1-й батальон полка потерял 550 человек (от офицерской роты остался 21 офицер), всего за 5 дней – до 1500 человек; в конце сентября ликвидация прорыва красных стоила ему еще 1000, в боях 7—8 октября 1919 г. потери составили до 400 человек. При обороне Ливен к 15 октября 1919 г. из состава офицерской роты полка убито 50 офицеров, а один из его батальонов потерял 125 человек; всего полк потерял до 500. В ходе боев в январе—феврале 1920 г. у Ейска, Ростова и Ольгинской в полку из 125 офицеров осталось 50. Командиры: полковник А.А. Морозов (25 июля – 13 октября 1919 г.), капитан Д.В. Образцов (13 октября – 2 ноября 1919 г.), капитан Н.Н. Перебейнос (врио, 2—14 ноября 1919 г.), капитан В.В. Крыжановский (врио, с 14 ноября 1919 г.), капитан Луцкалов (врио, до 21 ноября 1919 г.), полковник Данилов (врио, 21 ноября – 18 декабря 1919 г.), капитан Н.Н. Перебейнос (врио, 22 декабря 1919 г. – 6 января 1920 г.), полковник И.П. Докукин (6 января – март 1920 г.), полковник Д.А. Слоновский (март – 6 июня 1920 г.), генерал-майор Г.П. Гаттенбергер (6 июня – 29 июля 1920 г.), генерал-майор Ю.К. Гравицкий (с 29 июля 1920 г.), полковник В.В. Кудревич (врио, октябрь 1920 г.). Командиры батальонов: капитан Попов, полковник Грекалов (убит), полковник Замаруев (убит), полковник Агабеков. Командиры рот: поручик Шумаковский (убит), поручик Делюденко (убит), капитан Костенко, капитан Рейнгард, капитан Керн и др.

к началу боев за перешейки далеко не были закончены. В общей сложности, со всеми запасными и учебными частями, вся Русская Армия насчитывала около 25 тысяч.

В ночь с 7-го на 8 ноября красные части 15-й и 52-й стрелковых дивизий начали переправу вброд через Сиваш на Литовский полуостров. К двум часам утра их передовые части вышли на его северный берег, выбили из окопов Кубанскую пешую бригаду и продолжали движение в сторону Юшуньских позиций. Попытки двух Дроздовских полков задержать наступление были отбиты. Около 300 человек сдались в плен. Более удачна была контратака 13-й и 34-й пехотных дивизий, всего около 3 тысяч, которые отбросили красных, нанеся им большие потери. Атаки красных на Турецкий вал были неудачны и сопряжены с большими потерями.

8-го конница генерала Барбовича была вызвана на фронт. Ночной переход при 10 градусах мороза был очень тяжел. Около полуночи был дан привал на два часа, прямо в степи, у каких-то брошенных, полуразрушенных кошар. Успели накормить людей и лошадей, но найти укрытие от ледящего ветра и мороза было негде. Грелись у костров, разведенных из заборов, плетней и разобранных построек.

На рассвете 9-го конница подошла к Карповой Балке, на северной оконечности озера Красного. К этому времени обстановка на фронте значительно ухудшилась. В 3 часа утра красные овладели Турецким валом и начали свое, почти беспрепятственное продвижение к Юшуньским позициям. Туда же направлялись с Литовского полуострова и 15-я и 52-я стрелковые дивизии, поддержанные подошедшими ночью 7-й и 16-й кавалерийскими дивизиями и армией Махно. С падением Турецкого вала связь между Литовским полуостровом и Перекопом была облегчена и стала возможной и по сухому пути.

Чтобы ослабить нажим красных на левый и средний участки Юшуньских позиций, между Черным морем и озерами Старое и Красное, конному корпусу было приказано атаковать и отбросить к северу красные части, наступающие с Литовского полуострова.

Как только рассеялся туман, конница совместно с остатками Кубанской пешей бригады двинулась вперед. Очень скоро Гвардейский полк, шедший в авангарде 1-й кавалерийской дивизии, обнаружил крупные части красной пехоты. Конной атакой дивизии они были отброшены за хутор Черкашенина, но севернее хутора красные оказали упорное сопротивление. Во время атаки кавалергарды захватили пулемет. Через короткое время, совместно с подошедшими другими полками, 1-я дивизия пошла в повторную атаку. Красные были вновь отброшены и отступили в глубь Литовского полуострова. В атаке был ранен командир полка, полковник Малиновский. В командование полком вступил ротмистр Раух. Кавалергардский эскадрон принял поручик Б.А. Чичерин.

Преследуя отступающих, конница подошла к нашим окопам, занятым теперь красными. В 15 часов была произведена атака. Перескочив через окопы, эскадроны нарвались на проволоку, за которой остановившиеся красные встретили атаку сильнейшим огнем. Понесся очень большие потери, полки отхлынули назад. В Гвардейском полку были убиты корнеты Сташевский²¹¹, Богдасаров²¹², Кейгерист²¹³, ранен поручик Максимов²¹⁴ (все четверо кирасиры Его

²¹¹ **Сташевский Михаил Арсеньевич.** Училище правоведения (1917) (не окончил; 5-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии, с 23 января 1919 г. доброволец в эскадроне л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, в начале 1920 г. унтер-офицер того же эскадрона, с лета 1920 г. в Гвардейском кавалерийском полку. Награжден Георгиевской медалью 4 ст., Георгиевским крестом 4 ст. Корнет (с весны 1920 г.). Убит 27 октября 1920 г. под Карповой Балкой на Литовском п-ве.

²¹² **Богдасаров Сергей Богданович,** р. 23 августа 1901 г. в Феодосии. Кадет Сумского кадетского корпуса. В Вооруженных силах Юга России в Одесском кадетском корпусе, с апреля 1919 г. в дивизионе л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, с августа 1919 г. унтер-офицер, с 1920 г. в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет (с июля 1920 г.). Убит 27 октября 1920 г. у Карповой Балки на Литовском п-ве.

²¹³ **Кейгерист Борис Николаевич.** Кадет 2-го кадетского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; в августе 1919-го – феврале 1920 г. унтер-офицер дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, затем в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет (с июля 1920 г.). Убит 27 октября 1920 г. у Карповой Балки на Литовском п-ве.

²¹⁴ **Максимов Николай Иванович.** Юнкер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне

Величества). Двумя пулями, в грудь и в ногу, был ранен командир полка, ротмистр Раух и поручик Озеров (лейб-драгун).

Огромные потери, понесенные полками, подход к красным подкреплений, туман и наступающая темнота не позволили коннице продолжать бой. На ночь она отошла на линию Сиваш – озеро Безымянное и частью заняла окопы, частью стала в резерв, на поле. Подошли кухни, и удалось накормить людей. После трех атак в Гвардейском полку осталось всего около 200 пашек. В командование полком вступил полковник Максимов (кирасир Его Величества).

В течение дня 10-го, совместно с подошедшими остатками 13-й пехотной дивизии и Гвардейского пехотного полка, конница отбивала неоднократные атаки, во время которых был ранен в Кавалергардском эскадроне корнет граф Вл. Мусин-Пушкин.

С раннего утра 11-го красные повели энергичное наступление на окопы, занятые пехотой. После трех часов упорной обороны фронт пехоты был прорван, и она стала отходить на вторую линию. За нею появилась лава красной конницы. Чтобы дать пехоте возможность дойти и задержаться на новой позиции, начальник 1-й кавалерийской дивизии, генерал Выгран²¹⁵, собрал остатки конных полков и лично повел их в контратаку. Красная конница удара не приняла, повернула и смяла наступающую за ней пехоту. Бросая пулеметы и даже орудия, красная конница и пехота отступили в большом беспорядке.

Но этот временный и неожиданный успех на небольшом участке фронта, при малочисленности имевшихся на нем сил, не мог уже иметь никакого влияния на участь обороны Крыма. Тем более, что в это же приблизительно время была прорвана оборона на Чонгарском перешейке и на Юшуньских основных позициях, между Черным морем и озером Старым. Южнее станции Юшунь контратака Терско-Астраханской бригады успеха не имела. В два часа дня у кургана Азис, на перешейке между Сивашем и озером Круглым, конницей был получен приказ о прекращении борьбы и об отходе на черноморские порты для посадки на суда.

Остаткам 1-го, 2-го и 3-го армейских корпусов погрузка была назначена в Евпатории и Севастополе, Кубанским частям – в Феодосии, Донским – в Керчи и обоим кавалерийским дивизиям – в Ялте.

Убедившись, что пехота, стоявшая на участке конницы, благополучно миновала дефиле между озерами Красное и Киятское, конница, в свою очередь, снялась с позиции. В арьергарде шла бригада полковника Попова, Гвардейский и 1-й конный полки. Ночью в деревне Бог-Газы был дан привал. В дороге присоединилось небольшое пополнение из запасного полка, приведенное полковником Новиковым²¹⁶ (улан Его Величества), вступившим в командование Гвардейским полком. Ночью же был объявлен приказ генерала Врангеля, разрешающий всем

л.-гв. Кирасирского Его Величества полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, с августа 1919 г. прапорщик дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка, в декабре 1919-го, феврале—сентябре 1920 г. корнет в Сводно-гвардейском кавалерийском полку. Поручик. Дважды ранен, в т. ч. 8—9 февраля 1920 г. под Ростовом.

²¹⁵ **Выгран Владимир Николаевич**, р. в 1889 г. Полоцкий кадетский корпус (1907), Елисаветградское кавалерийское училище (1910). Георгиевский кавалер. Ротмистр (подполковник) 9-го уланского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918 г. в Гусарском Ингерманландском дивизионе, с 4 января 1919 г. полковник (установлено старшинство в чине с 20 августа 1919 г.), затем в эскадроне своего полка в Сводном полку 9-й кавалерийской дивизии, в июне 1919-го – феврале 1920 г. командир 9-го уланского полка в 9-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии в мае 1920 г. командир бригады 2-й конной дивизии, командир Отдельной кавалерийской бригады, затем 1-й кавалерийской дивизии. Дважды тяжело ранен. Генерал-майор (с 1920 г.). Галлиполиец, командир 1-й бригады Кавалерийской дивизии. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже и югославской армии. С 1938 г. начальник Кавалерийской дивизии, после 1945 г. председатель Русского эмигрантского комитета в Зальцбурге (Австрия) и директор Русского кадетского корпуса в Версале, председатель Объединения офицеров кавалерии и Комитета помощи русским военным инвалидам. С 1949 г. в США, к 1969 г. сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 24 июня 1983 г. в Сан-Франциско (США).

²¹⁶ **Новиков Сергей Иосифович**. Николаевское кавалерийское училище (1915). Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г.; с января 1918 г. командир взвода во 2-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в 1-м конном полку. Ранен. В Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку, с 30 октября по 12 ноября 1920 г. врио командира того же полка. Полковник. В эмиграции во Франции, сотрудник журнала «Военная Бель». Умер 9 мая 1972 г. в Медоне (Франция).

желающим покинуть ряды армии. Рано утром 12-го бригада продолжала движение на Ялту. У деревни Курман-Кемельчи бригада была обстреляна шрапнелью, и слева показались красные лавы, рассеянные огнем батареи. Это было последнее столкновение с красными. Продолжая свое движение, бригада прошла Чатыр-Дагский перевал и вечером 13-го пришла в Алушту.

На рассвете 14-го конница выступила на Ялту. Гвардейский полк с приданными двумя орудиями Дроздовской батареи, эскадром запасного полка и бронированной автомашиной остался в Алуште прикрывать движение конницы на Ялту. В полдень полк, в свою очередь, выступил на шоссе на Массандру, где оставался до вечера, прикрывая посадку на суда. С наступлением темноты полк отошел на Ялту и занял сторожевое охранение на ее окраине. Всю ночь по городу выслались патрули для предупреждения и прекращения начавшихся в городе грабежей магазинов и частных домов.

Утром 15-го полк подошел к пристани и начал погрузку на транспорт «Крым». Лошади были оставлены населению, с собой взяли только оружие и седла. Днем в Ялту пришел крейсер «Генерал Корнилов»²¹⁷ с генералом Врангелем на борту, обходившим на нем все порты, чтобы лично удостовериться в порядке при посадке на суда. Появление Главнокомандующего было встречено громовым «Ура!». После отхода «Генерала Корнилова» транспорты «Русь» и «Крым» вышли на внешний рейд с остатками двух кавалерийских дивизий, с ранеными, больными и медицинским персоналом ялтинских госпиталей и санаториев. На транспорты было также погружено много обывателей города и его окрестностей.

Потом суда пошли на присоединение к другим судам, вышедшим из других портов Крыма. Туман постепенно заволакивал очертания крымских берегов и последние, слабо мерцающие огоньки на родной земле. Повернулась последняя, заключительная страница боевой летописи Кавалергардского полка.

«*Vae Victis!*» – «Горе побежденным!» – говорит латинское изречение. Но есть и другое, тоже латинское, изречение, отдающее побежденным честь и славу: «*Victis Honos!*»

²¹⁷ «Генерал Корнилов» (до 18 июня 1919 г. – «Кагул»). Крейсер. Один из первых кораблей белого Черноморского флота. В апреле 1919 г. уведен из Севастополя в Новороссийск (экипаж состоял из 42 морских офицеров, 19 инженер-механиков, 2 врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, в т. ч. 30 кубанских казаков, вместо положенных 570 человек). В апреле—мае 1919 г. участвовал в обороне Ак-Манайских позиций в Крыму, в августе играл ведущую роль в десантной операции по занятию Одессы. Входил в состав 1-го отряда судов. С июля 1920 г. в составе 3-го отряда судов. С ноября 1920 г. – в составе 1-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командиры: капитан 1-го ранга В. Лебедев (27 марта —3 мая 1919 г.), капитан 1-го ранга П.П. Остелецкий (с 3 мая, август 1919 г.), капитан 1-го ранга В.А. Потапьев (с сентября 1919 г.). Старшие офицеры: капитан 2-го ранга В.А. Потапьев, капитан 2-го ранга Афанасьев. Старший инженер-механик – старший лейтенант М.М. Любимов.

***Н. Волков-Муромцев*²¹⁸ В БЕЛОЙ АРМИИ²¹⁹**

Возвращение в Киев

Как ни странно, я не чувствовал, что путешествие наше окончено. Пока мы ели, Исаков²²⁰ сидел рядом и расспрашивал нас о Главсахаре²²¹. Он ничего не знал. Насколько мог, я ему все объяснил. Где находится Западный полк? Я не знал, но предполагал, что в Киеве. Я спросил о боях. Исаков сказал, что после взятия Павлограда, где красных разбили и взяли много пленных, больших боев не было, только стычки. Все большие бои были на Донце, до Павлограда. 5-й кавалерийский корпус перешел с левого фланга гвардейской дивизии на правый и двинулся на Галич и Ромны. Дальше направо шел Корниловский корпус генерала Кутепова. Наши стрелки²²² были правым флангом гвардейской дивизии корпуса генерала Бредова. Большинство солдат дивизии были из пленных красноармейцев. «Они вам все расскажут».

Я спросил про броневики.

– Ах, это экипаж Черноморского флота с нами, у них шестнадцать броневиков. Они очень здорово дерутся.

Но вот выступили по дороге в Полтаву. С нами была батарея гвардейской пешей артиллерии и конный отряд разведчиков под командой штабс-капитана фон Эндена²²³.

Подобрали сторожевое охранение и с дозорами впереди и по бокам пошли колонной по дороге. Красной батарее, которую я видел в роще, конечно, уже не было и духу. Прошли последнюю рощу, и открылась Полтава, вся в густых садах.

Энден ушел со своими разведчиками вперед. При подходе к городу вестовой донес, что в нем никого нет. Одна из рот позади нас ушла направо занять Харьковский вокзал. Мы перешли Ворсклу.

Зазвонили повсюду колокола, и, закиданные цветами, на виду у всего населения мы прошли на Александровскую площадь. Остальные, по-видимому, привыкли к таким встречам, но на меня это произвело невероятное впечатление. Какие-то девицы в летних платьях кидались целовать солдат.

Несколько взводов прошли дальше, вероятно, чтобы занять Киевский вокзал. Мы поставили винтовки в козлы. На ступеньках большого дома толпились люди, говорили речи, которых не было слышно из-за гула толпы. Появились на зданиях русские флаги.

²¹⁸ **Волков-Муромцев Николай Владимирович**, р. 24 ноября 1902 г. в имении Хмелита Смоленской губ. Из дворян. Вяземская гимназия. Осенью 1918-го – 26 февраля 1919 г. содержался в Бутырской тюрьме в Москве, затем бежал в Киев. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. в батальоне л.-гв. 4-го стрелкового полка, затем в эскадроне л.-гв. Конного полка. Младший унтер-офицер. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции с 1921 г. в Англии, окончил Кембриджский университет. Инженер.

²¹⁹ Впервые опубликовано: *В о л к о в-М у р о м ц е в Н.В. Юность от Вязьмы до Феодосии (1902—1920)*. Париж, 1983.

²²⁰ **Исаков Сергей Сергеевич**. Александровский лицей (1916) (не окончил). Капитан л.-гв. 4-го стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1919 г. командир роты в батальоне л.-гв. 4-го стрелкового полка в Сводно-гвардейском полку, затем в Сводно-стрелковом гвардейском батальоне. Убит 1—5 октября 1919 г. под Киевом.

²²¹ Под видом Главсахара в Москве летом 1919 года действовала подпольная организация, переправлявшая добровольцев в Белую армию. Возглавлял ее Николай Флегонтович Иконников (1885—1970), впоследствии – известный генеалог.

²²² Речь идет о батальоне л.-гв. 4-го стрелкового полка, куда автор был зачислен сразу по вступлении в Белую армию.

²²³ **Фон Энден Евгений**. Штабс-капитан л.-гв. 4-го стрелкового полка. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. командир взвода в Сводно-гвардейском полку, начальник конных разведчиков гвардейской бригады, с октября 1919 г. начальник команды конных разведчиков Сводно-стрелкового гвардейского батальона и 2-го батальона в Сводно-гвардейском стрелковом полку.

Я еще не знал, что происходило в Гражданской войне. Мы попали в Белую армию и с ней вернулись на следующий день в город, который был не более 30 часов тому назад красным, полным красноармейцами и чекистами. Вдруг все переменялось без единого выстрела. Где-то на север от нас грохотали орудия. Кто-то действительно дрался там. Но мы – мы просто пришли, и нас встретили ликованием.

Пока мы ждали квартирьеров, прошел еще какой-то батальон, его целовали и забрасывали цветами так же, как и нас. Повзводно нас повели на стоянку. Володя²²⁴ оказался в пулеметной команде. В первый раз я увидел наше самое удачное оружие – тачанку, у большевиков их не было еще год.

Тачанка – рессорная коляска Южной России, обыкновенно запрягалась двумя лошадьми в дышло, но белые прицепили еще двух пристяжных, так что стала четверка. В спинке заднего сиденья был вырезан полукруг, через который торчало дуло «максимки», а колеса его стояли на сиденье.

Судя по солдатам в моей роте, название «Добровольческая армия», как именовалась армия Деникина, к этому времени устарело. Добровольцев, кроме меня, было только с десяток. Остальные были пленные красноармейцы. Меня интересовало, во-первых, как они попали в Красную армию, а во-вторых, отчего с таким энтузиазмом служили в Белой армии.

Многие из солдат были регулярные, служившие в разных полках в момент революции. Эти остатки были просто названы сперва красногвардейцами, потом красноармейцами. Они были совершенно аполитичны. В большинстве случаев они были из северных и восточных губерний и, когда началась революция, сидели в окопах. Домой пробраться не могли и в то же время видели, что их в армии кормят лучше, чем обыкновенное население. Появились в этих полках какие-то новые командиры и политические комиссары, и их двинули на Южный фронт, где, им сказали, были немцы и разбойники. Они участвовали только в стычках и неприятеля толком не видели.

Вдруг на Донце и в Таврии они в первый раз были в настоящем бою и с удивлением увидели, что неприятель – в русских формах, с погонами. Они увидели, что их командиры и комиссары боялись этих «немцев-разбойников». Им же казалось, что это просто старая армия. У них не было никакого намерения сражаться со своими, и к тому же не было никакого уважения к своему начальству.

В боях они увидели, что белые дисциплинированы и дрались как настоящие солдаты. Тогда они стали сдаваться, хотя им начальство долбило, что если их возьмут в плен, то расстреляют. Вместо расстрела их стали спрашивать, в каких полках они служили. Никто не спросил, были ли они большевики или нет, спросили только, хотят ли они служить в белом полку. Поголовно все старые солдаты согласились. Молодежь пошла за ними.

Второй элемент была молодежь. Они никогда до Красной армии не служили. Их, они говорили, «забрали», то есть мобилизовали красные.

Теперь у белых эта смесь чувствовала себя боевой единицей. Они были гвардейские стрелки Императорской фамилии²²⁵ и страшно горды этим. Дисциплина была строгая, но

²²⁴ **Любощинский Владимир.** Из дворян Тамбовской губ. В апреле 1919 г. в Москве. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. в роте л.-гв. 4-го стрелкового полка, затем в пулеметной команде л.-гв. Конного полка. Пропал без вести осенью 1919 г.

²²⁵ Лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. составлял роту в Стрелковом батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 12 октября 1919 г. две его роты вошли во 2-й батальон в Сводном полку Гвардейской стрелковой дивизии. Командир роты – капитан Ахматович. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 4-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции: председатели: полковник В.М. Колотинский, полковник Л.И. Кульнев; заместитель председателя – полковник Р.К. Баумгартен, секретарь и казначей – полковник М.В. Губкин, представитель в Югославии – полковник П.Н. Манюкин, в США – капитан князь С.М. Путятин. На 1939 г. насчитывало 46 человек, на 1949—1951 гг. – 14 (в т. ч. 8 в Париже, 2 в США), на 1958 г. – 28 (5 в Париже).

жизнь дружная. Им не разрешалось ни грабить, ни насиловать. Офицеры были настоящие, знали, что делали, смотрели за своими солдатами. Не любили потерь.

Опять политика никакой роли не играла, никто их не спрашивал, во что они верят. Они знали только, что дерутся против большевиков, потому что – они сами видели – красные разоряют и крестьян, и города.

Старые солдаты рассказывали, захлебываясь, о довоенной жизни, и молодежь слушала их завистливо. Они все были убеждены, что если красных выкинуть, то все вернется к старому доброму житью. Результат был, что стрелки были надежные, великолепные солдаты.

Мне это все было очень приятно. Я попал рядовым в первый взвод под командой настоящего старшего унтер-офицера бывшего Апшеронского полка Горшкова. Взвод был опрятный, дисциплинированный и дружный. Мои соседи по взводу были Сивчук из-под Ахтырки, Абрамов из Костромской губернии и Лазарев из Владикавказа. Все трое были на фронте во время войны, Сивчук был раньше Перновского полка.

Наша ночная стоянка в Полтаве меня немножко удивила. Мы были квартированы в доме еврея-лавочника. Хозяева нас встретили с каким-то восхищением, которое было совершенно подлинным. Уставили стол всякими яствами. Ухаживали за нами, как будто мы им жизнь спасли. Сивчук, как старший, предложил заплатить за постой. В первый раз я увидел «добровольческие» деньги. Хозяева отказались наотрез.

Оказалось, что солдатам выдавались деньги и квитанции на постой, по рублю на человека в ночь. Я должен сказать, что не знаю, все ли платили. Когда я уже был в Конном полку, плата делалась квартирмейстером или старосте, или городскому голове. И я не уверен, что всегда платили. Но что всегда было, это плата за овцу или курицу и, вероятно, хлеб от булочников. На этом наши офицеры строго настаивали и брали расписки.

Я еще не привык к пехотному снаряжению, тяжелой винтовке, но мне все это казалось временным, только бы дойти до Киева!

Наутро мы выступили из Полтавы по направлению на Миргород. В авангарде у нас шел какой-то другой батальон. С ним шла батарея гвардейской легкой артиллерии. Когда она нас обгоняла, я заметил, что орудия были не наши трехдюймовки, а какие-то, которых я раньше не видел.

– Что это за пушки? – я спросил Сивчука.

– Это, брат, нам англичане поставляют. Дрянь какая-то, артиллеристы говорят – расстрелянные.

– Что это значит?

– Да не новые, вероятно, всю войну где-то пропукали.

На северо-восток от нас иногда вдаль грохотали пушки, но на нашем фронте ни одного красноармейца не видели, только поломанные повозки. На второй день пришли в Миргород. Тут уже стоял 2-й батальон, но, несмотря на это, встречали нас опять толпы. Город был чистый, на вид просто уездный город, как будто революции никогда не было.

Мы прошли сторожевое охранение 2-го батальона. Теперь батарея шла за нами. Ни через Псел, ни через Хорол мосты не были взорваны. Шли мерно, но скоро, может быть, хотели нагнать отступающих красных?

Разъезды донесли, что в Лубнах никого нет. Какой-то вестовой принес донесение, что Ромны заняты нашей конницей. Меня это все очень удивляло. Где та «доблестная Красная армия», которая разбивала и уничтожала «разбойные белые шайки»?

В Лубнах нас нагнал обоз, мы его не видели с Полтавы. Он был маленький и легкий. Все наше движение было налегке. Батарея наша беспокоилась о снарядах. Слышал, как артиллерист говорил с нашими: «Вы захватите нам орудий настоящих, тогда мы и снарядами не будем дорожить, всегда у красных отбить можно».

В Лубнах появился батальон преображенцев²²⁶, который наутро ушел куда-то вправо. Я не понимал, что это за война. Неприятеля нигде не видно. Идем колонной по дороге, правда, с дозорами. Ни справа, ни слева никаких наших тоже не видно. Что, если красные где-нибудь на нашем фланге засели и нас отрежут? Никто об этом не беспокоился.

– Они нас в Гребенской останвят, – заявил Горшков.

– Отчего в Гребенской?

– Да там железнодорожный узел. Что в Лозовой.

Но он был не прав. Когда мы подошли к Гребенской, там уже сидел наш 4-й батальон и рота Московского²²⁷.

– Откуда они? – спросил я с удивлением.

– Да это 2-го сводно-гвардейского полка²²⁸, они где-то справа от нас.

Как видно, кто-то командовал и все шло по какому-то плану.

На следующий день впервые мы догнали красных. Мы остановились на десятиминутный отдых.

– Смотри, смотри, вон там журавли!

Где-то далеко направо на ярко-голубом небе появились вспышки и белые, точно ватные, облачки. Глухо громыхали орудия.

²²⁶ Лейб-гвардии Преображенский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м Сводно-гвардейском полку. Еще одна рота полка находилась в составе Сводно-гвардейского батальона. 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. сформирован батальон (3 роты) в Сводном полку 1-й гвардейской пехотной дивизии. К 19 ноября сократился до одной роты в 30—40 штыков, упраздненной 3 декабря 1919 г.; в январе 1920 г. на фронт прибыла еще одна Преображенская рота, сохранившаяся до интернирования частей полка в Польше. Командир батальона – полковник С.М. Леонов. Командиры рот: капитан А.Л. Бенуа (убит 25 сентября 1919 г.), капитан Евреинов, поручик Андрищенко, капитан Львов, капитан барон Розен. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 1-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Не считая расстрелянных большевиками, только в боевых действиях потерял около 10 офицеров, всего в Гражданской войне убито 29 его офицеров (в мировой – 42). Полковое объединение в эмиграции – «Союз Преображенцев» (Париж) существовало с сентября 1921 г. (хотя начало «союзу» было положено еще летом 1918 г. группой офицеров полка, собравшейся в Киеве; тогда же был составлен проект устава) и насчитывало в 1930-х годах 182 действительных и почетных члена. К 1930 г. в эмиграции жило более 120 человек, когда-либо служивших в полку. Почетный председатель – принц А.П. Ольденбургский. Председатели: генерал-лейтенант А.А. Гулевич, камергер А.Ф. Гирс, капитан В.Н. Тимченко-Рубан; заместитель председателя – полковник В.В. Свечин; секретари: князь Н.А. Оболенский, поручик граф Д.С. Татищев; представители в Югославии – полковник В.А. Стороженко и капитан Б.А. Перрен, в США – полковник П.Н. Малевский-Малевич. На 1939 г. в объединении состояло 130 человек (в т. ч. 40 во Франции, 40 в Париже), на 1949 г. – 51 (18 в Париже и 8 в США), на 1951 г. – 47 человек и 10 почетных членов, на 1958 г. – 36 (13 в Париже). На 1938 г. в объединении состояло также 4 члена-соревнователя. С января 1936-го по апрель 1939 г. издавало журнал «Преображенская хроника» (вышло 9 номеров, редактор – полковник В.В. Свечин), а затем – до ноября 1959 г. – «Оповещение Службы Связи Союза Преображенцев» (вышло 4 номера, редактор – поручик граф Д.С. Татищев).

²²⁷ Лейб-гвардии Московский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м Сводно-гвардейском полку, к августу 1919 г. имелись 1 рота в 40 штыков и пулеметная команда в 4 пулемета, 7 сентября 1919 г. с прибытием второй роты сформирован батальон, с 12 октября 1919 г. – в Сводном полку 2-й гвардейской пехотной дивизии. Командир батальона – полковник Соловьев. Командир роты – капитан Б.В. де Витт. Начальник команды – капитан В.А. Салатко-Петрище. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту во 2-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Помимо батальона (с января 1920 г. от взвода до полка двухбатальонного состава) в Добровольческой армии, около 20 офицеров воевало на трех других фронтах. Полк потерял в Белом движении 26 офицеров (в мировой войне – 56). Полковое объединение в эмиграции образовано в 1921 г., к 1936 г. насчитывало 39, к 1939 г. – 43 (в т. ч. 19 во Франции), к 1949 г. —34 (13 в Париже, 7 в США), к 1951 г. – 33, к 1958 г. – 22 (8 в Париже), – к 1962 г. – 21 человек. Почетный Возглавитель – герцог М.Г. Мекленбургский, председатели: генерал-лейтенант В.П. Гальфтер (Лондон), полковник Н.Н. Дуброва, капитан А.Ф. Климович; командир кадра – полковник Андерс (Сараево), представитель в Париже – полковник Н.Н. Дуброва, в Югославии – полковник Г.П. Рыков, в США – полковник Н.В. Ерарский. В 1931—1962 гг. издавало в Париже на ротаторе «Бюллетень Объединения л.-гв. Московского полка» (вышло 154 номера).

²²⁸ 2-й Сводно-гвардейский полк. Сформирован во ВСЮР 8 августа 1919 г. Входил в состав Сводно-гвардейской бригады. Состоял из подразделений полков 3-й и Стрелковой гвардейских дивизий Императорской армии (по 2 роты от лейб-гвардии Литовского, Кексгольмского, Петроградского, Вольнского и одной от 1-го, 2-го, 3-го и 4-го стрелковых полков). Включал 1-й, 2-й и Стрелковый батальоны (по 4 роты), 3 команды конных и 1 пеших разведчиков, 2 пулеметные и команду траншейных орудий. Командир – полковник А.А. Стессель (со 2 сентября 1919 г.). Командиры батальонов: полковник С.А. Апухтин, полковник Мельвиль, полковник Бырдин (с августа 1919 г.), полковник Зметнов 2-й, полковник Кованько. Начальники команд: капитан Александров, штабс-капитан Квятницкий, капитан Белявский.

Справа от нас появилась цепь.

– Кто это?

– Не знаю, один из наших батальонов.

Наши роты одна за другой рассыпались в цепь. Неприятеля не было видно. Впереди – поле, а вдали тянулись ивы поперек.

Одно время мы шли вдоль железной дороги, но теперь она куда-то исчезла, впереди не было ни города, ни деревни. Я был в первой цепи. Минут через десять высоко над второй цепью разорвался снаряд и белое облачко повисло в безветренном воздухе. Почти сейчас же три черных столба поднялись позади второй цепи. Затем стали падать ближе к нам. Где-то справа стрекотали пулеметы. Мы медленно двигались по направлению к ивняку. Вдруг откуда-то появился Энден, подскакал к Исакову, что-то ему сказал и ускакал вперед. Исаков ускорил шаг, вся цепь за ним. Направо от нас 2-я рота уже дошла до ив и залегла. Еще одна красная батарея открыла огонь. Восемь снарядов взрывались за нами, затем вдруг все восемь стали взрываться перед нами. Прицел артиллерии и пулеметного огня был плохой, цепь двигалась без потерь.

Наконец ивы и кустарник, за ними речонка. Я оказался рядом с Горшковым.

– Кто это командует их сволочью, смотри, как засели. Перед нами шагов двести мертвой земли.

Действительно, где они залегли, их было не видно. Перед нами за речонкой голый откос.

Появились Исаков, какой-то поручик и Энден, теперь спешенный. Остановились за Горшковым, Исаков спросил:

– Что, вброд перейти можно?

– Я сейчас попробую, ваше благородие.

– Нет, подождите, я пойду, – сказал Энден, прыгнул с отвесистого берега к речке и пошел в воду. В середине вода доходила ему под мышки, он скоро выкарабкался на другой берег и стал махать.

– Ну, с богом! – крикнул Исаков, и вся рота ринулась за ним.

Как видно, глубина разнилась. Некоторые солдаты исчезали с головой, но винтовки держали над водой, вылезали, откашливались и карабкались на тот берег. Исаков подождал, чтобы вся рота перешла, и рысцей повел ее вверх по откосу.

Вдруг впереди – невысокие брустверы, треск пулеметов и залпы винтовок. Грянуло «Ура!». Я только помню сухое горло, как видно я тоже кричал, и мое удивление, что передо мной видные только по пояс, с поднятыми руками – четыре красноармейца. Исаков на другой стороне окопов кричал что-то. Вторая цепь нас нагнала. Наша цепь не остановилась, а продолжала наступление. Пули теперь свистели повсюду, ударяясь о землю и поднимая пыль. Снаряды лопались и впереди, и сзади.

Я абсолютно не помню, о чем я думал, вероятно, ни о чем. Страх, который меня охватил, когда мы ринулись в воду, куда-то пропал. Наступали молча, да если кто-нибудь и кричал, не было слышно от трескотни и уханья снарядов. Только помню, что посмотрел направо и между клубов пыли увидел всадников, идущих галопом в том же направлении. Помню, что подумал: наши это или красные? Мне отчего-то показалось, что время остановилось, что мы шли вперед бесконечно. Красные снаряды вдруг прекратились, но трескотня пулеметов и винтовок не унималась.

Вдруг впереди – толпа, повозки. Мы перескочили какие-то отдельные окопы, полные тряпьем и пустыми патронами. Несколько убитых лежало за окопами, и я подумал: странно, мы не стреляли, кто их мог убить? Толпа оказалась – красноармейцы и несколько мужиков у повозок. Очень быстро толпу выстроили в два ряда, и наши унтер-офицеры равняли их. Лица у красных были серые, не знаю, от пыли или от испуга. Им, наверное, комиссары сказали, что белые их расстреляют. Их было человек 200—250.

Исаков прошел по рядам и осмотрел их. Наши солдаты нагружали винтовки и два пулемета на повозки. Исаков отступил несколько шагов и сказал:

– Кто вами командовал?

Молчание. Он выбрал солдата в правом ряду и вызвал его.

– Кто вами командовал? – повторил он.

– Двух убили, а другие убежали, ваше сиятельство.

– Кто из вас здесь довоенные солдаты?

Солдат посмотрел через плечо:

– Да есть несколько. Я сам довоенный, ваше сиятельство.

– Все довоенные выступите вперед.

Было какое-то замешательство, красные смотрели друг на друга. Наконец выступили 13. Один из наших унтер-офицеров стал их опрашивать и записывать что-то в черную книжечку.

– Теперь кто из вас служил во время войны?

Выступило человек 150.

– Ну, ребята, вы теперь в Белой армии. Кто из вас служить хочет?

Все поголовно ответили, что они хотят. Подошел поручик и донес что-то Исакову. Исаков насупился. Потом оказалось, что 6 наших солдат было убито и 16 ранено.

Исаков собрал офицеров и старших унтер-офицеров. Я только слышал, как он крикнул какому-то подпоручику: «Спроси Мирского²²⁹, сколько ему нужно пополнения?»

Унтер-офицеры стали выбирать красных для своих взводов.

Исаков обошел оставшихся, большинство была молодежь.

– Кто из вас местные?

Выступило человек 20.

– Кто из вас хочет служить в Белой армии?

Большинство согласилось.

Я слышал, как Исаков сказал Горшкову:

– Нам достаточно бывших солдат. Отправьте остальных под конвоем в Яготин. Там их кто-нибудь возьмет к себе.

В наш взвод взяли только троих. В третий взвод, в котором было больше всего потерь, взяли одиннадцать. В нашем убитых не было, лишь два раненых.

Это первый раз я видел, как пополнялась Белая армия. Слышал, что вторая рота захватила два орудия и девять пулеметов. На ночь мы двинулись в Яготин.

Два дня спустя мы входили в Борисполь, уже занятый одним из наших батальонов. Тут прошел слух, что большевики укрепились на этой стороне Днепра и что мы будто бы будем ждать подкрепления, чтобы продолжать наступление. Говорили, что Киев всего в шестидесяти верстах и что красные собрали туда по крайней мере три дивизии. Откуда шли эти слухи, я не знаю.

Наутро пошли дальше, на Киев. В каждом городке и местечке, через которое мы проходили после Лубен, были признаки быстрого отступления красных. Они бросали все: полуманьяны повозки, снарядные ящики, во дворе в Борисполе даже две трехдюймовки с полными зарядными ящиками. Попадались и группы дезертиров, которые рассказывали небылицы, что никого между нами и Киевом не было. Разъезды тоже доносили, что никого перед нами не было. Это уверило солдат, что дезертиры были правы. Ни Горшков, ни Сивчук, как старые солдаты, этому не верили.

– Пусть думают, передумают, когда их по морде крякнут.

²²⁹ Князь Святополк-Мирский Дмитрий Петрович, р. 27 августа 1890 г. Сын генерал-лейтенанта. Капитан л.-гв. 4-го стрелкового полка. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. командир роты л.-гв. 4-го стрелкового полка. Эвакуирован в декабре 1919 г. – марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославию. В эмиграции в Англии, преподаватель Лондонского университета. Вернулся в СССР. Расстрелян в 1939 г.

Первый раз остановились на ночь в поле на краю рошицы. Подъехали полевые кухни. Я слышал, как какой-то унтер-офицер говорил своим солдатам:

– Смотрите ешьте на два дня, завтра кухни не подъедут.

Я проснулся ночью, недалеко от нас был слышен топот проходящих частей, стук колес и бряканье упряжи. Еще только посерело на востоке, как мы уже двинулись.

Я понятия не имел, где мы были. Нас обогнала сотня каких-то конных в черкесках, бурках, на иноходцах.

– Откуда эти? – спрашивали друг друга солдаты.

Я ничему теперь не удивлялся: какие-то броневики с морским экипажем – в сотнях верст от моря! Сотня будто бы из Дикой дивизии – полторы тысячи верст от Кавказа! Никто их раньше не видел.

На нашей дороге было много садов, огороженных плетнями, отдельные мазанки с тополями. Как видно, разьезды их осматривали до нас, это были прекрасные позиции для засад.

Часов в девять утра перед нами появилась не то деревня, не то местечко, крыши в садах. Кто-то сказал:

– Смотри, смотри, что это там поблескивает?!

– Э, брат, это Киев престольный!

– Киев! Киев! – повторяли голоса по всей колонне.

Но мы были еще далеко. Перед нами, оказалось, лежала Дарница.

Появились вестовые. Они шмыгали во всех направлениях. Нас обогнал какой-то штаб с красивым генералом в кубанке и светло-серой черкеске. И справа и слева появились колонны. Проскакала мимо батарея, орудия прыгали на неровной почве.

– Смотри, смотри, там развернулись!

Далеко направо появилась цепь. Дошло и до нас. Через несколько минут и мы рассыпались в цепь. Перед нами, шагах в 200, лежал густой фруктовый сад.

Я часто изумлялся, как люди, принимавшие участие в боях, могли описывать весь бой так, как будто они были повсюду. Я абсолютно не знаю, что и как произошло под Дарницей.

Для меня все началось, когда мы перелезли через плетень. Цепь немножко сомкнулась, и мы с винтовками наперевес пошли через сад.

Вдруг забарабанил пулемет, второй, третий. Где-то далеко грянуло «Ура!». Через минуту завизжали снаряды, сперва редко, потом чаще и чаще. Трескотня винтовок. Пули шлепались в стволы. Вдруг я увидел какие-то фигуры между деревьями, увидел, как Сивчук на бегу открыл огонь по ним, тогда я стал стрелять. Крик, гам, визг пуль, свист снарядов и уханье их разрывов.

Я почти что споткнулся об лежащего на земле красноармейца. «Не убивай! Я сдаюсь!» Кровь текла по его рубахе и рассачивалась в большое пятно пониже плеча. Винтовка лежала рядом. Я ее подхватил. Секунду не знал, что делать. «Не двигайся, тебя подберут!» – и побежал дальше, откинув его винтовку в кусты. Добежал до какого-то амбара. Тут были Горшков и несколько солдат.

Мы выбрались на какую-то улицу. Столбы пыли и летящих балок. Тут поперек улицы проволочное заграждение, за ним окопы.

– За мной, сюда! – крикнул Горшков.

Мы опять оказались в саду. Где-то налево от нас грянуло «Ура!». И когда мы бегом обогнули окопы и выскочили на ту же улицу – кроме одного убитого и кольта с торчащим к небу дулом, ничего не было.

Мы пошли вдоль улицы гуськом. Вдруг по нас из какого-то двора засвистели пули. Мы отступили, Горшков опять провел нас через сад, и мы появились в тылу у засевших во дворе. Перестрелка продолжалась только несколько секунд. Горшков крикнул «Ура!», и через минуту человек 12 красных, двое из них раненые, стояли с поднятыми руками. Оставив двух солдат,

мы опять выскочили на улицу. К моему удивлению, посреди улицы стоял с тросточкой капитан князь Святополк-Мирский.

– Где капитан Исаков? – спросил он Горшкова.

– Не знаю, ваше благородие.

– Примкните к нам.

Мы нашли Исакова с большинством роты на какой-то площади.

– Где твоя рота? – спросил Исаков.

– Понятия не имею. Мы напоролись на проволочное заграждение, там я их потерял.

Красные громили соседнюю улицу. Вдруг откуда-то появилась рота семеновцев²³⁰. Ротные переговорили, и мы снова двинулись вперед. Трескотня и свист пуль продолжались. Мы шныряли через какие-то дворы, сады, переходили улицы и вдруг оказались на шоссе. С нами была уже полусотня пленных, два пулемета.

Как видно, ротные знали, что они делали, потому что на шоссе стояли штаб, остальные наши роты, батальон 3-го стрелкового²³¹, две роты семеновцев и одна преображенцев. После десяти минут разговоров между ротными, батальонными и штабом мы первые двинулись по обеим сторонам шоссе. На подходе к мосту засели егеря. Они махали нам и что-то кричали. У самого моста был Энден со своим разведочным отрядом. Оказалось, что егеря и измайловцы прорвались к мосту с юга, что заставило большевиков быстро вытянуть свои батареи и оставшуюся позади бригаду. Один их полк почти целиком был взят в плен.

Все это было странно. Дарница была хорошо укреплена, и в ней большевики расположили целую дивизию и много батарей. Что на самом деле случилось, мы узнали, только когда вошли в Киев.

Все ожидали, что большевики засядут на правом берегу, на покрытом лесом крутом откосе. Мы пошли первые через мост, растянувшись по обеим сторонам, посередине моста шли только Энден с четырьмя всадниками, как будто приглашая красных открыть огонь.

Мост, с полверсты длиной, казался просто приманкой для засады. Впереди нашей линии шел Исаков, с другой стороны моста – Мирский. На всех лицах напряжение. Артиллерия прекратила стрелять, и была повсюду тишина.

Я думаю, что все, как и я, напряженно вслушивались в эту необычную тишину. Когда мы прошли три четверти расстояния, все вдруг, как один, остановились, без всякого приказа: где-

²³⁰ Лейб-гвардии Семеновский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м батальоне 1-го Сводно-гвардейского полка. Еще одна рота полка находилась в составе Сводно-гвардейского батальона. 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. сформирован батальон (3 роты) в Сводном полку 1-й гвардейской пехотной дивизии. К 19 ноября сократился до двух рот по 30—40 штыков, к 24 ноября – до одной, упраздненной 3 декабря 1919 г.; в январе 1920 г. на фронт прибыли еще две Семеновские роты, вскоре сведенные в одну, сохранившуюся до интернирования частей полка в Польше. Командир батальона – полковник Акимович. Командиры рот: капитан Коновалов, капитан Степанов, капитан Георгиевский, поручик Соханский. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 1-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полк потерял в Белом движении 38 офицеров (в мировой войне 48), еще 24 было расстреляно большевиками в 1918—1925 гг. Полковое объединение в эмиграции было образовано в Белграде в 1920 г. (тогда – 12 членов). Председатели (возглавляющие): генерал-лейтенант И.С. фон Эттер, полковник А.В. Попов; заместитель председателя – генерал-майор А.А. фон Лампе; представитель в Югославии – капитан Н.А. Клименко, в США – капитан Г.Г. Сюннерберг; секретарь – капитан Д.Н. Шмеман; казначей – капитан Н.Н. Гонецкий. На декабрь 1926 г. насчитывало 121 человек, к 1939 г. – 89 (в т. ч. 25 во Франции, 16 в Париже), на 1949—1951 гг. — 55 (10 в Париже, 2 в США), на 1958 г. – 36 (7 в Париже). В 1923—1968 гг. издавало (частью на ротаторе, частью типографским способом разного формата) «Семеновские бюллетени» (с 1951 г. – «Сообщения»; всего вышло 33 номера).

²³¹ Лейб-гвардии 3-й стрелковый полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. составлял роту в Стрелковом батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 12 октября 1919 г. вошедшую во 2-й батальон в Сводном полку Гвардейской стрелковой дивизии. Командир роты – штабс-капитан Петров. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 4-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции: председатели: генерал-майор И.В. Семенов (Белград), полковник В.Г. Елчанинов, полковник Н.А. Звонников, председатель распорядительного комитета – полковник Писаревский, секретарь и казначей – подпоручик П.А. Мейер 1-й, представитель в США – капитан И.В. Модль. На 1939 г. насчитывало 45 человек (в т. ч. 20 в Париже и 15 в других местах Франции), на 1949 г. – 34 (9 в Париже, 1 в США), на 1951 г. – 33, на 1958 г. – 18 (7 в Париже).

то далеко за Киевом глухо зарокотала артиллерия. Все слушали. Пошли дальше. Как только перешли, пеший разведочный отряд от роты Мирского полез по крутому обрыву, а мы, сформировавшись в колонну, пошли вверх по Николаевскому спуску. Подождав наверху остальные роты, мы шли вниз по Никольской и Александровской на Царскую площадь. Впереди шел Энден с отрядом. За ними тянулись остальные стрелки.

Тут наверху канонада звучала гораздо громче. Мы остановились у Арсенала. Разведки пошли в соседние улицы. Все поочередно гадали, кто это мог быть. Или кто-то бомбардировал подходы к Киеву, или красные от кого-то отбивались. Говорили, что наши перешли Днепр ниже по течению, другие – что это армия Шиллинга из Одессы, третьи – что это поляки и т. д.

Когда мы наконец двинулись опять, улица была пуста. Только на Царской площади вдруг высыпал народ. Стали кидать цветы, девицы целовали солдат, кричали «Ура!», махали русскими флагами.

Вдруг все замерло. Толпа прижалась на тротуарах. Энден с частью своего отряда разделился, поехал вперед по Крещатику, там вдали стояла колонна австрийцев в серо-голубых формах и кепи. На вид они были так же удивлены, как и мы. Сивчук прошептал:

– Да это австрияки, откуда они?

Подъехал батальонный. Все глазели на австрийскую колонну.

Энден медленно ехал по середине улицы по направлению к австрийцам. Мы смотрели в ожидании. Энден вернулся и громко сказал:

– Они говорят, что они украинцы, командует ими какой-то Петлюра.

– Да ну их к черту! – сказал Исаков.

Тем временем батальонный куда-то уехал и вернулся с генералом, которого я раньше не видел. Он что-то сказал Эндену, и тот поскакал к австрийцам или петлюровцам. Как видно, генеральское сообщение имело на них сильное действие, потому что они повернули и стали отступать по Бибииковскому бульвару. Куда эти петлюровцы потом делись, я не знаю.

Сейчас же возобновились крики «Ура!», посыпались цветы, толкотня. Мы прошли до Бессарабки и остановились. Насколько помню, мимо нас прошли преображенцы, кексгольмцы.

Я решил получить от стрелков отпуск. Доложил Горшкову и пошел искать Исакова. Подъехали полевые кухни, и это помогло мне найти офицеров, которые собрались у памятника Богдану Хмельницкому. К счастью, мне не пришлось напоминать Исакову о его обещании. Он, увидев меня, подошел и сам спросил, не переменяю ли я намерение и не останусь ли в стрелках. Я его поблагодарил, но настоял на том, что мы оба решили служить в Конной гвардии. Он согласился, младший брат его, Николай²³², служил в кавалергардах.

Он мне сказал, что до поступления в Белую армию он сам был в Киеве и что тогда довольно много общих знакомых жили тут. Он, конечно, не знал, здесь ли они все еще, но дал мне их адреса. Между прочим, Дарья Петровны Араповой, матери Петра²³³.

Я нашел Володю, мы распрощались со стрелками и пошли обратно по Крещатику. Было трудно пробиться – толпа крутилась, смеялась, обнимали друг друга. Заметив наши погоны, нас обнимали, целовали... бедный Володя, красный как свекла, держался за мной вплотную и умолял меня выбраться из толпы.

– Эй, Николаша! Николай Волков!!

²³² **Исаков Николай Сергеевич**. Учащийся Александровского лицея (5-й класс). Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. в дивизионе Кавалергардского полка, летом 1920 г. командир пулеметного взвода в Гвардейском кавалерийском полку. Корнет в прикомандировании к Кавалергардскому полку. Убит 13 июля 1920 г. у д. Щербатовки.

²³³ **Арапов Петр Семенович** (1897—1938). Корнет л.-гв. Конного полка. Осенью 1918-го – 26 февраля 1919 г. в Бутырской тюрьме в Москве. Во ВСЮР и Русской Армии; с лета 1919 г. в Белозерском пехотном полку, затем в эскадроне л.-гв. Конного полка. Штабс-ротмистр (к лету 1920 г.). В 1930 г. нелегально пересек границу СССР и был арестован. Расстрелян в Соловках.

Я увидел в толпе Егорку Жедрина. Мы протолкались навстречу и обнялись, обкладывая друг друга от удовольствия.

– Когда ты сюда попал?

– Позавчера. А как ты в армию успел?

Мы выбрались на тротуар в какую-то кофейню. Я был необычайно рад видеть Егорку. Мы засыпали друг друга вопросами.

– А где Загуменный?

– Все тут, кроме двух. Да мы почти что пробрались до Полтавы, но пришлось повернуть на Киев. Большинство уже здесь, вчера Болотников с Махровым приехали.

– А где они все?

– Да мы в Главсахар дернули, а там уже никого нет. Пошли искать да повстречались с нашими. Нашли кофейню на Крещатике и уговорились все там встречаться. Это дальше немного.

Мы протолкались к назначенной кофейне, но там никого не было. Условились встретиться там через два часа. Мы с Володей пошли искать Дарью Петровну. Она жила на Липках. Не зная Киева, мы скитались по улицам. Уже совсем близко от Араповых оказалась большая толпа, смотрящая на что-то через низкую стену. Я велел Володе подождать, а сам полез через толпу посмотреть. Я совсем не ожидал того, что увидел. Футов 15 ниже – большое пространство, точно подвал открытый с бетонным полом. На нем куча тел, мужских и женских, по крайней мере шести футов высотой. Стена напротив – точно оспой испещрена пулями. Я ахнул от неожиданности. Все стояли со слезами на глазах, никто не говорил. Я заставил себя спросить соседа:

– Когда это?

– Вчера, – сказала старуха и зарыдала.

Я почувствовал, что, если не отвернусь, меня начнет тошнить. Быстро выбрался из толпы.

– Что там такое? – спросил Володя.

Целую минуту я не мог ответить.

– Расстрелянные там.

– Как – расстрелянные? Много?

– Не знаю, человек сто, может, больше.

Володя побледнел.

– Отчего?

– Не спрашивай меня. Отчего вообще большевики?

– Да кто они все?

– Как я знаю! Пойдем.

Меня продолжало внутренне тошнить. Как будто я не привык к безмозглой жестокости большевиков. Они расстреливали свои жертвы не потому, что они были опасны, или за то, что они будто бы сделали, а просто когда те попадались им в облавах. Большинство были люди, которые никакой роли в прошлом не играли! Оказалось потом, что между расстрелянными был Суковкин²³⁴, в прошлом всеми уважаемый и любимый смоленский губернатор. Он был другом моих родителей, вышел в отставку уже более десяти лет тому назад, ему было 80 лет. Другие были доктора, инженеры, чиновники, их жены и дочери. Я вспомнил наставление Петра Арапова: «Никогда не позволяй себе злиться на то, что ты видишь и слышишь. Злоба туманит твой ум и мешает бороться с неприятелем».

Он был, может, прав, но досада бессилия была очень остра.

Наконец мы нашли дом. Я посмотрел на него с недоверием, дом был большой особняк.

²³⁴ Речь идет о **Николае Иоасафовиче Суковкине** (окончил Александровский лицей в 1881 г.), гофмейстере, киевском губернаторе.

– Не может быть, чтобы Дарья Петровна жила в таком большом доме, да так близко к Чеке!

Я вдруг испугался: может, между этими трупами лежит и Дарья Петровна? Позвонил. Открыла дверь араповская няня.

– Что вам нужно? – спросила сердито.

– Няня, вы меня не помните?

– Отчего мне вас помнить?

– Да я Николай Волков.

– Так чего ж ты не сказал сразу?

– Что, Дарья Петровна дома?

– Чего ты оделся в солдатскую форму?

– Да мы в Белой армии.

– Белой, красной, синей... чего никто русской не называет? – Она продолжала ворчать.

– Так Дарья Пет...

– Я ее позову.

У меня отлегло от сердца.

Через минуту вылетела Дарья Петровна и, не говоря ни слова, бросилась меня целовать.

– Душка, откуда ты? Входите, входите... А это кто?

Дарья Петровна бросилась и расцеловала Володю, который сильно покраснел.

– А что, Петр приехал?

– Нет, разве ты не знаешь о нем хоть что-нибудь?

– Так он бежал из Москвы раньше нас, я с тех пор ничего о нем не слышал.

Дарья Петровна залилась слезами, она вообще очень легко плакала.

– Это ничего не значит, многие из наших только вчера до Киева доехали, а мы уж давно до Полтавы добрались...

Дарья Петровна перестала плакать, стала расспрашивать.

Была какая-то странная разница между теми, которые испытали иго большевиков, и людьми, которые познакомились с ними недавно. Они совершенно себе не представляли силу большевиков, для них это были какие-то случайные разбойники, которые временно попадали в город. Они совершенно не представляли себе, что происходит в России.

К моему удивлению, весь особняк был снят Дарьей Петровной и княгиней Куракиной. Услышав ее имя, я испугался:

– Это не Таня Куракина?

– Да. Ты ее знаешь?

– Нет, не знаю, но мама и папа ее хорошо знают.

Я не мог добавить, что мои родители считали ее бестактной дурой и мой отец очень забавно имитировал смесь русского с французским, на которой она будто бы говорила с извозчиком.

Я спросил Дарью Петровну, может ли она поместить нас на несколько дней, пока не приедут в Киев представители от конных полков набирать добровольцев.

– Да мы пять человек можем поместить, приведи кого хочешь, кто бы они ни были, я так рада, что мы можем помочь, и приведи их всех обедать.

Но, узнав о Тане, я совсем не был так уверен. Я объяснил Дарье Петровне, что хотел бы привести Загуменного и Егорку.

– Так что ж в этом?

– Я боюсь, что княгиня может и обидеть.

По правде сказать, и Загуменный и Егорка были, как крестьяне, настолько уверены в себе, что никакая дура их обидеть не могла. Обижен был бы я, а не они, если бы Куракина была с ними невежлива.

– Да, Николаша, не будь таким чопорным, она ж не дура. Приведи кого хочешь, приходите сперва к чаю, часа в четыре, а потом мы поужинаем.

Мы ушли, не видав Таню Куракину.

В кофейной сидели Загуменный, Егорка и Вадбольский²³⁵. Я им рассказал, где мы были и все, что с нами произошло с Брянска. Загуменный рассказал свои авантюры. Я передал им приглашение и предупредил о Куракиной. Загуменный и Егорка только посмеялись, но Вадбольский сразу же отказался.

– Да чего ты боишься?

– Это хорошо вам всем говорить, но она станет со мной говорить по-французски, а я ни слова не знаю.

– Так я тоже ни гугу не понимаю, – сказал Загуменный.

– Это другое дело, она с тобой по-французски говорить не будет!

– Так ты скажи ей, что не знаешь.

– Это неудобно.

– Эй, брат, Николай ее на место посадит.

Вадбольский наконец согласился. Позавтракали, посмотрели магазины.

– Ну, братец, они здесь еще большевиков не знают, посмотри, сколько добра в витринах! – сказал Егорка.

Я нарочно выбрал другой подход к дому, чтобы не проходить мимо чекистской бойни.

– Да это дворец какой-то!

– Да, дом большой, как видно, большевики до них еще не добрались.

Дарья Петровна приветствовала нас всех с открытыми объятиями. В большой гостиной восседала Таня Куракина, которая очень любезно всем улыбнулась, поцеловала меня в лоб и сразу же напала на меня по-французски с требованиями всех московских новостей и подробностей о моих родителях.

Я решил отвечать ей только по-русски и объяснил, что мы уже два месяца из Москвы, что мои родители были в Москве, когда я уехал, но что теперь я ничего о них не знаю. Она стала бурно сетовать, что родители мои совсем не пишут. Я подумал: что они здесь, все с ума сошли? Неужели они думают, что можно переписываться?

Мы вернулись в город, надеясь подобрать слухи о том, где кавалерия. Тут было довольно много гвардейской пехоты. Какой-то преображенец нам сказал, что гвардейская конница в Нежине и что будто бы железная дорога до Нежина очищена 2-м сводно-гвардейским полком. Он будто бы видел москвича в Броварах, который поездом приехал из Носовки, и что там стоит эскадрон желтых кирасир²³⁶.

Ужин прошел без всяких инцидентов. Дарья Петровна посадила Вадбольского и Егорку рядом с собой. Княгиня должна была говорить с одной стороны с Загуменным, а с другой со мной. Она постоянно обращалась к Володе мимо меня, и он отвечал без стеснения. С Загуменным она завела разговор о лошадях и о полках, которые она «знала». Когда он сказал, что он александриец, она заметила:

– Ах да, я помню, что был такой полк, он, кажется, прозывался «кощейный».

– «Бессмертный», княгиня, «бессмертный».

– Ах да, я спутала, я знала, что он имел что-то общее с Кошеем.

Должен сказать, что о лошадях она знала довольно много.

После, когда мы пошли в свои комнаты, няня поймала меня на лестнице и стала ворчать:

– Что это ты привел каких-то солдат нам в дом, совсем не подходяще!

²³⁵ **Князь Вадбольский** – корнет 13-го драгунского полка. В апреле 1919 г. в Москве. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. (вступил в Киеве) в эскадроне л.-гв. Гродненского гусарского полка.

²³⁶ То есть л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Воспоминания его офицеров публикуются тоже.

- Да, няня, мы все солдаты.
- Это неприлично – бедную Дарью Петровну сажать рядом с мужиками.
- Няня, няня, один из них князь! – стал я ее дразнить.
- Князь?! Какой из них князь?
- Вот видите, сами не знаете.

Она ушла, ворча что-то про князей и солдат.

Было еще рано, и мне хотелось наконец узнать от Загуменного, что, в сущности, был Главсахар и как это все случилось.

– Да ты, брат мой, не поверишь, как все началось. Помнишь 3-й кавалерийский корпус генерала Крымова?²³⁷ Корнилов боялся, что Керенский, будучи социалистом, не примет положительных мер против коммунистов. Ленин, Троцкий и многие другие, все были в Петербурге, и если что, там надежных войск нет. Керенский и сам просил войск. Корнилов приказал Крымову идти в Петербург. Крымов повел конницу и дошел до Луги. Керенский, дурак, испугался не большевиков, а кавалерии, говорили тогда, он боялся, что кавалерия устроит контрреволюцию и его сместят. Он обвинил и Крымова, и Корнилова в предательстве. Корнилова арестовали в Ставке, а Крымов почему-то застрелился, так и непонятно.

3-й корпус оказался без командира. Пошло брожение в полках. У нас в дивизии революцию вообще не любили. Некоторые хотели продолжать наступление на столицу, другие говорили, что без вожака идти глупо. Ни дивизионные, ни полковые командиры никак не могли решить, а Временное правительство решило полки расформировать. Это очень не понравилось эскадронным офицерам и большинству солдат. Раньше у нас никаких митингов не было, но тут вдруг стали собираться. Эскадронные старались уговорить всех не портить дисциплину. Были и у нас новобранцы, которые ни во что не верили и хотели уходить домой.

Ротмистр моего эскадрона Янковский собрал у себя на квартире всех наших унтер-офицеров и регулярных солдат. Объяснил нам положение и сказал: «У нас, ребята, сейчас не полки, а бардак. Ничего мы сделать не можем. Никто нас не ведет, я думаю, что лучше всего расходиться по домам. Я всех вас знаю и знаю, что, если придет время и мы сможем что-то сделать, на мой клич вы все соберетесь. А сейчас валяйте домой!»

Жалко было расходиться, дружный был эскадрон. Ну, решили и стали разъезжаться. Но перед отъездом Янковский собрал у себя человек двадцать. Всех тех, кого он знал лучше всего. Между ними и меня, и нескольких еще, кого ты знаешь. Говорит нам: «Я хочу, чтоб каждый из вас записал бы адреса тех, кого вы считаете надежными, и дайте мне адреса ваши». Все согласились. «Я еще не знаю, что мы можем сделать, но мы теперь не офицеры, не солдаты, а просто русские». Все наши верили Янковскому и любили его.

Разъехались. Янковский и Кочановский уехали к себе в деревню в Саратовскую губернию. Штабс-ротмистра Кочановского тоже все очень любили.

Прошла зима 1917/18 года. Получил письмо от Янковского, он меня приглашал к себе. Поехал. Тут человек десять, не все наши и не все военные. Янковский говорит: «Я обдумал положение. Корнилов собирает армию на Кубани. Мы бы все могли к нему примкнуть, но это мало ему поможет. В России сейчас тысячи против коммунистов, в одной Москве, должно быть, более тридцати тысяч военных. Их оттуда нужно вытянуть в Корниловскую армию. Я решил, что лучше всего всем нам стать коммунистами. Стать «хорошими» коммунистами, так, чтобы мы могли подняться в коммунистической партии». Все на него посмотрели с удивлением.

²³⁷ **Крымов Александр Михайлович**, р. в 1871 г. Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1892), академия Генштаба (1902). Генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса. Участник выступления генерала Корнилова, по приказу которого двинул свой корпус на Петроград. Застрелился 31 августа 1917 г. в Петрограде.

«Там, где нас знают, этого сделать нельзя. Придется поехать куда-нибудь, где нас не знают. Как только мы утвердимся в коммунистах в каком-нибудь городе, я и Кочановский поедem в Москву. Я еще не знаю, что мы там можем сварганить, но организуем какой-нибудь отдел. Большевики любят отделы на все. Мы что-нибудь придумаем, например, поставлять им с юга пшеницу или кукурузу, сахар или масло. У нас среди надежных есть тамбовские, орловские, курские, тульские. Повсюду там зеленые. Наши могли бы с ними связаться, чтоб пропустили только нас. Большевики этого сделать не могут. Согласны вы или нет?»

Все согласились. Устроили способ сообщения. Мне и унтер-офицерам Болоникову и Махрову было задание найти наших, которые могли бы связаться с зелеными. Разъехались.

В сентябре 1918 года получил от Янковского из Москвы письмо, вызывающее меня. Он убедил комиссариат снабжения, что он сможет организовать поставку сахара в Москву. Он мне велел устроить через наших соглашение с зелеными.

Желая обезопасить работу, Янковский настоял, чтобы к Главсахару прикомандировали чекистов. Назначили Александрова и Курочкина. Отдел был открыт в Торговых рядах. Янковский убедил комиссариат, что нужно защищать сахарные заводы от зеленых, поэтому нужны специальные войска. Ему сразу дали разрешение. Так был организован Южный полк. Большевикам было безразлично, какие полк нес потери. Сразу же добровольцев набралось много из бегунов. Атаки на заводы устраивали каждую ночь. «Убитых» было много, они просто уходили к зеленым. И по дороге атаки на поезда устраивали. Посылали чекистов на заводы. Они боялись к зеленым попасть и сами докладывали, как опасно на заводах и по пути.

Бои стали больше и чаще. Не знаю, сколько людей на заводы посылали, но думаю, что так ушло больше двадцати тысяч. «Могил» там вокруг фабрики были тысячи. Но сахар приходил в Москву еженедельно. Правда, еще и по пути теплушки с сахаром отцеплялись зелеными, но это было уговорено.

Потом Александров споткнулся. Он со своими братьями отцепил теплушку во Внукове. Наши доложили Янковскому. Янковский дал Александрову понять, что он это знает. Александров после этого из благодарности, что Янковский на него не донес, стал смотреть на все сквозь пальцы. Курочкин был пьяница, да ты это сам видел, и его тоже поймали на спекуляции.

– У княгини много шарму, – вдруг сказал Володя ни к селу ни к городу.

– Ничего не шарм, она просто дура! – отсек я раздраженно.

– Эй, брат, Володя прав, ты слишком молод, чтоб это оценить, – улыбнулся Загуменный.

– Ну а потом что?

– Ну а потом я сам не знаю, что случилось. Еще в марте этого года Янковский решил вытянуть всех, кто были в Киеве и на западе. Я с этим ничего общего не имел. Организовали Западный полк, кто там был, я даже не знаю. Где-то в Носовке и около Ромен были заводы. Поставляли сахар, вероятно, в Киев и Могилев, не знаю. Но с Южным полком что-то случилось, его будто бы отрезал партизан Ангел. Мы с Егоркой пробрались в Глухов. Там все Ангела боялись, да и мы тоже. Это все.

– Но почему мы вдруг в Западный полк махнули?

– Это, брат, я не знаю. Меня вызвал Янковский. Его жена мне говорит...

– Жена? Какая жена?

– Да все эти машинистки были жены – Янковского, Кочановского, Деконского, Тушина и т. д. Жена его меня просит: «Вы убедите мужа ехать в Киев». А он мне говорит: «Пока еще можно, берите свою команду и поезжайте в Киев, на фабрику уже слишком поздно». Я его спросил, не лучше ли ему тоже в Киев ехать, но он ответил, чтобы я не беспокоился. Сказал, что и в Киев дорога, вероятно, отрезана, но что у меня команда отборная и пробиться смогут. Дал мне пакет денег и проездные.

– А кто были Копков и Тушин?

– Оба они гренадерского какого-то полка, стояли в Москве, друзья Янковского, кажется, тоже саратовские помещики.

– Как это кто-нибудь не проговорился?

– Да о чем?

– Как о чем? Да что через Главсахар можно в Белую армию махнуть!

– Да никого же для этого не набирали. Каждый, который записывался, думал, что он очень умен, вот случай выбраться из Москвы, никто этого не знает, а он, хитрый, увидел возможность. А когда уже на фабрике, видит, что не он один. Видит, какая-то связь с зелеными, ну и ахти! Да ты и сам, брат, не знал, и попал ко мне по ошибке, а потом Егорка за тебя поручился.

На следующий день пошли опять в город. За утренним завтраком я спросил Дарью Петровну, знала ли она, что два дня тому назад расстреляли многих на их улице. Она была ошеломлена:

– На нашей улице?!

– Да, в этом открытом подвале.

– Да это рядом с Чекой. Каждую ночь была стрельба, говорили, что где-то разбойники были и оттого перестрелка.

Я подумал, вот странно, рядом жили и ничего не знали. Вероятно, это часто случалось.

В городе уже появились офицеры и солдаты разных полков. Многие из них, наверно, прятались и теперь надели погоны. На Крещатике мы встретили Васильчикова, которого мы видели в Главсахаре. Теперь он был в форме поручика 2-го лейб-драгунского Псковского полка²³⁸. Я к нему подошел и сказал, что все мои спутники главсахаровцы. Он обрадовался, и мы все вместе пошли в кофейню.

Он нам рассказал, что Подвойский, главнокомандующий войсками на Украине, слыша о наступлении белых и Петлюры, вызвал Западный полк как самый надежный из советских войск. Он ему поручил защищать Киев. Будто бы Западный полк разбил Петлюру под Васильковым, но Подвойский оттянул его в Киев, чтобы защитить город от белых. Вместо этого, когда красные были разбиты под Дарницей, Западный полк окружил штаб Подвойского. Какой-то полковник Тарновский связался с генералом Бредовым, и Киев пал.

Это оказалось правдой, но его описание боя под Дарницей, по-моему, было преувеличено. Он уверял, что бой был гораздо большего размера. У большевиков будто бы была дивизия, и что с юга были рукопашные бои, укрепления и проволока. Что бой начался на рассвете и т. д. Все это, может, так и было, но я видал только действия нашего взвода. Я был даже немножко удивлен, как легко мы пробились, но это могло быть потому, что вся тяжесть сражения пала на 1-й Сводно-гвардейский полк²³⁹, то есть на преображенцев, семеновцев, измайловцев²⁴⁰, егерей²⁴¹ и, может быть, на другие батальоны стрелков.

²³⁸ 2-й драгунский Псковский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Затем эскадрон полка входил в состав 1-го конного полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й кавалерийский полк.

²³⁹ 1-й Сводно-гвардейский полк. Сформирован во ВСЮР 8 августа 1919 г. Входил в состав Сводно-гвардейской бригады. Состоял из подразделений полков 1-й и 2-й гвардейских дивизий Императорской армии (по 1—3 роты от л.-гв. Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского и Павловского полков). Включал 1-й (сводный), Гренадерский и Павловский батальоны по 3 роты (по 40—60 штыков при 4—5 офицерах) в каждом, Преображенскую и Московскую роты, пулеметную и конных разведчиков команды. Командиры: полковник Е.Ф. Мантуров 1-й, генерал-майор А.Н. Моллер (с 2 сентября 1919 г.).

²⁴⁰ Лейб-гвардии Измайловский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Попытка сформировать полк была предпринята сначала при Донской армии. Из полка на Дону в январе 1918 г. находилось 19 офицеров, 13 из них участвовали в 1-м Кубанском походе. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м батальоне 1-го Сводно-гвардейского полка. Еще одна рота полка находилась в составе Сводно-гвардейского батальона. 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. сформирован батальон в Сводном полку 1-й гвардейской пехотной дивизии (действовал отдельно от полка). Командиры батальона: генерал-майор Есимантовский, капитан Павский (врио, на 28 сентября 1919 г.). Командиры рот: штабс-капитан Рогимов, капитан Павский. Начальник команды: капитан Панафидин. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 1-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Всего в Добровольческой армии воевало 52 офицера полка, еще 5 было принято в полк во время войны и 44 прикомандировано (часть их тоже принята в полк). Полк потерял в Белом движении 37 офицеров (в т. ч. 19 убито и 6

Он также рассказывал, что 1-я кавалерийская дивизия – Сводно-кирасирский, 2-й Дроздовский, 2-й легкокавалерийский сводно-гвардейский и 16-й²⁴² и 17-й²⁴³ уланские, – дошла до Нежина-Бахмача и что 2-я кавалерийская дивизия была под Конотопом.

Он оказался прав, но откуда он это узнал, сидя в Киеве, не понимаю. Уверял, что назавтра приедут в Киев офицеры из 1-й дивизии рекрутовать и что они останутся в «Метрополе». Это тоже оказалось правдой.

Все же меня удивляло, как это случилось. Загуменный говорил раньше, что связи между Главсахаром и Белой армией у Западного полка не было. Это, безусловно, было так, что касается стрелков. Когда мы перешли, Исаков и Мирский ничего о Главсахаре не слышали. Может, была какая-то связь с генералами Драгомировым, Лукомским²⁴⁴ и Бредовым?

Была еще одна очень странная вещь, которую я до сих пор не понимаю. Телефоны продолжали действовать. Кто за ними смотрел, я не знаю. Знаю только, что, когда я был уже в Конном и мы видели, что проволока телефонная оборвана, ее сейчас же чинили, и, по-видимому, красные делали то же самое. Но кто платил телефонистам, я не знаю. Однажды я с разездом был на маленькой станции, позвонил на следующую станцию Плиски, занятую нами. Мне ответила какая-то девица. Она оказалась в Ворожбе. Сказала: «Я вас сейчас соединю» – и через минуту я заговорил с каким-то типом, который оказался комендантом в хуторе Михай-

попало в руки большевиков). Полковое объединение в эмиграции – «Союз Измайловцев» (основан 25 марта 1922 г., Париж) на сентябрь 1930 г. насчитывало 72 человека (в т. ч. 32 во Франции, 17 в Сербии и 12 в Финляндии), на 1939 г. – 74, на 1949—1951 гг. – 40 (в т. ч. 11 в Париже, 11 в США), на 1958 г. — 21 (10 в Париже). Почетный председатель – генерал-майор Великий Князь Андрей Владимирович, председатели: генерал-лейтенант Н.М. Киселевский, полковник М.Н. Архипов; председатель Парижского отдела и начальник кадра – полковник П.И. Василенко, полковник Б.М. Брофельдт; заместитель председателя – полковник Б.К. Перский; секретари: полковник А.М. Брофельдт, подпоручик К.В. Хвольсон; хранитель архива – капитан И.В. Траскин; представители в Югославии – полковник Д.В. Шатилов, полковник Б.С. Гескет и подполковник С.А. Козлов. Издавало сборники «Измайловская старина» (Александрия; тираж 10 экз.; по 1938 г. вышло 30 тетрадей) и «Измайловский досуг» (Нью-Йорк, по 1948 г. вышло 15 сборников).

²⁴¹ Лейб-гвардии Егерский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел одну роту в 1-м батальоне 1-го Сводно-гвардейского полка. Еще одна рота полка находилась в составе Сводно-гвардейского батальона. 12 октября (фактически 6 ноября) 1919 г. сформирован батальон (4 роты) в Сводном полку 1-й гвардейской пехотной дивизии. К 19 ноября сократился до трех рот по 30—40 штыков, к 24 ноября – до двух, к 27 ноября – до одной. Командир батальона – полковник Н.В. Аксаков. Командиры рот: капитан Цетерман, капитан Афросимов, капитан Гаас, капитан Меринг, капитан Никитин, штабс-капитан Староверцев. Начальники команд: штабс-капитан Вурумзер, подпоручик Шипилев. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 1-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции – «Объединение лейб-егерей» (Белград, затем Осек, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС) в 1925 г. насчитывало 93 члена, на 1939 г. – 80 (в т. ч. 25 во Франции, 20 в Париже), на 1949—1951 гг. – 62 (21 в Париже, 2 в США), на 1958 г. – 34 (16 в Париже), на 1962 г. – 35. Председатели: генерал-майор А.П. Буковский, полковник С.А. Усов; заместитель председателя – полковник Б.А. Фриде; секретарь и казначей – капитан В.А. Каменский. До 1939 г. издавало в Париже на ротаторе ежегодный журнал «Егерский Вестник» (вышло 14 номеров по 24 с., редактор – генерал-майор А.П. Буковский) и журнал «Осведомитель лейб-егерей» (40 номеров до 1939 г. и еще 9 до 1965 г.; редактор – капитан В.А. Каменский).

²⁴² 16-й уланский Новоархангельский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Новоархангельские уланы с 27 мая 1919 г. входили в состав сформированного Сводно-уланского полка, где в июле 1919 г. были представлены эскадронном, затем был развернут собственный полк. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й, а с 8 августа 1920 г. – в 3-й кавалерийский полк.

²⁴³ 17-й уланский Новомиргородский полк. Полк Императорской армии. 3 его офицера участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в 1-м кавалерийском дивизионе. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка входил в состав Сводно-уланского полка. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил во 2-й, а с 8 августа 1920 г. – в 3-й кавалерийский полк.

²⁴⁴ **Лукомский Александр Сергеевич**, р. в 1868 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академия Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. (9 января – февраль 1918 г.) начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане ВВД. С февраля 1918 г. в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. заместитель председателя Особого совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник Военного управления. С 12 октября 1919 г. председатель Особого совещания до февраля 1920 г. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии (в Белграде), США, Франции, помощник Великого Князя Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС. Умер 25 февраля 1939 г.

ловском. Сперва ни он, ни я не могли понять, о чем мы толкуем. И вдруг оказалось, что он красный комендант. Когда я ему сказал, что хотел говорить с Плисками, он был очень вежлив. «Это вы не туда попали, до нас вы еще не дошли. Вы еще Конотоп не взяли. Ну, всего лучшего!» – и повесил трубку.

Мне кто-то рассказывал, как он для забавы попросил в Лубнах соединить его с Москвой, и Москва ему ответила и телефонистка извинилась, что телефон, с которым он хотел говорить, больше не действует.

В кавалерии

На следующий день мы пошли в «Метрополь». Туда действительно приехал ротмистр Жемчужников Конного полка и представители других полков. Я спросил Жемчужникова о моем двоюродном брате Алеке Оболенском. Он, оказалось, был убит под Благодатным в Таврии, это тяжело было узнать. Другие родственники – Сергей Стенбок-Фермор и Андрей Стенбок²⁴⁵ – были в полку. Сергей командовал 1-м эскадром, что меня очень удивило, потому что он был артиллерист. Про Петра Арапова Жемчужников ничего не знал, но Николай Татищев²⁴⁶ был у него во 2-м эскадроне. Почему-то он меня, будто бы из-за того, что я был 5 недель на фронте, произвел в младшего унтер-офицера. Взял Загуменного вахмистром в свой эскадрон, а Егорку тоже младшим унтер-офицером. Володю он взял в пулеметную команду. Борис Шереметьев был взят кавалергардами. Болотников, как старший унтер-офицер, – в 1-й эскадрон. Махров устроился в какой-то другой полк.

Всего в Конный записались 18 человек, все из Главсахара. Вадбольский был очень удручен, что никто не знал о 13-й дивизии. Но ему посчастливилось, от 2-й гвардейской дивизии приехал Миша Печелау Гродненского полка и взял его к себе в полк корнетом. Миша был наш сосед и во время войны служил во 2-м лейб-гусарском Павлоградском полку.

Мы все сразу же пошли в магазины экипироваться всем чем могли. Я даже нашел в одном магазине вензеля, что было кстати, так как я был назначен в 1-й лейб-эскадрон. Мы распростились со всеми и на следующий день выехали поездом в Носовку.

Носовка принадлежала родителям Романа Мусин-Пушкина, кавалергарда. Там был сахарный завод. Роман нам велел нагрузить в наши тачанки сахар, который очень пригодился. Снабдили нас лошадьми, английскими кавалерийскими седлами, английскими палашами и бамбуковыми пиками и английскими же плоскими касками. Из всего этого оборудования только пики и каски были хорошие. Палаши были тяжелые, слишком длинные и, наверно, из какого-то скверного металла. Седла были определенно изобретены идиотами: они состояли из двух досок, соединенных спереди и сзади согнутыми дюймовыми трубами и покрытых кожей. Трубы разгибались от веса седока, и доски врезались в спину лошади. Выдали и наши прекрасные карабины.

Я попал левофланговым в первый взвод и сразу же почувствовал недружелюбие моего взводного, князя Кантакузена. Он был кадет Одесского военного корпуса, был очень строгий дисциплинер, красивый малый, всегда опрятный и великолепный взводный. Как старший унтер-офицер, он пришел с полком из Крыма. Я был новобранец и сразу получил два шеврона (оказалось – из-за Загуменного, который наговорил что-то Жемчужникову).

²⁴⁵ **Граф Стенбок-Фермор Андрей Владимирович**, Поручик л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта, на 12 мая и летом 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку Гвардейской кирасирской дивизии, с весны 1920 г. – в эскадроне л.-гв. Конного полка в Гвардейском кавалерийском полку Русской Армии. Штабс-ротмистр. Убит 13 июля 1920 г. у с. Щербаковка под Жеребцом в Северной Таврии.

²⁴⁶ **Граф Татищев Николай Дмитриевич**, р. 12 ноября 1896 г. Александровский лицей (1917). В апреле 1919 г. в Москве. Во ВСЮР и Русской Армии; летом – в ноябре 1919 г. корнет в эскадроне л.-гв. Конного полка, к лету 1920 г. поручик. Штабс-ротмистр. В эмиграции в Константинополе, затем во Франции. Умер 5 августа 1985 г. в Париже.

В первый же день произошел неудобный для меня случай. Сергей Стенбок-Фермор, услышав о моем приезде, вызвал меня к себе и, выходя со мною из дома, при Кантакузене, которого он не заметил, сказал:

– Ну, Николай, Андрей будет очень рад тебя видеть, да у тебя здесь и другие друзья есть – Николай Татищев, Дерфельден²⁴⁷ и Кирилл Ширков²⁴⁸, сейчас их еще нет, но они приедут. Ты ничего о Петре не слышал?

– Нет, ничего, с Москвы.

Я только тогда заметил Кантакузена. Он ко мне подошел и сказал обиженным голосом:

– Я не удивлен, что вас произвели в унтер-офицеры, у вас тут много знакомых.

Это меня рассердило, но тут еще появился откуда-то Николай Татищев:

– Эй, Николай, поди сюда, что ты о Петре знаешь?

Я сказал, что ничего. Оказалось, они где-то разошлись, и с тех пор никто о Петре ничего не знал.

После этого Кантакузен считал меня каким-то «любимцем» офицеров, это было совершенно не верно, с того момента я ни с Сергеем, ни с Андреем, ни с Николаем никогда не говорил иначе как по службе. Но Кантакузен ко мне придирался как мог. Он, конечно, был всегда прав, но мне от этого было не легче.

Мы выступили на следующее утро после моего приезда. Пошли на север, вслед за 2-м Дроздовским, в направлении на Чернигов. Но на следующий день повернули на Нежин. Какие-то красные части захватили опять город. Беспорядочный бой завязался на окраине. Генерал Косяковский²⁴⁹, командующий нашим полком в семь эскадронов, бросил два эскадрона желтых кирасир с конной батареей кругом города, захватили станцию. Было больше шума, чем настоящего боя. Мы и кавалергарды, спешенные, ворвались в город. Была сильная перестрелка. Город был большой, и, как видно, большевики вытянулись, потому что к вечеру стрельба угомонилась. Синие кирасиры²⁵⁰ захватили несколько пленных.

Наутро мы пошли вдоль железной дороги в направлении на Бахмач. Дорога была будто бы в наших руках. Я был в разъезде впереди, с десятком солдат. Это тут, дойдя до какой-то маленькой станции, я хотел говорить с Плисками, и по телефону связался с хутором Михайловским.

Обдумывая наше движение в те времена, я всегда удивлялся какой-то несвязанности и наших, и красных войск. У нас не было достаточно людей, чтобы оставлять гарнизоны. Не было никакой причины, отчего красные не могли бы занимать города в нашем тылу. Мы были слишком разбросаны, и сообщение между частями было совершенно случайное. Кроме того, я не понимал нашей стратегии. Мы теперь шли в какую-то глушь. Зачем? Направо от нас был Брянск. Отчего мы не концентрировали всю кавалерию, чтобы занять этот важный пункт?

Из Плисок мы пошли на Борзну. Я заметил, что тут нас встречали с большим удовольствием, но в то же время без всяких демонстраций. Они боялись, что, как только мы уйдем, вернутся красные.

Погода переменилась, стычки стали ежедневные, ясно было, что почему-то большевики концентрируют свои силы на север от Борзны. Была ли это защита Чернигова или боязнь, что мы повернем на Брянск, я не знаю. Два или три дня мы мотались, высылая разъезды во все стороны, ища главные силы большевиков.

²⁴⁷ **Фон Дерфельден Христофор Иванович.** Офицер с 1909 г. Полковник л.-гв. Конного полка. Во ВСЮР и Русской Армии; летом 1919 г. в эскадроне л.-гв. Конного полка. В эмиграции. Умер после 26 апреля 1931 г.

²⁴⁸ **Ширков Кирилл Валерианович.** Пажеский корпус (1911). Ротмистр л.-гв. Конного полка. В Вооруженных силах Юга России; летом 1919 г. в эскадроне л.-гв. Конного полка, с октября 1919 г. командир того же эскадрона. В эмиграции в Канаде. Умер 1 мая 1966 г. в Альберте (Канада).

²⁴⁹ Имеется в виду **Д.В. Косиковский** (см. выше).

²⁵⁰ То есть л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Воспоминания его офицеров публикуются ниже.

Были дни, когда солнце светило с утра до вечера, но на следующий день шел проливной дождь. Разъезды доходили до Десны и захватили железнодорожный мост. Несколько разъездов даже перешли Десну, но их отозвали, по-видимому, концентрация большевиков была где-то не там.

В один очень мокрый день мы, кажется, в третий раз перешли Бахмач-Гомельскую железную дорогу по направлению к Батурину. В то утро пришло сообщение, что Чернигов взят 2-м конным Дроздовским и (что оказалось потом старым известием) пали Льгов и Орел. Хотя еще было рано, тучи нависли и стало темнеть. Как и за последние несколько дней, мы главных сил большевиков не нашли. Постоянно были стычки с «червонными казаками». Что они собой представляли, кто они были, мы не знали. Они дрались хорошо, многие из них носили бурки, и лошади их были не донцы. Из-за бурок ли их называли казаками, или кто-нибудь взял пленного, я не знаю. Мне кажется, что они были началом буденновской конницы. Ходили слухи, что мы искали целую пешую дивизию Третьего Интернационала, которую нам было приказано истребить. Если это было правдой, то от нашего полка в 700 шашек ожидали очень многого. Красная дивизия, говорили, вся была из коммунистов. Единственное усиление мы получили – 2-ю Горную гвардейскую конную батарею полковника Хитрово²⁵¹.

Когда уже стало темнеть в этот день, я шел с дозором-разъездом в семь человек довольно далеко впереди полковой колонны. Командовал тогда полком полковник князь Девлет-Кильдеев, желтый кирасир. Полковник, когда я сменил разъезд кавалергардов, сказал мне название деревни, где мы будем ночевать, посмотрел на карту при свете спички и добавил:

– Это не более трех верст, дорога идет туда прямо, никаких поворотов нет.

Я сменил разъезд и пошел. Было довольно жутко, шел дождь и видно недалеко. Мы прошли немножко больше версты, когда вдруг дорога раздвоилась. Я остановился, не зная, какая из двух дорог была нашей, и послал обратно солдата узнать, какую брать. Подъехал Девлет с полком.

– Хм-м... – Он стал чиркать спички. – Не понимаю, на карте этой вилки нет. Валите по правой, она прямее.

Я пошел опять рысцою, чтобы быть на правильном расстоянии. Слева был лес, справа какой-то кустарник. Вдруг совершенно неожиданно у меня в голове появилась картинка деревни. Дорога спускалась не круто, направо был лес. На горке стояла ветряная мельница, а деревня лежала в долине налево от мельницы. Это впечатление было так сильно, что я поднял руку и остановил разъезд. Я сейчас же послал солдата обратно к Девлету. Когда он подъехал, я доложил ему, что мы не на той дороге. Он посмотрел на меня и спросил:

– Как вы это знаете?

– Не могу ответить на это, господин полковник. Там на карте ветряная мельница есть?

– Нет... Вы когда-нибудь в этих краях были?

– Никогда, господин полковник.

– М-м-м... это случается.

Я испугался, что, если я не прав?

Но уже было поздно, Девлет повернул колонну к вилке. Я рысцою пошел на левую дорогу. Я очень боялся, что зря понадеялся на какой-то непонятный призрак, хотя сразу же почувствовал, что эта дорога мне была знакома. Я, например, точно знал, когда справа кончится

²⁵¹ **Хитрово Владимир Сергеевич**, р. в 1891 г. Пажеский корпус (1910). Полковник л.-гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. В ноябре—декабре 1918 г. в Киеве; с 3 ноября 1918 г. командир 1-го отдела Офицерской дружины ген. Кирпичева в Киеве. В Вооруженных силах Юга России; в 1919 г. прибыл из Ялты в Новороссийск; с 5 января 1919 г. в Сводно-гвардейском полку, летом 1919 г. командир 2-й горной гвардейской батареи. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции во Франции, в 1939 г. выступал как монархист-легитимист; в 1959 г. член правления Союза георгиевских кавалеров, сотрудник журнала «Военная Быль», на декабрь 1963 г. заместитель председателя Гвардейского объединения. Умер 24 февраля 1968 г. в Париже.

лес. Дождь перестал, и стало светлее. Я отчего-то знал, что сразу за лесом откроется склон и впереди будет видна мельница.

Так и случилось. Деревня была немножко ниже налево. Я сейчас же послал солдата обратно, и через минуту эскадрон синих кирасир обогнал меня на рыси, а за ним рысцой пошли квартирьеры. Деревня оказалась большая, не помню, как она называлась. Когда мы в нее вошли, ничего знакомого для меня не было. Синие уже расставили сторожевое охранение, когда вестовой вызвал меня к Девлету.

– Вы действительно никогда здесь не были?

– Никак нет, господин полковник.

– Вы что, родственник Борису Волкову?

– Никак нет, он курский, мы смоленские, он дальний родственник.

– А, так вы родственник Евгению, генералу?

– Он полубрат моего деда, господин полковник.

– Ах да, тогда знаю, ваш дед рязанский, Волков-Муромцев!

– Так точно, господин полковник, но это по майорату, я просто Волков.

– Ну-ну, идите спать.

Это был единственный случай, что мне привиделось незнакомое место.

На следующий день дождь лил как из ведра. Грязь, по которой мы шлепали, была черная. Лошади уныло повесили головы, приложили назад уши, и гривы их висели какими-то сосульками.

Мы подъехали по большаку к деревне. Впереди пол-эскадрона кавалергардов лавой прошли к деревне и исчезли в ее садах. Мы пошли рысцой по краю деревни и выехали в поле, развернувшись лавой. Вдруг из долины грохнули орудия. Четыре снаряда разорвались близко. Дождь перестал. Где-то за облаками появилось жидкое солнце, и на желтоватом небе – полосы дождя. Голубые огоньки орудий мелькали за кустами, и снаряды ложились между нами, поднимая черные грибы. Затрещали пулеметы. Карьером мимо нас проскакал вестовой к Стенбоку. Стенбок быстро повернул, и вся лава направилась к деревне.

До сих пор помню: кадет Максимов, стоя в одной из наших тачанок с маузером в руке, кричал мне, когда я с ним поравнялся:

– Это что за пулемет, восемнадцать выстрелов, где эта сволочь?

Мы вернулись на большак и сразу же спешили. Наши пулеметчики, неся «левисы» на плечах, побежали направо от дороги через черную грязь. Затрещали наши 8 пулеметов. Большак был окаймлен старыми березами, и коноводы отвели лошадей за них. Наша цепь растянулась перед березами. Крыли нас шрапом. Вдруг что-то хлопнуло меня по каске так сильно, что зазвенело в ушах и, наверно, я на минуту потерял сознание, потому что когда я пришел в себя и поднял голову, то ничего не видел и только через секунду понял, что ударился лицом в грязь и она мне залепила глаза. Надо мной стоял номер третий одного из наших пулеметов, Васька, десятилетний мальчишка.

– Убило Васильева и Кузку и расстреляли все барабаны!

Он держал 4 барабана. Я вскочил, схватил у него два барабана, и мы вместе побежали вперед. Васильев лежал ничком, а Кузка распластался на спине. Я попробовал надеть барабан, но ничего не выходило.

– Не так, не так, – сказал Васька, – ну, теперь!

Я никогда не стрелял «левисом». Он вдруг затрещал. Впереди, шагах, может, в 400, шла на нас цепь. Наши пулеметы наносили им тяжелые потери, и они повернули обратно. И пулеметы отозвали. Ни Васильев, ни Кузка не были убиты, оба были ранены.

Я почувствовал себя молодым героем, но неожиданно получил невероятную головомойку от Стенбока, что я без приказа ринулся куда-то.

Большевики отступили. Но в этот момент появилась конница с другой стороны дороги. Она показалась из кустов в долине. Приказ был «По коням!». Мы бросились к своим лошадям. В этот момент развернулась батарея полковника Лагодовского. Желтые и синие кирасиры построились во фронт, прямым углом к батарее, и батарея открыла огонь.

Это был первый раз, что я видел так ясно точность наших артиллеристов. Первые три снаряда лопнули в первой линии красной конницы, смяв ее. Четвертый снаряд оказался плохой, он вылетел из дула, ударился в грязь, в десяти футах от пушки, и, кидая фонтаны мокрой грязи во все стороны, прорыл длинную канаву. Я никогда ничего подобного не видел. Лошади в линии задних кирасир, как одна, присели.

Линия красной конницы, расстроенная первыми снарядами, выпрямилась, но следующие четыре снаряда ахнули в нее опять. Большевики повернули и бросились к гати – направо гать была узкая. Первые кавалеристы доскакали до гати и были сброшены с нее снарядом, кавалерия смялась перед гатью, и три снаряда ахнули в их кучу. Тогда вся конница повернула обратно. кирасиры двинулись по склону, но Лагодовский уже вконец расстрелял красных, и они стали драпать, кто в кусты, кто вдоль кустов, налево... Когда кирасиры дошли до кустов, кроме 26 непобитых лошадей, которые скакали во все стороны, кроме убитых и раненых, никого из красных не было. Кирасиры поймали лошадей и вернулись. Мы тоже повернули и вернулись ночевать в нашу деревню. Это было 10 сентября 1919 года.

Наше начальство решило, что мы наконец наткнулись на главные силы неприятеля. На следующий день погода исправилась. Разъезды были разосланы во все концы. Нужно было установить, что именно красные защищали, а также, ввиду того что они были в большом превосходстве, попытаться узнать, где они хотели с нами сразиться. От нашего эскадрона было три разъезда, два из 1-го взвода и один из 3-го, было три и от 2-го эскадрона. Кантакузен взял 12 человек, я — 10, Феодоров остался с остальными. Полковник Топтыков, наш дивизионный, указал на карте положение. Большая деревня, где мы путались накануне, была Комаровка. Налево была другая большая деревня, Евлашовка, а между ними, несколько верст на север, – опять большая деревня, Британы. В этом треугольнике, как видно, были сконцентрированы главные силы большевиков. Ротмистр Жемчужников, который был тут же, пальцем указал на Британы и сказал:

– Вчера это был дивертисмент, я уверен, что главные силы большевиков в Британах.

Во всяком случае, наши два разъезда пошли между Комаровкой и Британами. Кантакузен ближе к Комаровке. После получаса я потерял его из виду. Я шел кустами, очень осторожно. Вдруг перед нами послышались голоса, но никого не было видно. Я и Шаронов спешили, пробрались через кусты. На лужайке стояла полевая кухня, и в хвосте к ней человек 40 пехотинцев. Винтовки их все были сложены в козлы. Нам было приказано привести «языка», если можно. Я решил, что вот и возможность. Мы вернулись к разъезду, я объяснил положение. Мы решили выскочить на лужайку и в панике, которую мы бы произвели, захватить двух или трех пленных. Но вышло совсем не так. Мы полуокружили лужайку, но, когда выскочили из кустов, – ни один из красных не бросился к винтовкам, а наоборот, весь хвост поднял руки. Мне ничего не оставалось делать, как скомандовать им: «Стройся! Вон там!» Они тут же стали равняться на дорожке, но как-то неуклюже. «Что, коммунисты среди вас есть?» Испуганные перегляды, но никто не ответил. Они были вообще какие-то пуганые. Одеты неплохо, только один мальчуган иначе одет, в синих рейтузах. Он был белый как скатерть.

Большинство красных, которых мы брали в плен, были крестьяне и, стало быть, не коммунисты, но попадались, конечно, и горожане, и интеллигенты. На этих смотрели косо. Им не предлагали, как всем, служить в Белой армии, если только за них не ручались их сослуживцы. Но тех, которых и сослуживцы мало знали, – тех допрашивали и отсылали в контрразведку. А сейчас носились слухи, что в округе – сплошь коммунистическая дивизия Третьего Интернационала.

- Вы откуда? – обратился я к командиру.
- От Бахмача отступали...
- Какого полка?
- 142-го батальона, да мы отбились...
- Куда вы шли?
- Так мы... думали домой пробраться.
- Другие части тут есть?
- Да не знаем, мы никого не видели.

Мне показалось странным, что они, не зная, где другие части, так открыто расселись на дорожке, даже без сторожевого охранения. Видно, я не один сомневался, Аверкиев ко мне подошел и сказал тихо:

«Что-то не то». Я кивнул.

Шаронов дважды свистнул двумя пальцами коноводам. Я никогда не умел так свистеть. Шаронов тем временем снял с винтовок штыки, связал их какими-то тряпками, поднял и разрядил винтовки и ремнями связал их по шести. Выбрал самых испуганных и дал им под мышку. Мы тронулись по тропинке в обратный путь, скоро прошли кусты и вышли в поле.

Я ехал сзади с Шароновым, перед нами шел командир и тот мальчуган. Командир оказался бывший унтер-офицер военного времени Дензенского пехотного полка. Меня интриговал этот малец, он на других был не похож. Я подозвал его:

- А вы откуда?
- Он ответил, запинаясь:
- Я... из Ярославской губернии.
- Вас как зовут?
- Гр... граф Рос... топчин.

Что-то действительно не то. Какой он мог быть граф Ростопчин? Последний Ростопчин был московский губернатор в 1812 году. Позже уже никаких Ростопчиных не было.

- Кто был ваш отец?
- Полковник, он в отставке был, – сказал юноша тихо.
- Полковник? Какого полка?
- Лейб-гвардии Конно-гренадерского.
- Он жив?
- Не знаю.

В моем голосе, вероятно, ясно слышалось недоумение, Ростопчин сильно покраснел.

– Ну, идите вперед.

Шаронов со мной поравнялся:

- Кто этот малец?
- Да черт его знает, говорит, что он граф Ростопчин, да таких нет.
- Как нет, да тот, что Москву вспалил?
- Так это сто лет тому назад.
- Ну так потомок какой-нибудь.
- Да тот не женат был.
- Да ты же почему знаешь, кого он там обеременил.
- Такие потомки не графами были бы.
- Ну, значит, врет, каналья.

Мое удовольствие и возбуждение от захвата стольких пленных исчезло. Я вдруг сообразил, что нас совсем не за этим посылали. Расположения большевиков мы не нашли, а захватили каких-то третьестепенных пехотинцев, и что они там делали, тоже неясно. И Ростопчин этот меня покалывал. Если он не врет, то и доказать никак не сможет, документов-то у него, ясно, никаких нет. Он, может, никого не знает в армии. Я вот знал многих, и то поручик Турчанинов,

императорский стрелок, мне не поверил, и, если б случайно не вошел Сергей Исаков, меня б уж, наверно, отослали в контрразведку как большевистского шпиона. Мне стало не по себе.

Наконец дошли до сторожевого охранения. Какой-то синий кирасир крикнул: «Вы же в разъезд ходили, где столько сволочи набрали?» По пыльной широкой улице, в тени тополей, прислонившихся к заборам, сидели несколько наших солдат, играли в очко.

Перед крыльцом эскадронной хаты в полном безветрии висел, не двигаясь, на бамбуковой английской пике эскадронный значок. Построили пленных перед крыльцом, и я пошел докладывать Стенбоку.

Сергей Стенбок, все говорили, очень милый. Я его мало знал раньше. Он был хороший, строгий командир эскадрона, но я никогда не видел его даже улыбающимся. Он отчеканивал приказы, говорил короткими фразами, и я его побаивался.

Я вошел к нему с докладом, он сидел за столом и писал. Он даже не поднял головы, наконец кончил, посмотрел на меня серьезно и спросил:

– Ну, что вы нашли?

Я отбарабанил все приключение. Он меня не перебивал.

– Так вы зря проездились? Вы не за пленными же ходили?

– Так точно, но мы на них наткнулись.

Он помолчал. Меня свербило, и я решился:

– Господин ротмистр, один юноша говорит, что он граф Ростопчин, сын полковника графа Ростопчина, конногренадера.

– Такого не помню. Вообще не слышал о графах Ростопчиных. Вероятно, врет. Идите.

Я повернулся и вышел. На крыльце встретил Андрея Стенбока. «Господин поручик, разрешите с вами поговорить?» Рассказал ему все, что знал.

– Почему ты думаешь, что он настоящий?

– Да вот он сказал, что ярославский, я тогда спросил, кто был их губернский предводитель, – он без запинки ответил, и верно. Но я больше ничего не мог спросить, я Ярославскую губернию мало знаю.

Тут подошел Николай Татищев. Слух о Ростопчине уже дошел до него.

– О чем вы тут? О Ростопчине? Это, братец ты мой, он втирает. Никаких таких нет.

– Да, может, мы просто не знаем. Во всяком случае, конногренадеров нужно спросить.

– Конечно, спроси.

Но конногренадеры были где-то в Конотопе, а мы завтра на заре, вероятно, выступаем. Судьба этого Ростопчина оборачивалась худо. Андрей почувствовал мое беспокойство.

– Ты знаешь что, я съезжу на станцию, позвоню во 2-й сводный. Хочешь со мной поехать?

Во 2-м сводном долго не могли найти конногренадера. Наконец подошел какой-то ротмистр. Говорили долго, я видел, как Андрей качал головой.

– Ну что?

– Он не знает.

– Как это может быть?

– Да очень просто, если меня бы спросили, был ли какой-нибудь Голицын или Одоевский в нашем полку в 1906 году, я б не знал.

Я был удручен. У меня стояло в ушах, как Турчанинов грубил, как он называл меня «лгуном» и «красной сволочью». Мне страшно жалко стало мальчика Ростопчина.

Подъехали обратно к нашей деревне. Поравнявшись со стоянкой нашей конной батареи, Андрей спешился и дал мне лошадь:

– Подожди здесь, я у Лагодовского спрошу, он всех знал.

Через несколько минут он вышел на крыльцо и сказал весело:

– Николай, привяжи лошадей, поди сюда!

В хате сидели полковник Лагодовский, Ника Мейендорф²⁵² и еще два артиллериста.

– Это Волков.

– Знаю, – сказал Ника Мейендорф. – Расскажите о Ростопчине.

Я рассказал, никто меня не перебивал. Полковник сказал, улыбаясь:

– Так я вам скажу, что был такой полковник граф Ростопчин, конногренадер, ушел в отставку не то в 1904-м, не то в 1905-м. Сын ли его ваш пленник, не знаю, но вполне возможно.

У меня как воз свалился с плеч. Я почувствовал, что мне теперь не важно, что разъезд мой оказался плох и что Кантакузен будет мне докучать.

– Что ты так о нем беспокоился, он тебе не родня, – улыбался Ника.

– Никак нет. Я о себе думал, меня тоже подозревали Императорские стрелки.

– Да, черт его знает, что с ним случилось бы, если б он к корниловцам попал.

Когда мы вернулись, Кантакузен был уже в деревне и тоже наслышан о Ростопчине.

– Ну что? Узнали?

– Да, говорят – настоящий.

– Ну, по крайней мере, это уладили с вашими кузенами.

– Это не они, а полковник Лагодовский.

Кантакузен в первый раз мне улыбнулся:

– Да, ему повезло, хорошо, что к нам попал, это вам в плюс.

С этого времени он перестал ко мне придирааться, мне стало веселее в эскадроне.

Этот случай напомнил мне две забавные истории. Первая касалась моего деда. В петровские времена канцлером и регентом во время путешествий Петра за границей был князь-кесарь Ромодановский. У него было только две дочери. Старшая вышла за двоюродного брата Петра, Алексея Волкова, вторая – за Ладыженского. Мой дед, не знаю зачем, вдруг решил ходатайствовать у Александра III разрешение прицепить имя Ромодановского к своему, но опоздал на две недели. Оказалось, то же самое пришло в голову Ладыженскому, который на две недели его опередил и получил разрешение. Но все это оказалось недействительным, поскольку у князя-кесаря был брат, и род Ромодановских продолжался, но никто этого не знал. В 1913 году, во время 300-летия дома Романовых, пришли к Николаю II две старушки на прием. Их спросили, кто они такие, говорят – княжны Ромодановские. Принесли царю в подарок икону, которой Алексей Михайлович благословил князя-кесаря, когда он женился. Икона сохранялась в роду брата князя-кесаря, и эти старухи были захудалые помещицы из-под Торжка, его потомки.

Вторая история еще забавнее. В Петербург приехал из Пермской губернии мальчик пятнадцати лет поступать в Морской корпус. Спрашивают:

– Как вас зовут?

– Князь Сибирский.

– Как – князь Сибирский? Таких никогда не было.

А он показывает документы. Действительно, князь Сибирский. Стали спрашивать историков. Оказалось, что Иван Грозный дал это прозвище потомкам Семеона Казанского, и никто об этом никогда не слышал!

Ну, все это ни к селу ни к городу. Как только я вернулся с Андреем, меня послали снова в разъезд. Пошли опять по направлению на Британы. Ничего мы не узнали, мотались до вечера, слышали где-то перестрелку, но красных не видели. Прошли справа от Британ и вернулись недалеко от Комаровки. Кроме восьми убитых красных, у одного из которых были хорошие бинокли, и пяти побитых лошадей, ничего не видели.

²⁵² **Барон Мейендорф Николай Феофилович**, р. в 1888 г. в Санкт-Петербурге. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1913 г. Офицер л.-гв. Конной артиллерии. В Вооруженных силах Юга России; с сентября 1919 г. в гвардейской артиллерии. Полковник. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Умер 17 марта 1969 г. в Зальцбурге (Австрия).

Разъезды 2-го эскадрона вернулись с гораздо более интересными сведениями. Британцы были укреплены, ряд окопов с юга и запада оцеплял деревню. Были какие-то постройки на плетнях на краях садов. Разъезд желтых кирасир добавил, что они насчитали 36 пулеметных гнезд.

Наш первый разъезд наскочил на отряд «червонных», и в перестрелке трое из наших были ранены, включая Кантакузена. Взвод был принят Феодоровым. За два дня эскадрон потерял 16 раненых.

Не знаю почему, но генерал Косяковский, который вернулся в этот день и которого все солдаты очень уважали за его храбрость, считался «несчастливым» командиром. Поэтому, когда с ним приехал генерал Данилов, бывший синий кирасир, все страшно обрадовались. Я его никогда не видел до этого. Он был невероятно толстый, неуклюжий человек на лошади, которая напоминала битюга. Все солдаты решили, что на следующий день будет бой, что мы атакуем Британцев и что командовать будет Данилов.

Наутро полк выступил в направлении Евлашовки. Во главе колонны были желтые, два эскадрона, затем два эскадрона синих, затем наш 2-й эскадрон, затем мы и, наконец, эскадрон кавалергардов. Дорога шла в низине, и от Британцев ее не было видно. Мы шли медленно, поднимая невероятное количество пыли, и вот уж ее было, наверно, видно из Британ.

Колонна растянулась и вскоре, за исключением желтых, остановилась. Эскадроны спешили, отпустили подпруги. Через час оба эскадрона желтых вернулись на рысях, и клубы пыли поднялись перед всей нашей колонной. Мы смотрели с недоумением на странные маневры. Теперь синие кирасиры пошли рысцой в Евлашовку. Желтые медленно объехали поле и стали на свое прежнее место. Клубы пыли появились на север от Евлашовки, но приблизительно около одиннадцати синие вдруг появились позади нас и тоже вернулись на свое место.

Около полудня появились полевые кухни. Наши две батареи снялись после обеда и расположились в поле за нами и синими. У батарей наших были замечательные горные орудия, 2,7-дюймовые. Они были маленькие, легкие и очень точные. К тому же были действительно великолепные артиллеристы. Эти пушки у нас назывались «пукалки» из-за странного глухого звука выстрелов. Они как будто глухо кашляли. Мы были невероятно горды нашими батареями.

Спешенные дозоры доносили, что в Британцах много движения, как будто красные не знали, с какой стороны будут атакованы.

Вдруг часа в два красные батареи открыли огонь по Евлашовке. Наши «эксперты» в эскадроне насчитали три батареи.

В первый раз я близко увидел Данилова. Он пешком грузновато прошел мимо нас с улыбкой. Остановился и очень мягким голосом сказал:

– Ну, ребята, там у большевиков много пулеметов. Не бойтесь, по кавалерии всегда стреляют высоко. Не останавливайтесь на окраине. Валите прямо, мы их разнесем.

И пошел дальше. За ним денщик вел генеральского битюга и свою лошадь.

Я не видел его возврата и поэтому был удивлен, когда, уже в атаке, увидел генерала Данилова далеко впереди нашего 2-го эскадрона.

Было приблизительно 3 часа, когда эскадроны построились в две лавы. Офицеры выехали вперед. У полковника Топтыкова всегда было красное лицо. До сих пор помню его, с шашкой, висящей на темляке, с лицом, еще краснее обыкновенного. Он обернулся, спокойно посмотрел на наш эскадрон, поднял шашку, и лава шагом двинулась вперед. Его боготворили солдаты, он всегда был спокойный, только лицо его краснело больше. Замечательный был офицер.

Как видно, большевики нас не ожидали с этой стороны. Полковой значок, белый с красным квадратом в углу, еще висел нераскрытым в безветрии. Два-три выстрела из винтовок, как будто проснулись.

Я еще ни разу не видал всего полка, развернутого в поле. Какое великолепное зрелище! Вдруг Данилов пошел рысцей. Сейчас же весь полк перешел в рысь. Полковой значок развился, и на пиках развевались наши эскадронные значки. Направо – кавалергардские, алые с белым, наши синие, белые и желтые – синих и желтых кирасир. В этот момент мне даже не пришло в голову, что мы идем на пулеметы. Меня охватила невероятная красота конной атаки. Теперь мы пошли в карьер. «Ура!» заглушило трескотню как будто сплошной линии огня перед Британами. Коричневые столбы наших снарядов на фоне садов. Красные снаряды визжали над головой.

Помню, я повернулся посмотреть назад. Там стояла пыль. Помню, промелькнуло у меня в голове, что Данилов был прав – стреляют высоко. Вторая лава шла полным карьером и как будто нас нагоняла. Я пришпорил лошадь. Вдруг передо мной насыпь. Я опять пришпорил, и лошадь сиганула через окоп. Помню два испуганных лица и пулемет. Алехин, из второй лавы, подскочил, и помню только, что я кричал будто не своим голосом: «Алехин, пулемет! Возьми!» И вдруг вспомнил «Не останавливайтесь». Передо мной плетень и справа дорожки между фруктовыми деревьями. Трескотня продолжалась, пули визжали повсюду. Какие-то пехотинцы бежали между деревьями. Останавливались, стреляли и опять бежали. Между ними появлялись наши конники и исчезали за листвой. Я шел полным карьером, ни о чем не думая. Вдруг дорожка между плетнями повернулась, и у меня захватило дух. Передо мной в нескольких шагах тачанка с пулеметом и за ним испуганное лицо красноармейца. Мелькнула у меня в голове мысль повернуть, но в этот момент раздался треск пулемета, и до сих пор помню какой-то ветер справа от меня. Я остановиться не мог, автоматически взмахнул саблей по голове пулеметчика, и он скатился с тачанки.

С разгону я налетел на круп одной из лошадей тачанки. Это была пристяжка. Кучер и второй пулеметчик старались вытянуть дышло, упертое в плетень. По-видимому, тачанка повернула слишком круто. Оба теперь стояли с поднятыми руками. Мой удар шашкой только искоса хватил пулеметчика по уху. Он теперь стоял, держа ухо рукой, с обиженным видом. Наш Жуков стоял рядом, держа карабин наперевес, так что мне нечего было делать. Я увидел желтого кирасира, спросил:

– Где наш эскадрон?

Он на меня посмотрел удивленно и ответил:

– Я и своего-то не могу найти.

Мы вместе поехали по какой-то улице. За углом встретили человек сто пленных под конвоем десятка синих кирасир. Дальше шла трескотня винтовок. Мы зарысили в том направлении. Из двора вдруг выехал Николай Татищев с шестью солдатами:

– Ты откуда? – и вдруг поправился: – Вы где были?

Я махнул вниз по улице.

– Ваш эскадрон там?

– Не видел, господин поручик.

– Тогда за мной!

Все, как видно, спуталось в деревне, эскадроны смешались. Мы объехали какие-то дома, уже сняли карабины и держали их поперек седла. Из какого-то сада перед нами появились пехотинцы. Мы по ним открыли огонь, и они опять исчезли в саду. Артиллерийская перестрелка прекратилась. Встретили взвод кавалергардов, кажется, не то с Иваном, не то с Андриком Толстым. «Там уже кончили». Повернули обратно. К нам пристали по дороге некоторые из наших эскадронов и Максимов-младший, желтый кирасир, с полувзводом своих.

Стало смеркаться, когда мы выехали из деревни. Помню красное небо заката, и вдруг в полутьме затрубил трубач «сбор». Я до этого момента не заметил отчего-то, как я устал. Устали и лошади. Быстро стало темнеть. На пригорке стоял трубач на пегом коне и играл сбор.

– Это не наш! – сказал я Татищеву.

– А чей же?

– Не знаю, у нас пегих коней нет.

Но явно был наш, перед ним на фоне неба видна была грузная фигура Данилова на битюге. За ним уже сформировались несколько эскадронов. Когда мы подъехали, несколько солдат направляли подъезжающих к своим эскадронам. Когда мы проезжали мимо Данилова, он вдруг спросил Татищева:

– Вы конного?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Молодцы, мне сказали, вы захватили четырнадцать пулеметов, это хорошо.

– Спасибо, ваше превосходительство.

– Мне говорят, ваш унтер-офицер Волков взял два пулемета, где он?

– Он со мной, ваше превосходительство.

– А! Как вы это сделали?

– Не знаю, ваше превосходительство.

– Как – не знаете?

Я совсем забыл про первый пулемет в окопе во всей этой передрыге.

– Я на него нечаянно наскочил, ваше превосходительство.

– Ну-ну, я с вами потом поговорю.

Мы вернулись в эскадрон. Татищев поехал в свой. Я подъехал к Андрею Стенбоку доложить, что я вернулся.

– А, к несчастью, Феодорова ранили, вы примете взвод. У нас, боюсь, большие потери. – Он нагнулся ко мне и добавил тихо: – Ты справишься?

– Справлюсь.

– Ну хорошо.

Но осталось всего 17 человек из взвода в 29. Утомленные, мы потянулись в Евлашовку. Подъезжая, мы прошли через сторожевое охранение, кажется, роты не то Финляндского, не то Павловского²⁵³ полка. По крайней мере, никто из нас не должен был идти в охранение, уже это хорошо. Я совершенно забыл, что в ту ночь Феодоров был дежурный унтер-офицер, а так как он был ранен, пало на меня.

Перед моим отъездом из Киева, не знаю почему, Таня Куракина дала мне серебряное кольцо с черной эмалью, с именем святой Варвары. Из-за того ли, что моя мать была Варвара, а они с детства друг друга знали, или потому, что святая Варвара была покровительница солдат, я не знаю. Она меня, кажется, не любила, да и я ее недолюбливал, так что вероятнее первое.

Но я всегда верил в святых, они мне помогали столько раз, что я очень дорожил этим кольцом. Квартирьеры расставили нас по дворам. Двух было достаточно для нашего взвода. В каждом был дежурный смотреть за лошадьми. За исключением меня и двух дежурных, все улеглись спать. Я сел с зажженной керосиновой лампой, вытянул пятнадцатидневную газету, которую я уже прочел, и стал ее читать снова. Чтобы не засыпать, я несколько раз выходил во двор. Меня клонило ко сну, и свежая, но теплая ночь была очень приятна. На третий мой обход я

²⁵³ Лейб-гвардии Павловский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел 3 роты, составляя батальон в 1-м Сводно-гвардейском полку (к августу 1919 г. – 3 роты, 12 пулеметов), с 12 октября 1919 г. – в Сводном полку 2-й гвардейской пехотной дивизии. На 30 октября 1919 г. насчитывал 268 штыков, 30 сабель и 10 пулеметов. Командиры батальона: полковник Павленков (август—сентябрь 1919 г.), полковник И.И. Морев (на 30 октября 1919 г.). Командиры рот: капитан Карпов, капитан Бочарский, капитан Дворянский. Начальники команд: полковник М.Ф. Скородумов, подпоручик Вибе, капитан Падалов, капитан Михневич, штабс-капитан Тхоржецкий. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту во 2-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции на 1939 г. насчитывало 55 человек (в т. ч. 14 в Париже), в 1949—1951 гг. — 14 (9 в Париже), на 1958 г. – 11 (6 в Париже). Председатели: генерал-лейтенант М.И. Занкевич, полковник И.И. Морев, полковник Е.М. Ровбе, секретарь и казначей – капитан Н.В. Антоненко, представители в Югославии – генерал-инф. В.В. Болотов, полковник Н.Г. Крестинский. С 1 апреля 1928 г. по 1 декабря 1929 г. издавало в Париже на ротаторе журнал «Павловец» (вышло 6 номеров по 172 с.; редактор – полковник С.Я. Левицкий).

нашел обоих дежурных спящими. Сперва хотел их разбудить, но подумал – да ну, пусть спят, я сам лошадей посмотрю. У некоторых не было сена, пошел в сарай, достал охапку и положил в ясли. Вернулся в избу и вдруг с отчаянием заметил, что потерял кольцо. Оно, как видно, соскочило, когда я поднял сено. Меня это страшно удручило.

Не прошло и получаса, как вдруг затрубили тревогу. Я выскочил и заорал: «Седлай!» Мы гордились невероятной быстротой исполнения приказов, что, должен признаться, было результатом великолепной тренировки Кантакузена.

Взвод выкатил на улицу и построился чуть ли не до того, как я оседлал лошадь. Через несколько минут весь наш эскадрон и за нами 2-й уже стояли на улице. Был слышен топот других эскадронов в темноте и глухие команды унтер-офицеров.

Ко мне подъехал Андрей Стенбок и вполголоса сказал:

– Твои друзья Загуменный и Жедрин здоровы, я только что говорил с Загуменным. – И, понизив голос, добавил: – Ты знаешь, что твой взвод дежурный?

Я об этом забыл.

В темноте проехал Сергей Стенбок и, проезжая, сказал:

– Первый взвод, вы дежурные.

Мурашки пробежали по моей спине, хотя я не знал, что это в данном случае значило.

Прошло несколько минут. Где-то что-то начальство решало. Лошади стояли смирно, еще, вероятно, усталые за последние три дня. Опять подъехал Андрей:

– Я с вами в разъезд иду.

У меня екнуло сердце.

Эскадроны распускались, только мы остались на улице. Андрей сказал:

– Мы едем в Комаровку. Пехота донесла, что деревня опять занята красными. Это может быть неправда, но мы узнаем. Пойдем тихо, без разговоров, и никто не должен курить. Ну, с богом!

Мы вышли из Евлашовки на юг, повернули в поле и пошли собачьей рысцой. Раньше я не замечал, что в этих полях много камней. Но тут в полнейшей тишине копыта наших лошадей находили в как будто мягкой траве камни, которые невероятно звенели. И никто не замечал прежде, как громко бренчит и звенит сбруя. Я сказал об этом Андрею, рядом с которым ехал.

– Не беспокойся, еще много верст до Комаровки.

Когда мы наконец стали подходить к деревне, было еще темно. Дома разбросаны. Кажется, у третьего дома Андрей сказал мне шепотом:

– Возьми солдата, разбуди хозяина и спроси про красных.

Я взял Шаронова, спешились и вошли во двор. Долго никто не отвечал. Наконец приоткрылась дверь, и испуганная женщина спросила, что нам надобно. Вернулись ли красные?

– Да как я могу знать, я одних от других не отличаю.

– Кто-нибудь проходил тут вчера?

– Да, кто-то проходил вчера утром.

Мы ее поблагодарили. Но это ничего не прояснило. Андрей разделил взвод надвое, и мы пошли вдоль заборов, заглядывая в каждый двор по обе стороны.

Это второй раз, что я был в Комаровке, и мне казалось, что такой широкой улицы я раньше не видел, мы подъехали с какой-то другой стороны. Да и деревня казалась гораздо больше, чем я думал.

Дошли до моста через речку. Направо от моста стоял большой дом с очень большим двором.

– Это на вид школа, – сказал Андрей. – Поставь дозор на той стороне моста и два дозора здесь, один направо вдоль реки, другой налево.

Все это говорилось шепотом. Я расставил дозоры и вернулся к школе. Андрей сидел на ступеньках. Я уселся рядом с ним, убедившись, что никто из солдат не отпустил подруги. Я

чувствовал себя очень нервно и прислушивался к каждому звуку. Андрей, наверно, это заметил. Он стал очень тихо говорить о прошедшем дне. Я понятия не имел, что, в сущности, произошло. Единственное, что я знал, что во взводе мы потеряли 121 человек и что взяли, а потом оставили Британы.

– Да, потери наши были слишком тяжелые, эскадрон потерял 6 убитых и 27 раненых. 2-й потерял 5 убитых и 21 раненого. Это нехорошо.

– А что мы сделали?

– Трудно сказать. Мы красных, конечно, раскатали. Отбили у них 3 трехдюймовки, 48 пулеметов и взяли человек 500 пленных. Главное, важно, что это была бригада Третьего Интернационала, все коммунисты.

– А что случилось с другими?

– Ушли куда-то. Никогда такого количества пулеметов не видел, даже у немцев. Я думаю, мы все их пулеметы взяли.

Меня это мало утешило, я все думал о святой Варваре.

– Зачем тебя Данилов вызывал?

– Да он мне сказал, что я будто два пулемета взял. Ничего я их не взял, я перескочил окоп, в котором был пулемет, и наткнулся на тачанку нечаянно.

– Так, дорогой, это всегда так случается. Никто на дуло пулемета нарочно не идет.

– Ну, я даже забыл про первый, а второй я взял с испуга.

Андрей засмеялся:

– Ты, дорогой, дурак, я все время испуган, и слава богу. Когда я отчего-то не боюсь, меня это всегда беспокоит.

– А я дрейфлю все время, это, по-твоему, хорошо?

– Да, конечно: когда боишься, все замечаешь.

Я решил, чтобы себя успокоить, проехать на ту сторону моста посмотреть на дозор. Один из дозорных, Хмелев, когда я подъехал, сказал:

– На этой стороне красные.

– Как вы знаете?

– Да послушайте. Слыхали когда-нибудь, что курицы ночью кудахчут и свиньи визжат? Это их кто-то гоняет.

Действительно, курицы кричали и свиньи визжали – вот она, разведка, надо учиться все замечать. Я быстро вернулся к Андрею и доложил. Стало светать. Теперь можно было видеть дозоры на той стороне моста. В этот момент появились дозоры справа и минутой позднее слева. Андрей быстро посадил взвод и послал меня снять мостовой дозор. Хмелев показал: «Смотрите!» Еще далеко на улице, налево, появилась сотня червонных. Мы все трое повернули и поскакали через мост. Червонные нас, как видно, увидели. Андрей стоял, нас ожидая, отправив взвод назад по улице. Мы бросились за ними. И вдруг, посмотрев назад, я увидел наш взводный значок. Не думая, я повернул и подхватил его. Андрей и дозор притянули лошадей, пока я их не догнал, я бросил значок Хмелеву, и мы поскакали вперед за взводом.

Когда мы выскочили из деревни, было уже светло. На скаку я обернулся, червонные были по крайней мере в 200 шагах за нами. Мне послышалась где-то стрельба, я посмотрел налево. Цепь пехоты двигалась в нашем направлении.

Вдруг что-тохватило меня по каске, у меня промелькнула мысль, что это сабельный удар, и каска слетела с головы. Автоматически я поднял шашку, чтоб защититься от следующего удара. Но ничего не случилось, я повернулся и с удивлением увидел, что червонные были на таком же расстоянии, как и раньше. Я опустил шашку и заметил, что рука моя покрыта кровью. Посмотрел на рукав, он тоже покрыт кровью. Я ничего не мог понять, затем вдруг почувствовал, как что-то липкое стало залеплять мне правый глаз.

Моя первая мысль была – есть ли у нас в обозе каски?

Хмелев, на меня посмотрев, притянул лошадь и со мной поравнялся.

– Вы что, ранены? Где ваша каска?

– Не знаю, как видно, царапнуло.

– Да вы в голову ранены.

– Не думаю, ничего не чувствую.

В этот момент Андрей тоже притянул коня и велел второму дозорному скакать рядом со мной с другой стороны. Мы, вероятно, ушли от червонных, потому что следующее, что я помню, – Андрей на пригорке, смотрящий в бинокль, и за ним остальной взвод. Я слышал, как он крикнул, чтобы меня отвезли к санитарной повозке.

Но я был на лошади и, если не считать того, что видел только одним глазом, чувствовал себя великолепно.

Мы втроем продолжали идти шагом. Вдруг я услышал звук команд и поднял голову. Я до сих пор помню, как это меня оживило. Насколько можно было видеть, через все поле полным галопом, с пиками наперевес, значки играли на ветру, летел весь полк лавой в атаку. У меня дух захватило. Я наших не видел, они, вероятно, были где-то на правом фланге. Мимо нас проскакали две прямые линии желтых кирасир с ротмистром князем Черкасским, с саблей, поднятой высоко, на выхолленном блестящем черном коне. Красота!

Помню стоящую двуколку Красного Креста и у нее в белом платье и повязке Мара.

– Что, тебе в голову вклеили, можешь слезть или помочь? – спросила Мара.

Мара всех на «ты» называла, от последнего солдата до Косяковского. Она была замечательно красива. Ее все обожали. Она была грубая, но с золотым сердцем. Ругалась по-солдатски, но была удивительно добра. Она сама говорила, что до войны была киевской проституткой.

Я слез с лошади и в первый раз почувствовал, что голова кружится. Облокотился на двуколку.

– Да тебя пуля через голову звякнула!

Она стала чем-то обмывать мне лицо и лоб и обкрутила мою голову бинтом несколько раз.

– Как еще стоишь, дурак? Грешной, знать, хорошего б в гроб уложила.

– Да, знать, грешной, только голова кружится.

– Это тебе в госпитале справят.

Солдаты подняли меня в двуколку, рядом лежал синий кирасир, и она сейчас же двинулась.

Оттого ли, что она была безрессорная, казалось, что скакали по вспаханному полю. Голова у меня вдруг заболела. Помню, что сказал санитару, который правил двуколкой:

– Да что ты по полю скачешь!

– Да по дороге, и не скачу, – ответил он обиженно.

После этого я ничего не помню.

Когда я пришел в себя, меня несли в носилках вверх по очень крутой насыпи. Пришлось держаться за носилки. На насыпи стоял длинный поезд Южной железной дороги, составленный из серых товарных вагонов, на двух четырехколесных тележках каждый, и большими белыми буквами было написано на каждом вагоне: «Красно-крестный поезд имени генерала Алексева». На круглом белом пятне – красный крест.

После ранения

Мои носилки подняли в один из серых вагонов. Тотчас два санитары переложили меня в гамак. Голова перестала болеть. Я осмотрел вагон. Две сестры копошились между гамаками. Лампы на потолке выбеленного внутри вагона были голубые, и весь вагон был освещен голубым светом. Меня заинтересовали койки. Они были натянуты между четырьмя веревками,

идущими от пола к потолку. Я был в верхнем гамаке. Насколько я мог видеть, было приблизительно 18 или 20 гамаков.

Я, наверное, заснул, потому что, когда я проснулся, меня несли два санитары по насыпи вдоль поезда и поставили в белый ярко освещенный вагон. Оттуда сразу же подняли на какой-то металлический стол. Надо мной стоял доктор и две сестры. Стали резать бинты. Доктор мне сказал:

– Будет больно, возьмитесь за эти поддержки.

Действительно, было больно, когда снимали последний бинт. Доктор мне обрил волосы за ухом и что-то обмывал на правой стороне лба.

– Чем это вас хватило? Никогда такой чистой раны не видел.

Помню, как я сказал довольно глупо:

– Я думал, шашкой.

– Хороша шашка! Это меньше калибра наших пуль. Если б нашей, вы бы были на том свете. – И засмеялся.

Наконец он кончил перевязывать и вдруг сказал ворчливо:

– Вы мне поддержки стола согнули.

Понесли обратно в мой вагон. Голова несколько не болела. Снаружи было темно.

Когда пошел поезд, понятия не имею. Проснулся среди бела дня, мои носилки стояли на платформе в ряду по крайней мере 50 других.

Мелькали санитары и сестра, поднимали носилки и куда-то уносили. Наконец дошли до меня, подняли и снесли в автомобиль «Скорой помощи», в котором уже было трое носилок.

Я или заснул, или потерял сознание, потому что ничего не помню после этого. Очнулся в высокой, свежей, белой палате. Солнце светило в большие окна.

Я чувствовал себя очень хорошо и удивился: что я делаю в этой палате? Я обратился к соседу:

– Где это мы?

– Да, кажется, в Киеве.

– Вы какого полка?

– Третьего Интернационала.

– Третьего... Вы где были ранены?

– Под Британами.

– Когда?

– Два дня тому назад.

Я обратился к другому соседу:

– Вы давно тут?

– Да с неделю будет.

– Это что, мы в Киеве?

– Да Киев, наверное.

– Вы какого полка?

– Бугунского, ранен на Ирпени.

– Бугунского? Это что, 9-й дивизии? – (Я подумал, что он новобранец и по ошибке вставил «ун», что он 9-го Бугского уланского полка²⁵⁴, но вдруг я вспомнил, что они где-то под Глузовом.) – Бугунского? – повторил я. – Это что, пехотный полк?

– Да, мы на Волыни сформированы.

²⁵⁴ 9-й уланский Бугский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Кадр полка входил в созданный в декабре Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии, который 27 мая 1919 г. развернут в Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. бугские уланы были представлены 2 эскадронами. Осенью 1919 г. дивизион бугцев развернут в собственный полк в составе 9-й кавалерийской дивизии. С 16 апреля 1920 г. дивизион полка входил в 6-й (5-й) кавалерийский полк. В эмиграции начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции – полковник Залесов.

- Так вы что, красный?
- Да, мы красноармейская бригада.
- А ваш сосед кто?
- Да тут налево все наши.

«Вот те, бабушка, и Юрьев день! – подумал я. – Может, Киев большевики захватили и я в плен попал?» Я испугался. Повернулся к моему другому соседу:

– А с вами рядом откуда?

– Не знаю, он все спит. Кажется, наш. Эй, товарищ! – Он обратился к спящему. – Вы что, Третьего?

– Да, Третьего, мы все тут Третьего, вместе с тобой нас привезли.

Меня охватила паника. Как я сюда попал? Ни санитаров, ни сестры не было видно. Госпиталь, как видно, хороший, может быть, и у большевиков хорошие госпитали? Я притих, не зная, что делать. Кто-то вошел, в халате и с палкой. Я не посмел даже посмотреть. Вдруг слышу:

– Николай, ты когда сюда попал?

Я отбросил одеяло и приподнялся. Передо мной стоял вольноопределяющийся унтер-офицер Борис Мартынов, кавалергард. Я с ним в последний раз разговаривал четыре дня тому назад.

- Борис, где мы?
- В Киеве. Тебя что, под Британамихватило?
- Нет, под Комаровкой после Британ.
- Так ты к нам перейди, у нас свободная постель.
- Как я могу перейти?
- Подожди, я устрою.
- Да тут все красные.
- Так их тоже ранили! – сказал он и засмеялся. – Что с тобой?
- Да ничего, я думал, я в плен попал.
- Вот ерунду несешь, это тебя по башке брякнуло.

Он куда-то ушел, и через несколько минут пришел доктор, маленький еврей в пенсне, с очень красивой молодой сестрой.

- Что это вы жалуетесь? Отчего вы хотите, чтоб вас перевели?
- Я не жаловался, просто мой друг в другой палате.
- Ну, если можете ходить, я пришлю санитаря. Вам не понравится там.
- Почему не понравится?
- Там казачий сотник, он очень грубый.
- Ну, у меня там друг, Мартынов.

Пришел санитар и принес костыли.

- Да у меня ничего с ногами нет.
- Это не для того, у вас голова будет кружиться.

Я встал, он был прав, без костылей и его помощи никогда б не дошел. Палата оказалась маленькая, на четыре кровати, с балконом. Сотник посмотрел на меня сердито и спросил:

- А вы кто?
- Я Николай Волков, унтер-офицер лейб-гвардии Конного полка.
- Хм-м... так что в этом специального?
- Ничего, просто регулярный полк.

Я решил сразу, что чинов среди раненых нет и, если он будет грубить, я ему отвечать буду так же. Он замолчал. И вдруг сказал:

– Я потерял обе ноги.

– А-а... Это очень несчастливо! Как это случилось? Как вы, казак, попали в киевский госпиталь?

– Хм... вы называете это госпиталем? Это жидовская харчевня. Какой это госпиталь! Привезли меня сюда, а эти жида мне отрезали ноги!

– Да, может, это вам жизнь спасло, может, у вас гангрена была?

– Так конечно была, да меня не спросили.

– Если б не ампутировали, так вы бы умерли.

– Да им какое дело!

Он продолжал разносить «жидов». Оказалось, что он терский казак, как он в Киев попал, так и не сказал.

Госпиталь оказался «Еврейским госпиталем имени Самуила Борисовича и Сары Борисовны Бабушкиных». Огромные десятифутовые фотографии их были на лестнице. Госпиталь был замечательно построен, прекрасно оборудован на шестьдесят кроватей.

Кажется, был он на Васильевской улице.

За нами смотрели две сестры, одна невероятной красоты, которую мы прозвали Рахиль. Они обе были очень милые. Даже терский сотник совершенно размяк. Кормили нас великолепно. Я чувствовал себя очень хорошо, но был отчего-то очень слаб и шатался, если не брал костылей.

Сентябрь стоял великолепный, было жарко днем, солнечные дни шли один за другим. Рахиль ходила в город и приносила нам в подарок апельсины. Мы целыми днями сидели на балконе.

29 сентября мы тоже сидели вот так, когда сотник вдруг сказал:

– Это что, гроза подходит?

– Не думаю, вероятно, ветер с запада.

Каждый день была слышна глухая канонада с Ирпени, где гвардейская пехота держала фронт против концентрации большевиков. Я никогда не понимал, отчего они там сидели, а не двигались вперед, на соединение с поляками.

Но к вечеру ясно стало, что это и не гроза, и не на Ирпени, а гораздо ближе. Рахиль, вернувшись из города, принесла слухи, что большевики прорвались где-то под Фастовом и наступают на Киев.

На следующее утро Борис Мартынов решил пойти в город. После завтрака, часа в два, раскаты орудий были еще ближе. Я решил пойти и сам на своих костылях узнать, что происходит. Я вышел на улицу, поймал трамвай и проехал на Крещатик. С трудом проковылял на Липки к Дарье Петровне Араповой.

Она рада была меня видеть, но ничего не понимала, что происходит. О Петре она все еще ничего не знала. Таня Куракина с обыкновенной своей глупостью говорила: «Ну, если большевики опять придут, я поеду в Москву. Если хочешь написать письмо твоей матери, дай мне, я ей передам». Я, конечно, отказался, она со своей беспечностью легко могла бы подвести моих родителей. Однако я не сомневался, что при везении она, вероятно, добралась бы до Москвы.

Канонада становилась все ближе и ближе. К вечеру она утихла. Дарья Петровна вдруг сказала:

– Николай, завтра утром пойдешь в штаб Драгомирова, он в конце улицы тут, у тебя там родственники, твой дядя граф Гейден²⁵⁵ генерал-квартирмейстер, а Лукомский начальник штаба. Спроси их, что происходит.

²⁵⁵ **Граф Гейден Дмитрий Федорович**, р. в 1862 г. Санкт-Петербургский университет (1884), офицер с 1885 г., академия Генштаба (1891). Полковник в отставке, с 1910 г. действительный статский советник; член Государственной думы. С 1914 г. полковник, дежурный генерал штаба 8-й армии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918-го по май 1919 г. и. д. генерала для поручений при начальнике снабжений, с лета 1919 г. начальник гарнизона Царицына, осенью 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба войск Киевской области, затем в распоряжении начальника снабжений. В Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии, с 15 апреля 1921-го по 11 сентября 1925 г. преподаватель Крымского кадетского корпуса. Умер

Я плохо спал. Наутро, хотя ни минуты не надеялся, что, будучи рядовым, увижу начальника штаба или генерал-квартирмейстера, поплелся в штаб.

К отчаянию своему, увидел стоящие перед штабом автомобили и подводы, на которые грузили ящики и чемоданы. Дядю Митю я не видел с пятнадцатого года, когда он на день заехал к нам в Хмелиту. Я был уверен, что он никак не может меня узнать.

Я пробрался в прихожую. Мимо носились солдаты с ящиками. Никто на меня внимания не обращал. Вдруг я увидел дядю Митю, спускавшегося по лестнице. Я попробовал встать во фронт и потерял костыль. На минуту дядя Митя остановился и спросил:

– Что вам надо?

– Я Николай Волков, ваше превосходительство.

Он на меня посмотрел:

– Ах, ты в Конной гвардии?

– Так точно. Разрешите эвакуироваться на одной из ваших подвод?

– Нет, нет, они полны, у тебя тут Курчанинов²⁵⁶, пойдешь к нему. – И пошел дальше.

Я вернулся к Дарье Петровне и рассказал ей, что случилось. Она рассердилась:

– Ну хорошо, Курчанинов тут недалеко живет.

– Я его не знаю.

– Он штабс-ротмистр Конного полка, он тебя устроит.

Я проковылял к Курчанинову. Перед домом стоял автомобиль, набитый чемоданами и корзинками. Две старушки и Курчанинов сустились вокруг автомобиля. Я подошел, доложил Курчанинову, кто я, и одна старушка спросила меня, родственник ли я Софии Дмитриевой-Мамоновой. Я сказал, что она двоюродная сестра моего отца. Она бросилась мне на шею, чуть не сбила меня с ног: «Ах, тогда мы родственники!» – и расцеловала меня. Курчанинов указал мне, что места в автомобиле не было. Они все влезли и уехали. Я до сих пор не знаю, какая мне родственница была старушка. Во всяком случае, оставили меня на тротуаре.

Я решил попробовать доковылять до моста и перебрался на левый берег. Уже был слышен треск пулеметов и винтовок где-то внизу в городе.

Я пошел по Левашовской. Останавливался несколько раз отдохнуть и думал, какая дурацкая история, пробрался с трудом из Москвы, только немножко более шести недель в Белой армии, ранили, и никто из белых не помогает мне эвакуироваться от большевиков. «Да ну их к черту! – подумал. – Сам выберусь!»

Вышел на Александровскую и пошел ковылять к Николаевскому спуску. Какая-то площадь, налево парк с решеткой, а напротив большой дом, как нос корабля между двумя улицами. Пошел по левой улице. Смотрю, на тумбе сидит офицер. Я к нему подошел, отдал честь, у него фуражка на обмотанной бинтом голове. Он встал, посмотрел на меня:

– Вы Конного полка?

– Так точно, господин ротмистр.

– Хм-м... Куда вы прете?

– На мост, господин ротмистр.

– На этих костылях вы туда никогда не дойдете. Да зачем костыли? Вы же в голову ранены. Бросьте костыли, оставайтесь здесь. Я ротмистр Борзенко²⁵⁷, улан Его Величества.

23 мая 1926 г. в Загребе (Югославия).

²⁵⁶ **Курченинов Валериан Сергеевич.** Сын действительного статского советника. Александровский кадетский корпус, Санкт-Петербургский университет (не окончил), Пажеский корпус (1915). Штабс-ротмистр л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии, в Русской Армии командир эскадрона в конвое генерала Врангеля. Ротмистр. В эмиграции во Франции (к февралю 1954 г. в Париже и его окрестностях). Член Союза ревнителю памяти Императора Николая II и Союза дворян. Умер 25 мая 1983 г. в Шелле (Франция).

²⁵⁷ **Борзенко Борис Алексеевич.** Штабс-ротмистр л.-гв. Уланского Его Величества полка. В феврале 1918 г. спасся от расстрела в Киеве и скрывался там же. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г. Ротмистр (к осени 1919 г.). В

У меня тут уже человек тридцать, они в арсенале ищут винтовки и амуницию. Они тоже все раненные. Мы тут засаду устроим, пока подкрепления не подойдут.

Не зная, что делать, я прислонил костыли к стене, покачался, но, вижу, могу стоять.

– Вот видите, совсем вам костылей не нужно.

Пока мы говорили, подошли еще человек семь. Не все раненные, некоторые, как видно, в отпуску. Я пошел, сперва качаясь, в арсенал. Там действительно несколько человек, большинство офицеры, перебирают винтовки. Молодой вольноопределяющийся, посмотрел, гусар 12-го Ахтырского полка²⁵⁸. Подошел, представился ему. Он мне говорит:

– Вот я нашел пять винтовок наших, хотите одну взять? Да тут два ящика амуниции.

Никогда такого кавардака не видел. Винтовки, пулеметы кучами навалены на полу, почти что все австрийские. Нашли русского «максимку», ленты, но без патронов. Вытянули.

– Если еще патроны найдем, может пригодиться.

Мой новый друг оказался Забьяло. Не раненый, бежал из Чернигова, старался в свой полк пробраться, но застрял в Киеве.

Мы вытянули пулемет и винтовки во двор. Кто-то нашел ленты с патронами. Во дворе человек двадцать тащили две повозки, которые Борзненко велел опрокинуть поперек улицы. Через полчаса уже была баррикада из повозок, ящиков, мешков, наполненных землей. Работали все дружно под командой Борзненко. Чины исчезли. Среди этой новой команды был старый генерал, два полковника, офицеры и солдаты всяких полков. Кто-то выкатил со двора австрийскую трехдюймовку и зарядный ящик, полный снарядов, но, к несчастью, не было ни одного артиллериста.

К этому времени нас было уже человек пятьдесят. Некоторых Борзненко засадил в окнах арсенала.

Люди из Киева продолжали приходить. Борзненко сформировал новый отряд под командою какого-то полковника, который почему-то был прозван «3-й офицерский отряд», и отправил его на левый фланг защищать какую-то «собачью тропу». Я не знал Киева, но будто бы это защищало фланг со стороны Бессарабки.

К двум часам у нас было человек 70, кроме 3-го офицерского отряда, который, говорили, был в 50 человек. Борзненко отправил человек десять в лавру за водой и едой.

Как ни странно, я совершенно забыл о моем ранении и чувствовал себя великолепно. Стрельба в Киеве прекратилась. Мы продолжали приносить разную рухлядь со двора, чтобы укрепить нашу баррикаду. Перед нами была большая площадь, на другой стороне ее тянулась длинная решетка какого-то парка. К трем часам Борзненко послал меня и Забьяло направо посмотреть, что происходит на нижней дороге, вдоль Днепра.

Мы пошли очень осторожно через кусты к обрыву. Мы вдруг вышли на полковника, сидящего на тумбе и курящего.

– Простите, господин полковник, но что вы тут делаете?

– Сижу, молодой человек, и думаю.

Он оказался полковник Зайцев²⁵⁹, Семеновского полка.

эмиграции в США. Умер в мае 1970 г. в Нью-Йорке.

²⁵⁸ 12-й гусарский Ахтырский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Дивизион полка с 27 мая 1919 г. входил в состав сформированного Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, где в июле 1919 г. ахтырские гусары были представлены 2 эскадронами. С 16 апреля 1920 г. эскадрон полка входил в 3-й (2-й) кавалерийский полк. В эмиграции начальник Полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции – ротмистр В.К. Скачков.

²⁵⁹ **Зайцов (Зайцев) Арсений Александрович**, р. в 1889 г. Пажеский корпус (1906) (общие классы), Николаевское инженерное училище (1909), академия Генштаба (1915). Полковник л.-гв. Семеновского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с апреля 1919 г. начальник боевого участка Сводно-гвардейского батальона на Ак-Манайских позициях, в 1919 г. командир роты в Сводно-гвардейском полку, в январе—феврале 1919 г. начальник штаба гвардейского отряда, с 8 июля 1919 г. командир 1-го батальона, осенью 1919 г. командир батальона л.-гв. Семеновского полка в 1-м Сводно-гвардейском полку, с января 1920 г. командир сводного батальона 1-й гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской Армии на штабных должностях до эвакуации Крыма. В

Оказалось, что две роты измайловцев были на Подоле. Запасной взвод семеновцев он только что поставил на нижнюю дорогу. Когда я объяснил, кто мы такие и что мы делаем, он сказал:

– Хм-м... интересно... хромые и хилые защищают Первопрестольную, а штаб сидит на другой стороне моста, положение, как говорится, у-ют-ное!

Узнав о присутствии семеновцев, хоть и запасных, на нижней дороге, мы пошли обратно.

– Ну и война, действительно! «Хромые и хилые» сидят за баррикадой, полковник сидит на тумбе, запасные на дороге, а противника нет, – что твой Кузьма Прутков! – сказал Забьяло.

Но дело было хуже. Только что мы вернулись и доложили Борзненко, как появилась от Александровской подвода. На ней сидело пять солдат. Борзненко достал бинокли. За подводой появилась другая и другая, на каждой сидели солдаты. Когда выехало подвод 20 или больше, Борзненко сказал: «Это красные, огонь!» Послышался залп, и на площади произошла паника. Подводы поворачивались, натыкались друг на друга, скакали в разные стороны. Залп за залпом превратили другую сторону площади в какой-то сломный двор. Те, которые могли, ускакали обратно по улице, на площади остались убитые лошади и люди и поломанные повозки.

– Странно! – сказал Борзненко. – Неужели они думали, что Киев эвакуирован, ни разьезда, ни дозора, кто ими командует?!

Но, как видно, кто-то ими командовал, потому что через полчаса они появились за решеткой и открыли сильный огонь по баррикаде. Кто-то пришел из арсенала и сказал, что они засели в большом доме в начале Александровской. Борзненко не разрешал нам отвечать на их огонь.

Они, вероятно, решили, что мы или ушли, или были очень слабы, потому что через несколько минут появилась цепь, затем вторая. Цепь разворачивалась очень точно. Мы молчали. Цепь начала двигаться в нашем направлении, медленно.

Посмотрев на других, я увидел, что атмосфера у нас была очень напряженная. Борзненко стоял не двигаясь за опрокинутой повозкой. Когда цепь прошла половину расстояния, он приказал открыть огонь. Заговорил и наш пулемет. Цепь быстро поредела, но не остановилась, а с криками «Ура!» бросилась вперед. Залп за залпом наконец остановили ее в 50 шагах от нас, и оставшиеся побежали зигзагами обратно.

– Кто они, не знаю, но это, брат ты мой, пехота, и не заурядная, – сказал Борзненко, ни к кому не обращаясь. – Не тратьте пули, они вернутся.

Действительно, через двадцать минут, после ураганного обстрела нашей баррикады из-за решетки, там было по крайней мере 6 пулеметов, цепь снова появилась.

Хотя щепки летели во все стороны, только один из наших был убит и трое ранено. Эта новая цепь действовала совсем иначе. Она двигалась медленно, останавливалась, двигалась опять и, когда прошла полдороги, залегла, больше всего за убитыми. Было трудно сказать, кто из лежащих принадлежал к цепи, а кто был убитый или раненый. Раненые продолжали лежать на площади. Живые стреляли лежа, перебежали, так что трудно было заметить, определить, докуда дошла цепь. Пулеметы продолжали стучать. Борзненко не разрешал нам открывать огонь. У нас еще трое были убиты и несколько ранены.

Вдруг нападающие поднялись и бросились в атаку. Мы открыли огонь, и опять они остановились и стали отступать. Снова их потери были тяжелые.

Какой-то капитан рядом со мной сказал: «Они больше не полезут». Но оказался не прав. Не прошло и получаса, как кто-то заметил движение на их левом фланге. Борзненко быстро

эмиграции в Чаталдже, Лемносе, с сентября 1922 г. в Болгарии (начальник штаба Донского корпуса). Осенью 1925 г. в прикомандировании к 1-й Галлиполийской роте в Болгарии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. В эмиграции в Париже, в 1931 г. помощник по учебной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже, в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, защитил диссертацию, профессор. Член полкового объединения. Умер 2 апреля 1954 г. в Париже.

отделил человек пятнадцать и послал их назад и направо от нас, в кусты. После сильной перестрелки это фланговое движение отступило.

Вдруг загудели снаряды. Откуда красные стреляли, мы не знали. Снаряды лопались где-то за Арсеналом. Только два или три заухали над нашей головой и разорвались рядом в кустах, сильно.

– Это тяжелые, – заметил мой сосед.

От нас не было видно разрывов, но звук их полета был необычный: «Тю... тю... тю...»

– Шестидюймовки, – кто-то сказал.

– Да это не по нас бьют, – заметил третий.

Стало смеркаться. Труднее и труднее было различить движение на той стороне. Меня стало беспокоить, что могут подкрасться в темноте. Как будто в ответ на мое волнение Борзненко сказал:

– Господа, большевики ночью не действуют, но это не значит, что мы не должны быть начеку.

Как только солнце село, стало холодно. Борзненко перевел человек десять из арсенала на место наших потерь. Раненых отнесли в лавру. Ночь оказалась гораздо светлее, чем я ожидал.

Ко мне подошел Борзненко. Он неутомимо ходил взад и вперед.

– Я вам дам четырех человек. Пройдите через кусты до обрыва. Я не думаю, что красные растянулись дотуда, но никогда не знаешь. Вы там были и знаете территорию, только осторожно.

Мои четверо оказались Забьяло, капитан, поручик и студент. Мне было очень неудобно иметь под своей командой двух офицеров, но они приняли это без протеста, только студент стал ворчать.

Мы пошли той же дорогой, по которой наткнулись на полковника Зайцева. Вдруг студент вскрикнул. Я бросился назад к нему и нашел его стоящим над какой-то фигурой, съезженной на земле. Винтовку свою он приставил к ее голове.

Оказалась женщина.

– Это шпионка! – сказал студент возбужденно.

– Возвращайтесь на свое место.

Он неохотно отошел. Я нагнулся и спросил тихо:

– Что вы тут делаете?

Она не отвечала. Я ее приподнял и опять спросил.

– Я сестра милосердия.

– Как вы сюда попали?

– Я убежала. Я с красными была.

Я ее вывел туда, где мы заняли позицию, и стал тихо допрашивать. Отвечала очень осторожно. Она из Могилева. Ее послали в полк, и в Киеве она убежала. Ответы ее были правдоподобны, и в то же время она вполне могла быть шпионка. Я решил ее свести обратно. Если она шпионка, что она может узнать? Что какая-то хилая команда с австрийскими винтовками сидит за баррикадой?

Ко мне подошел Забьяло:

– Смотрите, пожалуйста, за ней, этот сумасшедший студент может ее пристрелить.

Я взял поручика, и мы вдвоем пробрались до решетки. Там никого не было. Через несколько минут мы связались с дозором семеновцев, которые заняли верхушку обрыва.

Ясно было, что Борзненко прав: красные до обрыва не растянулись. Как всегда, большевики побаивались кустов.

Мы вернулись мимо нашего флангового отряда, где тоже с первой вылазки не видели красных.

Борзненко был очень доволен, что мы привели сестру. На мое замечание, что она, может быть, шпионка, он ответил:

– Пусть шпионит, она тут раненых перевязывать может.

Стало рассветать. Студент уже успел всем рассказать, что он поймал шпионку, и на нее все смотрели искоса. В Белой армии было много левых социалистов, которые, к несчастью, были убеждены, что все переходящие от красных были коммунисты. Это совсем было неверно. Большинство наших солдат были из пленных красных, и они были гораздо толковее и надежнее городских добровольцев, среди которых было много студентов. Правда, в нашем полку, как и вообще в регулярных полках, их было очень мало. Отчего они были так подозрительны к переходящим, трудно было понять, но мне говорили, что в чисто добровольческих частях иногда расправлялись с пленными так же, как и красные.

Я лично этого никогда не видел. Когда сдавались красные части, коммунистов там уже не было, их расстреливали сами сдающиеся. У меня в эскадроне был рабочий с Обуховского завода. Он не скрывал, что в 1918 году был красногвардейцем. При переходе к нам он откровенно сказал Жемчужникову, что был коммунистом, но разочаровался и хочет служить в Белой армии. Жемчужников его принял, и он попал в мой взвод. Он был одним из лучших солдат в полку и, к несчастью, был убит годом позднее.

Ночью наши вылезали и подобрали трех раненых красных. От них узнали, что перед нами Таращанский полк. Он вместе с Бугунским прорвался на Верхней Ирпени.

Сестра наша, звали ее Алла, оказалась премилая, не уставая перевязывала раненых до тех пор, пока саму ее не ранили.

На второй день до полудня красные два раза попробовали атаковать баррикаду, на этот раз почему-то в сомкнутом строю, что стоило им еще больше потерь, и мы их отбили сравнительно легко.

Жара была невероятна для октября. Но трупы лежали довольно далеко, и ветер был с востока. После полудня был только сильный обстрел из-за решетки, но красные не появлялись. Положение наше становилось довольно критическим. С «собачьей тропы» донесли, что их атакуют большими силами, но что они еще держатся. У нас уже было 6 убитых и 19 раненых. Припаса было не много.

Какой-то поручик предложил Борзненко зарядить и выстрелить из нашей пушки. Борзненко отказался. Стрельба со стороны красных усилилась, у нас было убито еще трое, включая Забьяло, и шесть человек ранено. К нам на помощь подошли два взвода Московского гвардейского полка. Один был сейчас же отослан на «собачью тропу», второй усилил нас. Но что было еще лучше – наконец откликнулись с другой стороны моста, и пришла подвода с русскими винтовками и патронами.

Как раз перед началом темноты, после сильного обстрела, вдруг ринулась цепь. Борзненко разрешил поручику выстрелить из пушки. Выстрел напугал нас, я думаю, больше, чем большевиков. Я не знаю, как это случилось, но после выстрела, снаряд которого как будто прыгнул по мостовой, смешал цепь и разорвался, ударившись о кирпичную стенку решетки, орудие вдруг снялось, разогнало наших, покатило назад по мостовой, ударило и снесло тумбу и, наконец, повернулось дулом к арсеналу. Паника у нас была равная панике красных, которые быстро исчезли. Даже стрельба их прекратилась.

Но вдруг оказалось, что сестра ранена в пах. Я только что перевязал руку повыше локтя какому-то подпоручику, стоял держал бинт, как кто-то мне сказал:

– Сестру ранило, перевяжите.

Я пошел к ней:

– Куда вас ранило?

– В ногу.

Я посмотрел, ничего не вижу.

– Нет, выше, выше.

Я ахнул. Перевязывать ногу или руку легко, но тут я совсем смешался.

– Да как я вам перевяжу?

К счастью, она была спокойна и рана была чистая, навывлет, но кровь текла сильно. Под ее наставлением и с помощью москвича я ее забинтовал, грубо кругом ноги и талии, и наши санитары понесли ее в лавру, как и всех остальных наших раненых. Четыре санитаров с носилками были из лавренской больницы, они работали не унывая.

Ночь прошла тихо. На разведку пошли другие, и я прикорнул за грудой мешков. Проснувшись, я услышал разговор моих соседей. Один говорил:

– Вряд ли у красных общее командование. Командуют командиры частей.

– Да это и у нас тоже.

– У нас нечем командовать.

– В Киеве же был штаб Драгомирова.

– Да где он?

– Черт его знает!

– Слышно, что у них есть артиллерия, я несколько раз слышал ее вчера. Если б кто командовал, они могли бы разнести нашу бригаду.

– Да почему вы знаете, что это их артиллерия?..

Я встал и пошел вымыться под краном во дворе Арсенала. К моему удивлению, там стояла полевая кухня и повара копошились вокруг нее. Я подошел спросить, откуда они появились. Оказалось, кто-то прислал их с той стороны моста, они были петербуржцы. Час спустя по очереди вся наша смешанная команда и группы с «собачьей тропы» вытянулись в хвост у кухни.

Все утро слышалась сильная стрельба и артиллерийская пальба где-то в Киеве и на «собачьей тропе». Говорили, что бой идет на Подоле.

Часов в одиннадцать появился взвод, оказалось, кексгольмцы, пришли с той стороны моста. Говорили, что скоро подойдут остальные части роты.

Настроение у всех поднялось. Борзненко продолжал командовать всеми частями. Пришел и полковник Зайцев. Его флегматичная манера имела замечательно успокоительное влияние на защитников.

– Хм-м... смотрите, сколько они оставили убитых. Вы их и без пополнений держали. Скоро нужно будет из дворцовых садов выкинуть. Они мозгами не шевелят. Жалко, хорошая у них пехота, и смотрите, как они ее растравили.

Около часа опять появилась цепь. Как и раньше, они подготовили атаку ураганным огнем. Борзненко не было, он пошел на «собачью тропу». Как и за два прошедших дня, мы огня не открывали. Они двигались медленно, меняли направления и вдруг бросились в атаку. Наш огонь их сперва не остановил, и первая поредевшая цепь уже была меньше чем в пятидесяти шагах от нас, когда с нашего правого фланга кексгольмцы бросились в атаку. За ними пошли и мы, и москвичи. Но цепь их смялась, вторая цепь сначала двигалась вперед, потом вдруг повернулась, их пулеметы открыли огонь в смешанную кучу и били не только нас, но и своих.

Наши стали отступать, но и красные бежали. Как ни странно, у кексгольмцев был всего только один убитый и четыре раненых. У нас и москвичей было только два раненых. Таращанцы опять оставили больше 30 на поле сражения.

На площади теперь было 216 трупов. Ветер перешел на юг, и вонь усиливалась.

К трем часам подошли три взвода кексгольмцев²⁶⁰ и два взвода петербуржцев²⁶¹. Эти два были отправлены на «собачью тропу».

²⁶⁰ Лейб-гвардии Кексгольмский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел 2 роты в 1-м батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 12 октября 1919 г. сформирован батальон в Сводном полку 3-й гвардейской пехотной дивизии

Борзненко и командиры пришедших частей пошли на двор арсенала, как видно, советовать. Большевики больше в этот день не появлялись. Три взвода кексгольмцев куда-то ушли.

Когда стало темнеть, вдруг раздалась пулеметная стрельба, но не по нас, и раздалось «Ура!» где-то справа. Борзненко выскочил за баррикаду и повел нас в атаку. В полутьме трудно было сказать, что происходило. Мы бежали, спотыкаясь о трупы, по направлению к решетке. Пули свистели повсюду. «Ура!» раздавалось со всех сторон. Решетка оказалась сломана. Через минуту мы были в саду. Куда красные делись, я не знаю. Мы прошли шагов пятьдесят, и цепь наша остановилась. Мой сосед оказался кексгольмец. Я его спросил, откуда он. «Мы справа обошли».

Мы лежали за каким-то пригорком, и в темноте, усиленной деревьями, впереди ничего не было видно. Пули свистели откуда-то. Потом все затихло.

Трава была мокрая, и стало холодно. Не знаю, сколько времени прошло. Какой-то офицер остановился за мной и говорил с кем-то, кого я не видел, тихим голосом. Единственное, что я слышал, когда он уходил: «Ну, подождем до рассвета».

Я очень устал и задремал. Просыпался несколько раз. Была тишина. Рядом лежал кексгольмец, а с другой стороны один из наших, капитан. Когда я увидел, что он не спит, я его спросил:

- Что это мы делаем?
- Не знаю, завтра, наверно, ударим в Киев.
- А куда красные делись?
- Да бог их ведает! Наверно, где-нибудь в саду засели.

Мы поговорили о последних трех днях.

– М-м-м... нам посчастливилось, ротмистр Борзненко выбрал великолепную позицию, а большевики сдурили.

Капитан оказался по имени Казанович, Вятского пехотного полка. Он лежал в госпитале в Киеве с раной в ногу. Как и я, старался выбраться из города и встретил Борзненко. Он мне стал рассказывать про Борзненко. Оказывается, Борзненко, когда пришли большевики, был арестован. Его и многих других повели на расстрел на край обрыва. В момент, когда чекисты открыли огонь, он решил, что все равно умирать, и бросился с обрыва. Падая, зацепился за

(две роты действовали отдельно). Командиры рот: штабс-капитан (капитан) Малюга, капитан Черногорцев, капитан Хилинский, капитан Иваницкий 1-й. Начальник команды: капитан Цехоцкий 1-й. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 3-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Из полка в белых армиях всего воевало 77 офицеров, в т. ч. 67 на Юге, 6 в армии адмирала Колчака, по 2 на Севере и Северо-Западе. Полковое объединение в эмиграции – «Общество офицеров л.-гв. Кексгольмского полка» (Сараево, Югославия; входило в состав IV отдела РОВС), образовано в начале 1922 г. Председатель – генерал-лейтенант Б.В. Адамович, старшие полковники групп: генерал-лейтенант В.К. Витковский (Париж; к 1951 г. – председатель объединения), генерал-майор барон Н.И. Штакельберг (Варшава; к 1951 г. – почетный председатель объединения), полковник Е.Л. Янковский, полковник К.А. Цабель (Белград); к 1951 г. заместитель председателя – полковник В.И. Гапонов, секретари – капитан В.А. Парис, капитан М.Д. Малавский. На 1939 г. насчитывало 40 человек (в т. ч. 17 во Франции, 6 в Париже), на 1949 г. – 11 (2 в Париже, 3 в США), на 1951 г. – 22 (4 в Париже), на 1958 г. – 16 (5 в Париже). Издавало журнал «Кексгольмская быль» (вышло 2 номера, редактор – полковник Е.Л. Янковский).

²⁶¹ Лейб-гвардии Петроградский полк. Возрожден в Добровольческой армии. Летом 1919 г. имел 2 роты во 2-м батальоне 2-го Сводно-гвардейского полка, 16 сентября 1919 г. сформирован батальон в Сводном полку 3-й гвардейской пехотной дивизии (две роты действовали отдельно). Командиры батальона: полковник Мельвиль (с сентября 1919 г.), полковник С.А. Апухтин (на 24 октября 1919 г.). Командиры рот: капитан Молчанов, капитан Волошинов, штабс-капитан (капитан) Маслов, штабс-капитан Роснянский, капитан Блажнов. Начальник команды: капитан Белявский. В Русской Армии с августа 1920 г. составлял роту в 3-м батальоне Сводного гвардейского пехотного полка. Полковое объединение в эмиграции – «Главное объединение л.-гв. Петроградского полка» окончательно сформировано к июлю 1932 г. (Белград, затем Париж, а также отдел в Бельгии). На 1949 г. насчитывало 20 человек (в т. ч. 5 в Париже, 1 в США), на 1951 г. – 19, на 1958 г. – 9 (3 в Париже). Председатели (возглавляющие): генерал-лейтенант В.А. Рустанович, полковник Д.Г. Лучанинов, генерал-лейтенант А.В. Беляков, полковник Б.Н. Свежевский; генеральный секретарь – полковник Лисовский, помощник генерального секретаря – полковник С.Г. Лучанинов 1-й (к 1951 г. начальник Парижского центра, к 1962 г. заместитель председателя объединения), председатели групп: полковник Д.Г. Лучанинов 3-й (Париж), полковник М.А. Микулинский (Брюссель; к 1951 г. хранитель музея), представитель в Югославии – полковник К.Ф. Петров, в США – полковник В.И. Кавернинский.

какой-то куст и замер. Когда чекисты ушли, он очень осторожно слез со скалы, хотя и повредил себе ногу и руку, и укрылся до прихода белых.

Как только стало рассветать, мы начали двигаться вперед. Сперва шли через парк, затем свернули и оказались на Александровской. Тут никого не было, но мы остановились и стали бесконечно кого-то или чего-то ожидать. За нашей спиной вдруг открылась стрельба, это где-то было в Дворцовом саду, там были кексгольмцы.

Я был страшно голоден и промерз. Время шло, и ничего у нас не случилось. Вдруг по направлению Липок разыгрался бой. Только потом узнали, что 3-й офицерский отряд с москвичами и петербуржцами, поддержанные еще какими-то отдельными частями, перешли в наступление. Загремели орудия, чьи не знаю, и в то же самое время с Подола послышалась трескотня пулеметов и винтовок.

Вдруг вниз по Александровской покатило мимо нас броневик, и пять минут спустя – открытый автомобиль, в котором стоял очень красивый молодежавый генерал в серой кубанке и светло-серой черкеске с белым бешметом.

– Кто это? – спросил я москвича.

– Генерал Неледин, он бригадой командует.

Все было непонятно и удивительно. Сейчас же после этого мы пошли шеренгой по обе стороны Александровской на Царскую площадь и повернули на Крещатик. Тут летали пули, и впереди перебежали от дома к дому красные. Мы не отвечали на их огонь, а продолжали двигаться вперед. Дойдя до Бибиковского бульвара, мы вдруг оказались под перекрестным огнем, стреляли в нас и со стороны Бессарабки, и с Бибиковского бульвара. Тут мы засели. Вдруг из Бессарабки и посыпались красные. Теперь они оказались под перекрестным огнем и стали сдаваться. Скоро за ними появились 3-й офицерский и гвардейцы. Но большинство красных вытянулись и самое сильное сопротивление оказали на бульваре. Тут они цеплялись за каждую возможную позицию, оставляя ее, только когда мы ее обходили или выбивали штыками.

Я абсолютно не знаю, было у нас к тому времени центральное командование или все действовали сами по себе. Например, куда делся генерал Неледин в своем автомобиле и куда делся броневик. Почему у нас не было никакой артиллерии и даже пулеметных команд, тоже было непонятно.

К четырем часам мы были уже на Брест-Литовском шоссе. Перед нами была какая-то площадка и на той стороне, на углу, еврейское кладбище. Красные засели за стеной. Одна из наших частей пошла в обход.

Мы бросились в атаку через площадку, более как дивертизмент, и сразу же отошли. Во второй полуатаке вдруг что-тохватило меня в живот и сбilo с ног. Было страшно больно. Я лежал лицом к мостовой и одним глазом видел отходящих наших. У меня в голове промелькнуло: неужели оставят меня тут?

Я решил лежать не двигаясь. Я заметил, что рука, которая была подо мной, в крови. Моя фуражка, которая каким-то образом очутилась в госпитале, хотя, когда меня ранили под Комаровкой, была в моем отдельном вьюке, теперь лежала на земле футях в шести. Пули визжали над головой. Неужели про меня забыли? Неужели думали, что я убит? Я боялся потерять сознание.

Мне показалось, что прошло по крайней мере час или два. Трескотня вдруг перестала. Я приподнял голову – никого не было. Я испугался, хотя должен признаться, что дрейфил все это время. Вдруг услышал голоса. Я приподнял голову, и сейчас же два человека подняли меня и положили на носилки на спину.

Было невероятно больно, и я подумал, что мне разорвало кишки. Увидел, что надо мной стоят два санитары с красно-крестными повязками на рукавах. Один из них расстегнул мне рейтузы и поднял рубаху. «Это ничего», – и понесли. Через минуту я был в автомобиле «Скорой помощи». Покатали куда-то.

Я не помню, как мы приехали, как меня перевязали. Пришел в себя в маленькой палате. Горели электрические лампы. Подошла очень красивая, стройная, молодая сестра.

– Вы что, Конного или Кавалергардского полка? Как вас зовут?

Я посмотрел на нее с удивлением:

– Почему вы знаете, что я одного из этих полков?

– Очень просто, – сказала она, засмеявшись. – По поганам. Мой брат – желтый кирасир.

– Где это я?

– В лавренской больнице. Вам посчастливилось, очень легкая рана.

Мне вдруг стало досадно.

– Отчего тогда так больно?

– Да потому, что пуля скользнула и порвала вам мускул.

Вот глупо, в голову ударило – не заметил, а тут поверхностная рана – и болит.

– Вы брата моего знаете? Доливо-Ковалевский²⁶².

– Знаю, – сказал я обиженным голосом.

Живот болел очень сильно, я мечтал заснуть. Наутро живот не болел уже, но ныл. Меня понесли на перевязку.

– Ну, это ерунда, через несколько дней сможете выписаться, – сказал доктор.

Действительно, через день и нить перестало.

Сестра была очень мила. Часто приходила поговорить. Остальные в палате все были или наши, или гвардейцы. Я вдруг вспомнил нашу сестру милосердия. Я знал только, что ее звали Алла. Только я хотел спросить, где она, как в палату вошла моя тетка Стенбок. Она пришла навещать раненых и меня сперва не узнала. Последний раз я ее видел в Петербурге, когда мне было 12 лет. Она обрадовалась, когда я к ней обратился. Стала расспрашивать про своих племянников, сын ее, Иван Стенбок²⁶³, в полку нашем тогда не был.

Я ей рассказал про Аллу и попросил узнать, где она. Позже вышла какая-то сестра и говорит:

– Вы спрашивали про сестру Погорельскую? Она здесь. Она большевичка, она в отдельной палате.

– Она совсем не большевичка, она к нам перешла.

– Не знаю, мы нашли документы на ней, она с красными была.

– Так это ничего не значит.

– Ну, это нас не касается. Как выздоровеет, мы ее передадим военным, они там разберутся.

Это мне очень не понравилось. На следующий день я встал и пошел искать Аллу. Нашел комнату и постучал. Никто не откликнулся. Я тихо открыл дверь. Она лежала, натянув одеяло на голову.

Я подошел и сказал тихо:

– Алла, вы спите?

Она стянула одеяло и посмотрела на меня испуганно, как видно, не узнала.

– Я Николай Волков, я вас перевязывал, когда вас ранили.

Она тогда вспомнила, уставилась на меня, но не сказала ни слова.

– Как вы себя чувствуете?

– А вы почему тут?

– Меня ранили.

²⁶² Имеется в виду **Доленга-Ковалевский Борис Анатольевич**. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; рядовой дивизиона л.-гв. Кирасирского Его Величества полка. Корнет (с ноября 1920 г.). Галлиполиец. В эмиграции во Франции. Умер 9 ноября 1967 г.

²⁶³ **Граф Стенбок-Фермор Иван Иванович**. Пажеский корпус (1917). Офицер л.-гв. Конного полка. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции, затем в США. Умер 24—25 сентября 1986 г. в Пало-Альто или в Сан-Франциско (США).

- Зачем вы ко мне пришли?
- Да я хотел узнать, как вы.
- Да вы для меня ничего сделать не можете.
- Я не знаю.

Слезы показались на ее глазах. Мне стало ее жалко.

- Простите, но отчего вы так беспокоитесь?

Она ничего не ответила.

- Пожалуйста, не плачьте.
- Они говорят, что я большевичка.
- Так это ерунда.
- Они мне не верят.
- Так я могу удостоверить, что вы с нами были.
- Они вам не поверят.

Я действительно не знал, как я мог бы доказать, что Алла не красная. Мне вдруг пришло в голову, что если тетка Стенбок приходит навещать раненых...

- Подождите, я подумаю. Я приду завтра.

Я нашел сестру Доливо-Ковалевскую, попросил ее снестись с тетей Маней.

На следующий день тетя пришла, и я ей объяснил про Аллу.

- Да что ты о ней беспокоишься? Когда ее выпишут, военные разберутся, кто она такая.

Если она не большевичка, ее отпустят.

- Да как она может доказать?
- Не знаю, они там как-то разбираются.

Я тогда ей рассказал, что произошло со мной и стрелками.

- Если б Сергей Исаков не вошел, меня б расстреляли как шпиона.

Это ее убедило.

- Ну что ты хочешь, чтобы я сделала?
- Возьми ее под свое покровительство, тебе поверят.

Она согласилась. Я ее повел к Алле.

- Послушайте, это графиня Стенбок-Фермор, она за вас будет хлопотать.

Я увидел, что Алла не слишком этому поверила. Тетя Маня обещала ее навестить на следующий день.

Теперь я стал проводить много времени с Аллой. Она была очень мила и повеселела. И отношение госпиталя к ней тоже исправилось. «Графиня сказала... графиня предложила...» Тетя Маня предложила, когда Аллу выпустят из госпиталя, взять ее к себе. Через несколько дней меня выпустили. Я пошел сразу же к Дарье Петровне. Она только что получила известие, что Петр Арапов в Лубнах, в запасном эскадроне. Я было думал вернуться к себе в эскадрон, но никто не знал, где наша дивизия. Погода испортилась, и у меня не было шинели. Мне вымыли в госпитале мою рубаху, но она была летняя. Я решил ехать в Лубны, там, наверное, знают, где наш полк, и в то же время я очень хотел повидать Петра. Попрошался с тетей Маней, она мне дала бурку своего сына, чтоб ему передать. Сходил в госпиталь, простился с Аллой и сел в поезд на Лубны. Я совершенно не ожидал того, что увидел в Лубнах. Город был переполнен запасными эскадронами гвардейской конницы. Я нашел Петра. Он совсем не был удивлен моим появлением.

- Где ты мотался?

Я ему объяснил, что со мной произошло.

– Ну, это великолепно, ты ветеран, ты можешь мне помочь. Я команду учебной командой, никто из них пороха не нюхал.

В Лубнах было много знакомых, между ними полковники Дерфельден и Фелейзен²⁶⁴, ротмистры Ширков и Жемчужников, но Ивана Ивановича Стенбока не было. Знал также многих из других полков. 3-й эскадрон, под командой Андрея Старосельского²⁶⁵, уходил на фронт. Я Старосельского не любил и решил с ним не ехать. 4-й эскадрон Ширкова должен был тоже скоро уходить. Тем временем я прикомандировался к учебной команде. Командовал запасом полковник князь Гедройц²⁶⁶. Я его не знал, и Жемчужников меня ему представил. Это был несчастный случай: Гедройц Жемчужникова терпеть не мог, и его ненависть перешла на меня. Гедройц был малюсенький. Он вряд ли был выше пяти с половиной футов и терпеть не мог всех высоких, хотя почему он так не любил Жемчужникова, который был среднего роста, я не знаю. Говорили, что, когда он вышел в полк в 1906-м или 1907 году, он сразу же заказал себе «супервест». Это была безрукавка, которую носили офицеры Конного и Кавалергардского, когда на парадных оказиях они стояли часовыми при Государе. Но выбирали для этой службы всегда высоких офицеров. Возможно, что кто-нибудь из молодых тогда над ним посмеялся, но результат был, что он высоким никогда не мог простить их роста. Но он вообще был очень неприятный человек, злобный и очень не популярный, его не любили ни офицеры, ни солдаты.

Меня сразу же обмундировали. В это время появились в Полтавской и Екатеринославской губерниях шайки разбойников. Стали ли они разбойниками, сперва бывши зелеными, или просто разбойничали, не знаю. Зеленые были местные и защищали свои деревни. Эти же были конные и шатались по всей губернии, грома и города, и деревни. Они были против и белых, и красных. В треугольнике Прилуки—Ромны—Миргород шаталась шайка какого-то Шубы. В Екатеринославской губернии был Махно, на север от Ромен – Ангел.

Шуба появился на Суле на север от Лубен, и послали учебную команду его или поймать, или разбить.

Я Южной России совершенно не знал и думал, что климат здесь гораздо теплее нашего смоленского. У нас очень редко выпадал снег до первой недели ноября, но тут числа 20 октября вдруг пошел снег.

Мы выступили с командой в 33 человека и пошли вдоль Сулы. Петр, как всегда, словами не мешкался. Он заставил меня ехать с ним рядом и говорит:

– Эта зеленая молодежь за нами даст такого драпу, если выскочит на нас Шуба, что только пыль будет видна!

– Так зачем же мы их взяли?

– Приучать нужно.

Я откровенно того сам побаивался.

Прошли несколько деревень. Шуба был. В одной деревне повесил двоих, потому что они отказались заплатить ему «дань». Куда он ушел, не знали или боялись сказать.

Снег выпал. Было очень холодно, но мне в бурке тепло. Сколько у Шубы человек было – разнилось. Некоторые говорили, что более ста, другие – человек семьдесят. Пулеметов у него не было. К нам в последний момент приставили две тачанки с пулеметами 4-го эскадрона.

²⁶⁴ **Барон Фелейзен Сергей Константинович.** Институт инженеров путей сообщения (1898). Произведен в офицеры из вольноопределяющихся в 1899 г. Полковник л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. В эмиграции во Франции. Умер 19 мая 1936 г. под Парижем.

²⁶⁵ **Старосельский Андрей Гивич,** р. в 1898 г. Пажеский корпус (1916). Поручик л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с октября 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка. Штабс-ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 17 апреля 1966 г. в Париже.

²⁶⁶ **Князь Гедройц Евгений Евгеньевич.** Николаевское кавалерийское училище (1908). Полковник л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта, на 12 мая 1919 г. командир эскадрона своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии; с октября 1919 г. командир запаса гвардейской кавалерии. В Русской Армии в ординарском эскадроне штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Снегед». В эмиграции во Франции. Умер в 1920-х годах в Париже.

Шуба ушел из последней деревни до снега, так что следов не оставил. Выбор наш был – идти или на Пески и Галич, или на восток на Камышню. Петр решил последнее.

Была вторая ночь нашего похода. Зная английские седла, я осмотрел расседланных лошадей. Две были сильно набиты, две или три полегче. Пришлось насыпать йодоформом. Худшие две расседлать и посадить солдат в тачанки. Нашли войлок для других.

Здесь произошел случай, который меня очень удручил. Когда допрашивали местных о Шубе, они проявили какую-то ненависть к одному из жителей. Трудно было понять, на чем она основывалась. Вряд ли он был шубинцем, по крайней мере Петр этому не верил. Крестьяне говорили загадками, к которым я вообще привык, но тут уяснить ничего не мог. Это был малорусский говор, который не только словарно, но и философски разнился от нашего великорусского. Я стал подозревать, что деревня от него хотела отделаться, но сами на это решиться не могли. Может, он был коммунист? В первый раз я видел, что Петр не мог решить, как поступать.

– Пойдем с ним поговорим?

– Мы не коммунистов ищем, – ответил Петр коротко, но в конце концов согласился.

Пошли. Дома только жена и двое детей. Стали ее спрашивать. Ясно, она ничего не говорила и не могла объяснить, отчего мужа ее так не любили в деревне.

– Это мы время теряем, глупо было ожидать, что мы какую-то деревенскую междоусобицу сможем разобрать! – сказал Петр раздраженно.

– Откуда этот дым? – Кто-то из наших открыл дверь в соседнюю комнату и шархнул обратно.

Комната пылала.

– Ведра! Залей, где вода?! – крикнул Петр.

Кроме бочки с водой и двух ведер, ничего не было.

– Неси снег! – крикнул Петр.

Но было уже поздно. Дом горел как костер.

Успели только вывести жену, детей и всякую домашнюю рухлядь. На улице собралась толпа, но ни один гасить пожар не пробовал. Жена и дети голосили.

Как загорелось, кто был в том виноват, невозможно было сказать. Петр был разъярен.

– Отчего, дурак, я тебя слушал, – процедил он сквозь зубы. – Смотри, что случилось, это именно то, чего они хотели.

Я стал извиняться.

– Да, но это моя ответственность, и мы попали в их западню, – ответил Петр сердито.

Дом сгорел. Остались только печка и труба. Мы вышли на окраину деревни, поставили дозоры и устроились в сарае. На рассвете выступили в Камышню. Петр был в очень плохом настроении. Пошел снег, поднялся ветер. Вьюга нас заставила остановиться на хуторе. Хозяин, маститый старик, был очень доволен нашим приходом, но был убежден, что мы Шубу никогда не поймем.

– Тут все его боятся, никогда вам не помогут.

Как только вьюга прошла, взошло солнце. Снег сверкал. Дух у всех поднялся. Вдруг кто-то крикнул: «Смотрите! Смотрите! Заяц!» Он скакал параллельно нам и, видимо, хотел проскочить перед нами. Не теряя ни секунды, Петр бросился в галоп, и за ним поскакала вся команда. Суеверие о зайце, проскакивающем перед колонной, было очень сильно, это считалось предречением несчастья.

Этот галоп спас нас от засады: кто-то из деревушки открыл по нас огонь издалека. Мы раскрылись в лаву. Петр бросил меня с частью команды вправо, чтоб обхватить деревушку, но я повернул слишком рано. Мы перепрыгнули низкий плетень и оказались на улице. Через безлистные деревья садов я увидел верховых, драпающих в поле. Нагнать их было невозможно.

Пули свистели из-за домов. Почти тут же появился Петр. Я уже спешил и пробовал отрезать стреляющих.

Я думал, что Петр на меня обрушится за то, что я не отрезал конных. Но он только сказал, что мое появление на улице в тылу заставило партизан драпануть.

– Ты ничего бы не смог сделать, их было слишком много.

Мы обшарили дома и сараи. Нашли одного убитого и двух раненых. Может быть, в деревушке остались еще несколько шубинцев, но искать их было невозможно. Мы подобрали восемь карабинов и шесть лошадей, оседланных казачьими седлами. Лошади были великолепные.

Эта стычка с шубинцами показала нам с очевидностью, что у нас не было достаточно сил. Ясно, что мы повстречали только часть главных сил Шубы, и то они были намного сильнее нас.

Петр решил возвращаться в Лубны. Потом оказалось, что в сгоревшем доме погиб хозяин, который залег на печке и задохся там. В Лубнах учредили розыск, как это случилось. Никто не знал, как начался пожар, но Петр был прав, ответственность за пожар и смерть хозяйина была положена на нас, – именно то, чего деревня хотела. Гедройц, конечно, винил Петра. Но Петр меня больше не укорял. Правду сказать, и я после этого уж советов не давал.

По возврате в Лубны я в первый раз услышал, что произошло на сахарной фабрике. Наступая на Орел, левый фланг корпуса Кутепова подошел к фабрике. Копков отослал комиссара в Москву, «прося подкрепление». Зеленые отрезали фабрику от Брянска, и Южный полк «после героической защиты» был уничтожен. В действительности он весь перешел к белым, надел погоны корниловцев и превратился не то в полк, не то, некоторые говорили, в дивизию Корниловского корпуса. Их достаточно было на дивизию. Копков был произведен в полковники, но скоро после этого убит. Подробностей я не знаю, хотя потом встречал нескольких корниловцев, которые прежде были Южного полка.

Поездка на юг

Если бы я уже тогда, во время Гражданской войны, занялся записками, вероятно, я бы мог узнать многое и о Главсахаре, и о самой войне, сверх того, что сам испытал. Расспросил бы, например, Петра Арапова о том, как он перешел к белым. Но тогда это мне казалось мало-важным. Петр мне, может, даже и рассказал, но вошло в одно ухо и вышло в другое. Знаю только, что он был «убит» за неделю или две до перехода. Попал к зеленым и оттуда – в Белозерский полк.

Это теперь мне очень досадно. Петр мне говорил, что не то Белозерский полк, не то вся дивизия (в таком случае еще три полка, имен которых я не знаю) были единственными, которые были Императорской армии целиком. И командир, и офицеры, и солдаты с фронта, когда фронт рассыпался, ушли в Белую армию.

Петр прослужил там месяц, услышал, что Конная гвардия и в Лубнах, и перевелся. Белозерский полк был и у Врангеля, помню, кто-то о нем говорил под Каховкой, в корпусе генерала Скалона²⁶⁷.

²⁶⁷ Скалон Михаил Николаевич, р. 19 апреля 1874 г. Пажеский корпус (1894). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. 4-го стрелкового полка, командующий 33-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с 12 ноября 1919 г. начальник отряда Отдельной Русской Добровольческой армии, с 29 января 1920 г. начальник Сводно-гвардейской пехотной дивизии, с 2 марта 1920 г. в резерве чинов при штабе Отдельной Русской Добровольческой армии. Участник Бредовского похода. К 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Возвратился в августе 1920 г. в Крым. В Русской Армии с августа 1920 г. командир 3-го армейского корпуса, с октября 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 октября и. о. Таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующий войсками тылового района до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Чехословакии, к 1925 г. в Праге. Умер 28 февраля 1940 г. в Праге.

Сейчас в Лубнах Петр перевелся из запасной команды в 4-й эскадрон ротмистра Кирилла Ширкова. Ширков меня знал с детства. Его сестра была замужем за князем Мещерским, который жил в Дугине. Мой отец князя терпеть не мог, и он у нас никогда не бывал. Кирилл же, когда приезжал гостить в Дугино, постоянно навещал нас.

Кирилл настоял, чтобы я жил на квартире, которую они с Петром занимали.

К этому времени наступление на Москву прекратилось. Отчего это случилось, я не знаю. В один момент фронт, если его можно назвать фронтом, был приблизительно следующий.

На западе, на правом берегу Днепра: Винница—Казатин—Фастов и вдоль Ирпеня до Днепра. На этом фронте была гвардейская дивизия Бредова и «армия» генерала барона Шиллинга, которая начала наступление из Одессы. Что эта армия собой представляла, я понятия не имею, и какие в ней части были, я тоже не знаю.

На восток от Днепра, от Киева до Конотопа, часть армии генерала Драгомирова (в которую включалась и дивизия Бредова). Эта армия была очень жидко разбросана. К ней принадлежал 5-й кавалерийский корпус и какие-то пехотные части, включая белозерцев.

Когда я еще был в полку, 2-й Дроздовский конный полк, наш однобригадный, занял Чернигов, но, думаю, оттуда скоро ушел. После Британ говорили, что наш Сводно-кирасирский полк пошел и взял Новгород-Северский. 2-я бригада, полк гвардейской легкой кавалерии (без лейб-гусар²⁶⁸, но с эскадронами улан Его Величества (варшавских) и Гродненского гусарского), а также и Сводно-уланский полк (из 16-го Новоархангельского и 17-го Новомиргородского) были в районе Бахмача—Конотопа. Там же где-то была и 2-я дивизия (сводные полки 2-й, 8-й, 9-й²⁶⁹, 10-й дивизий)²⁷⁰. Направо от них была пехота.

Я совсем не уверен, действовал ли и где пятый корпус в октябре и начале ноября 1919 года, и пишу только то, что слышал. Говорили, что наш полк был в Глухове и весь корпус двинулся на Брянск.

Тут будто бы произошел случай, за который я не могу ручаться, но слышал от многих, из разных полков. Корпус подошел к Брянску и был в нескольких верстах от него. В Брянске было восстание рабочих, и они прислали делегацию, прося помощи. Корпус приготовился выступить, когда получил приказ от Главнокомандующего отойти к хутору Михайловскому.

Тем временем армия генерала Май-Маевского, в которой были Корниловский, Дроздовский и Марковский корпуса, занимала позиции от Карачева—Мценска—Ельца. Направо от них была армия генерала Богаевского (Донская). Тут же где-то были и кубанцы генерала Шкуро. Где был «фронт», не знаю, но в газетах мелькали Липецк, Тамбов, Кирсанов.

²⁶⁸ Лейб-гвардии Гусарский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка первоначально входил в Сводно-горскую дивизию. С 30 декабря 1919 г. взвод и эскадрон полка входили в Сводную кавалерийскую бригаду, с начала января 1920 г. – в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. лейб-гусары составили взвод Гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 10 офицеров (2 расстреляно, 7 убито и 1 умер от болезней). Полковое объединение в эмиграции (Франция; непосредственно не входило в РОВС, а только как член Гвардейского объединения). Председатели: генерал-майор Д.Ф. Левшин, генерал-майор Г.И. Шевич; заместители и председатель Совета старшин – генерал-майор П.П. Гротен, секретари: корнет Б.В. Чаплиц, корнет Г.С. Гартинг; казначей – поручик князь Ю.Л. Дондуков-Корсаков; заведующий музеем – ротмистр С.С. Сомов; представитель в Югославии – подполковник Г.А. Таль. На 1949—1951 гг. насчитывало 26 человек (в т. ч. 18 в Париже, 2 в США), на 1958 г. – 21 (13 в Париже), на 1962 г. – менее 10.

²⁶⁹ Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии. Сформирован во ВСЮР 27 мая 1919 г. из кадра полков 9-й кавалерийской дивизии Императорской армии, до этого входивших в Сводный дивизион той же дивизии (сформированный в декабре 1918 г. и 17 января 1919 г. включенный в состав 3-й пехотной дивизии). Весной – в отряде генерала Виноградова. На 11 апреля насчитывал 100 штыков, 75 сабель и 1 орудие, на 26 мая —14 июня 260 человек. Входил в состав 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В июле 1919 г. включал по 2 эскадрона 9-го драгунского Казанского, 9-го уланского Бутского и 9-го гусарского Киевского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 622 штыка и 230 сабель при 30 пулеметах. В начале октября 1919 г. отправлен на внутренний фронт и его состав увеличился до 9 эскадронов. Командиры: полковник А.Ф. Пущин (13 марта – 14 апреля 1919 г.), полковник Халяпин (врид; 14—26 апреля 1919 г.), полковник Н.А. Матушевич (26 апреля – 8 июня 1919 г.), полковник В.Н. Выгран.

²⁷⁰ Это неверно, сводных полков этих дивизий во ВСЮР не существовало. О составе 2-й кавалерийской дивизии см. выше.

Тамбов и Козлов упоминались, впрочем, еще в августе, когда Донская дивизия генерала Мамонтова²⁷¹ прорвалась на север глубоко в тылы красных около Тамбова. Она шла почти что без сопротивления уже и на Рязань. По дороге к ней приставали крестьянские ополчения. Но тут Мамонтов получил приказ от главкома возвращаться, что он, к несчастью, и вынужден был сделать.

О силе переполоха у красных. Моя мать, бывшая тогда в Москве, рассказывала, что в начале ноября к ней в панике пришли известная коммунистка доктор Фельдман и на следующий день – жена Лундберга, который тогда служил в комиссариате образования, с просьбой их спрятать, «когда придут белые, которые в Серпухове». Моя мать очень любила и докторшу, и Лундбергов и обещала за них постоять. Паника в Москве была такая, что поговаривали об эвакуации государственных учреждений во Владимир и Ярославль. Потом, через неделю, все успокоилось.

Направо от донцов-кубанцев была армия генерала барона Врангеля. Она заняла Царицын и Камышин. Армия Врангеля (Кавказская армия) заключала в себе пехотную дивизию алексеевцев, терских и астраханских казаков, Дикую дивизию и какие-то сводные полки кавалерии.

В армии никто политикой не занимался. Думали только о том, как разбить большевиков. Никто не знал и не думал о том, что последует. Цель была только одна – уничтожить коммунизм. Никто о монархии не говорил. Если кто и думал о будущем, то думали, что будет военное управление, пока все не успокоится. Я не знал ни одного помещика, который думал о возвращении своих поместий. Некоторые говорили: «Ну, если вернут – вернут, это от крестьян зависит». Появилась какая-то новая философия, построенная на возрожденной церкви и на традициях русских военных сил и истории.

Как и почему в ноябре 1919 года фронт белых вдруг рухнул, не знаю. Вооружения и амуниции у Красной армии было вдоволь. У белых этого не было. Англичане всегда плохо снабжали Белую армию и к концу 1919 года прекратили. Организация в тылу была ужасная. В общем, тыла не было.

Отступление, которое началось в конце ноября, было не отступлением, а драпом. Никто не знал, где кто.

Кроме этого, появились две новые проблемы. Организовалась конница Буденного, и появился в тылу атаман Махно с сотнями пулеметных тачанок. Говорили, что они были петлюровцы и «независимые» украинцы. Но в то же время и социалисты.

На Кубани появился некто Рябовол²⁷², который агитировал за какую-то «независимую Кубань».

Во всяком случае, фронт откатывался с невероятной быстротой.

Не помню числа, но в один прекрасный день Кирилл Ширков меня спросил, был ли я после двух ранений в отпуске. Я ответил, что нет. Тогда он мне предложил отпуск на три недели.

– Послушай, ты можешь в Крым поехать, но по дороге подбери мою жену и дочку и эвакуируй их в Ялту. Они сейчас в Харькове у Мани Стенбок.

²⁷¹ **Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович**, р. 16 октября 1869 г. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Николаевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии; участник Степного похода, комендант отряда, в марте 1918 г. руководитель восстания во 2-м Донском округе, в апреле 1918 г. командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 г. начальник самостоятельного отряда и группы. В июле 1918-го по 23 февраля 1919 г. командующий войсками Чирского и Цимлянского района, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 г. генерал-майор), с 23 февраля 1919 г. командующий 1-й Донской армией, командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919-го – феврале 1920 г. командир 4-го Донского отдельного корпуса, в ноябре 1919 г. командир конной группы. Генерал-лейтенант. Умер от тифа 1 февраля 1920 г. в Екатеринодаре.

²⁷² **Рябовол Николай Степанович**, р. в 1883 г. Председатель правления Черноморско-Кубанской железной дороги. Председатель Кубанской законодательной Рады. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде Кубанской Рады. Убит 13 июня 1919 г. в Ростове.

Я сразу же согласился. И обрадовался, что смогу узнать от тети Мани, что случилось с Аллой.

В тот же день я поехал поездом из Лубен в Полтаву. Со мной поехал Петр по каким-то делам полка. Мы приехали в Полтаву морозной ночью. Поездов на Харьков уже не было. Единственное, что я нашел, был товарный поезд, который уходил через час. Он стоял на запасном пути, оказалось потом, что он не товарный, а санитарный, битком набитый солдатами и офицерами в тифу.

– Смотри не поймай тиф! – сказал Петр.

Я об этом как-то не подумал. Сейчас я впервые услышал о тифе в Белой армии. Еще в Москве он свирепствовал перед тем, как я уехал, но я отчего-то его не боялся.

– Ничего, не поймаю!

Я помню, как Петр провожал меня до поезда. Мы стояли на платформе, прислонившись к теплушке. Петр, как часто, стал философствовать.

– Смотри, как ярко светят звезды. Если хочешь сойти с ума – то только постарайся понять две вещи: «время» и «бесконечность». Ни то, ни другое человеческий ум не может объять!

Я влез в теплушку перед самым отходом и только тогда узнал, что и она набита тифозными. Весь поезд был тифозный. На нем, оказалось, был только один санитар, две сестры и доктор, который уже бредил, но еще старался на остановках вылезать. Ничего никто из них сделать для больных не мог, только давали пить воду, которую набирали на станциях. В результате я превратился в санитаря и с кринкой воды лазил по полатам, стараясь утолять жажду больных. Но и тогда мне не пришло в голову, что могу схватить тиф.

Куда шел этот поезд, я понятия не имел. Во всяком случае, не в Харьков. Он дошел до Люботина, и там сказали, что он поворачивает куда-то в сторону. Говорят, до Харькова верст 30. Я пошел на станцию узнать, есть ли поезда. В станционном зале, набитом людьми, большей частью женщинами, сидящими на узлах, произошла невероятная встреча. Всю жизнь меня удивляло количество совпадений, случавшихся со мной.

Я о Люботине раньше и не слышал. Случай меня привел сюда. И вдруг:

– Николаша, что ты тут делаешь?

Посмотрел – тетя Соня Дмитриева-Мамонова, двоюродная сестра моего отца. Имение у нее было в Тульской губернии, что она делала в Люботине?

– Тетя Соня, а ты что тут делаешь?

– Да у меня тут имение.

– Имение?

– Да, недалеко, рядом с Голицыными.

– Какими Голицыными?

– Да Вера, двоюродная сестра твой бабушки Дондуковой.

– Я и не знал об этом.

– А ты зачем здесь?

– Да еду в Харьков эвакуировать Эллу Ширкову.

– Да туда поездов нет.

– Ну, как-нибудь проберусь.

Пошли к начальнику станции. За мной идет какой-то поручик. Я спросил у начальника про поезда. Он и слушать не хочет. Повернулся, поручик мне говорит:

– Мне тоже нужно в Харьков, пойдемте возьмем паровоз.

– Как – возьмем паровоз?!

– Просто. – Он указал на свой наган.

Пошли. Нашли какой-то маленький паровозик. Машинист говорит:

– Я с этой станции никуда не хожу, в Харькове никогда не был.

– Ну, слезайте, я железнодорожного батальона, сам справлюсь.

Я стал кочегаром. Не трудно, что в печку дрова подкидывать. Но дров мало. Переменили стрелку, проехали и стрелку обратно поставили. Поручик мой все знает. Я его спрашиваю:

– Достаточно дров?

– Да не знаю, сколько этот самовар жрет.

К удивлению всех на платформах, проехали несколько станций или полустанков. Одна, кажется, называлась Новая Бавария. Дров все меньше и меньше.

– Не доедем, придется пешком переть.

Действительно, все меньше и меньше пара.

Какой-то запасной путь, и вдали уже виден Харьков.

– Бросим этот самовар, быстрее пешеходом до Харькова дойти.

Свели паровоз на запасной путь и пошли пешком. Версты четыре до окраины. Пошли по полю. Снег хрустит под ногами. Дошли до какого-то предместья. Большой город. Наконец нашли извозчика. Приехали. Поручик пожал мне руку, спросил, есть ли чем заплатить. Денег у меня было достаточно.

– Ну, приятной эвакуации, я вам не завидую, тут уже паника. – И слез.

Я поехал на извозчике дальше. Город современный на вид. Пяти-шестиэтажные доходные дома. Приехал. Большой квартирный дом. Большая передняя, швейцар и центральное отопление. Тепло. Лифт действует. На третьем этаже квартира. Звоню. Открывает дверь горничная. Спрашивает: «Вы что, к графине?» Все как будто нормально.

Тетя Маня обрадовалась:

– Как? Почему?

– Приехал за Эллой Ширковой, в Крым ее везти.

– Да милый, она больна, и девочка слишком маленькая, чтобы ехать.

– Мне приказано их вывезти.

– Это совершенно невозможно. Подумай, все отсюда бегут, поезда набиты, в коридорах, на крыше, как Элла может путешествовать?

Эллу я не видел, она была в кровати. Меня накормили. Тут были какие-то две старушки, которые будто бы знали меня, но я теперь не помню, кто они были. За столом я спросил тетю Маню про Аллу.

– Ах, я ее устроила в какой-то полевой госпиталь, где она теперь, не знаю.

Я решил разузнать про поезда. Пошел на улицу, нашел извозчика и поехал на станцию. Там невероятный кавардак. Залы и платформы набиты народом, сидящим на узлах. Но, удивительно, масса офицеров и солдат. Если действительно красные наступают, отчего они не на фронте?

Вокзал колоссальный, лучше московского. Поезда на каждой платформе, уже набитые. Я пошел к коменданту. Пробраться к нему было трудно, не пускают.

Спрашиваю:

– Когда поезда идут на Крым?

– В Крым? Да вы что, с ума сошли? В Крым только военные поезда идут. Последний пассажирский ушел сегодня утром.

Я, конечно, объяснил, что не для себя стараюсь, а везу даму с ребенком.

– Это никак!

Но узнал, что на следующее утро в 9 часов отходит. Вероятно, последний пассажирский поезд в Ростов.

Поехал обратно. Заказал извозчика к 6 утра, думал, что, если приеду заранее, как-нибудь устроюсь. Сказал тете Мане. Она на меня обрушилась. Я ей говорю, что хочу видеть Эллу.

– Это невозможно, она спит.

Я настоял, и ее разбудили. Я нервничал, зная, что Элла рожденная Звегинцова. Хотя я лично Звегинцовых не знал, мой отец и мать их знали хорошо, и я вырос с представлением, что Звегинцевы упрямые и могут быть очень неприятными.

Наконец появилась Элла в халате. Она мне очень понравилась. Привлекательная и совсем не то, что я ожидал. Я ей объяснил, зачем приехал, она сразу же сказала, что поедет, и, несмотря на протесты всех присутствующих, просила помочь ей уложиться. Было тогда 11 часов ночи.

Тетя Маня убедила меня прилечь и говорит:

– Вот комната, там три кровати, там двое из твоих спят, они тоже завтра утром едут. Николай Татищев и Димка Лейхтенбергский²⁷³, они оба ранены.

Я обрадовался, по крайней мере я не один.

Они, конечно, спали, и я их не трогал.

Разбудили нас троих в пять утра. Мы все обрадовались друг другу.

– Что ты тут делаешь, тебя же убили под Британами!

– Как видишь, еще жив.

– Так тебе же мозги вышибли!

– Нет, немного оставили.

Поели, Элла уже была готова, с бесконечным количеством багажа, спиртовкой, термо-сами, бутылками молока и т. д. Я смотрел на все это с ужасом. К тому же бедная Элла действительно была больна.

С трудом все это уложили на извозчика и поехали на вокзал. Слава богу, были еще носильщики. На левой стороне платформы стоял ростовский поезд, на правой – тоже пассажирский, с красными крестами, в Севастополь. Я ахнул, когда увидел ростовский поезд. Он был набит так, что и спичку уронить невозможно. Напротив стояли Николай и Димка, как видно, нашли себе место в красно-крестном поезде. Я был в отчаянии.

Мне вдруг пришла в голову идиотская мысль. Даже в России был невероятный снобизм среди чиновников. Я подошел к Димке и говорю:

– Послушай, могу я твою фамилию употребить у коменданта, чтобы найти место?

– Да, конечно, если это поможет.

Я на это не слишком надеялся, но попробовать нужно. Пошел. Вчера меня к коменданту не пускали. На этот раз я прошел прямо к нему:

– Простите, я к коменданту от герцога Лейхтенбергского.

– Ах, пожалуйста, пожалуйста.

– Господин полковник, я от Его Высочества герцога Лейхтенбергского. – Я надеялся, что он не знает, что тот не высочество. – Мне необходимо купе первого класса в ростовском поезде.

Он на меня посмотрел с удивлением:

– Для герцога?

– Никак нет, для его семьи.

– Да, да, конечно, я сейчас очищу вам купе. Лучше поближе к концу, ближе к уборной, вы с ними едете?

– Так точно, меня назначили их конвоировать.

– Да, сейчас, сейчас.

Я был так ошарашен этой удачей, что не верил своему счастью.

– Я вам дам ключ, так что вы сможете запереться в купе.

²⁷³ **Герцог Лейхтенбергский Дмитрий Георгиевич**, р. 18 апреля 1898 г. в Санкт-Петербурге. Юнкер. Участник восстания юнкеров в Петрограде 27—28 октября 1917 г. Был в заключении в Петропавловской крепости до начала 1918 г. В Добровольческой армии и ВСЮР в эскадроне л.-гв. Конного полка; в ноябре 1919-го – начале 1920 г. в Ялте. Ранен летом 1920 г. В Русской Армии в конвое Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Корнет. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин». В эмиграции в Германии и Канаде, владелец отеля. Умер 25 декабря 1972 г. в Сен-Совёрде-Монтань (Канада).

Я оказался с подпоручиком и двумя солдатами. Они вошли в вагон, очистили купе, погрузили весь багаж, посадили Эллу с Еленкой и поставили часового в коридоре.

Я был совершенно изумлен.

Поезд пошел. Но тут у меня началось второе беспокойство. Бедная Элла была сильно больна. Нужно было кормить девочку, ей, кажется, только два месяца было, менять пеленки, качивать. Я за эту поездку научился многому: и температуре молока, и смене пеленок, и всяким другим неизвестным для меня няньческим тайнам...

Поезд шел очень медленно, кажется, через Изюм, Славянск и Таганрог. Приехали мы в Ростов на следующий день. Нужно было узнать, есть ли поезд на Новороссийск. Если нет, у меня адрес Сони Кочубей, нужно было туда отвезти Эллу.

Я вышел на платформу. В конце платформы группа военных, идущих мне навстречу. Господи боже мой, Петр Врангель. Я испугался, я его не знал и побаивался. Стал во фронт. Он вдруг остановился передо мной. На моих погонах были вензеля.

– Вы Конного?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Лейб-эскадрона?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Как вас зовут, молодой человек?

– Николай Волков, ваше превосходительство.

– Что вы тут делаете?

– Провожая жену и дочь ротмистра Ширкова, ваше превосходительство.

– Передайте привет Элле.

– Так точно, ваше превосходительство.

Он повернулся и пошел дальше.

Поезда в Новороссийск, конечно, были, но опять набиты. Дурак, почему я не спросил Врангеля, он, может, что-нибудь устроил бы. Да нет, я никогда бы не посмел.

Значит, нужно ехать к Соне. Нашел извозчика и поехали. Я Соню с детства не видел, она меня старше была на пять лет. Слава богу, у нее большая квартира, и Эллу устроили.

Теперь нужно было найти способ проехать в Новороссийск. Оказалось, что английская военная миссия в Таганроге имела для своих офицеров задержанные купе. Генерал Швецов²⁷⁴ был в Таганроге, и дочери его, Татьяна и Соня, теперь работали у англичан. Я их знал по Главсахару. Знал и брата Игоря.

Поехал в Таганрог. Швецовы были очень милы. Через англичан получил купе и повез Эллу в Новороссийск. Узнали, что там забастовка портовых рабочих и никакие пароходы в Крым не идут.

В Новороссийске уже было столько народу, ожидающего пароходов в Крым, что найти каюту и заказать ее не было возможности.

Я опять стал изыскивать способ. К моему удивлению, генерал-губернатором Черноморской области, то есть Новороссийска и окрестностей, оказался дядя Женя Волков²⁷⁵, младший

²⁷⁴ **Швецов Андрей Александрович**, р. 27 декабря 1868 г. 1-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище (1888). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. Гренадерского полка, командир бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Белграде, с 1921 г. председатель полкового объединения л.-гв. Гренадерского полка, к декабрю 1926 г. член объединения л.-гв. Семеновского полка. В эмиграции во Франции. Умер 9 октября 1934 г. в Монте-Карло (погребен в Ментоне).

²⁷⁵ **Волков Евгений Николаевич**, р. 16 июня 1864 г. Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1884). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, управляющий кабинетов Его Императорского Величества. В Вооруженных силах Юга России; в ноябре 1919 г. генерал-губернатор Черноморской обл. В эмиграции во Франции. Умер в 1933 г. в Ницце (Франция).

брат моего деда Волкова-Муромцева. Он с тетей Верой (Свечиной) жили на Цементной фабрике к югу от Новороссийска. Я поехал туда, но от дяди Жени никакого толку добиться не мог.

Я совершенно не знаю, каков климат Новороссийска летом, но зимой – сам дьявол, должно быть, его выдумал. Никогда таких холодных и такой силы ветров не встречал. Это даже не был обыкновенный ветер, который то усиливался, то падал, – нет, норд-ост дул как из трубы, все время с той же силой.

Я не помню теперь названий улиц, но одна из них, с севера очень крутая и широкая, кончается на набережной, вдоль которой тумбы. С трудом и цепляясь за что попало, я поднимался по тротуару. Вдруг из дома вышел впереди меня маленький толстый человечек. Его подхватил ветер и понес вниз по улице. Его ноги мелькали, как поршни. Если он кричал, то из-за ветра не слышно было. Было и смешно, и страшно за него, потому что его несло прямо в воду. К счастью, или сам он, или ветер направил его прямо на тумбу, и он там повис, точно горестный Пьеро.

Никто ничего о конце забастовки не знал. Я пошел на набережную, где были привязаны два парохода Черноморского добровольного флота, «Лазарев» и «Ксения». В небольшой будке сидел человек лет пятидесяти в форменной фуражке. Я постучал и вошел. Он, оказалось, был ответственен за рабочих, которые грузили уголь.

– Без угля, братец, никуда эти пароходы не пойдут, а мы тут сидим, деньги теряем. Правительство восстановило трудовые союзы, а заворачивают ими красные.

Он мне предложил чаю, и мы долго сидели и разговаривали. У него много было о чем беспокоиться. Он боялся прихода большевиков.

– Всем плохо будет, но нам, рабочим, хуже всего. «Вы с белыми работали, так мы вам гири на шею привяжем и в море!» – вот что скажут. А у меня дочка ожидает, а муж-то ее ушел в солдаты с полгода тому назад, и ничего от него не слышали.

Я ему объяснил свое положение.

– Ну, братец, когда время придет, посмотрим. Что вам по городу шататься, заходите к нам чайку попить, поговорим.

Я пошел в город. Как все портовые города, Новороссийск был полон трактирами и кофейными. Пьяных было мало, потому что продажа водки и вина была запрещена со времени начала войны 1914 года. Но, конечно, хотя водки было по малости, вина в Новороссийске было много. В нескольких верстах всего был Абрау-Дюрсо с виноградниками на всех склонах. Подавали вино в чайниках, пили из чашек, точно чай.

Норд-ост дул повсюду. Казалось, безразлично, в какую сторону улицы идти, – ветер всегда дул прямо в лицо. Согнувшись, я пыхтел против ветра, когда на углу какой-то улицы в меня влетел человек и чуть не сбил с ног. По форме он был англичанин, офицер, маленький, в очках. Мы оба извинились, он по-русски, я по-английски.

– Вы что, англичанин? – спросил он меня по-английски.

– Нет, но у меня много английских родственников.

– Разрешите представиться, армейский доктор Бутчер, с крейсера «Grafton». Он там валяется, – прибавил он по-русски.

Мы вместе уселись в кафе, стали разговаривать. Он оказался очень милый. Мы друг другу рассказали все, что делали последние месяцы, пофилософствовали о революции, Гражданской войне. Он, оказывается, знал моего двоюродного брата Юрия Дондукова, который только что уехал из Новороссийска. Мы с ним подружились. Решили пойти обедать в станционный ресторан. Тут была масса военных. Я узнал, что пришел поезд со штабом Драгомирова. Что мог штаб Западного фронта делать в Новороссийске? Но я вдруг вспомнил, что дядя Митя Гейден должен быть с Драгомировым. Я сказал об этом Бутчеру.

– Так отчего вы не пойдете его попросить вам помочь, каюту для госпожи Ширковой заказать?

– Я его уже раз просил меня эвакуировать из Киева, я тогда был ранен, но он ничего не сделал.

– Может быть, на этот раз он что-нибудь сделает.

– Вряд ли.

Мы договорились встретиться в том же ресторане на следующий день.

– Что ж, были вы у вашего дяди?

– Нет, не был.

– Да попросить-то вреда никакого нет, а возможность, что поможет, есть.

Мы пошли искать поезд. Нашли его, стоит на запасном пути. Часовые у подножек. С трудом убедил какого-то унтер-офицера доложить генералу, что я хочу его видеть. Наконец он вернулся. Генерал решил меня принять. Бутчер сказал, что подождет меня снаружи.

Меня провели в салон-вагон. Дядя Митя, ясно, не был рад меня видеть.

– Что тебе теперь нужно?

Я быстро ему объяснил мою проблему.

– Я никогда исключений ни для кого не делаю, и, во всяком случае, в Новороссийске я никакого влияния не имею.

Я большего не ожидал и потому не огорчился. Бутчер же был очень удивлен:

– Я в Англии такого случая себе представить не могу. Чтоб дядя отказал своему племяннику в помощи, это невероятно!

– В России это совершенно обыкновенно. Если б это было не в убыток кому-нибудь другому, он, может быть, что-нибудь сделал. И я не должен был просить об исключении. Но я совершенно бессовестный, я, конечно, стараюсь другим нарочно не вредить, но если женщина или дитя на моей ответственности, то я совершенно без совести.

– Вы прямо из Средних веков!

Мы пошли через запасные пути. На одном из них стоял поезд, которого вчера не было. Крыша его была покрыта инеем, и сосульки висели даже под вагонами.

– Странно, я знаю, что морозит с этим невероятным ветром, но почему сосульки? – сказал Бутчер удивленно.

– Так поезд, вероятно, с Кубани пришел.

– Да, да, но смотрите, красные кресты... Пойдем посмотрим.

Я с трудом открыл дверь вагона третьего класса, она как будто примерзла, вошел и остолбенел. Вагон был полон скрюченных фигур. Бутчер, за моей спиной не видя, спросил:

– Что вы остановились?

– Да они все мертвые...

– Кто мертвый?

– Вот, смотрите.

Бутчер ахнул:

– Не может быть, что они все мертвы! Посмотрим!

Но живых не было. Мы пошли в другие вагоны, то же самое. Бутчер был в ужасе. Я старался разглядеть, были ли там знакомые лица, но узнать было трудно. Только одну сестру милосердия узнал, то была Ольга Деконская, тетка одного из наших вольноопределяющихся.

Я был потрясен, но не так, как Бутчер. Он все повторял: «Как это могло случиться?!» Я дошел до того, что ничему не удивлялся. Оказалось, что поезд, набитый тифозными и ранеными, застрял в заносах степи где-то около Крымской. Отопление сломалось. После четырех дней их выкопали. Только машинист и кочегар были живы.

Бутчер был страшно удручен. Чтобы его утешить, я его повел на набережную к моему другу-старшине. Когда мы пришли, он как раз собирался уходить искать доктора. Дочь его рожала, но что-то было не так, прибежал мальчишка его звать. Я ему быстро представил Бутчера и говорю: «Он доктор, вам поможет». Мы все побежали к дочери его на квартиру.

Хотя Бутчер и говорил по-русски, но плохо в критическом положении. Жена старшины помогала, но мне нужно было ей переводить. Были какие-то осложнения, которых я не понимал. Я только знал отеление коров, но тут многому научился.

Пять часов Бутчер бился, и наконец родился сын, и молодая мать, хотя израненная, была вне опасности. Мой друг и его жена были невероятно благодарны Бутчеру. Пригласили нас обедать, хотели доктору заплатить, но он, конечно, отказался. Просили его заходить к ним, когда он сможет.

Бутчер был очень тронут их сердечной благодарностью и обещал приходить навещать их дочь и внука.

Время шло, а забастовка не кончалась. Наконец норд-ост прекратился и вышло солнце. Новороссийский рейд даже показался красивым. На нем лежали английский броненосец «Empress of India», старый крейсер «Grafton» и три эскадренных миноносца. Лежали и два русских эскадренных миноносца – «Беспокойный»²⁷⁶ и «Дерзкий»²⁷⁷. Направо торчали из воды мачты потопленных кораблей. Оказалось, что большевики, когда немцы заняли Крым, увели новый броненосец «Екатерина II» и четыре только что законченных эскадренных миноносца и затопили их в Новороссийске. Говорили, что один из миноносцев назывался «Килиакрия», другой «Феодосия», но ни то, ни другое имя в военно-морских книгах не упоминается.

Слухи пошли, что забастовка кончается. Я пил чай у старшины, когда он мне вдруг сказал:

– Я вам каюту на «Ксении» занял.

Прибавил, что «Ксения», вероятно, уходит на следующий день в Феодосию, Ялту и Севастополь. Я сейчас же пошел к Элле и предупредил, чтобы она была готова. Ее здоровье поправилось за время пребывания в Новороссийске.

Оказалось, «Ксения» уходила в 3 часа. Я привез Эллу на набережную. Тут были уже сотни пассажиров, которые хотели ехать. Между ними увидел Любу Оболенскую со всей ее бесконечной семьей, казалось, еще большей, чем раньше. В Москве их было семь, здесь, кажется, девять. Провожал ее Андрей Гагарин²⁷⁸, которого тоже видел перед отъездом в Москве. Не успел спросить его, когда он выбрался, потому что мой друг-старшина и трое рабочих подхватили Эллу и ее пожитки и понесли на пароход. Мы оказались в двойной каюте. Пароход отчалил и пошел вниз по заливу. Море было тихое, и мы шли вдоль северного берега. Мой морской опыт заключался исключительно в переходе на адмиралтейской яхте «Нева» из Петербурга в Кронштадт по зеркальному морю в 1914 году. Я понятия не имел, хороший ли я моряк или нет. Но скоро узнал.

Элла заняла нижнюю койку, а я пошел на палубу посмотреть вид. Проходя через набитую кают-компанию, я увидел довольно красивую даму, которая полусидела на каком-то уступчике и охала. Как первостатейный дурак, я предложил ей свою койку. Когда я позже пришел узнать, нужно ли что Элле, моя дама вдруг стала меня расхваливать и петь из Сильвии: «Красотка, красотка кабаре...» Она оказалась певицей из кафешантана. Элла после этого дразнила меня безжалостно, что я влюбился в эту певицу, да так сильно, что уступил ей свою койку.

²⁷⁶ «Беспокойный». Эскадренный миноносец Черноморского флота. Входил в состав 1-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. В марте—апреле 1920 г. в составе 3-го отряда судов участвовал в десантной операции в Хорлах. Командир – капитан 2-го ранга Романовский.

²⁷⁷ «Дерзкий». Эскадренный миноносец Черноморского флота. Входил в состав 1-го дивизиона эсминцев 1-го отряда судов. С лета 1920 г. придан в состав 3-го отряда судов. С ноября 1920 г. в составе 2-го отряда Русской эскадры. Эвакуирован в Бизерту. Командир – капитан 1-го ранга Н.Р. Гутан 2-й.

²⁷⁸ **Князь Гагарин Андрей.** Офицер 2-й батареи л.-гв. Конной артиллерии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в ноябре 1919 г. в Новороссийске, в октябре 1920 г. в Феодосии. Штабс-капитан. Остался в Крыму и пропал без вести.

Результат все-таки был тот, что я очутился на палубе. Через четверть часа после нашего выхода в открытое море все изменилось. «Ксения» зарывалась носом, переваливалась со стороны на сторону, и не прошло пяти минут, как я твердо знал, что я не моряк.

Ветер дул как будто отовсюду. Стемнело и стало очень холодно. Стоны и рвота кругом. Я прибился в какой-то уголок, но ничто не помогало.

К середине ночи я так простыл, что решил идти внутрь корабля. Но не посчастливилось. В проходах, набитых народом, темнота была кромешная. Я вдруг наткнулся на группу женщин, которые стонали, кричали, я ничего не мог понять. К счастью, за мной появился матрос с фонарем. При свете фонаря мы разглядели шестерых женщин, распластавшихся в проходе.

– Что тут происходит? – спросил матрос.

– Ох, батюшка, рожает, и нет никого помочь!

Матрос посмотрел на меня вопросительно:

– Вы доктора найти можете?

– Не знаю, посмотрю. Во всяком случае, нужна горячая вода да второй фонарь.

Меня удивило, что ни одна из остальных пяти женщин не предложила помощи. Я полез в темноте, через тела лежащих, в кают-компанию. Я заметил, что теперь, когда я стал занят, меня перестало тошнить.

В громадной кают-компании горела только одна лампочка. Стоны и оханье, вероятно, многие, как я, в первый раз на море.

– Пожалуйста, есть тут доктор?

Никто не отозвался.

– Есть тогда фельдшер или сестра милосердия?!

Никакого ответа. Я повторил вопрос два или три раза, но ответа не было.

В отчаянии я пошел обратно. По дороге зашел в каюту. Элла спросила меня, что происходит.

– Да там какая-то женщина рожает, а я доктора найти не могу.

– Да вы сами справитесь, смотрите, как вы за Еленкой ходите, – сказала она в шутку.

Я зашел в каюту только потому, что оставил там шашку, на ножнах которой был приклеен санитарный пакет, который, я думал, мог бы доктору или кому-нибудь другому пригодиться. Неужели среди всех этих людей нет акушерки? Но вернулся и нашел только матроса с двумя фонарями и ведром горячей воды.

– Это не очень чистая, – сказал он. – Нашли кого-нибудь?

– Нет, не нашел.

– Так что ж мы будем делать?

– Мы вдвоем справимся.

Я знал, что в санитарном пакете были марганцевые кристаллы. Женщина, которая рожала, была лет 35—36. Я ее спросил:

– Это что, ваш первый ребенок?

– Нет, нет, четвертый.

– Да вы знаете, что делать? – спросил испуганно матрос.

– Да, знаю, – солгал я, видя, что никто не помогает.

Только несколько дней тому назад я присутствовал на родах дочери старшины да видел достаточно отелений с детства. С Божьей помощью как-то справиться нужно. Я вдруг вспомнил, что Бутчер потребовал чистые полотенца и нитку шелка. У него был какой-то пакетик, из которого он вынул скальпель. Ничего такого у меня не было. Вдруг вспомнил перочинный ножик.

Женщина стонала, вскрикивала, соседки рядом охали. Две из них нашли какие-то чистые тряпки. Одна стала вытягивать нитки из, как она говорила, шелковой шали.

Вода с марганцем превратилась в малиновую жидкость. И вдруг, под оханье соседей, появилась голова ребенка. Я был удивлен, как быстро после этого выскользнуло все тело. Я стал действовать совершенно механически, повторяя то, что делал Бутчер. Моя робость незнания исчезла только потому, что нужно было действовать. Потом я удивился, как просто все вышло, даже стало смешно.

Матрос и я на корточках, при двух фонарях и парующем ведре, женщина с раскинутыми ногами, три освещенных испуганных лица соседок и ребенок в смеси воды и крови, – какую картину мог бы написать Рембрандт!

Все пошло как будто по заказу. Мой нож над зажженной матросом спичкой, перевязка пуповины шелковой нитью... Я поднял девочку, и сразу же одна из женщин пришла в себя:

– Не так, не так, дайте сюда.

Взяла за ноги и потрясла, девочка закричала.

Как видно, я был напряжен, потому что, как только я передал ребенка, обозлился:

– Так если вы знали, чего же не помогли?!

Что она ответила, не помню.

– Так теперь вы приберите и смотрите за матерью.

Мы с матросом встали.

– Это вы умно сделали! – сказал он с уважением.

– Ничего не умно, вы сами могли бы это сделать, но что эти дуры в углу сидели и нас в акушеров превратили, вот сукины дочери...

Мы вышли с матросом на палубу. Единственно, чем я был доволен, что вся эта катавасия меня вылечила от морской болезни. «Ксению» продолжало качать, но на меня это уже не действовало.

Перед вечером мы пришли в Феодосию. К моему удовольствию, «пациентка» моя спускалась по сходням, неся на руках ребенка. Спустилась и моя кафешантанная дама. Теперь койка была свободна, и я проспал до самой Ялты.

Последние дни Деникина

Мы приехали в Ялту. Я отвез Эллу к ее кухне, урожденной Раевской, жене ее брата «Барбоса», и поехал в «Здравницу», на Никитской дороге. Это был санаторий, взятый для раненых. Откровенно говоря, я был там на сомнительных основаниях. Сказать, что я ранен, было в то время совсем не правда, но там были Николай Татищев и Димка Лейхтенбергский, и меня приняли как раненого.

Но скоро все переменялось. В Ялте жила масса знакомых, и через неделю мы все трое переехали к Софии Дмитриевне Мартыновой, у которой была вилла на Аутской. Ее отец Трепов командовал эскадром моего отца, когда тот был в полку. С ней жила ее кузина Вера Викторовна Тучкова, две дочери Софии Дмитриевны – Люба и Соня Глебовы, от ее первого мужа, младшая дочь Мартынова.

Было столько знакомых – Бярятинские, Щербатовы, Мальцевы и т. д., что, можно сказать, нельзя было пройти два шага, чтоб не наткнуться на кого-нибудь, кого знал.

Но мой отпуск кончался, нужно было ехать обратно в полк, который тогда стоял под Ростовом.

В Ялте постоянно стояли английские эскадренные миноносцы. Мы подружились с английскими офицерами. Это было очень полезно, потому что они устраивали нам поездки в Феодосию и Новороссийск.

«Seraph» как раз шел в Новороссийск, я доплыл на нем и оттуда поездом в Тихорецкую и Батайск. Полка я не узнал. Знакомых почти никого не осталось. Сергей Стенбок-Фермор был убит за несколько дней до моего приезда. Полк стоял в Батайске. Каждую ночь тяжелые бата-

реи большевиков через Дон обстреливали какую-нибудь часть Батайска. В результате, когда не были на передней линии, то есть у Дона, в окопах, меняли квартиры на другие, в уже обстрелянной части. Жителей почти что не было. Мы сменяли Новочеркасский военный корпус мальчишек-кадетов, которые, когда большевики заняли Ростов, остановили переход их через Дон. Я много мальчиков видел в Белой армии, но никогда не видел таких дисциплинированных, как эти кадеты. Потери у них были колоссальные, но они упорно держались в своих окопчиках, несмотря на артиллерийскую бомбардировку и постоянные атаки через лед. Некоторые были десяти или одиннадцати лет, и командовали ими кадеты пятнадцати—шестнадцати лет.

Кажется, через неделю после моего приезда приехал Деникин, и за Батайском в поле был смотр нашей дивизии. Дивизия, хотя и сильно побитая и состоящая из частей, которых я раньше не видел, представляла себя великолепно. В нашем полку теперь было семь эскадронов, Конная гвардия, желтые кирасиры, синие кирасиры, конногренадеры, уланы Ее Величества²⁷⁹, гродненские гусары, лейб-драгуны, уланы Его Величества. Ни кавалергардов, которые ушли прямо в Крым, ни лейб-гусаров не было, один из их офицеров, Андрей Кисловский²⁸⁰, был в нашем эскадроне.

Меня вызвал Жемчужников. Первое, что он спросил:

– Когда вас представили к Георгию?

– Простите, господин ротмистр, я об этом ничего не знаю.

– Ну, у меня тут приказ, в нем сказано, что генерал Данилов представил вас за действие 12 сентября прошлого года. Это что было – Британы?

– Так точно, господин ротмистр.

– Вас украсит сам Деникин, так что, когда вызовут, выезжайте вперед. Поняли?

Я, конечно, был страшно польщен, но в то же время мне было очень неудобно. Из всего эскадрона только двое были в бою под Британами. Остальные в эскадроне не знали даже, кто я. Я только что приехал в полк, и вдруг меня вызывают! Для остальных Британы были древней историей, а прошло только четыре месяца!

Деникин объехал полки со своим штабом. Потом стали вызывать. Подъезжая к Деникину, я подумал, сколько должно было быть действительных героев, которые были или убиты, или ранены, или лежали где-нибудь в тифу. Потери наши были колоссальные. Те, кто там были, под Батурином, Сумами и Павлоградом, рассказывали, как во время отступления большинство потерь было от отсутствия госпиталей, даже легкораненые были принуждены идти с полком, мерзли, отмораживали себе руки и ноги, и их оставляли на попечение крестьян. Тиф уносил многих. Больших сражений было мало, но постоянные стычки кавалерии, прикрывающей отступление пехоты, и отсутствие настоящих ночевков изнурили лошадей и людей.

Пропал и Володя Любошинский. Рассказывали, что он так был изнурен, что в какой-то деревне заснул, сидя за столом, и так заспал себе руку, что она у него отнялась. Что с ним дальше случилось, никто не знал.

²⁷⁹ Лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Эскадрон полка первоначально входил в Сводно-горскую дивизию. С 30 декабря 1919 г. взвод и эскадрон полка входили в Сводную кавалерийскую бригаду, с начала января 1920 г. – в Сводно-гвардейский кавалерийский полк 1-й кавалерийской дивизии, а по прибытии в Крым с 16 апреля 1920 г. составил половину 7-го эскадрона Гвардейского кавалерийского полка. Полк потерял в Белом движении 14 офицеров (4 расстреляно, 6 убито и 4 умерло от болезней). Командир – ротмистр Г.В. Лишин (до 21 июня 1920 г.). Полковое объединение в эмиграции: председатели: генерал-лейтенант Е.К. Арсеньев (Париж), полковник князь В.Н. Андроников (Гогенгейм, Германия), генерал-майор И.М. Миклашевский (командир полка), полковник С.К. Гурьев; секретари: ротмистр К.Д. Нарышкин, корнет В.А. Самсонов, корнет А.А. Некрасов (с 1951 г.); представитель в Югославии – генерал-майор К.В. Апухтин; старший улан (к 1931 г.) – полковник Ильенко; председатель Парижского отдела – ротмистр С.В. Хлебников. На 1939 г. насчитывало 40 человек. (в т. ч. 20 во Франции, 15 в Париже), на 1949 г. – 24 (10 в Париже, 4 в США), на 1951 г. – 23, на 1958 г. – 24 (8 в Париже).

²⁸⁰ **Кисловский Андрей Львович.** Штабс-ротмистр л.-гв. Гусарского полка. В Вооруженных силах Юга России; в начале 1920 г. в эскадроне л.-гв. Конного полка. В эмиграции во Франции, к 1 мая 1939 г. в Сент-Женевьев-де-Буа. (По ошибочным данным – убит 17 февраля 1920 г. под Егорлыкской.)

Деникин что-то пробормотал. Спросил, сколько мне лет, и, прицепив Георгия, сказал: «Молодец!» Я совершенно не чувствовал себя молодцом.

Настроение у всех было подавленное. Никто никак не мог понять, отчего мы в прошлом году были на полдороге к Москве, а теперь вдруг старались как-нибудь удержаться на Дону. Боев, в которых Белая армия была разбита, совсем не было. Красная армия улучшилась, но не настолько. Батальон белых мог всегда состязаться с полком красных и их разбить. Но где была наша пехота? Где была Западная армия? Где была Кавказская армия? Что случилось с нашими 3-м, 4-м и 5-м эскадронами? 3-й со Старосельским ушел на фронт из Лубен. 4-й и 5-й были еще там, когда я уехал. Куда они делись? Было некого спросить. Разговаривая с солдатами, некоторые из которых были 3-го и 4-го эскадронов, я ничего не мог понять, все рассказывали разные истории. Никто не знал, что случилось со Старосельским, Ширковым, Петром Араповым и с остальными офицерами. Кроме Жемчужникова, в полку теперь был ротмистр князь Накашидзе, штабс-ротмистр Кисловский (гусар), корнет Штранге и эстандарт-юнкер Протопопов. В пулеметной команде, теперь полковой, под командой синего кирасира полковника Одинцова, был наш корнет Меллер-Закомельский²⁸¹. Командовал полком полковник Кушелев²⁸². Но их не знал.

Настроение было совершенно другое. Энтузиазма не было. Все делалось механически. В прошлом году люди верили в высшее командование, ворчали иногда, что «кто-то» дурит, но это не отзывалось на энтузиазме. Теперь никто в высшее командование не верил. Даже не знали, существовало оно или нет.

Дивизия иногда снималась и шлепала через черную грязь или замерзшие поля, резавшие ноги лошадям. Шли на север вдоль Дона отбивать какие-то переходы красных через реку, но редко сталкивались с противником. Встречались с донскими казаками, которые недавно были под Урюпинской. Там, на севере, бились донцы Богаевского²⁸³. Про кубанцев мы мало слышали. Донцы говорили, что они «самостийничают». Тут встречались с нашей пехотой, алексеивцами, с их белыми и синими фуражками.

Помню, я долго думал, как все это произошло. Некого было спросить. Тактически мы были в превосходстве. Что случилось с нашей стратегией? Я вспомнил разговор с Андреем Стенбоком в сентябре. Он тогда говорил:

– Боюсь, что мы попадем впросак. Мы какими-то веерами наступаем. Веером от Киева, веером от Харькова, веером от Борисоглебска. А что между этими веерами? Какие-то кавалерийские разъезды. Если у большевиков есть высшее командование, они просто ударят в эти пробелы и отрежут нам все снабжение.

²⁸¹ **Барон Меллер-Закомельский Александр Владимирович**. Учащийся Александровского лицея (3-й класс). Корнет л.-гв. Конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 марта и 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кирасирской, в начале 1920 г. в пулеметной команде в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, в Русской Армии в Гвардейском кавалерийском полку. Орд. Св. Николая Чудотворца. Штабс-ротмистр. В эмиграции с 1929 г. в Париже. Умер 5 мая 1977 г. в Барселоне (Испания).

²⁸² **Кушелев Вадим Владимирович**, р. около 1889 г. Сын действительного статского советника. Пажеский корпус (1909). Полковник л.-гв. Конного полка. Участник похода Яссы—Дон в конном полку. С 2 мая по июнь 1918 г. во главе 2 эскадронов послан в Сальский округ на помощь восставшим казакам. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир Иностродческого конного полка, с 4 апреля 1919 г. в распоряжении командующего войсками Закаспийской обл., в начале 1920 г. командир Сводно-гвардейского кавалерийского полка. Эвакуирован в декабре 1919-го – марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, к февралю 1954 г. в Германии. Умер 24 февраля 1962 г. в Марселе (Франция).

²⁸³ **Богаевский Африкан Петрович**, р. 27 декабря 1872 г. Из дворян ВВД, сын офицера, казак ст. Каменской. Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1892), академия Генштаба (1900). Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, начальник 1-й гвардейской Кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с января 1918 г. командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; командир Партизанского полка и с 17 марта 1918 г. – 2-й бригады. В Донской армии; с 4 мая 1918 г. председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 февраля 1919 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 августа 1918 г.). В эмиграции с ноября 1921 г. в Софии, с октября 1922 г. в Белграде, с ноября 1923 г. в Париже. Умер 21 октября 1934 г. в Париже.

Так, я думаю, и случилось. Снабжение у нас вообще было построено на «авось». Тыла не было. Дивизии надеялись на то, что могли захватить у красных. Говорили, что будто бы были склады в Ростове, в Таганроге, но мы оттуда никогда ничего не получали. Да какие там склады могли быть? Откуда? Я встретил, когда был в Таганроге, нашего ротмистра при английской миссии. Он говорил, что англичане присылали мало, и многое из того, что приходило, было изношенное обмундирование, оставшееся после Великой войны. Да я сам это видел, когда еще был при стрелках. Изношенные орудия, винтовки, даже формы, шинели и рейтузы.

Да, как будто разбила нас не Красная армия, а наша собственная стратегия. Население нас поддерживало везде, но мы им не помогали, мы проходили, не оставляя гарнизонов, у нас не хватало людей.

У нас не было ни войск, ни организации оборудовать тыл. Полиции, например, совсем не было. Проходили через город или деревню, находили там или бывшего городского голову, или старшину и говорили: «Ну, вы теперь будете ответственный». Что он мог сделать? Какой-нибудь Шуба, Махно или Ангел, просто разбойники, громили их, и не было никого им помочь. Только там, где стояли запасные части, город жил нормальной жизнью. Настоящих гарнизонов нигде не было.

Меня интересовало, была ли где у нас политическая организация, какая-нибудь политика? Я ее не видел. Где-то наверху издавались «декреты», которые появлялись в газетах, но это было бесцельно. Все говорили о Всероссийском Учредительном собрании – в будущем. Впечатление было, что заворачивали всем какие-то бывшие политиканы Временного правительства, дискредитированные либералы и социалисты. Церковь не играла никакой политической роли.

Нас просто обошли и подсадели, и теперь армия моталась без всякой цели по донским степям.

Я говорил, что Красная армия мало улучшилась, это не совсем верно. Во-первых, у Красной армии утроилось количество артиллерии. Во-вторых, они переняли у нас идею тачанок, и поэтому у них теперь с частями были быстро движущиеся пулеметные команды. В-третьих, количество пехоты у них тоже утроилось. В 1919 году у них было приблизительно трое на нашего одного. Теперь у них было по крайней мере десять на каждого нашего. Впрочем, качество пехоты мало исправилось. Они действовали тактически так же скверно, как и раньше.

Но у них вдруг появилось качество в кавалерии. Кавалерия Буденного была такого же высокого качества, как наша. Они научились действовать кавалерией, армиями, то, что мы вдруг забыли. Ими командовал, конечно, не Буденный, а генерал Далматов, замечательный кавалерист и стратег. В состав кавалерии он включил великолепную 4-ю кавалерийскую дивизию почти что полностью, мариупольских гусар, харьковских улан и, кажется, новотроицких драгун. Командовал ли Далматов этой дивизией во время или до войны, не знаю, и как он стал красным, тоже не знаю.

У нас тем временем кавалерия сильно пострадала. От 5-го корпуса осталась одна только дивизия. У донцов, говорили, было 8 дивизий, у кубанцев – 3. Но были ли они полные или только остатки, не знаю. Была сводная Терско-Астраханская дивизия. Что случилось с Дикой дивизией, я совершенно не знаю. Командование было отдельное. Регулярной конницей командовал какой-то генерал Павлов, нашей 1-й дивизией командовал бывший ингерманландец генерал Барбович.

Отчего началось отступление с Дона, точно никто мне сказать не мог. Мы сперва отступали вдоль Владикавказской железной дороги. Конная артиллерия шла с нами, но снарядов у нее не было.

Пришли наконец в громадную станицу Екатериновскую, туда же за нами пришли и донцы. Кубанцы, кажется генерала Фостикова, уже были там. Думаю, что никогда такого сбора белой конницы ни раньше, ни позднее не было. Говорили, я за это совсем не ручаюсь, было

двадцать тысяч донцов, двенадцать тысяч кубанцев, три тысячи терско-астраханцев и шесть тысяч регулярной конницы, то есть более сорока тысяч сабель.

Первые вышли из станицы донцы и пошли к Манычу. Говорили тогда, что между Манычем и железной дорогой была конница Буденного. Наутро пошли мы, обе дивизии и дивизия терско-астраханцев. За нами должны были идти кубанцы.

Я совсем не знаю цели этого маневра. Судя по тому, что случилось, ясно было, что наши разъезды или искали Буденного не в том направлении, или были не достаточно впереди нашей конницы.

Совершенно непонятно, отчего наши дивизии пошли лавой, как будто ожидали пехоту неприятеля. Степь была замерзшая, посыпанная мелким снегом. Низкие тучи висели до самого горизонта. Насколько можно было видеть, всюду, налево и направо, тянулись наши лавы. Слева от нас были терско-астраханцы. Мы то спускались в широкую долину, то поднимались на волнистую возвышенность. Степь была как зыбь утихающего моря.

Вдруг где-то справа произошло какое-то замешательство. Лава стала перестраиваться в конный строй. До нас это еще не докатилось, когда вдруг с пригорка мы увидели длинную колонну буденновской конницы. Она, как видно, нас не ожидала. Где были их и наши дозоры, я не знаю.

Сигнал к атаке был дан сразу же. Пошли в карьер, перестраиваясь на скаку. Замешательство произошло и у красных, но, по крайней мере, они были в колонне и поворачивались поэскадронно.

Никогда более глупого с нашей стороны столкновения не было. Сечка, кружение на месте, совершенно не зная, кто где. Лошади без всадников, раненые или убитые под ногами, вертополох, крики и звон сабель о сабли... Не будучи мастаком в сабельном бою, я только отбивался. Вся масса кавалерии двигалась сперва медленно, потом все быстрее и быстрее в нашу сторону. Видно было, что мы отступали. Я попробовал выбраться из кружащейся кучи, но оказался между двумя буденновцами. Лошадь без всадника спасла меня от буденновца справа, проскочив между нами. Всадник слева почти что сбил меня, но, к счастью, в этот момент подскочил к нему желтый кирасир и выбил его из седла. Вдвоем мы выскочили в открытое пространство. Впереди наши отходили полным карьером, преследуемые буденновцами. Я вдруг увидел князя Накашидзе, отбивающегося от трех буденновцев. Кирасир бросился ему вслед, и я пошел за ним. Он снес одного и наскочил на второго. Накашидзе, повернувшись в седле, снес буденновца слева. Странно, как замечаешь в такие моменты всякую мелочь:

у Накашидзе правый рукав шинели был в лохмотьях.

Вся масса кавалерии двигалась карьером, мы драпали, но почему-то было все меньше и меньше буденновцев. И вдруг они стали поворачивать. Заметил, что справа от меня появились астраханцы на своих маленьких лошадях. Сколько времени шел бой, я совершенно не знаю, казалось мне, что бесконечно, но, вероятно, не более 15 минут. Когда я посмел повернуться, бой уже кончился.

Буденновцы кружились, уходя в сторону. Наших впереди было очень мало. Трескотня не то пулеметов, не то револьверов доносилась справа, и вдруг расстояние между нами и красными растянулось на версту или больше. Отходили и терско-астраханцы. Остатки наши собирались и, наконец, остановились на пригорке. Буденновцев уже не было видно, только лошади их носились без всадников.

Что именно произошло под Егорлыком, трудно сказать. Что нас раскатали большевики, было ясно, но как мы ввязались в этот бой, было непонятно. Как могло случиться, что ни мы, ни буденновцы не знали, что мы так близко друг к другу? Отчего мы были в лаве, а не в сомкнутом строю?

Еще страннее то, что буденновцы оставили на поле сражения три полных батареи с перерезанными построениями. Их подобрали донцы, которые возвращались с рейда. Говорили, что буденновцев не видели нигде, и привезли с собой несколько наших раненых.

Потери наши были невероятные. Говорили, что полк потерял 370 человек убитыми или пропавшими. В нашем эскадроне из 113 осталось только 16 человек не раненых. Накашидзе получил дюжину сабельных ударов. После этого боя офицеров у нас не осталось – Кисловский и Штранге были убиты, – и нас прикомандировали к желтым кирасирам, у которых, по крайней мере, остался офицер. У синих кирасир был убит мой троюродный брат Юрий Гейден. Да и во всем полку почти не осталось офицеров. Жемчужников, который был ранен раньше, вернулся в полк спустя несколько дней с 40 запасными. Говорили, что в Новороссийске было еще человек 20 наших раненых, и меня послали туда их подобрать.

Отступление продолжалось. Слухи ходили, что мы будем отступать в Лабинскую область и на Майкоп. Но в это время Деникин со штабом и правительством эвакуировались в Константинополь. Он сдал кому-то командование.

Я уже сказал, что кубанцы в день Егорлыка из Екатериновской не выступали. Отчего это произошло, я не знаю. В Екатеринодаре они сформировали «Раду» под каким-то Рябоволом и объявили «Самостийную Кубань». Насколько я знаю, кубанцы Фостикова ушли на Лабу, во всяком случае, я их больше не видал.

Из Новороссийска я вернулся в станицу Крымскую. Тут произошел один неприятный случай. Остатки нашей дивизии были частью в Тунельской, частью в Крымской. Генерал Барбович, который отчего-то ненавидел гвардию, будто бы послал вестового в Крымскую с приказом к Жемчужникову. Вестовой там не появился. Барбович, пришедший с остальной дивизией в Крымскую, обвинил Жемчужникова в невыполнении приказа, арестовал его и отдал под военный суд. Ночью более половины эскадрона, который боготворил Жемчужникова, схватили его из-под ареста и ушли с ним в горы. Наутро Барбович, услышав об этом, построил оставшихся и разнес их на все четыре стороны, обвинив нас в мятеже, хотя мы были ни при чем, и прикомандировал нас к желтым кирасирам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.